

520

СОЧИНЕНИЯ
А. К. ТОЛСТОГО

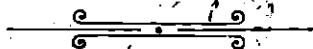
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

ГР. А. К. ТОЛСТОГО.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1899.

1500
ДРАМАТИЧЕСКАЯ

1957 ТРИЛОГИЯ

I. Смерть Иоанна Грозного.
II. Царь Федоръ. — III. Царь Борисъ.

542
— — — — —
Гр. А. К. Толстого.

17 С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книжного склада М. М. Стасовича.

1899.

2768

I.

СМЕРТЬ

ЮАННА ГРОЗНАГО

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

[1865]

— Рече царь: «Нѣсть ли сей Вавилонъ великій, его же азъ соградихъ въ домъ царства, въ державѣ, крапости моея, въ честь славы моея!» Еще слову сущу во устѣхъ царя гласъ съ небесе бысть: «Тебѣ глаголется, Новоуконосорю царю: царство твое прейде отъ тебя, и отъ человѣкъ отженутъ, ты и со звѣрьми дивными житіе твое!»

Кн. пр. Данила, IV, 27.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Иванъ Васильевичъ IV.

Царица Марія Ѳедоровна, изъ рода Нагихъ, седьмая жена его.

Царевичъ Ѳедоръ Ивановичъ, сынъ его отъ первой жены.

Царевна Ирина, жена Ѳедора, сестра Бориса Годунова.

Князь Мстиславскій

Захарьинъ-Юрьевъ, братъ первой жены царя

Князь Шуйскій

Бѣльскій

Князь Щербатый

Князь Голицынъ

Князь Трубецкой

Князь Спцкій

• Шереметевъ

Татищевъ

Салтыковъ

Михайло Нагой, братъ царицы Маріи Ѳедоровны

Борисъ Годуновъ, шуринъ царевича Ѳедора

Гонецъ изъ Покова.

Марья Григорьевна, жена Годунова.

Григорій Годуновъ, родственникъ Бориса

Григорій Нагой, второй братъ царицы Маріи Ѳедоровны

Гаравурда, посолъ Стефана Баторія.

Битяговскій

Кикевъ

Схѣмникъ.

Члены
боярской
думы.

Околь-
ничьи.

Дворяне.

Мамка царевича Димитрія.
 Дворецкій Кремлевскаго двора.
 Дворецкій Александровской слободы.
 Дворецкій Годунова.

1-й	}	Волны.
2-й		
Охмсь	}	Врачи.
Дювы		
1-й	}	Простава.
2-й		

Шутъ.

Ключникъ.

Стрѣлецкій голова.

Стрѣлецкій сотникъ.

Стольникъ.

Лавазникъ.

Слѣдственная давушка.

Слуга князя Шуйскаго.

Вояре, окольные, рынды, стрѣльцы, народъ, скоморохи, слуги.

Дѣйствіе въ Москвѣ, 1584 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Прежде поднятія занавѣса слышны на сценѣ шумъ и споры. Занавѣсъ поднимается. Боярская Дума. На лавкахъ, стоящихъ вдоль стѣнъ и образующихъ фигуру Покоя, сидятъ бояре: на средней лавкѣ князь Мстиславовичъ, Захаръевичъ-Юрьевичъ, Бзловскій и другіе старшіе бояре; на боковыхъ—младшіе; на концѣ правой боковой лавки, у просценіума, Борисъ Годуновъ; съ лѣвой стороны, напротивъ Годунова, Михайло Нагой, схвативъ Салтыкова за воротъ, старается стащить его съ мѣста.

НАГОЙ.

Я государевъ шуринъ! мнѣ невмѣстно
Быть меньше Салтыковыхъ!

САЛТЫКОВЪ.

Бражники! прочь!

Твой дѣдъ служилъ у дѣда моего
— Знакомцемъ и держальникомъ!

НАГОЙ.

Неправда!

Держальниковъ не знали Салтыковы!
За то-ль въ бояре ты попалъ, что вмѣстѣ
Съ Голицынымъ сдалъ Полоцкъ королю?

ГОЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ, это ложь! Я защищалъ посады,
А въ городѣ сидѣлъ тогда Щербатыи!

ЩЕРВАТЫЙ.

Ну, да, сидѣлъ! И въ то сидѣнье мы
Въ двѣнадцать дней семь приступовъ отбили,
А кабы ты посадки отстоялъ,
Къ намъ подошла-бъ отъ Сокола подмога
И съ тылу-бы схватила короля!

ГОЛИЦЫНЪ.

А я-ли виновать, что та подмога
Три цѣлыхъ дня тягалась о мѣстахъ?

НАГОЙ—продолжаетъ спорить съ Салты-
ковымъ.

Я государевъ шуринъ! Я на свадьбѣ
Преди другихъ несъ царскій коровай!

САЛТЫКОВЪ.

А я несъ блюдо съ золотою чарой!
Отецъ мой былъ оружничимъ! А твой
Кто есть отецъ? Великая то честь,
Что по седьмой женѣ ты царскій шуринъ!

НАГОЙ.

Да ты сестру-царицу не кори!

САЛТЫКОВЪ.

Я не корю ее! А все-жъ она
Не первая царица, а седьмая!
Вишь, царскій шуринъ! Мало-ли шурьевъ
Перебывало у царя!

ЗАХАРЬИНЪ.

Бояре!

Что вы чините? Вспомните, гдѣ вы!
Гараздо-ль такъ чинить?

НАГОЙ.

Царю я буду
Въ отечествѣ и въ счетѣ бить челомъ!

САЛТЫКОВЪ.

Ну, бей челомъ! пусть выдастъ головою
Онъ мнѣ тебя!

МСТИСЛАВСКИЙ.

Да полноте, бояре!
Вотъ я да Шереметевъ, всѣхъ мы больше,
А о мѣстахъ не споримъ!

ГОЛОСА.

Насъ вы больше?
А чѣмъ вы больше насъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Стыдъ вамъ, бояре!
Къ Мстиславскому.
Ты, князь Иванъ Феодорычъ, ты старшій —
Уйми-же ихъ!

МСТИСЛАВСКИЙ.

Какъ ихъ унять, бояринъ?
Съ ума сошли! Вишь, со Мстиславскими
Хотятъ считаться! Не велѣтъ-ли дьяку
Разрядныя намъ книги принести?

ЗАХАРЬИНЪ.

Теперь не до разрядовъ, князь!

Выступаетъ впередъ.

Бояре!
Иль вы забыли, для чего мы здѣсь?

Возможно-ль? Какъ? Въ теперешнюю пору,
 Когда, свершивъ сыноубійство, царь
 Теразается раскаяньемъ, когда
 Отъ міра онъ рѣшился отойти,
 И мимо своего второго сына
 Θεодора, его болѣзани ради,
 Намъ указалъ достойнѣйшаго выбрать.
 Кому-бъ онъ могъ державу передать —
 Когда межъ тѣмъ враги со всѣхъ сторонъ
 Воюютъ Русь—крутомъ и моръ и голодъ —
 Вы въ самую ту пору о мѣстахъ
 Тягаетесь? Опомнитесь, бояре!
 Теперь должны мы каждый другъ за друга
 Держаться крѣпко, да не сгинетъ Русь!
 Забудемте-жъ разряды! Безъ расчетовъ
 Къ прискорбному приступимъ избиранью
 И будемте безъ мѣсты!

бѣльскій.

Безъ мѣсты, пожалуй!

всѣ.

Безъ мѣсты! Безъ мѣсты!

захарьинъ.

Бояринъ, князь Мстиславскій!

Ты старшій—открывай совѣтъ!

мстиславскій.

Бояре!

Вы слышали, что вамъ сейчасъ Никита
 Романовичъ сказалъ? Какъ намъ ни горько —
 А покориться надо царской волѣ!
 Пойдемъ на голоса!

шуйскій.

Позволь, бояринъ —
Послѣднее-ль то слово государя?

мстиславскій.

Послѣднее! Напрасно мы его
Молили. Онъ намъ указать, немедля,
Постановить нашъ приговоръ и съ новымъ
Къ нему явиться государемъ.

трубейкой.

Страшно!

голицынъ.

Не вѣрится!

мстиславскій.

Не вѣрилось и мнѣ,
Пока не топнулъ онъ на насъ ногою
И не велѣлъ мнѣ думу собирать.

шуйскій.

Когда его такая воля—что-жь?

щербатый.

Да, если такъ, бояре—мы не властны
Ему перечить!

шереметевъ.

Подлинно не властны!

татищевъ—старикъ.

Тому о Паскѣ будетъ двадцать лѣтъ.
Великій государь задумалъ то же;

Хотѣлъ, какъ нынѣ, бросить свой престолъ
И въ Слободу отъѣхалъ отъ Москвы.

Народъ мутиться началъ; мы-жъ рѣшили
Всѣмъ ѣхать за царемъ, просить его.
Поѣхали. Царь принялъ насъ сурово;
Сначала слушать не хотѣлъ; потомъ
Молениямъ внявъ, вернулся на Москву
И снова принялъ государство.

сицкій.

Да!

И учинилъ опричнину! Мы помнимъ!

татищевъ.

Ужасное, не приведи Богъ, время!
Но безъ царя еще-бы хуже было:
Народъ-бы насъ каменьями побилъ,
Вся Русь-бы замутилась, и татары,
И ляхи насъ, и нѣмцы-бъ одолѣли—
Согласья вовсе не было межъ насъ!

сицкій.

Завидное теперь межъ насъ согласье!

шуйскій—къ Татищеву.

Къ чему-жъ ты рѣчь, бояринъ, велъ?

татищевъ.

Къ тому,
Что, можетъ быть, и нынѣ, какъ въ ту пору,
Царь-государь смягчится.

мстиславскій.

Нѣтъ, бояринъ,
Теперь другое время—царь не тотъ.

Онъ опустился плотію и духомъ;
 Не мѣнь на бояръ, какъ было прежде—
 Раскаенье его съ престола гонить!

ВѢЛЬСКІЙ.

Не ѣсть, не пьеть, давно не знаетъ сна;
 О тѣхъ переговорахъ, что такъ тайно
 Онъ съ Аглицкою королевой велъ,
 Ужъ рѣчи нѣтъ. Посолъ ея теперь
 Напрасно просить у него приема.

ЗАХАРЬИНЪ.

Да, непохожъ онъ на себя теперь!
 До этого грѣха недѣли за три
 Онъ къ Курбскому, къ измѣннику, писалъ,
 Корилъ его жестоко, и отвѣта
 Ждалъ изъ Литвы, а самъ дрожалъ отъ гнѣва;
 Теперь-же позабылъ онъ и о Курбскомъ;
 И кротокъ сталъ, и милостивъ въ рѣчахъ.

ШУЙСКІЙ.

Не намъ царю указывать. Отъ Бога
 Его и гнѣвъ, и милость. Что-жъ, бояре?
 Приступимъ къ избиранію!

ВСѢ.

Приступимъ!

Молчаніе.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Кого-жъ, бояре?

НАГОЙ.

Да кого-жъ другого,
 Коли миновать мы Федора должны,

Кого-жъ еще, какъ не царева-жъ сына,
Димитрія Иваныча?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Младенца?

НАГОЙ.

А мать на что? Царица-то на что?
Когда-же съ васъ сестры-царицы мало—
Правителя прижать ей!

САЛТЫКОВЪ.

Не тебя-ли?

НАГОЙ.

Меня-ли, брата-ль, все равно—мы оба
Димитрію дядья!

САЛТЫКОВЪ.

Да намъ не дядьки!

ТАТИЩЕВЪ.

Избави Богъ! Мы помнимъ малолѣтство
Царя Ивана! Отъ дядьѣвъ царевыхъ
Избави Богъ!

ШУЙСКІЙ

Не приведи Господь!

ЗАХАРЬИНЪ.

Не приведи! Намъ нуженъ властный царь,
А не опека надъ царемъ!

МСТИСЛАВСКИЙ.

Вѣстимо!

И самъ Иванъ Васильичъ указалъ,
Чтобъ изъ себя мы выборъ учинили

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Кого-жъ тогда?

ЩЕРВАТЫЙ.

Да ужъ кого ни взять,
Онъ долженъ быть породы знаменитой.
Чтобъ всѣ склонились передъ нимъ.

СИЦКИЙ.

Нѣтъ, князь!

Пусть тотъ царить, кто доблестнѣй насъ всѣхъ!
Его искать недалеко: Никита
Романовичъ Захарьинъ передъ вами!

Говоръ.

У царскаго кроваваго престола
Онъ тридцать лѣтъ стоитъ и чистъ, и бѣлъ.
Онъ смѣлымъ словомъ тысячи безвинныхъ
Спасалъ не разъ, когда уже надъ ними
Подъятые сверкали топоры.
Себя-жъ онъ не берѣгъ. Всегда онъ смерти
Глядѣлъ въ глаза—и смерть, намъ всѣмъ на диво,
Его главы почтенной не коснулась —
И стелется предъ нами жизнь его
Безъ пятнышка, какъ снѣжная равнина!

ГОЛОСА.

Захарьина! Захарьина! Никиту
Романыча! Захарьина на царство!

ТРУВЕЦКОЙ—къ Сивому.

Кто противъ этого! Бояринъ чистъ!
Корить его не станемъ. По заслугамъ

И честь ему мы воздаемъ, но онъ
 Не княжескаго рода—быть подъ нимъ
 Невмѣстно намъ, потомкамъ Гедимины!

шуйскій.

Намъ я подавно, Рюрика потомкамъ!

голицынъ.

Нѣтъ, онъ не князь—намъ быть подъ нимъ негоже!

салтыковъ.

Не князь онъ, правда—но съ царемъ въ свойствѣ!

нагой.

Не онъ одинъ! Съ царемъ въ свойствѣ и мы!

салтыковъ.

Ты братъ седьмой жены, Захарьинъ—первой!

захарьинъ.

Изъ-за меня не спортеса, бояре!

Благодарю тебя за честь, князь Сицкій,

Блаженъ въ вторымъ.

Благодарю и васъ, бояре, но —

Я чести бы не принялъ, хоть и всѣ-бъ вы

Меня хотѣли. я-бъ не принялъ чести!

Я слишкомъ простъ, бояре! Не сподобилъ

Меня Господь науки государской.

А коль хотите добраго совѣта,

То есть одинъ, который и породой,

И службою насъ будетъ выше всѣхъ:

Бояринъ, воевода, князь Иванъ

Петровичъ Шуйскій, что теперь сидитъ

Во Псковѣ противъ короля Батура —

Вотъ вы кого возьмите! Предъ этимъ
Склониться не обидно никому!

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Нѣтъ, Шуйскаго нельзя! Король не даромъ
Ужъ пятый мѣсяцъ осаждастъ Псковъ!
А воевода князь Иванъ Петровичъ
Засѣлъ въ немъ на-смерть, и на томъ онъ крестъ
Со всей своей дружиной цѣловалъ
Богъ-вѣсть, на сколько времени еще
Продлится обложеніе; мы-жъ не можемъ
И часу оставаться безъ царя!

шуйскій.

Такъ какъ-же быть?

мстиславскій.

Не вѣдаю, бояре!

шуйскій.

Царь ждетъ отвѣта—надо кончить выборъ!

ЗАХАРЬИНЪ—къ Годунову.

Борисъ Теодорычъ! Ты что-жъ доселѣ
Не вымолвилъ ни слова? Въ трудномъ дѣлѣ
Ты выручалъ насъ часто изъ бѣды—
Скажи, какъ мыслишь?

ГОДУНОВЪ—встаетъ.

Мнѣ-ль, отецъ названный,
Мнѣ-ль говорить теперь, когда исхода
Напрасно ищутъ лучшіе изъ васъ?

Но если вы мнѣ рѣчь вести велите,
То я скажу, бояре...

ГОЛОСА.

Громче! Громче!

Не слышно!

ГОДУНОВЪ

Мнѣ казалось-бы, бояре...

ГОЛОСА.

Не слышимъ! Громче!

ЗАХАРЬИНЪ.

Да зачѣмъ ты сѣлъ

Такъ далеко и ниже всѣхъ, Борисъ?

Иль мѣста ты не знаешь своего?

Не слышно намъ! Ступай сюда, поближе!

Береть его за руку и подводить къ средней лавкѣ.

Вотъ гдѣ тебѣ приходится сидѣть!

ГОДУНОВЪ — кланяется на всѣ стороны.

Бояре, вы великихъ предковъ внуки!

И ты, названный мой отецъ. Никита

Романовичъ, наставникъ мой любезный!

Я-бъ не дерзнулъ мое вамъ молвить слово,

Когда-бъ вы сами мнѣ не приказали!

САЛТЫКОВЪ.

Куда онъ гнѣтъ?

НАГОЙ.

Хростомъ вертеть, ласка!

САЛТЫКОВЪ.

А забрался-таки на середину!

НАГОЙ.

Небось, онъ даромъ на концѣ сидѣлъ!

ГОЛОСА.

Тсъ! Тише! Смирно! Слушать Годунова!

ГОДУНОВЪ.

Вамъ вѣдомо, великіе бояре,
 Какія на Руси теперь настали
 Крутыя времена: король Батуръ
 За городомъ у насъ воюетъ городъ;
 Въ его рукахъ Усвятъ, Велижъ и Полоцкъ;
 Великихъ-Лукъ ужъ вворваны имъ стѣны,
 И древній Псковъ, нашъ кровный русскій городъ,
 Безчисленнымъ онъ войскомъ обложилъ.
 Межъ тѣмъ въ Ливонію ворвался шведъ,
 Завоевалъ Иванъ-городъ, Копорье;
 А тамъ съ востока и съ полудня ханъ
 Опять орду вдыхаетъ; сотни тысячъ
 Уже идутъ на Тулу и Рязань,
 Болѣзни, голодъ, моръ—а въ довершеніе
 Намъ черемисы мятежомъ грозятъ!

Бояре, можно-ль при такой невагодѣ,
 При горестномъ шатаньи всей Руси,
 О перемѣнѣ думать государя?
 Положимъ, вы такого-бъ и нашли,
 Который былъ-бы по-сердцу всей думѣ—
 Увѣрены-ли вы, что и народъ
 Его захочетъ? что угоденъ будетъ
 Онъ всей землѣ? А если, невзначай,
 Начнутся смуты? Что тогда, бояре?

ТРИЛОГИЯ.

Довольно-ли стронья между насъ,
 Чтобы врагамъ, и внутреннимъ и внѣшнимъ,
 Противостать и дружныи дать отпоръ?

Великая въ обычаѣ есть сила;
 Привычка людямъ—бить, или узда;
 Каковъ ни будь наслѣдственный владыко,
 Охотно повинуются ему;
 Сильнѣе онъ и въ смутную годину,
 Чѣмъ въ мирную новоизбранный царь.
 Полявка будетъ, что Иванъ Василичъ
 Надъ нами государить. Гнѣвъ и милость
 Смѣнялись часто въ этотъ длинный срокъ,
 Но глубоко въ сердца вросли корни
 Привычка безусловнаго покорства
 И долгій трепетъ имени его.

Бояре! Намъ твердыня это имя!
 Мы держимся лишь имъ. Давно отвыкли
 Собой мы думать, дѣйствовать собой;
 Мы цѣлаго не составляемъ тѣла;
 Та власть, что насъ на части раздробила,
 Она-жъ одна и связываетъ насъ;
 Исчезни власть—и тѣло распадется!
 Единое спасенье намъ, бояре,
 Идти къ царю немедля, всею думой,
 Соборомъ цѣлымъ пасть къ его ногамъ
 И вновь молить его, да не оставить
 Престола онъ и да поддержать Русь!

ГОВОРЪ.

Онъ дѣло говорить!—Мы безъ Иванъ-
 Василича пропали!—Лучше прямо
 Идти къ нему! Онъ государь законный!—
 Подъ нимъ не стыдно!—Да! Идти къ нему!
 Просить его!—Просить его всею думой!

сицкій

Бояре! Бога-ли вы не боитесь?
Иль вы забыли, кто Иванъ Василичъ?
Что значать нѣмцы, ляхи и татары
Въ сравненіи съ нимъ? Что значать моръ и голодъ,
Когда самъ царь не что какъ лютый звѣрь!

шуйскій.

Что онъ понесъ? Да онъ царя безчестить!

мстиславскій.

Князь. Петръ Ильичъ! Да ты съ ума сошелъ!

сицкій.

Не я, а ты, вы всё ума лишились!
Иль есть изъ васъ единый, у кого-бы
Не умертвилъ онъ брата, иль отца,
Иль матери, иль ближняго, иль друга?
На васъ смотрѣть, бояре, тошно сердцу!
Я бы не сталъ васъ подымать, когда-бы
Онъ самъ съ престола не хотѣлъ сойти —
Не хуже васъ писаніе я знаю —
Я не на бунтъ зову васъ, но онъ самъ.
Самъ хочетъ перестать губить и рѣзать,
Постричься хочетъ, чтобы наконецъ
Вздохнула Русь,—а вы просить его
Сбираетесь, чтобъ онъ подолѣ рѣзалъ!

годуновъ.

Князь, про царя такія рѣчи слышать
Не гоже намъ. Ты молвилъ споряча —
Доносчиковъ не чаю между нами —
Тебѣ-жъ отвѣчу: выбора намъ нѣтъ!
Изъ двухъ гроящихся зодѣ кто усомнится

Взять меньшее? Чтѣ лучше: видѣть Русь
 Въ рукахъ враговъ? Москву въ плѣну у хана,
 Церквей, святыней поруганье?—или
 Попрежнему съ покорностью сносить
 Владыку, Богомъ даннаго? Ужели
 Намъ наши головы земли дороже?
 Еще скажу: великій государь
 Былъ, правда, къ намъ немилостивъ и грозенъ,
 Но время то прошло; ты слышалъ, князь,
 Онъ умилился сердцемъ, сталъ не тотъ,
 Сталъ милостивъ; и если онъ опять
 Приметь государство—не землѣ,
 Ея врагамъ онъ только будетъ страшенъ!

ГОЛОСА.

Такъ! Такъ! Онъ правъ! Онъ дѣло говорить!

СИЦКІЙ.

Бояринъ, ты сладкорѣчивъ, я знаю!
 Ты хитростнымъ умѣешь языкомъ
 Позолотить все, чтѣ тебѣ пригодно!
 Вѣстимо: ты утратить власть боишься,
 Когда другой на мѣстѣ Іоанна
 Возьметъ вѣнецъ! Бояре, берегитесь:
 Онъ мягко стелеть—жестко будетъ спать!

ГОДУНОВЪ.

Бояре всѣ! свидѣтельствуюсь вами—
 Не заслужилъ я этого упрека!
 Вамъ вѣдомо, что власти не ищу я.
 Я говорилъ по вашей волѣ нынѣ—
 Но, можетъ быть, я и не правъ, бояре;
 Меня князь Сипцкій старше и умнѣй;
 Когда вы съ нимъ согласны, я готовъ

Признать царемъ боярина Никиту
Романыча, или кого велите!

голоса.

Нѣтъ, не хотимъ Захарыина! Не надо!

годуновъ.

Иль, можетъ быть, Мстиславскаго, бояре?

голоса.

Нѣтъ, не хотимъ! И сами мы не меньше
Мстиславскаго!

годуновъ.

Иль Шуйскаго, бояре?

голоса.

И Шуйскаго не надо! Быть подъ Шуйскимъ
Мы не хотимъ! Хотимъ царя Ивана!

сицкій.

Идите-же! Идите всѣ къ нему!
Идите въ бойню, какъ баранье стадо!
Мнѣ дѣлать болѣ нечего межъ васъ!

Уходить.

голоса и крики.

Онъ бунтовщикъ! Онъ оскорбилъ всю думу!
Онъ противъ всѣхъ идетъ! Онъ всѣмъ досадчикъ!

годуновъ.

Не гнѣвайтесь на него, бояре!
Онъ говорилъ, какъ мыслилъ. Если-жъ вы
Рѣшили въ мудрости своей всей думой
Идти къ царю—пойдемъ, не надо мѣшкать!

ЗАХАРЬИНЪ.

Когда-бы не шатаніе земли,
Не по-сердцу была-бъ мнѣ эта мѣра,
Но страшно нынѣ потрясать престолъ.
Пойдемъ къ царю—другого нѣтъ исхода!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Кто-жъ будетъ рѣчь вести?

ЗАХАРЬИНЪ.

Да ты, бояринъ;
Кому-жъ другому? Ты межъ нами старшій!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Неловко мнѣ! Сегодня на меня
И безъ того разгнѣвался ужъ царь.

ГОЛОСА.

Пусть Шуйскій говорить!

ШУЙСКІЙ.

И мнѣ неловко!

ЗАХАРЬИНЪ.

Пожалуй, я рѣчь поведу, бояре!
Мнѣ гнѣвъ его не страшенъ—мнѣ страшна
Земли погибель!

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, отецъ названный,
Не допущу тебя я до опалы!
Дай мнѣ вести предъ государемъ рѣчь—
Меня не жаль!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Пойдемте-жъ! Годуновъ

Рѣчь поведетъ; онъ всѣхъ насъ лучше скажетъ!

Всѣ бояре встанутъ и ухажать за Мстиславскимъ

САЛТЫКОВЪ—уходя—къ Голицыну.

А Сидкѣй-то былъ правъ! Вѣдь Годуновъ

Такъ и глядитъ, какъ-бы взобраться въ-гору!

ГОЛИЦЫНЪ.

Сѣлъ ниже всѣхъ, а подъ конецъ сталъ первый!

ПЕРЕМЕТЕВЪ.

А говорили: быть безъ мѣсть!

ТРУБЕЦКОЙ.

Дай срокъ!

И скоро всѣхъ татаринъ пересадеть!

Уходить.

Царская опочивальня.

Іоаннъ, блѣдный, изнуренный, одѣтый въ черную рясу, сидитъ въ креслахъ, съ четками въ рукахъ. Вокругъ него, на столѣ, Мономахова шапка; съ другой стороны, на скамѣ, полное царское облаченіе. Григорій Нагой подаетъ ему чару.

НАГОЙ.

О, государи! Не откажись хоть каплю

Вина испить! Вотъ ужъ который день

Себя ты изнуряешь! Ничего ты

И въ ротъ не бралъ.

ІОАННЪ.

Не надо пищи тѣлу,

Когда душа упитана тоской.

Отнынѣ мнѣ раскаяніе пища!

НАГОЙ.

Великій государь! Ужели вправду
Ты насъ покинуть хочешь? Что-же будетъ
Съ царицею? Съ царевичемъ твоимъ,
Съ Димитріемъ?

ІОАННЪ.

Господь ихъ не оставить!

НАГОЙ.

Но кто-жъ сзумѣтъ государствомъ править,
Опречь тебя?

ІОАННЪ.

Острупился мой умъ;
Изныло сердце; руки неспособны
Держать бразды; ужъ за грѣхи мои
Господь послалъ поганымъ одолѣнье,
Мнѣ-жъ указалъ престолъ мой уступить
Другому; беззаконія мои
Песка морского паче: сыроядецъ—
Мучитель—блудникъ—церкви оскорбитель—
Долготерпѣнья Божьяго пучину
Послѣднимъ я злодѣйствомъ истощилъ!

НАГОЙ.

О, государь! Ты въ мысли умножашь
Невольный грѣхъ свой! Не хотѣлъ убить ты
Царевича! Нечаянно твой посохъ
Такой ударъ ему нанесъ!

ІОАННЪ.

Неправда!

Нарочно я, съ намѣреніемъ, съ волей,
Его убилъ! Иль изъ ума я выжилъ,

Что ужъ и самъ не знать, куда кололъ?
 Нѣтъ—я убилъ его нарочно! Наваничъ
 Упалъ онъ, кровью обливаясь; руки
 Мнѣ лобызаль и, умирая, грѣхъ мой
 Великій отпустилъ мнѣ, но я самъ
 Простить себѣ злодѣйства не хочу!

Таинственно.

Сегодня ночью онъ являлся мнѣ,
 Манилъ меня кровавою рукою,
 И сжиму мнѣ показывалъ, и звалъ
 Меня съ собой, въ священную обитель
 На Бѣломъ озерѣ, туда, гдѣ мощи
 Покоятся Кирилла Чудотворца.

Туда и прежде иногда любилъ я
 Отъ тревоженія міра удалиться;
 Любилъ я тамъ, вдали отъ суеты,
 О будущемъ покоѣ помышлять
 И забывать людей неблагодарность
 И злыя козни недруговъ моихъ!
 И умирительно мнѣ было въ кельѣ
 Отъ долгаго стоянья отдыхать;
 Въ вечерній часъ слѣдить за облаками,
 Лишь вѣтра шумъ да чашекъ слышать крики,
 Да озера однообразный плескъ.
 Тамъ тишина! Тамъ всѣхъ страстей забвеніе!
 Тамъ сжиму я прииму и, можетъ быть,
 Молитвою, пожизненнымъ постомъ
 И долгимъ сокрушеніемъ заслужу я
 Прощеніе окаянству моему!

Помолчать.

Поди, узнай, зачѣмъ такъ долго длится
 Ихъ совѣщанье? Скоро-ли они
 Свой постановятъ приговоръ я съ новымъ
 Царемъ прійдутъ, да возложу немедля
 Я на него и бармы и вѣнецъ!

Нагой уходить.

Все кончено! Такъ вотъ куда приводить
 Меня величья длинная стезя!
 Что встрѣтить я на ней? Одни страданья!
 Отъ младости не вѣдая покоя,
 То на конѣ, подъ свистомъ вражнихъ стрѣлъ,
 Языцей покоряя, то въ синелитѣ,
 Сражаясь съ боярскимъ мятежомъ,
 Лишь длинный рядъ я вижу за собою
 Ночей бессонныхъ и тревожныхъ дней!

Не кроткимъ былъ я властелиномъ. Нѣтъ!
 Я не умѣлъ обуздывать себя!
 Отецъ Сильвестръ, наставникъ добрый мой,
 Мнѣ говорилъ: «Иване, берегись!
 «Въ тебя вселиться хочетъ сатана!
 «Не отвержай души ему, Иване!»
 Но я былъ глухъ къ рѣчамъ святого старца
 И душу я діаволу отверзъ!
 Нѣтъ, я не царь! я волкъ! я песъ смердящій!
 Мучитель я! Мой сынъ, убитый мною!
 Я Кайна злодѣйство превзошелъ!
 Я прокаженъ душой и мыслью! Язвы
 Сердечныя безчисленны мои!

О, Христе-Боже! Исцѣли меня!
 Прости мнѣ, какъ разбойнику прости Ты!
 Очисти мя отъ несказанныхъ скверней
 И ко блаженныхъ лику сочтай!

Нагой послѣшно возвращается.

НАГОЙ.

Великій государь! Сейчасъ отъ Пскова
 Прибылъ гонецъ!

ІОАННЪ.

Ужъ я не государь—
 Пусть обратится къ новому владыкѣ!

НАГОЙ.

Онъ говорить, что съ радостною вѣстью
Его прислалъ князь Шуйскій!

ІОАННЪ.

Пусть войдетъ!
Нагой впускаетъ гонца.

ГОНЕЦЪ.

Великій царь! Тебѣ твой воевода
Бояринъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій
Съ сидѣльцами псковскими бѣтъ челомъ!
Усердными молитвами твоими,
Предстательствомъ угодниковъ святыхъ
И силой честнаго креста—отбили
Мы приступъ ихъ. Несмѣтное число
Легло враговъ. За помощью въ Варшаву
Бѣжалъ король, а продолжать осаду
Онъ ближнимъ воеводамъ указалъ!

ІОАННЪ.

Благословенъ Господь! Какъ было дѣло?

ГОНЕЦЪ.

Ужъ пять недѣль они вели подкопы,
Копали борозды и неумолчно
Изъ пушекъ били по стѣнамъ! Князь Шуйскій
На встрѣчу имъ подкопы рыть велѣлъ.
Соплися подъ землею. Бой великій
Тамъ закипѣлъ; въ котлы пороховые
Успѣли наши бросить огонь—и разомъ
Валетѣли съ ляхами на воздухъ. Много
Погибло нашихъ, но, хвала Творцу,
Всѣ вражьи взорваны работы.

ІОАННЪ.

Дальше!

ГОНЕЦЪ.

Подземныхъ ходовъ видя неудачу,
Они тогда свезли на ближній холмъ
Всѣ стѣнобойные снаряды вмѣстѣ
И къ вечеру проломъ пробили. Тотчасъ
Къ нему мы подкатили пушки: *Барсу*
И *Трескотузу*, и когда они
Ужъ устремились съ криками къ пролому,
Мы встрѣтили ихъ крупнымъ чугуномъ
И натискъ ихъ отбили.

ІОАННЪ.

Дальше!

ГОНЕЦЪ.

Къ утру

Великій приступъ приказалъ король,
Мы-жъ въ колоколъ ударили осадный.
Соборомъ всѣмъ, хорутви распустя,
Святыи мощи Всеволода князя
Вкругъ древнихъ стѣнъ съ молитвой обнесли
И ляховъ ждали. Гулъ такой раздался,
Какъ будто налетѣла непогода...
Мы встрѣтили напоръ со всѣхъ раскатовъ,
Съ костровъ, со стѣнъ, съ быковъ, съ обломовъ, съ башенъ.
Посыпались на нихъ кувшины зелья,
Каменя, бревна и горящій лентъ...
Уже они слабѣли—вдругъ король
Межъ нихъ явился, самъ повелъ дружины—
И, какъ вода шумящая, на стѣны
Ихъ сила снова полилась. Напрасно
Мы отбивались бердышами—башню

Свинарскую обсыпали литовцы—
 Какъ муравьи полѣзали—на зубцахъ
 Схватились съ нами—новыя ватаги
 За ними лѣзали—долго мы держались —
 Но, наконецъ...

ІОАННЪ.

Ну?

ГОНЕЦЪ.

Наконецъ, они
 Сломали насъ и овладѣли башней!

ІОАННЪ.

Такъ вотъ вы какъ сдержали цѣлованье?
 Клятвопреступники! Христопродавцы!
 Что дѣлать Шуйскій?

ГОНЕЦЪ.

Князь Иванъ Петровичъ.

Увидя башню полною враговъ,
 Своей рукой схватилъ зажженный свѣточъ
 И въ подземелье бросилъ. Съ громомъ башня
 Взлетѣла вверхъ—и каменнымъ дождемъ
 Далеко станъ засыпала литовскій.

ІОАННЪ.

Насилу-то! Что дальше?

ГОНЕЦЪ.

Этотъ приступъ
 Последний былъ. Король ушелъ отъ Пскова,
 Запросу осадѣ передать.

ІОАННЪ

Хвостъ Гвирцу! Я вижу надо мною

Всесильный промыслъ Божій.. Ну, король?!
 Не мнилъ-ли ты ужъ соладать со мною,
 Со мною, Божьей милостію владыкой,
 Ты—милостію панскою король?
 Посмотримъ, какъ ты о-псковскы.
 Бодливый лобъ свой расшибешь!—А
 Литовцевъ полегло?

ГОНЕЦЪ.

Примѣрнымъ счетомъ,
 Убитыхъ будетъ тысячъ до пяти,
 А раненыхъ я вдвое.

ІОАННЪ.

Что, король?!
 Доволенъ ты уплатою моею
 За Полоцкъ и Велижъ?—А сколько ихъ
 Съ начала обложенія убито?

ГОНЕЦЪ.

Въ пять приступовъ убито тысячъ съ двадцать,
 Да нашихъ тысячъ до семи.

ІОАННЪ

Довольно
 Осталось васъ. Еще разъ на пять хватитъ!

Входитъ стольникъ.

СТОЛЬНИКЪ.

Великій царь...

ІОАННЪ

Что? Конченъ ихъ советъ?

СТОЛЬНИКЪ — подавая письмо.

Одинъ, врагами полоненный, ратникъ
Съ письмомъ отпущенъ къ милости твоей.

ИОАННЪ.

Къ Нагому.

Читай его, Григорій.

Стольникъ уходитъ.

НАГОЙ — разворачиваетъ и читаетъ.

«Царю всея Русіи Іоанну
«Отъ князь-Андрея. князь-Михайлы сына...»

ИОАННЪ.

Что? Что?

НАГОЙ — смотритъ въ письмо.

«Отъ князь-Михайлы сына Курб...»

ИОАННЪ.

Отъ Курбскаго! А! На мое посланье
Отвѣтъ его мнѣ милость посылаетъ!

Къ гонцу.

Ступай!

Къ Нагому.

Прочти!

НАГОЙ.

Но, государь...

ИОАННЪ.

Читай!

НАГОЙ — читаетъ.

«Отъ Курбскаго, подвластнаго когда-то
«Теперь слуги, теперь короны польской

«Владѣтельнаго Ковельскаго князя,
«Поклонѣ! Внимай моимъ словамъ...»

ІОАННЪ.

Ну? Что-же?

НАГОЙ.

Не смѣю, государь!

ІОАННЪ.

Читай!

НАГОЙ — продолжаетъ читать.

«Нелѣпый

«И широкогубчателный твой листъ
«Я вразумилъ. Превыше Божьихъ звѣздъ
«Гордынею своею возносясь
«И самъ-же фарисейски унижаясь,
«Въ измѣнахъ ты небытныхъ насъ винишь,
«Твои слова, о, царь, достойны... смѣху!..
«Твои упреки...»

ІОАННЪ.

Ну? «Твои упреки»?...

НАГОЙ.

«Твои упреки — басни пьяныхъ бабъ!
«Стыдился-бъ ты такъ грубо и нескладно
«Писать въ чужую землю, гдѣ не мало
«Искусныхъ есть въ риторикѣ мужей!
«Непрошенную жъ исповѣдь твою
«Невмѣстно мнѣ и краемъ уха слышать!
«Я не пресвитеръ, но въ чинѣ военномъ
«Служу я, государю моему,

«Пресвѣтлому, вельможному Стефану,
 «Великому земли Литовской князю
 «И польскаго шляхетства королю.
 «Благословеньемъ Божиимъ мы взяли
 «Ужь у тебя Велижь, Усвятъ и Полоцкъ,
 «А скоро ваять надѣмся и Псковъ.
 «Гдѣ всѣ твои минувшія побѣды?
 «Гдѣ мудрые и свѣтлые мужи,
 «Которые тебѣ своею грудью
 «Твердыни брали, и тебѣ Казань
 «И Астрахань подъ ноги покорили?
 «Ты всѣхъ избилъ, ярѣзалъ и измучилъ,
 «Твои войска, безъ добрыхъ воеводъ
 «Подобныя безпастырному стаду,
 «Бѣгутъ отъ насъ. Ты понялъ-ли, о, царь,
 «Что всѣ твои шуты и скоморохи
 «Не замѣнять замученныхъ вождей?
 «Ты понялъ-ли, что въ машверахъ плясанье
 «И афродитскія твои дѣла
 «Не все равно, что битвы въ чистомъ полѣ?
 «Но ты о битвахъ, кажется, не мыслишь!
 «Свое ты войско бросилъ...

ІОАННЪ.

Продолжай!

НАТОЙ.

«Свое ты войско бросилъ... какъ бѣгунъ...
 «И дома заперся, какъ хороняна...
 «Тебя, должно быть, вѣдь мучитъ совѣсть
 «И память всѣхъ твоихъ безумныхъ дѣлъ...
 «Войди-жь въ себя! А чтожь...

ІОАННЪ

«А чтожь?.. Читай!

«... Дальше!
 «...
 «...

НАГОЙ.

«А чтобъ свою ты дурость
«Уразумѣлъ и духомъ-бы смирился,
«Двѣ *эпистолѣи* тебѣ я шлю
«Отъ Цицерона, римскаго витѣи,
«Къ его друзьямъ, ко Клавдію и къ Марку,
«Прочти ихъ на досугѣ, и да будетъ
«Сіе мое смиренное посланье
«Тебѣ...

ІОАННЪ.

Кончай!

НАГОЙ

О, государь!

ІОАННЪ.

«Да будетъ
«Сіе мое смиренное посланье...

НАГОЙ.

«Тебѣ лозой полезно! Аминь!»

При послѣднихъ словахъ Нагого, Іоаннъ вл-
рывается у него письмо, смотритъ въ него и на-
чинаетъ мять бумагу. Его дергаютъ судороги.

ІОАННЪ.

За безопаснымъ сидя рубежомъ,
Ты лаешься какъ песъ изъ-за ограды!
Изъ рукъ моихъ ты не изволилъ, княже,
Пріять вѣнецъ мгновенныхъ мукъ земныхъ
И вѣчное наследовать блаженство!
Но не уодно-ль милости твоей
Пожаловать въ Москву и мнѣ словесно
Тѣ высказывать, что ты писать изволишь?

Озирается.

И вѣту здѣсь ни одного изъ тѣхъ,
 Которые съ нимъ мыслили! Ни брата—
 Ни свояка—ни зятя—ни холопа!
 Нѣтъ никого! Со всѣми я покончилъ—
 И молча долженъ проглотить его
 Ругательства! Нѣтъ никого въ запасѣ!

Входитъ стольникъ.

СТОЛЬНИКЪ.

Великій государь! Къ тебѣ бояре
 Пришли изъ думы всѣмъ соборомъ!

ІОАННЪ.

А!

Добро пожаловать! Они пришли
 Меня смѣнять! Обрадовались, чай!
 Долой отжившаго царя! Пора-де
 Его, какъ ветошь старую, закинуть!
 Ужъ веселятся, чай, воображая,
 Какъ изъ дворца по Красному крыльцу
 Съ котомкой на плечахъ сходить я буду!
 Изъ милости, пожалуй, Христа-ради,
 Кафтанишко они оставить мнѣ!
 Посмотримъ-же, кому пришлось мѣсто
 Мнѣ уступать! Просить сюда бояръ!

Стольникъ выходитъ.

Во истину! Чтѣ имъ за государь я?
 Подъ этой-ли монашескою рясой
 Узнать меня? Ужъ я ихъ отъучилъ
 Передъ вѣнчаннымъ трепетать владыкой!
 Какъ пишетъ Курбскій? Войско-де я бросилъ?
 И сталъ смѣшонъ? И ужъ пишу нескладно?
 Какъ пьяная болтаю баба? Такъ-ли?
 Посмотримъ-же, кто ихъ премудрый царь,

Который заживо ваялся по мнѣ
Наслѣдовать?

Входить бояре.

Бью вамъ челомъ, бояре!
Довольно долго совѣщались вы;
Но наконецъ вы приговоръ вашъ думный
Постановили, и, конечно, мнѣ
Преемника назначили такого,
Которому не стыдно сдать престолъ?
Онъ, безъ сомнѣнья, родомъ знаменитъ?
Не меньше насъ? умомъ-же, ратнымъ духомъ,
И благочестіемъ, и милосердіемъ
Насъ и получше будетъ?—Ну, бояре?
Предъ кѣмъ я долженъ преклонить колѣна?
Предъ кѣмъ пасть ницъ? Передъ тобой-ли, Шуйскій,
Иль предъ тобой, Мстиславскій? Иль, быть можетъ,
Передъ тобой, бояринъ нашъ Никита
Романовичъ, враговъ моихъ заступникъ?
Отвѣтствуйте—я жду!

годуновъ.

Великій дары!

Твоей священной покоряюсь волѣ,
Мы совѣщались. Нашъ единодушный,
Ничѣмъ неотмѣнимый приговоръ
Мы накрѣпо постановили. Слушай!
Опричь тебя, надъ нами господиномъ
Никто не будетъ! Ты владыкой напомнимъ
Доселѣ быть—ты долженъ государить
И впредь. На этомъ головы мы напш
Тебѣ несемъ—казни насъ или милуй!

Становится на колѣна и всѣ бояре за нимъ.

ІОАННЪ—послѣ долгаго молчанія.

Такъ вы меня принудить положили?

Какъ плѣнника связавъ меня, хотите
Неволей на престолѣ удержать?

ВОЯРЕ.

Царь-государь! Ты намъ дарованъ Богомъ!
Иного мы владыки не хотимъ,
Опричь тебя! Казни насъ или милуй!

ІОАННЪ.

Должно быть, вамъ мои пришлось бармы
Не по плечу! Вы тягость государства
Хотите снова на меня ввалить?
Оно-де такъ сподручнѣй!

ШУЙСКІЙ.

Государь,
Не оставляй насъ! Смилуйся надъ нами!

ІОАННЪ.

Свидѣтельствуюсь Богомъ—я не мнилъ,
Я не хотѣлъ опять надѣть постыдлы
Рѣнецъ мой на усталую главу!
Меня влекли другія помышленья,
Моя душа иныхъ искала благъ!
Но вы не такъ рѣшили. Кораблю,
Житейскими разбитому волнами,
Вы заградили пристань. Пусть-же будетъ
По вашему! Я покоряюсь думѣ.
Въ неволѣ крайней, сей алатой рѣнецъ
Беру опять и учиняюсь паки
Царемъ Руси и вашимъ господиномъ!
Надѣваетъ Мономахову шапку.

ВОЯРЕ—вставаа.

Да здравствуетъ нашъ царь Иванъ Васидичъ!

ІОАННЪ.

Подать мнѣ бармы!

Надѣваетъ царское облаченіе.

Подойди, Борисъ!

Ты смѣло говоришь. Въ закладъ поставилъ

Ты голову свою для блага царства.

Я дерაკую охотно слышу рѣчь,

Текущую отъ искренняго сердца!

Цѣлуеъ Годунова въ голову и обращается къ боярамъ.

Второй ужъ разъ я, вопреки хотѣнью,

По приговору думы, согласился

Остаться на престолѣ. Горе-жъ нынѣ

Тому изъ васъ, кто надо мной что-либо

Задумаетъ или поведетъ хлѣбъ-соль

Съ опальникомъ, или какое дѣло

Прошедшее мое, хотя келейно,

Посмѣетъ пересуживать, забывъ,

Что нѣсть судьи дѣламъ моимъ, бо нѣсть

Верховной власти, аще не отъ Бога.

Озирается.

Я Сицкаго не вижу между вами?

ГОДУНОВЪ.

Не гнѣвайся, великій государь!

Прости безумнаго!

ІОАННЪ.

Что сдѣлалъ Сицкій?

ГОДУНОВЪ.

Онъ не хотѣлъ идти тебя просить.

ІОАННЪ.

Онъ не хотѣлъ? Смотри, какой затѣйникъ!

Видишь, что онъ выдумалъ! Когда вся дума,

Соборомъ всёмъ просить меня рѣшила—
Онъ не хотѣлъ! Онъ, значить, за-одно
Съ литовцами? И съ ханомъ Перебопскимъ?
И съ Курбскимъ?—Голову съ него долой!

ВАХАРЬИНЪ.

Царь-государь! Дозволь тебѣ сегодня,
Для радостнаго дня, замолвить слово
За Сидкаго!

ІОАННЪ.

Ты поздно спохватился,
Мой старый шурина. Если ты хотѣлъ
Измѣнниковъ щадить—ты долженъ былъ
Самъ сѣсть на царство—случай былъ сегодня!

Къ боярамъ.

Дать знать послу сестры Елисаветы,
Что завтра я глазъ-на-глазъ назначаю
Ему приемъ. Теперь идемъ въ соборъ
Передъ Всевышнимъ преклонить колѣна!

Уходить съ боярами.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Поной во дворцѣ Іоанна.

ЗАХАРЬИНЪ И ГОДУНОВЪ.

ГОДУНОВЪ.

Ужъ битый часъ онъ съ англійскимъ посломъ
Сидитъ одинъ. Приказъ онъ отдалъ строгій,
Чтобъ не впускали никого.

ЗАХАРЬИНЪ.

Борисъ!

Ужъ не ошиблись-ли съ тобою мы?
Не вротчимъ онъ владыкой свой престолъ
Пріялъ опять.

ГОДУНОВЪ.

Что было дѣлать намъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Борисъ! Борисъ! Когда-бъ не вышло хуже,
Чѣмъ было прежде! Вѣдомо-ль тебѣ,
О чемъ они толкуютъ?

ГОДУНОВЪ.

Да, отецъ мой,

Хотя-бъ и радъ я былъ того не вѣдать:

Съ царицею царь хочетъ развестися
И сватаетъ себѣ черезъ посла
Племянницу великой королевы.
Хастинскую княжну.

ЗАХАРЬИНЪ.

Помилуй Богъ!
Осьмого брана хочетъ онъ? Я вѣдаю,
Что прежде преступленья своего
Онъ помышлялъ объ этомъ, но теперь —
Теперь, когда едва лишь отказался
Отъ схимы онъ, теперь — не можеть быть!
Ты точно-ль знаешь?

ГОДУНОВЪ.

Онъ мнѣ самъ сегодня

То объявилъ.

ЗАХАРЬИНЪ.

А ты что отвѣчалъ?
Сказалъ-ли ты ему, что грѣхъ великій
Онъ затѣваетъ? Что въ его лѣта,
При горестныхъ невзгодахъ государства.
Не о женитьбѣ думать, но о томъ,
Какъ землю поддержать!

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, мой отецъ.

ЗАХАРЬИНЪ.

Нѣтъ? Не скавалъ?

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, мой отецъ. — не время.

Онъ не забылъ, что свой вѣнецъ вчера

Хотѣлъ сложить. Отъ мысли, что онъ власти
 Липится могъ, она ему теперь
 Еще дороже стала, словно онъ
 Какой ущербъ вознаградить въ ней ищетъ.
 Все, что съ тобой для блага государства,
 Черезъ него мы учинить хотѣли-бъ,
 Теперь скрывать должны мы отъ него
 И нашу мысль въ немъ зарождасть незримо,
 Чтобы ее не нашей мыслью онъ,
 Но собственной считалъ.

ЗАХАРЬИНЪ.

Ты правъ, Борисъ;
 Его всегда ты сердце лучше вѣдалъ.
 Чини-жь какъ знаешь, но, во что-бъ ни стало,
 Ты удержи его.

ГОДУНОВЪ.

И днемъ, и ночью
 Лишь объ одномъ, отецъ, я помышляю:
 И какъ, и чѣмъ удерживать его?
 Но я ищу возможности напрасно —
 Нѣтъ приступу къ нему!

ЗАХАРЬИНЪ.

Тогда, Борисъ,
 Ошиблисъ мы! къ бѣдѣ насъ приведетъ
 Его гордыня, если ты ее
 Направить не сумѣешь.

ГОДУНОВЪ.

Дай совѣтъ мнѣ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Не мнѣ тебѣ совѣтовать, Борисъ.
 Тебя Господь искусствомъ одарилъ

И мудрости уклончивой сподобилъ.
 Не даромъ ты снискалъ любовь цареву,
 А отъ грѣховъ и темныхъ дѣлъ его
 Остался чистъ. Храни-жъ свое умѣнье
 И дѣлай самъ. Лишь одного страшись:
 Не забывай, что не себѣ ты служишь,
 Но всей землѣ; что умъ отъ честолюбыя
 Недалеко; и что порой опасенъ
 Окольный путь бываетъ для души!

годуновъ.

Какъ радъ-бы я, отецъ мой, безъ уклона
 Всегда впередъ идти прямымъ путемъ!
 Но можно-ль мнѣ? Ты знаешь государя.
 Ты знаешь самъ противниковъ моихъ,
 И какъ они высматриваютъ случай.
 Чтобъ устранить, иль извести меня.
 Чтѣ дѣлать мнѣ? Я долженъ неусыпно
 За кознями враговъ моихъ слѣдить.
 И хитрости противопоставить хитрость.
 Иль отказаться долженъ навсегда
 Служить землѣ.

захарѣинъ

Избави Богъ тебя!

Ты Богу дашь о ней отвѣтъ! Борисъ —
 Судьба Руси въ твоихъ рукахъ!

годуновъ.

О, еслибъ

Она была въ моихъ рукахъ! Я зналъ-бы,
 Чтѣ дѣлать мнѣ! Пусть только-бъ царь Иванъ
 Хоть мѣсяцъ далъ мнѣ править государствомъ!
 Ему-бъ въ одинъ я мѣсяцъ доказать,
 Какія силы Русская земля

Въ себѣ таить! Я-бъ доказалъ ему,
 Что можетъ власть, когда на благодати
 А не на казнигъ зиждется она!
 Но тяжело, отецъ мой, все то видѣть —
 И лишь молчать безсиленно!

Стольникъ отворяетъ дверь.

СТОЛЬНИКЪ.

Царь идетъ!

ІОАННЪ — входитъ съ грамотами въ рукахъ.

Намъ пишетъ Шуйскій: въ королевскомъ станѣ
 Отъ голода открылись моръ и бунтъ;
 Король-же ихъ опомнися, должно быть,
 И изъ Варшавы шлетъ ко мнѣ посла.

ЗАХАРЬИНЪ.

Дай Богъ здоровья воеводѣ, князь-
 Иванъ Петровичу!

ІОАННЪ.

Сидѣльцы-жъ наши
 Вновь цѣловали крестъ чинить по Богѣ:
 Всѣмъ лечь, а не сдаваться. Но, я чаю,
 Сосѣдъ Степанъ ужъ потерялъ охоту
 Брать города, и если съ новымъ войскомъ
 Пожалуетъ онъ къ намъ, въ голодный край,
 Мы шапками ихъ закидаемъ.

Къ Захарьину.

Ты

Ступай на площадь, объяви народу,
 Что мира просить у меня король!

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государь, а если не о мирѣ
 Онъ шлетъ посла?

ІОАННЪ.

Сдается мнѣ, что насъ
Учить твоя изволить милость! Видно,
Ошибкой намъ, а не тебѣ, бояре . .
Вѣнецъ нашъ поднесли! Ступай, старикъ,
И объяви на площади народу,
Что мира просить у меня король!

Захарыинъ улодитъ.

ІОАННЪ — къ Годунову.

Я съ аглицкимъ посломъ покончилъ дѣло;
Но больно онъ тягучъ и жиловать:
Торговья, вишь, льготы англичанамъ
Все подавай! О льготахъ говорить
Мнѣ съ нимъ не время. Пригласи его
Къ себѣ, къ обѣду, потолкуй съ нимъ дѣльно,
И что онъ скажетъ, то мнѣ донеси.

ГОДУНОВЪ.

Великій царь! Ты мнѣ сказалъ вчера,
Что дерзкую охотно слышишь рѣчь,
Текущую отъ искреннаго сердца.
Доволь мнѣ нынѣ снова предъ тобой
Ее держать! Боюсь я, англичанинъ
Подумаетъ, что слишкомъ дорожишь ты
Союзомъ съ королевой, и тогда
Еще упрямѣй сдѣлается онъ.
Не лучше-ль было-бъ дать ему отъѣхать,
Не кончивъ дѣла? Если-жъ королева,
Сверхъ чаянья, на льготахъ настоятъ —
Ты къ ней всегда посла отправить можешь
Съ согласіемъ твоимъ.

ІОАННЪ.

Иною рѣчью:

Не по-сердцу боярину Борису,
Чтобъ царь Иванъ съ великой королевой

Вступилъ въ родство? Такъ, что-ли! Говори!
Тебя насквозь я вижу!

Годуновъ.

Государь!

Напрасно я съ тобой хотѣлъ лукавить;
Не отъ тебя съумѣетъ кто сокрыть,
Что мыслить онъ. Такъ, государь! Виновенъ
Я предъ тобою. Вели меня казнить—
Но выслушай: не мнѣ, великій царь,
А всей Руси не по-сердцу придется
Твой новый бракъ. Вся Русь царицу любить
За благочестіе ея, а паче
За то, что мать Дмитрія она,
Наслѣдника второго твоего,
Который быть царемъ однажды долженъ.
Какъ за тебя, такъ за твою царицу
Народъ всеневно молится въ церквахъ.
Что скажетъ онъ? Что скажетъ духовенство,
Когда ты мать Дмитрія отринешь
И новый бракъ примешь съ иновѣркой—
Осьмой твой бракъ, великій государь!
Не скажутъ-ли, что всѣ невзгоды наши
(И, можетъ быть, ихъ много впереди)
Накликалъ ты на землю? Государь,
Казни меня—но я у ногъ твоихъ

Становится на колѣна.

Тебя молю: тобою лишь однимъ
Русь держится—не захоти теперь
Поколебать ея къ тебѣ довѣрье!
Не отвращай напрасно отъ себя
Любви народа!

Іоаннъ.

Кончить? Ободренье
Мое пошло тебѣ, я вижу, въ прокъ,

И дерзокъ ты во истину не мало!
 Мою ты видя милость надъ собой,
 Конечно мнишь, что я для руководства
 Тебя держу? Что ты ко мнѣ приставленъ
 Отъ земства, что-ль, хулить или одобрять
 Мои дѣла? и можешь гнуть меня.
 Какъ вѣтеръ трость? Достойно смѣху, право,
 Какъ всѣмъ-бы вамъ со мной играть хотѣлось
 Въ попы Сильвестры! На твоихъ губахъ
 И молоко въ ту пору не обсохло,
 Какъ я попу Сильвестру съ Алексѣемъ
 Ужъ показаль, что я не отрокъ имъ!
 По моему съ тѣхъ поръ уразумѣнью,
 Какъ прибыльнѣй для царства моего,
 Такъ я чиню, и не печалюсь тѣмъ,
 Чтѣ скажетъ тотъ или этотъ обо мнѣ!
 Не на день я, не на годъ устрою
 Престоль Руси, но въ долготу вѣковъ;
 И чтѣ вдали провижу я, того
 Не видѣть вамъ куринымъ вашимъ окомъ!
 Тебя-же, знай, держу лишь для того,
 Что ты мою вершишь исправно волю;
 А въ томъ и вся твоя заслуга. Встань—
 На этотъ разъ тебя прощаю—впредь-же
 Въ совѣтчики не суйся мнѣ! Посла
 Ты пригласишь и принесешь мнѣ завтра
 Его послѣдній уговоръ.

Уходить въ другую дверь.

годуновъ—одинъ.

Онъ правъ!

Я только рабъ его! Предвидѣть это
 Я долженъ былъ! Или я его не зналъ?
 Я поступилъ какъ женщина, какъ мальчикъ!
 Я какъ безумный поступилъ!

Вотъ онъ,

Тотъ путь прямой, которымъ мнѣ Захарынь
Идти велить! На первомъ онъ шагу
Мнѣ властію царевой, какъ стѣною,
Пересѣченъ! Для блага всей земли
Царицу защищая, я съ ней вмѣстѣ
Спасалъ Нагихъ, моихъ враговъ исконныхъ,
Которые теперь-же, въ этотъ часъ,
Ведутъ совѣтъ, какъ погубить меня —
Я былъ готовъ ихъ пощадить сегодня,
Лишь только-бы царь Руси не потрясалъ —
И вотъ исходъ! Легко тебѣ, Никита
Романовичъ, идти прямымъ путемъ!
Передъ собой ты не поставилъ цѣли!
Спокойно ты и съ грустью тихой смотришь
На этотъ міръ! Какъ солнце въ зимній день.
Землѣ сіяя, но не грѣя землю,
Идешь ты чистъ къ закату своему!
Моя-жъ душа борьбы и дѣла просить!
Я не могу мириться такъ легко!
Раздоры, казни, самовластье видѣть —
И въ доблести моей, какъ въ свѣтлой ризѣ,
Утѣшенъ быть, что самъ я чистъ и бѣлъ!

Уходить.

Домъ Шуйскаго.

ШУЙСКІЙ, МСТИСЛАВСКІЙ, МИХАЙЛО НАГОЙ И ГРИГОРІЙ НАГОЙ сидятъ
у стола за кубками.

ШУЙСКІЙ — наливая имъ вино.

Прошу васъ, пейте, гости дорогие!
Во здравіе Бориса Годунова!
Видъ онъ то въ думѣ дѣло порѣшилъ!

Гости пьютъ неохотно; Мстиславскій не пьетъ вовсе.

Что-жъ, князь Иванъ Феодорычъ? Иль, можете,

Не нравится тебѣ мое вино?
Не выпить-ли другого намъ, покрѣпче?

мстиславскій.

Нѣтъ, князь, спасибо. Не вино, а здравье,
Признаться, мнѣ не нравится.

шуйскій.

Что такъ?

Про Годунова, князь, ты пить не хочешь?
Да вотъ и вы поморщились, бояре;
Иль онъ вамъ нелюбъ?

мстиславскій.

Высочка! Татаринъ!

Вишь, ближнимъ сталъ бояриномъ теперь!

бѣльскій.

А мы, должно быть, дальніе бояре!

м. нагой.

Всѣмъ сидеть скоро на голову намъ!

г. нагой.

Нѣтъ, онъ не сидеть—онъ уже сидитъ!

шуйскій.

Помилуйте, бояре, Годуновъ-то?
Его насильно ставятъ выше насъ,
А онъ и самъ не радъ! Онъ намъ всегда
И честь нашу должно воздавать, и въ думѣ
Готовъ молчать намъ совѣщаться съ нами!

м. нагой.

Да, къ этому вьюну не придерешься!
Поддакиваетъ, кланяется, бѣсъ,
А все-таки поставить на своемъ!

шуйскій.

Ну, этотъ разъ ему за то спасибо!

вѣльскій.

Да этотъ разъ не первый, не послѣдній.
Покойный Сидцкій правду говорилъ:
Онъ всѣхъ насъ сломить!

м. нагой.

Да—коль мы его
Не сломимъ прежде!

г. нагой.

Какъ его сломить?

вѣльскій.

Кой-что шепнуть мы про него могли-бы!

мстиславскій.

Да намъ-то не повѣрять. Онъ-же насъ,
Какъ Сидцаго, однимъ словечкомъ сръжетъ!

м. нагой.

Нѣтъ—такъ нельзя; а можно-бы иначе —
Да, вишь, князь Шуйскій за него стоитъ!

шуйскій.

Я? За него? Да что-жъ онъ мнѣ, бояре?
Онъ мнѣ ни кумъ, ни шуринъ, ни своякъ!
Я лишь скавалъ, что онъ хлопотъ не стбитъ!

вѣльскій.

Ну, слѣпъ-же ты!

шуйскій.

Нѣтъ, я не слѣпъ, бояре!

Когда-бъ дошло до дѣла, вы бы сами
Раздумали!

вѣльскій.

Нѣтъ, этого не бойся!

мстиславскій.

Ужъ другъ за друга мы бы постояли!

г. нагой.

Готовы крестъ на этомъ цѣловать!

шуйскій.

Экъ вамъ охота даромъ въ петлю лѣзть!

вѣльскій.

Ну, князь, прости мое худое слово:
Ты слѣпъ какъ кротъ, и перваго тебя
Татаринъ этотъ выживетъ какъ-разъ!

шуйскій.

Ты думаешь?

вѣльскій.

Да ужъ навѣрно такъ!

шуйскій.

Ну, коли такъ—тогда другое дѣло!

вѣльскій.

Такъ ты согласишь?

ШУЙСКИЙ.

Что-жъ мнѣ одному

Быть противъ всѣхъ! Пожалуй, я согласенъ —
Да какъ-же дѣло-то начать?

М. НАГОЙ.

А вотъ какъ:

Теперь у насъ вездѣ, по всей Руси,
Повѣтріе и хлѣбный недородъ.
Ужъ были смуты: за Москвой-рѣкой
Два бунта вспыхнуло. Въ такую пору
Народъ овлбленъ; радъ, не разбирая,
Накинуться на перваго любого.
Отъ насъ зависить время улучшить
И натравить ихъ въ пору на Бориса!

Г. НАГОЙ.

Оно-бъ недурно! Пусть-бы насъ народъ
Избавилъ отъ него—мы въ сторонѣ!

МСТИСЛАВСКИЙ.

Да, въ сторонѣ! А какъ поднять народъ?
Вѣдь не самимъ-же намъ идти на площадь!

М. НАГОЙ.

Вѣстимо, нуженъ вѣрный человѣкъ!

БѢЛЬСКИЙ.

Или такой, котораго-бы мы
Въ рукахъ держали непрестаннымъ страхомъ!

МСТИСЛАВСКИЙ.

А гдѣ его достать?

ШУЙСКИЙ—отворяя дверь въ другой покой.

Войди, Давилычъ!

Входитъ Битяговскій.

Вотъ онъ, бояре, кто теперь намъ нуженъ!

Я съ нимъ ужъ говорилъ—онъ радъ служить.

Общее удивленіе.

ВЪЛЬСКИЙ.

Такъ ты... Ну, князь, признаться, удивилъ!

Г. НАГОЙ.

Перехитрилъ насъ! Нечего сказать!

МСТИСЛАВСКИЙ.

А пилъ еще здорově Годунова!

Шуйскій смѣется.

М. НАГОЙ—указывая на Битяговскаго.

Такъ онъ берется сладить это дѣло?

Но кто-же онъ? Его намъ надо знать!

ШУЙСКИЙ.

Онъ изъ дворянъ: Михайло Битяговскій,

Прошу любить и жаловать его;

Онъ насъ не выдастъ!

ВЪЛЬСКИЙ.

Князь, конечно ты

Намъ доказать, что ты хитрить умѣешь;

Мы положиться можемъ на тебя;

Но все-жъ довольно, въ такомъ опасномъ дѣлѣ.

Тебѣ не въ гнѣвъ, ему не въ осужденіе,

Опросить тебя: чѣмъ отвѣчаешь ты?

шуйскій.

Бояре, дѣло просто: въ зернь да въ карты
Имѣнье онъ до нитки проигралъ;
Въ долгахъ сидитъ по шею; правежомъ
Ему грозятъ; исхода два ему:
Послужить намъ—долги его заплатимъ;
Обманетъ насъ—поставимъ на правежъ.
Данилычъ! Такъ-ли? Ясенъ уговоръ?

витаговскій.

Да, ясенъ.

шуйскій.

Если-жъ ты уладишь дѣло,
Мы наградимъ тебя.

витаговскій.

Само собой.

шуйскій.

Я говорилъ тебѣ не въ укориану,
А чтобъ бояре лучше вѣру взяли.
Теперь садись.

витаговскій.

Могу и постоять.

шуйскій.

Нѣ, вышей чару!

витаговскій.

Чару выпить можно.
Пьетъ, кланяется и ставитъ чару на столъ.

БѢЛЬСКІЙ.

Такъ вправду ты сѣумѣешь на Бориса
Поджечь и взбунтовать народъ?

ВИТЯГОВСКІЙ.

Сѣумѣю.

М. НАГОЙ.

Съ кого-жъ начать ты хочешь?

ВИТЯГОВСКІЙ.

Съ черныхъ сотенъ.

Г. НАГОЙ.

Про что-жъ ты будешь говорить?

ВИТЯГОВСКІЙ.

Про голодъ.

БѢЛЬСКІЙ.

Что скажешь ты?

ВИТЯГОВСКІЙ.

Что въ голову придетъ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

А за успѣхъ стоишь ты намъ?

ВИТЯГОВСКІЙ.

Стою.

М. НАГОЙ.

Народъ не въ шутку долженъ возмутиться.
Сначала подготовь его искусно:
Борись, молъ, вотъ кто цѣны вамъ набилъ!

Онъ, молъ, царемъ какъ хочетъ, такъ и водить;
 Все зло, молъ, отъ него! Онъ зять Малюты!
 Онъ и царя на казни подбивалъ!
 Потомъ, въ удобный день, на праздникъ, что-ли,
 Когда пойдетъ онъ въ церковь, иль изъ церкви,
 Ты ихъ и подожги! Да не мѣшало-бъ
 Тебѣ товарища найти.

ВИТЯГОВСКІЙ.

Не нужно.

ВЪЛСКИЙ.

Тутъ надобны не крики и не шумъ;
 А чтобъ они, увидя Годунова,
 Такъ на него-бъ и кинулись, и разомъ
 На ключья-бъ разорвали!

ВИТЯГОВСКІЙ.

Разорвутъ.

ШУЙСКІЙ.

Ужъ положитесь на него, бояре!
 Онъ неохотъ до словъ, но онъ на дѣлѣ
 Собаку съѣлъ,—ему вѣдь не впервой.
 А вы менѣ тѣмъ извѣдайте бояръ:
 Чѣмъ больше будетъ съ нами, тѣмъ мы легче
 И подведемъ его!

ВЪЛСКИЙ.

На всякъ случай

Я кой-кого еще пушу въ народъ.
 Есть на примѣтѣ у меня одинъ:
 Рязанскій дворянинъ, Прокофій Кикинъ.

ШУЙСКІЙ.

Коль за него ты можешь отвѣчать,

Пошли его, пожалуй, отъ себя;
 Пусть съ двухъ концовъ они волнують городъ:
 Не одному удастся, такъ другому.

МСТИСЛАВСКИЙ.

Твоими-бы устами, князь Василій
 Иванычъ, медъ пить!

М. нагой.

Ну, теперь недурно
 Идутъ дѣла! Благослови, Господь!

Входитъ слуга.

ОЛУГА.

Бояринъ Годуновъ!

ШУЙСКИЙ—про себя.

Ахъ, бѣсъ проклятый!
 Входить Годуновъ. Гости встаютъ въ защительствѣ.

ШУЙСКИЙ—идетъ на встрѣчу Годунову съ
 распростертыми объятіями.

Борисъ Феодорычъ! Вотъ гость любезный!
 Челомъ тебѣ на ласкѣ быю твоей!

Обнимаются.

Садись, бояринъ! Здѣсь, подъ образами!
 Уважь домишко мой! Да чѣмъ-же мнѣ
 Попотчивать тебя! Вотъ романей!
 Вотъ ренское! Вотъ аликантъ! Вотъ бастръ!

ГОДУНОВЪ—выпадаетъ.

Благодарю, бояринъ князь Василій
 Ивановичъ! Не помѣшалъ-ли я?
 Быть можетъ, ты съ гостями дорогими
 Былъ дѣломъ занятъ?

шуйскій.

Дѣломъ? Нѣтъ, бояринъ!

Мы такъ себѣ балкали. Садись,
Прошу покорно! Да уважь, бояринъ,
Хоть чарочкой!

годуновъ—петь.

Во здравіе твое!

мстиславскій—подходить къ Шуйскому.

Хозяинъ ласковый, пора домой мнѣ;
Прости!

вѣльскій.

И мнѣ пора домой, прости!

оба нагѣ.

Пора и намъ! Прости-же, князь Василій
Ивановичъ.

шуйскій.

Что-жъ, гости дорогіе?
Зачѣмъ такъ рано?

м. нагой.

Дома дѣло есть.

шуйскій.

Простите-же, бояре! Много васъ
За честь благодарю!

Провожаетъ гостей и возвращается въ Годунову.

Ну, слава Богу!

Ушли! Спасибо-же тебѣ, бояринъ,

Что навѣстилъ! Ты не повѣришь,
 Какъ на тебя отрадно мнѣ глядѣть!
 Вѣдь мы съ тобой издавна за-одно!
 Что ты—то я!

годуновъ.

Спасибо, князь Василій
 Ивановичъ! А я вотъ за совѣтомъ
 Къ тебѣ пришелъ.

шуйскій.

Приказывай, бояринъ!

годуновъ.

Ты знаешь, князь, меня не любятъ въ думѣ:
 Я—новый человекъ.

шуйскій.

Такъ что-же въ томъ?

Я за тебя горой стою; а правда,
 Есть недруги у насъ! Вотъ хоть-бы этотъ
 Мстиславскій, или Бѣльскій—кто ихъ знаетъ!
 Завидно имъ, что любятъ царь тебя!

годуновъ.

Царь жалуетъ меня не по заслугамъ;
 Я скользякою тропкою, князь, иду.
 Пожалуй, на меня царю нашепчуть;
 А до бѣды у насъ недолго, князь!

шуйскій.

А я на что-жъ? Я за тебя готовъ
 Въ огонь и въ воду. Ты мнѣ тотъ-же братъ!

Входитъ слуга.

СЛУГА—къ Шуйскому.

Князь, царь прислалъ за милостью твоей.

ШУЙСКІЙ—встаётъ.

За мной? теперь? Ну, не взыщи, бояринъ —
Царь ждать не можетъ!

ГОДУНОВЪ.

Не чинися, князь.

Шуйскій послѣшно уходитъ. Годуновъ остается
съ Битяговскимъ и пристально смотреть на
него; Битяговскій смущается и отворачивается.

ГОДУНОВЪ.

Ты—дворянинъ Михайло Битяговскій?

БИТЯГОВСКІЙ.

Да, дворянинъ.

Хочетъ уйти.

ГОДУНОВЪ.

Ни съ мѣста! Стой и слушай:

Ты разорился въ карты. На правѣжъ
Тебя хотятъ поставить—дѣло плохо —
Но можетъ выйти хуже для тебя.
Ты грамоту писалъ въ литовскій станъ
И предлагалъ Замойскому услуги.

БИТЯГОВСКІЙ.

Нѣтъ, это ложь! Меня оклеветали!

ГОДУНОВЪ.

Я грамоту твою перехватилъ —
И вотъ она отъ слова и до слова!

Вынимаетъ изъ кармана грамоту. Битяговскій
нагибается и суетъ руку за голенище.

Ты лѣзешь за ножомъ? Не безпокойся!
 Твоя бумага за семью замками,
 А это только списокъ. Слушай, другъ:
 Съ тобой вчера князь Шуйскій стѣрговался,
 Чтобъ на меня поднять народъ. Сегодня
 Съ двумя Нагими, съ Бѣльскимъ и Мстиславскимъ
 Объ этомъ вмѣстѣ толковали вы.
 Мнѣ стѣбитъ захотѣть—и черезъ часъ
 Твое клевать вороны будутъ мясо!

ВИТЯГОВСКІЙ.

Бояринъ... я... я не хотѣлъ...

ГОДУНОВЪ.

Молчи!

Теперь ты долженъ притвориться, будто
 Ты служишь Шуйскому. Ступай шататься
 По площадямъ, по рынкамъ, по базарамъ,
 Но распускай молву, что Шуйскій съ Бѣльскимъ
 Хотятъ царя отравой извести;
 Что погубить и Федора рѣшили.
 И Дмитрія царевичей; что еслибъ
 Не Годуновъ—они-бы царскій корень
 Ужъ извели; что Годуновъ одинъ
 Блюдетъ царя и охраняетъ царство.
 Ты понялъ?

ВИТЯГОВСКІЙ.

Понялъ.

ГОДУНОВЪ.

Приходи сегодня

Ко мнѣ въ мой домъ, по заднему крыльцу,
 Когда стемнѣетъ. Тамъ тебя дворецкій

Проводить дальше. Каждый вечеръ ты
Ко мнѣ являться будешь. Все, что Шуйскій,
Иль Бѣльскій, иль другой тебѣ прикажутъ,
Ты будешь мнѣ передавать. И помни:
Гдѣ-бъ ни быть ты, я за тобой слѣжу —
Не захоти и думать о побѣгѣ.
Различье-жъ, знай, межъ мной и Шуйскимъ то,
Что праведномъ тебя страшаетъ Шуйскій,
А я тебѣ грожу такою казною,
Какой-бы не придумалъ и Малюта
Скуратовъ-Бѣльскій, мой покойный тесть!

Уходить. Батаговскій остается въ ожиданіи.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Поком царицы Маріи Федоровны.

Царица и мамка царевича Дмитрія.

ЦАРИЦА.

Что-жь, мамка? Уложила ты его?
Заснулъ-ли онъ, голубчикъ мой, царевичъ?

МАМКА.

Заснулъ, царица-матушка, заснулъ!
Ужъ любовалась, на него я глядя;
Лежить смиренхонько, закрывши глазки
И этапъ ручки сжамши въ кулачки.
Вишь, бѣгая, мой свѣтикъ уморился;
Такой живой! Не въ старшаго онъ братца,
Не въ Федора Ивановича поидеть!
Тотъ тихъ и смиренъ, словно не царевичъ.
Не то, что братецъ былъ Иванъ Ивановичъ!
Тотъ, царствіе небесное ему,
На батюшку похожъ былъ. Охъ-охъ-охъ!
Подумаешь, какъ кончился-то онъ!
Ахъ, грѣхъ какой! Не вѣрится доселѣ!

ЦАРИЦА.

Не будемъ говорить про это, мамка.
Не присылать-ли государь сказать,

Что онъ придетъ! Не присылалъ-ли онъ
Кого спросить, здоровъ-ли мой царевичъ?

МАМКА.

Нѣтъ, матушка, не присылать.

ЦАРИЦА.

Бывало,
Онъ каждый день навѣдывался самъ!

МАМКА.

Нѣтъ, матушка, не присылать. А вотъ,
Когда мы давеча гулять ходили,
Къ намъ подходилъ бояринъ Годуновъ,
Бралъ на руки царевича, ласкалъ
И любовался имъ.

ЦАРИЦА.

И ты дала
Ему ласкать царевича? Никто
Его ласкать не долженъ. Слышишь, мамка?

МАМКА.

Такъ, матушка. Бояринъ Годуновъ
Мнѣ то же говорилъ: смотри, молю, мамка,
Влуди царевича! Ты, говорить,
За каждый волосочекъ, молю, его
Предъ Богомъ и землею отвѣчаешь!

ЦАРИЦА.

Послушай, мамка, этакъ не годится
Волтать со всякимъ. Никому впередъ
Ты не давай съ ребенкомъ говорить!

МАМКА.

Такъ какъ-же, матушка? А вотъ Никита Романовичъ къ намъ подходитъ намеренъ — И съ этимъ, значить, говорить нельзя?

ЦАРИЦА.

Нѣтъ, съ этимъ можно! Этому я вѣрю; Онъ все равно мнѣ, что родной отецъ!

Входитъ свѣтая дѣвушка.

ДѢВУШКА.

Царица! Можеть-ли къ тебѣ Никита Романовичъ войти, Захарьинъ-Юрьевъ?

ЦАРИЦА.

Онъ здѣсь? Проси, проси его скорѣй!

Входитъ Захарьинъ.

ЗАХАРЬИНЪ.

Царица Марья Федоровна, здравствуй! Какъ можешь?

ЦАРИЦА—идетъ къ нему на встрѣчу.

Здравствуй, дядюшка Никита

Романовичъ! Тебя самъ Богъ прислалъ!

Мнѣ говорить съ тобою надо! Мамка,

Ступай себѣ къ царевичу, оставь насъ.

Мамка уходитъ.

Мнѣ надо говорить съ тобой, Никита

Романовичъ! Садись, сюда, поближе:

Не знаю, что со мною, право, случилось;

Всѣ эти дни такъ тяжело на сердцѣ,

Какъ будто чуется бѣда! Скажи,

Ты ничего не слышалъ? Что случилось?

Что царь задумалъ? -

ЗАХАРЬИНЪ.

Матушка-царица,

Вѣдь я пришель тебѣ предостеречь!
И самъ уже не знаю, что съ нимъ дѣлать?
Бѣда и только! словно дикій конь,
Внезапно закусившій удила,
Иль ярый туръ, все ломящій съ разбѣга,
Такъ онъ не знаетъ удержу теперь.
Подобная рѣкѣ, его гордыня
Изъ береговъ ужъ выступила вонъ
И топить все кругомъ себя!

ЦАРИЦА.

Скажи,

Что онъ задумалъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Богъ ему судья!

ЦАРИЦА.

О чемъ-то страшномъ шепчутъ во дворцѣ —
Онъ съ англійскимъ посломъ наединѣ
О чемъ-то долго толковалъ... Я знаю —
Я догадалась—онъ жениться хочетъ
На чужеземкѣ, а меня онъ бросить
Сбирается съ Димитріемъ моимъ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Будь, дитятко, готова ко всему!

ЦАРИЦА.

Не даромъ сердце у меня щемило!

ЗАХАРЬИНЪ.

Царица, онъ хотѣлъ сегодня утромъ .
Быть самъ къ тебѣ. Не покажи и вида,

Что я съ тобой объ этомъ говорилъ.
 Я буду вдѣсь. Ты-жь выслушай его
 Съ покорностью, и что-бъ онъ ни сказалъ,
 Не возражай ни слова—будь нѣма!
 Единый звукъ, единый вдохъ, движенье
 Единое твое—и ты пропала!
 Дай бурѣ прошумѣть. Еще, быть можетъ,
 Смягчится онъ покорностью твоею;
 А если нѣтъ—я на свою главу
 Прійму ударъ, скажу ему открыто.
 Что онъ безсовѣстно чинить!

ЦАРИЦА.

Бояринъ,

Спаси меня! Не за себя мнѣ страшно!
 Я хлопочу не о себѣ, ты знаешь!
 Когда меня Иванъ Васильичъ взялъ,
 Не радовалась я высокой чести;
 И еслибы со мной, тому три года,
 Онъ развелся, я Бога бы за то
 Благодарила—но теперъ, бояринъ,
 Я не одна! Теперъ я стала мать!
 И если онъ жену возьметъ другую —
 Ребенокъ мой—мнѣ страшно и подумать —
 Мой маленькій Дмитрій—о, бояринъ!
 Сама не знаю, что я говорю,
 Чего боюсь, не вѣдаю—но смутно
 Мнѣ чуется для Дмитрія опасность!
 Усовѣсти, уговори царя!
 Тебя онъ чтить! Пусть онъ съ тобою прежде
 Обсудить дѣло!

ЗАХАРЬИНЪ.

Дитятко-царица!

Кого онъ чтить?! Я, правда, передъ нимъ

Еще ни разу не кривилъ душою,
 Но самъ не знаю, какъ я уцѣлѣлъ!
 Лишь одного на свѣтѣ человѣка
 Порою слушается онъ: дай Богъ
 Здоровья Годунову! Онъ одинъ
 Еще его удерживать умѣетъ!

ЦАРИЦА.

О, дядюшка! Не вѣрь ты Годунову!
 Нѣтъ, онъ не тотъ! Его смиренный видъ,
 Его всегда степенные приемы,
 И этотъ взглядъ, ничѣмъ невозмутимый,
 И этотъ голосъ, одинако ровный,
 Меня страшать не даромъ! Не могу я
 Смотрѣть, когда ребенка моего
 Ласкаетъ онъ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Что ты, царица, что ты?
 Помилуй! Годуновъ-то!

Вбѣгаетъ дѣвушка — заплакавшись.

ДѢВУШКА.

Царь идетъ!

Сейчасъ вѣсь будетъ!

ЦАРИЦА — съ испугомъ.

Дядюшка! Мнѣ страшно!

Я не могу...

ЗАХАРЬИНЪ.

Оправься поскорѣй,
 Чтобъ не замѣтилъ онъ чего! Отри
 Скорѣй глаза!

ЦАРИЦА.

Охъ, сердце замираетъ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Уйди-жъ на мигъ! Принарядись, а я
Прійму его!

Царица уходитъ. Іоаннъ входитъ въ сопровожденіи Годунова.

ІОАННЪ — къ Захарьину.

Что дѣлаешь ты здѣсь?

ЗАХАРЬИНЪ.

Царицы дожидаясь, государь.

ІОАННЪ.

Какое дѣло у тебя съ царицей?

ЗАХАРЬИНЪ.

Навѣдаться зашелъ къ ней.

ІОАННЪ.

Гдѣ-жъ она?

ЗАХАРЬИНЪ.

Услыша голосъ твой, она пошла
Для милости твоей наряжаться.

ІОАННЪ.

Мбгда и такъ остаться. Отъ нарядовъ
Пригожѣе не будетъ!

Къ Годунову—садись.

Продолжай!

Ты говоришь, что видѣлся съ послами?

годуновъ.

Съ обоими, великій государь.

іоаннъ.

Ну, что-жъ?

годуновъ.

Посоль Елизаветинъ, Баусъ,
Стоить на томъ, что выдать за тебя
Племянницу, Хастинскую князю,
Согласна королева; но о томъ-де
Онъ подписать невластенъ уговора,
Пока съ царицей всенародно ты
Не разведешься; да еще прибавилъ,
Чтобъ на Руси ты запретилъ торговлю
Всѣмъ иноземцамъ всякихъ государствъ,
Опречь однихъ лишь англійскихъ гостей.
На этомъ, говорить онъ, королева
Намъ обѣщаетъ дружбу и союзъ
И цесаря нѣмецкаго упросить,
Чтобы на Польшу двинулъ онъ полки.

іоаннъ.

Благодарю сестру Елизавету,
Что нашей дружбой и худымъ родствомъ
Не брезгаетъ она! Но обойтись
Безъ милостей ея теперь мы можемъ.
И цесаря не просимъ намъ помочь.
Уже мы сами скоро за рубежъ
Переведемъ полки. А что узналъ ты
Отъ польскаго посла? Какія земли
Сосѣдъ Степанъ за миръ намъ обѣщаетъ?

годуновъ.

Мы за виномъ, великій государь,

Сидѣли съ нимъ до самаго разсвѣта
 Гарѣбурда хоть не природный ляхъ,
 А пить адоровъ и говорить охотникъ;
 Но вывѣдать я у него не могъ,
 Съ чѣмъ онъ прѣхалъ. Одному тебѣ
 Открыться хочетъ онъ.

ІОАННЪ.

Заранѣ, видно,

Хвалиться вѣчѣмъ!

ГОДУНОВЪ.

Утромъ прискакалъ
 Къ нему гонецъ отъ короля. Напрасно
 Въ глазахъ посла старался угадать я
 Письма значенье. На лицѣ его
 Не двинулася ни одна черта;
 Усталый-же гонецъ, какъ выпилъ чару,
 Такъ и упалъ на землю и заснулъ.

ІОАННЪ.

Я чай, не спалъ во всю дорогу! Видно,
 Крутенько имъ пришлось и невтерпѣжъ!

ГОДУНОВЪ.

Когда-бы только...

ІОАННЪ.

Чтѣ-о?

ГОДУНОВЪ.

Какъ-бы онъ
 Для насъ недоброй вѣсти не привезъ!

ІОАННЪ.

Недобрыхъ я вѣстей не получалъ;
 Чего-жъ не знаю я—того и нѣтъ!

ГОДУНОВЪ.

Будь остороженъ, государь!

ІОАННЪ.

Бориско!

Ужъ не опять-ли ты совѣты мнѣ
Давать изволишь? Струсилъ, говорю я,
Сосѣдъ Степанъ и новыя уступки
Прислалъ въ наказъ Гарѣбурдѣ! Гей! Марья!

Стучать о полъ посохомъ.

Ты долго-ль тамъ укручиваться будешь?

Входить царица въ большой нарядъ и, по-
клонившись Іоанну, останавливается передъ
нимъ молча.

ІОАННЪ—смотреть на нее пристально.

Зачѣмъ твои заплаканы глаза?

Царица молчать, потуши взоръ.

Ты слышишь-ли? Чтѣ сталося съ тобою?

ЦАРИЦА.

Мой господинъ, прости меня... я...

ІОАННЪ.

Ну?

ЦАРИЦА.

Я видѣла педобрыѣ сонъ.

ІОАННЪ.

Какой?

ЦАРИЦА.

Мнѣ снилось, государь... мнѣ снилось, что...
Я разлучаюся съ тобой!

ІОАННЪ.

Сонъ въ руку,
Ты неудобна мнѣ. Я объявить
Тебѣ пришелъ, что ты отнынѣ болѣ
Мнѣ не жена.

ЦАРИЦА.

Такъ это правда? Правда?
Меня съ Димитріемъ ты бросить хочешь?
Съ Димитріемъ моимъ? Ты хочешь...

ІОАННЪ.

Тише!

Я бабьихъ слезъ и криковъ не люблю.

ЦАРИЦА.

Нѣтъ, господинъ мой!—я не плачу—нѣтъ —
Ты видишь, я не плачу—но скажи,
Какъ развестись со мною хочешь ты?
Что скажешь ты святителямъ? Какую
На мнѣ вину найдешь ты?

ІОАННЪ.

Это что?

Ты, кажется, меня къ допросу ставишь!
Кто ты? Какого ты владыки дочь?
Кому отвѣтъ держать мнѣ о тебѣ?
Иль ты другихъ пригожѣе и краше,
Чтобъ мнѣ тебя какъ кладъ какой беречь?
Иль я ужъ въ домѣ у себя не властенъ?
Иль ты царица по себѣ?

ЦАРИЦА.

Прости,

Мой господинъ! Прости! Я не ропщу —

Я не молю о милости—на все
Готова я—но бѣдный мой Димитрій
Чѣмъ виновать?

ІОАННЪ.

О немъ не хлопочи.
Мой сынъ въ удѣлъ получить городъ Угличъ.
Вины твоей не нужно мнѣ! Тебя
Постричь велю я—вотъ и весь разводъ.
Святителей-же, слава Богу, я
Не приучилъ въ мой обиходъ вступаться
И требовать отчета отъ меня!

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государь! Дозволь мнѣ слово молвить!

ІОАННЪ.

Старикъ, я вижу, что сказать ты хочешь!
Что-бъ я ни сдѣлать, все не по тебѣ!
Я знаю васъ!

ЗАХАРЬИНЪ.

Великій государь...

ІОАННЪ.

Я знаю васъ! Вы рады-бы мнѣ руки
Опять связать, какъ при попѣ Сильвестрѣ,
Да при Адашевѣ! Ты былъ имъ другъ!
Когда на нихъ опалу положить я,
Какихъ ужъ бѣдъ ты ни пророчилъ мнѣ!
Тебя послушать—царство распадалось!
И что-жъ? Съ тѣхъ поръ минуло двадцать лѣтъ
Гдѣ твой Адашевъ? Гдѣ Сильвестръ твой?
А мы, межъ тѣмъ, благословеньемъ Божиимъ,
Не уменьшили нашихъ государствъ!

Безъ вашихъ наставлений, помаленьку,
Таки-живемъ себѣ умишкомъ нашимъ,
И руководства твоего, старикъ,
Не просимъ мы!

ЗАХАРЬИНЪ.

Великій государь!

Что мы мечомъ завоевали, то
Мечомъ-же можно и отнять у насъ.
Все въ Божьей волѣ, государь; но Богъ
Лишь добрыя дѣла благословляетъ,
Ты-жъ, государь, недоброе затѣялъ!
Твоя царица предъ тобой чиста,
Чиста какъ день! Грѣшно тебѣ царицу
Хотѣть мѣнять на новую жену!
Чѣмъ съ Англіей искать тебѣ союза,
Взгляни на Русь! Каковъ ея удѣлъ!
Ты, государь, — скажу тебѣ открыто —
Ты, въ юныхъ дняхъ испуганный крамолой,
Всю жизнь боялся мнимыхъ смуть
И подавить измученную землю.
Ты сокрушилъ въ ней все, что было сильно.
Ты въ ней поправъ все, что имѣло разумъ,
Ты безсловесныхъ сдѣлалъ изъ людей —
И самъ теперь, какъ дубъ во чистомъ полѣ,
Стоишь одинъ, и ни на что не можешь
Ты опереться; если—Богъ избави —
Тебя оставить счастье твое,
Ты предъ несчастьемъ будешь нагъ и бѣденъ.
Несчастье-жъ недалеко, государь!
Не радуйся побѣдѣ надъ Батуромъ —
Есть на Руси другія тѣсноты!
Орда и шведъ грозятъ намъ, а внутри
Неправосудье, неустройство, голодъ!
Ихъ англійскимъ союзомъ не избыть!

Я старъ, великій государь, и близокъ
Уже ко гробу. Незачѣмъ мнѣ даромъ
Тебѣ перечить! Да и самъ-то ты
Ужъ нѣмолодъ, великій государь.
Въ твои лѣта о новомъ бракѣ думать
Грѣшно, да и негоже. Бога-бъ ты
Благодарилъ за добрую царицу,
А не искалъ себѣ другой!

ІОАННЪ.

Микита!

Я далъ тебѣ домолвить до конца.
Ко гробу ближе ты, чѣмъ мыслишь. Мнѣ
Наскучило тебя щадить. Легко-бъ я
Могъ отвѣчать на болтовню твою,
Но мой отвѣтъ: я такъ хочу! Довольно!
Ни слова болѣ! Время намъ принять
Батунова посла. Ступай за мной.

Къ царицѣ.

Ты-жъ будь готова въ монастырь идти!

Уходить съ Захарьинимъ.

Престольная палата.

Весь дворъ, въ богатомъ убранствѣ, входитъ и разиѣщается вдоль стѣнъ.
У дверей и вокругъ престола становятся рядами съ топорами на плечахъ.
Трубы и колокола возвѣщаютъ приходъ Іоанна. Онъ входитъ изъ внутрен-
нихъ покоевъ вѣстѣ съ Захарьинимъ.

ІОАННЪ—къ Захарьину.

Впустить посла! Но почестей ему
Не надо никакихъ. Я баловатъ.
Уже Батура болѣ не намѣренъ!

Захарьянъ уходитъ. Іоаннъ садится на пре-
столъ. Черезъ приемную дверь входитъ Гард-
бурда и съ нѣсколькимъ моллономъ остается
передъ Іоанномъ.

ІОАННЪ—хѣря его глазами.

Не въ первый разъ тебя я вижу, панъ
Гарабурда, передъ моимъ престоломъ.
По смерти Жигимонта короля,
Ты съ порученіемъ ко мнѣ отъ сейма
Быть присланъ?

ГАРАБУРДА.

Такъ, великій государь.

ІОАННЪ.

Мнѣ помнится, что польскіе паны
Корону предлагали мнѣ?

ГАРАБУРДА.

Такъ есть.

ІОАННЪ.

Но учиниться вашимъ королемъ,
Не сдѣлавъ власть мою наслѣдной властью,
За благо мнѣ не разсудилось. Вы же
Условья не извоили принять.

ГАРАБУРДА.

Великій царь, не можно было намъ
Республики нарушить привилегій!
У насъ законъ, чтобъ всякій разъ король
Отъ сейма выбранъ быть.

ІОАННЪ.

Хорошъ законъ!

Достойнаго онъ въ Генрикѣ владыку
Доставить вамъ!

ГАРАБУРДА

А бѣсъ его возьми!

То былъ совсѣмъ дрянной король! Когда
Отъ насъ утекъ онъ, мы рукой махнули
И выбрали другого.

ІОАННЪ.

Да! Батура,

Того, который дань платилъ султану,
Когда былъ княземъ семиградскимъ. Ну,
Чего онъ хочетъ? съ чѣмъ тебя прислалъ онъ?

ГАРАБУРДА.

Пресвѣтлый мой великій господинъ,
Король на Польшѣ, семиградскій князь,
Великій князь литовскій...

ІОАННЪ.

Погоди-ка!

Ты православной вѣры? Мнѣ сказали,
Что ты ходилъ къ обѣднѣ въ нашъ соборъ?

ГАРАБУРДА.

Такъ, государь.

ІОАННЪ.

Зачѣмъ-же господиномъ
Схизматика латинскаго зовешь ты?

ГАРАБУРДА

А потому, великій царь, что онъ
Всѣ вольности Украйны утвердилъ,
Святую церковь нашу чтить и намъ
Ксендзовъ проклятыхъ далъ повыгонять.

ІОАННЪ.

Всѣ вѣры для него равны, я слышалъ;
И басурмановъ такъ-же онъ честить.
Ну, говори, какое челобитье
Онъ намъ прислать? О чемъ просить изволить
Сосѣдъ Степанъ?

ГАРАБУРДА.

Онъ просить напередъ.
Чтобъ ты, панъ-царь, не звалъ его сосѣдомъ,
А воздавалъ, и писменно, и устно,
Ему ту честь, названія и титулъ,
И почести, которыя его
Пресвѣтлому довлѣють маестату!

ІОАННЪ.

Ахъ онъ путникъ! Теперь? Въ тотъ самый часъ,
Когда домой бѣжалъ онъ изъ-подъ Пскова?
Недурно! Дальше!

ГАРАБУРДА.

Далѣ, отъ тебя
Онъ требуетъ, чтобъ изъ земли Ливонской,
Не медля, вывелъ ты свои полки
И навсегда-бъ коронѣ польской отдалъ
Смоленскъ и Полоцкъ, Новгородъ и Псковъ.
Ропотъ въ собраніи.
На этомъ миръ съ тобою заключить
Согласенъ онъ.

ІОАННЪ.

Посолъ! ты много-ль выпилъ
Ковшей вина? Какъ смѣлъ ты предо мною
Явиться пьяный?

Къ столу началъ.

Кто изъ васъ дерзнулъ
Нетрезваго впустить въ мои палаты?

ГАРАВУРДА.

Коли-же милости твоей, панъ-царь,
Условія такія не смакують,
Король Степанъ велить тебѣ сказать:
«Чѣмъ даромъ лить намъ кровь народовъ нашихъ.
«Воссядемъ на коней и другъ со другомъ
«Смертельный бой на сабляхъ учинимъ,
«Какъ рыцарямъ прилично благороднымъ!»
И съ тѣмъ король тебѣ перчатку шлетъ.
Бросаетъ передъ Иоанномъ желѣзную перчатку.

ІОАННЪ.

Изъ васъ обоихъ кто сошелъ съ ума?
Ты или король? Къ чему перчатка эта?
Не для того-ль, чтобъ ею мнѣ тебя
Бить по лицу? Да ты забылъ, собака,
Что предъ тобой не избранный король?
Помазанника Божья смѣешь ты
На поле звать? Я поле дамъ тебѣ!
Запитаю тебя въ медвѣжью шкуру
Велю я въ полѣ псами затравить!

ГАРАВУРДА.

Ни! этого, панъ-царь не можно.

ІОАННЪ.

Что?

Да онъ не шутить-ли со мной? Бояре,
Ужель забавнымъ я кажусь?

ГАРАВУРДА.

Ни, ни!

Посла никакъ зашить не можно въ шкуру.

ІОАННЪ.

Вонъ съ глазъ моихъ! Плетьми его отсюда!

Плетьми прогнать обратно къ королю!
 Вонъ изъ палаты! Вонъ, собака! Вонъ!
 Хватаетъ у рынды топоръ и бросаетъ въ Гарабурду.

ГАРАБУРДА—отклоня ударъ.

Поторопился-жъ ты, панъ-царь. Ты, видно,
 И не слыхалъ еще того, панъ-царь,
 Что изъ Варшавы прибылъ съ новымъ войскомъ
 Король Степанъ? Что на границѣ онъ
 Ужъ въ пухъ и прахъ разбилъ твои полки?
 Ты, видно, не слыхалъ, что шведъ уже
 Нарову вялъ? и вмѣстѣ съ королемъ
 Готовится на Новгородъ идти?
 Дрянные-жъ воеводы у тебя,
 Что не дали и знать тебѣ объ этомъ!

ІОАННЪ—вставая съ престола.

Ты лжешь, злодѣй!

ГАРАБУРДА.

А, ей-же Богу, такъ.

Зачѣмъ мнѣ лгать? Нѣтъ, лгать нехорошо.
 Коли-жъ, панъ-царь, ты выѣхать не хочешь
 На честный бой съ пресвѣтлымъ королемъ,
 Къ тебѣ король, пожалуй, на Москву
 Приѣдетъ самъ. Теперь-же будь здоровъ!

Уходитъ. Общее сматеніе.

ГОДУНОВЪ—вбѣгая.

Великій государь! Что сдѣлалъ ты!
 Ты оскорбилъ Батунова посла?

ІОАННЪ.

Онъ лжетъ какъ пѣсъ!

годуновъ.

Нѣтъ, государь! Все правда!
Сейчасъ гонцы отъ войска прискакали! —
Я видѣлъ ихъ—Нарову вяля пшеды —
Полки разбиты наши!

Іоаннъ.

Лгутъ гонцы!

Повѣсить ихъ! Смерть всякому, кто скажетъ,
Что я разбитъ! Не могутъ быть разбиты
Мои полки! Вѣсть о *моей* побѣдѣ
Должна придти! И нынѣ-же молебны
Побѣдные служить по всѣмъ церквамъ!

Падаетъ въ неможеніи въ престольныя кресла.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Площадь въ Замоскворѣчьи.

Площадь наполнена возами. Въ сторонѣ хлѣбные лабазы. За рѣкой виденъ Кремль. Вечерѣетъ. Толпа народа вознуется передъ лабазами.

ЛАБАЗНИКЪ.

Ступайте прочь! Чего наперли снова!
Вѣдь сказана цѣна вамъ: семь алтынъ
За полчетверть!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Батюшка, помилуй!
Скинь хоть алтынъ!

ДРУГОЙ.

Четыре дня не ѣли!

ТРЕТІЙ.

Побойся Бога!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Смилуйся, родимый!
Отсыпь хоть въ долги! О паскѣ заплачу —
Вотъ-те Христосъ!

ЛАВАЗНИКЪ.

Проваливай! О пасхѣ!
Вишь, въ долгъ давай хованское добро!
Прочь, говорю вамъ!

Дерется.

ПЕРВЫЙ.

Что-жъ ты, людоеды!
Околѣвать намъ, что-ли?

ВТОРОЙ.

Лучше прямо
Ножомъ зарѣжь!

ТРЕТИЙ.

Разбойникъ! Душегубецъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Жидовская душа! Ты развѣ самъ
Свой съѣшь запасъ? Самъ, что-ли?

ЛАВАЗНИКЪ.

Караулы!
Лавазъ мой разбиваютъ!

Полколетъ два пристава.

1-й приставъ.

Что за шумъ!
Кто тутъ буянить?

ЛАВАЗНИКЪ.

Помогите! Бунтъ!
Ломаютъ дверь!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Вступитесь, государи!

ДРУГОЙ.

Велите цѣну сбавить государи!

ТРЕТІЙ.

Не дайте съ голодухи помереть!

ЛАВАЗНИКЪ.

Они меня собирались грабить!

ПЕРВЫЙ.

Вреть.

Онъ самъ дерется! чуть не изувѣчилъ!

1-й ПРИСТАВЪ — къ лавазнику.

Какъ смѣешь ты народъ увѣчить? А?

2-й ПРИСТАВЪ.

Въ приказъ его! Къ допросу!

ЛАВАЗНИКЪ.

Государи!

Помилуйте! за что меня въ приказъ?

Хозяйское отстаивать добро!

Суетъ имъ деньги.

1-й ПРИСТАВЪ.

Ну, развѣ такъ!

2-й ПРИСТАВЪ.

Что-жъ сразу не сказаѣ!

1-й ПРИСТАВЪ — къ народу.

Прочь, вы, разбойники! Вотъ я васъ! Прочь!

2-й ПРИСТАВЪ.

Въ застѣнокъ ихъ! Въ приказъ! Къ допросу!

Народъ отступаетъ.

То-то!

Оба пристава идутъ дальше.

ЛАБАВНИКЪ—смотреть имъ встѣдъ.

Христопродавцы! Ишь! Пошли по рынку,
Выглядывать, съ кого-бъ еще содраты!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

И по дѣломъ тебѣ!

ДРУГОЙ.

Съ своимъ запасомъ
Чтобъ лопнулъ ты!

ТРЕТІЙ.

Мы съ голодухи мремъ,
А онъ сидитъ какъ крыса въ закромахъ
Да дуется!

Лабавникъ отходить.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А приставамъ пожива!

ПЕРВЫЙ.

Порядокъ, вишь, поставлены блюсти!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ну ужъ порядокъ! Пусть-бы царь узналъ!

ПЕРВЫЙ.

За ваятки царь таки казнилъ ихъ прежде!
Я видѣлъ самъ: разъ девять человекъ
Висѣло рядомъ; а на шею имъ
Повѣшены ихъ посулы всѣ были!

ВТОРОЙ.

Да царь въ обиду не давать народъ!
Бывало, самъ выходитъ на крыльцо,
Отъ всякаго примасть челобитье

И рядить судъ, а судъ его недологъ:
Обидчикъ будь хоть князь или воевода,
А уличенъ—такъ голову долой!

Подходить Киянъ, переходить въ странниа,
въ червонъ подрясникъ, съ након и четками
въ рукахъ.

КИКИНЪ.

Такъ прежде было, сыне, прежде было!
Теперь не то! Теперь, грѣхъ нашихъ ради,
Врагъ помрачилъ цареви очи. Нынѣ
Уже не царь, а Годуновъ всѣмъ править,
Очами Годунова смотритъ царь!

Народъ столбается вокругъ Кияна.

Вы слышали, что говорилъ лабазникъ?
Ховаяйское, молъ, не свое добро!
А кто хованинъ? тотъ-же Годуновъ!
Кто цѣны набиваетъ? Годуновъ-же!
Легко сказать! Четырнадцать алтынъ
Четверка ржи! Кабы не Годуновъ,
Она всего пошла-бы два алтына!

Ропотъ въ народѣ.

Охъ, прогнѣвили Господа мы, братья!
Намъ мѣла по-дѣломъ! Глядимъ на грѣхъ
Сложимши руки, а еретики тотъ
Межъ тѣмъ царя обходить да обходить!

Ропотъ усиливается.

Господь не даромъ знаменье явилъ:
Кротовую хвостатую звѣзду!
Чай, видѣли ее вы?

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Какъ не видѣть!

ДРУГОЙ.

Котору ночь она восходитъ тамъ
Надъ тою башней.

ТРЕТІЙ.

Вотъ она сейчасъ
Взойдетъ опять, лишь небо потемнѣетъ!

КИКИНЪ.

Великій гнѣвъ Господь являетъ ею!
То огненный подъятъ надъ нами мечъ,
За то, что мы царя, а съ нимъ всю землю
Еретнику въ обиду злому дали!

ПЕРВЫЙ.

Отколѣ-же то вѣдомо тебѣ?

КИКИНЪ.

Скитаюсь, сыне, по святымъ мѣстамъ;
Былъ въ Соловкахъ и на горѣ Аеонской,
Въ Ерусалимѣ былъ, всего наслышанъ,
Моря исплавалъ, земли исходилъ,
Китъ-рыбу видѣлъ, птицу-Евстрафилъ,
И Алатырь, горючій бѣлый камень!
Теперь иду отъ Кіева; тамъ чудо
Великое свершилось: со креста
Софійскаго былъ слышенъ велій гласъ:
Пророчилъ гибель русскому народу
За то, что терпять Годунова!

ПЕРВЫЙ.

Братцы!

Вы слышите, чтѣ странники говорить!

КИКИНЪ.

И гласъ вѣщалъ: возстаньте, христіане!
На Годунова чресла опояшьте,
Бо отъ него всѣ бѣды на Руси!

ВТОРОЙ.

Слышь, замѣчай! Все ало отъ Годунова!

КИКИНЪ.

Такъ, сыне, такъ! Все зло отъ Годунова!
Онъ держитъ хлѣбъ, онъ язвы насылаетъ,
Онъ короля призвать на Русь, онъ хана
Поднять хвалился на Москву!

ТРЕТІЙ.

А, братцы?

Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ? Если правду онъ
Всему виной—мы порѣшимъ его!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Да правду-ль такъ?

ВИКИНЪ.

Воистину и вправду!

Грѣхъ, сыне, намъ не вѣрить въ Божій гласъ!

ПЯТЫЙ.

Ты самъ-ли слышалъ, отче странникъ?

КИКИНЪ.

Самъ!

Какъ равъ, когда народъ валилъ изъ церкви
Отъ всеобщей, софійскій крестъ въ огнѣ
Явился весь и гласъ съ него раздался.
Не я одинъ, весь кіевскій народъ
Ему внималъ, и ницъ всѣ пали въ страхъ!

ТРЕТІЙ.

Ребята! Что-жъ? Когда весь Кіевъ-городъ
Тотъ слышалъ гласъ, такъ стало быть ужъ правда!

ГОВОРЪ ВЪ НАРОДЪ.

Вѣстимо, правда! Значить, Годуновъ
Измѣнникъ! Да! измѣнникъ и кодуунъ!

Онъ, сталъ, Божій гѣвъ на насъ накликалъ!
Антихристъ онъ!

одинъ изъ народа.

Эй, что вы, братцы? Полно,
Грѣхъ вамъ его порочить!

другой.

Вправду грѣхъ!
Опричь добра, о Годуновѣ, братцы,
Мы не слышали ничего!

крики въ народѣ.

Вороны!

Что слушать ихъ! Они за колдуна!
Крѣпки-ли ребра? Бей того, кто будетъ
За вора говорить! Онъ хлѣбъ нашъ держитъ!
Антихристъ онъ! Всѣхъ нашихъ бѣдъ заводчикъ!
Такъ порѣшимъ его! Чего тутъ ждать!
Слышать голосъ Битоговскаго, поющего удалую пѣсню.

ВИТЯГОВСКІЙ—поетъ на оденой.

«Ужъ ты, пьяница-пропойца, скажи,
«Что несешь ты подъ полою, покажи!»

первый.

Кто тамъ юрланить? Что онъ, на-сигъ, что-ли,
Въ такую пору пѣсню затянулъ?

ВИТЯГОВСКІЙ—является, шапка на-бекрень,
нафтачь на-распашу.

«Изъ корчмы иду я, братцы, удалой,
«А несу себѣ я гусли подъ полой!»

КИКИНЪ—къ Битяговскому.

Великій грѣхъ въ такую пору, чадо,
Когда на насъ прогнѣвался Господь,
Когда являетъ знаменья на небѣ,
На землю-жъ гладъ и скорби посылаетъ,
Великій грѣхъ намъ суетъ служить,
Веселію мірскому предаваться,
И суесловіемъ, и глупостіемъ
Діавола во адѣ потѣшать.

ВИТЯГОВСКІЙ.

Красно, товарищъ, сказано! Жаль только,
Что невпопадъ! Когда-жъ и веселиться,
Коль не теперь? Алъ не слыхали, братцы,
Какую милость намъ Господь явилъ?

ГОВОРЪ.

Какую? Говори! Какую милость?

ВИТЯГОВСКІЙ.

А вотъ, ребята, слушайте! Бояре
Князь Шуйскій съ Бѣльскимъ—накази ихъ Богъ! —
Задумали—чтобъ имъ на томъ свѣту
Въ смогъ кипѣть!—задумали царя
Отравой извести!

ГОВОРЪ.

Слышь, слышь, ребята!

Кикинъ дѣлаетъ пакли Битяговскому.

ВИТЯГОВСКІЙ—не обращая на него вниманія.

Господь грѣху не попустилъ свершиться!
Провѣдалъ ихъ злодѣйство Годуновъ,
Да тотъ пирогъ, что для царя спекли,

Собака бросилъ. Та его какъ съѣла —
Такъ и издохла!

НАРОДЪ.

Ахъ они злодѣи!
Ахъ окаянныя! Да кто—сказалъ ты —
Кто спасъ царя? Кто бросилъ псу пирога?

БИТАГОВСКІЙ.

Вѣстимо кто! Бояринъ Годуновъ!
Кому-жъ другому? Онъ и днемъ, и ночью
Блюдетъ царя! А безъ него давно
Проклятый Бѣльскій съ Шуйскимъ извели-бы
Весь царскій корень!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА—къ Кикину.

Что-жъ ты говорилъ,
Что Годуновъ измѣнникъ!

КИКИНЪ.

Да, измѣнникъ!
Иль даромъ намъ Господь изъ-за него
И знаменья, и голодъ посылаетъ?
Тако Битаговскому.
Съума ты, что-ль, сошелъ, аль пьянъ напился?

ВТОРОЙ—къ Кикину.

Какой-же онъ измѣнникъ, козь царя
Отъ смерти спасъ онъ?

ТРЕТІЙ—къ Битаговскому.

Полно, такъ-ли, братъ?
Вотъ странникъ слышалъ самъ, какъ обличать
Съ креста гласъ Божій Годунова!

ВИТЯГОВСКІЙ

Странникъ?

Какой? Вонъ этотъ, что-ли? Ха, ха, ха!
Хорошъ онъ странникъ! Онъ Прокофій Никинъ,
Рязанскій дворянинъ! Мы съ нимъ частенько
По кружаламъ таскались! Изъ Рязани
Онъ далѣ не ходилъ, какъ до Москвы!

Ударяетъ Кикина по плечу.

Прокофій Силычъ, ты кого морочишь?
Вишь, нарядился Лазаремъ какимъ!

КИКИНЪ—тихо къ Витяговскому.

Рехнулся ты?

ВИТЯГОВСКІЙ—тихо къ Кикину.

Ты за кого стоишь?

КИКИНЪ—такъ къ Витяговскому.

Какъ за кого? за Бѣльскаго! Вѣдь Бѣльскій
Насъ торговалъ!

ВИТЯГОВСКІЙ—презрительно.

Пораньше было встать!

КИКИНЪ.

Такъ вотъ ты какъ, Іуда? Погоди-ка:
Я Бѣльскому скажу!

ВИТЯГОВСКІЙ.

Небось не скажешь!

Вязать его ребята! Шуйскій съ Бѣльскимъ
Его къ намъ подослалъ!

КИКИНЪ.

Нѣтъ, неправда,

Его вьезите! Онъ отъ Годунова
Сюда подосланъ!

НАРОДЪ.

Кто ихъ разберетъ!

Одинъ изъ двухъ морочить насъ!—Ребята!

Что долго думать! Вадернемъ ихъ обоихъ!

— Зачѣмъ обоихъ?—Будетъ одного!—

Котораго? А перваго!—Второго!

Нѣтъ, перваго!

Слышенъ звонъ бубенъ. Григорій Годуновъ
показывается, верхомъ, съ двумя бирючани.
За ними валитъ новая толпа.

НАРОДЪ.

Постой, ребята! тише!

Бояринъ ѣдетъ съ бирючани!—Смирно!

Онъ говорить въ намъ хочеть! Тише!—Слушаты!

Онъ говорить.

ГРИГОРІЙ ГОДУНОВЪ—говорить съ коза.

Зарѣченскіе люди

Московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ!

Слуга царевъ, его бояринъ ближній,

Борисъ Феодоровичъ Годуновъ,

Шлетъ вамъ поклонъ! Скорбя о вашей долѣ

И вѣдая всѣ ваши тѣсноты,

Повѣтріе и ржи дороговизну,

Онъ хлѣбные запасы на Москвѣ,

Какіе есть, изъ собственной казны,

Скупаетъ всѣ, и завтра приказалъ

Раздать ихъ вамъ безденежно, а васъ

Молятся просить о его здоровьѣ!

НАРОДЪ.

Отецъ онъ нашъ!—Дай Богъ ему здоровья!—

Кормилецъ нашъ!—Слышь, Годуновъ намъ даромъ

Хлѣбъ раздаетъ!—Спаси его Господь!

Воздай ему сторицей!—Да живетъ
 Вояринъ Годуновъ!—А кто сказалъ,
 Что онъ намъ врагъ?—Кто подымалъ насъ, братцы,
 На Годунова?—Гдѣ онъ, воръ-собака?
 Да мы его на влочьи разнесемъ!

Ближнѣе хочеть бѣжать; народъ бросается на него съ крикомъ.
 Бей, бей его! Пови!

ВИТЯГОВСКІЙ—заломъ руки за поясъ.

Что, дурень, взять?

Впередъ смотри, откуда вѣтеръ дуетъ!

Внутренніе пономъ царя.

Ночь. Царица МАРІА ФѢДОРОВНА, царица Ирина ФѢДОРОВНА и МАРІА
 ГРИГОРЬЕВНА глядятъ въ окно. На вѣтряномъ небѣ вырѣзываются башни
 Кремля и церковныя главы. Между церквами Благовѣщенія и Ивана Вели-
 каго видна комета.

МАРІА ГОДУНОВА—къ Иринѣ.

Соловушка! смотри, какъ далеко
 Звѣзда свой хвостъ раскинула! Какъ разъ
 Надъ городомъ полъ-неба охватила!

ИРИНА.

Она какъ будто ярче съ каждой ночью
 И больше все становится!

Иходитъ царевичъ ФѢДОРЪ ІОАННОВИЧЪ.

ФѢДОРЪ—дергая Ирину за рукавъ.

Оставь,

Аринушка! Должно! отойди!

Глядѣть на это долго не годится;

Оно вѣдь не на добру!

ЦАРИЦА — къ Федору.

Гдѣ государь?

Ужели все на знаменіе смотреть?

ФЕДОРЪ.

Да, матушка. Стоитъ все на крыльцѣ
И смотритъ на звѣзду. Мнѣ съ нимъ хотѣлось
Заговорить, но страшно было. Онъ
Все, молла, смотреть, а кругомъ бояре
Очей поднять не смѣютъ на него.

ЦАРИЦА — заучливо.

Уже который вечеръ ходитъ онъ
Все на звѣзду смотрѣть!

ИРИНА.

И каждый разъ
Все пасмурнѣй приходить, и ни слова
Не вымолвить!

ФЕДОРЪ.

Нерадостныя вѣсти
Его тревожатъ.

ИРИНА.

Правда-ли, что ханъ
Ужъ подшелъ къ Окѣ?

ФЕДОРЪ.

Борисъ сказалъ,
Что точно правда. Страшно и подумать!
Я вотъ хотѣлъ-бы къ Троицѣ пѣшкомъ
Отправиться, молебень отелужить,
Да какъ просить у батюшки, не знаю.

ИРИНА:

Ахъ, Господи! бѣда со всѣхъ сторонъ!
Ужъ не за тѣмъ-ли и звѣзда явилась?

МАРІЯ ГОДУНОВА.

Богъ вѣсть! Недавно привезли сюда
Волхвовъ и ворожей, которыхъ царь
Собрать велѣлъ, чтобы они ему
Повѣдали, зачѣмъ она явилась.

ЦАРИЦА.

Волхвовъ? Помилуй Богъ! Царь видѣлъ ихъ?

ЕВДОРЪ.

Нѣтъ, матушка; но говорилъ Борисъ,
Что ужъ они гадали всѣмъ соборомъ
И батюшекъ сегодня принести
Должны отвѣтъ.

ИРИНА.

Онъ, говорятъ, послать
За схимникомъ какимъ-то?

ЕВДОРЪ.

Да, Ирина:

Я отъ Бориса слышала, что послать.
То мужъ святой. Ужъ тридцать слишкомъ лѣтъ
Затворникомъ живетъ онъ. У него
Царь батюшка спросить совѣта хочетъ.

ЦАРИЦА.

Дай Богъ, чтобъ схимникъ далъ ему совѣтъ!

ИРИНА.

Дай Господи! Зачѣмъ-бы государю
Собрать волхвовъ и на душу брать грѣхъ!

ТРЕЛОУКЪ.

ФЕДОРЪ — озираясь.

Ирина, тсъ! Въ сѣнять шаги какъ будто
Я батюшкины слышу!

СТОЛЬНИКЪ — косильно отворяетъ дверь и
говорить шопотомъ.

Царь идетъ!

Иоаннъ входитъ, опираясь одною рукою на посохъ,
другую на плечо Бориса Годунова. За нимъ бояре.

ІОАННЪ — къ Федору и женщинамъ.

Ступайте всѣ сюда! — Всѣ подойдите
И слушайте!

Садится.

Я знаменіе понялъ!

Волхвы, которыхъ я собрать велѣлъ,
Мнѣ новаго не скажутъ — самъ я понялъ!

Молчаніе. Федоръ тихонько подталкиваетъ Ирину.

ИРИНА — бояливо къ Иоанну.

Царь батюшка... дозвожь тебя спросить,
Чтѣ понялъ ты?

ІОАННЪ.

Вы видите звѣзду?

Она мнѣ смерть явилась возвѣстити!

ФЕДОРЪ — бросаясь на колѣна.

Помилуй, батюшка! Помилуй, чтѣ ты!

ІОАННЪ.

Встань и не хнычь. Еще успеешь хныкать.

Сперва принять ты долженъ государство.

Встань, говорю тебѣ!

Женщины подымають волю.

Молчите, бабы!

Успѣте! Позвать ко мнѣ врача!

Царяца Марья!—я съ тобой намеренъ

Негоже говорилъ—забудь о томъ.

Сынъ Ѳеодоръ!—ты въ тяжелый, трудный часъ

Восходишь на престолъ—ты думалъ-ли,

Что будешь дѣлать, какъ меня не станеть?

ѲЕДОРЪ.

Царь-батюшка! Когда ты насъ покинешь,

Не знаю, какъ и быть!

ІОАННЪ.

Ты долженъ знать!

Ты скоро царь. Не вѣдь на колокольнѣ

Тебѣ звонить. Ты продолжать-ли будешь

Войну, иль миръ съ Батуromъ учинишь?

ѲЕДОРЪ.

Какъ, батюшка, прикажешь!

ІОАННЪ.

По грѣхамъ

Мнѣ наказанье послано отъ Бога!

Иванъ, Иванъ! Мой старшій сынъ Иванъ!

Ты мнѣ не такъ бы отвѣчалъ!—Врача!

Входитъ врачъ Якоби.

А, вотъ ты! Что? Къ чему мнѣ послужила

Твоя наука? Умереть я долженъ!

Скажи, когда умру я? Говори!

Я знать хочу!

ЯКОВИ—пощупать пульсъ.

Великій царь, ты боленъ,

Но умирать тебѣ причинъ нѣтъ!

ІОАННЪ.

Неправда! я умру—я знаю вѣрно!
Кровавая звѣзда—я равнѣ слѣпъ?
Я понялъ все!

ЯКОВИ.

Когда своимъ ты мѣняешь,
Великій царь, себѣ не повредишь,
Ты будешь вѣдѣть. Тебѣ я головою
Готовъ за это отвѣчать.

ІОАННЪ.

Ты лжешь!

Тебя бояре подкупили; Курбскій
И всѣ мои влодѣи подкупили,
Чтобъ умеръ я безъ покаянья. А?
Кто подкупилъ тебя?

ЯКОВИ.

Великій царь,
Твой мозгъ отъ долгихъ бдѣній раздраженъ.
И кровь твоя воспалена. Дозволь
Тебѣ напитокъ на ночь приготовить,
Онъ освѣжитъ тебя.

ІОАННЪ.

Я не умру
Безъ покаянья! Слышишь? Я успѣю
Покаяться.

Къ боярамъ.

Успѣю—вамъ на зло!
Позвать волхвовъ! Отъ нихъ узнаю я,
Когда мой часъ придетъ. А до того
Я царь еще! Я наказанъ службою.

Того изъ васъ, кто хочетъ, чтобъ я умеръ
Какъ пещь, безъ покаянья!

Входить два волхва.

Вотъ они!

Зачѣмъ васъ только двое? Гдѣ другіе?

1-й волхвъ.

Всѣ вмѣстѣ, царь, мы въ Рафляхъ и въ Зодѣѣ
Три дня читали. Нынѣ нашъ соборъ
Насъ двухъ къ тебѣ съ отвѣтомъ присылаетъ.

ІОАННЪ.

Ну—что-же?

2-й волхвъ.

Царь, намъ страшно говорить!

ІОАННЪ.

Я знаю все. Миѣ смерть? Скажите прямо!

1-й волхвъ.

Такъ, государь.

ІОАННЪ.

Когда?

1-й волхвъ.

- Въ Кириллинъ день.

2-й волхвъ.

Въ Кириллинъ день—осмынадцатаго марта.

ІОАННЪ—про себя.

Осмынадцатаго марта! Это скоро!

Я думалъ позже—я не ждалъ такъ скоро!

Къ волхвамъ.

Откуда вы?

1-й волхвъ.

Я родомъ изъ Кореловъ.

2-й волхвъ.

Я изъ Литвы.

ІОАННЪ.

А кто васъ научилъ
Кудесничать и звѣзды толковать?

1-й волхвъ.

Изъ рода въ родъ къ намъ перешло отъ предковъ.

ІОАННЪ.

Вы христіане?

2-й волхвъ.

Насъ крестили, царь.

ІОАННЪ.

Проклятые! Вы знаете-ль, что наша
Святая церковь ворожбы не терпитъ?

1-й волхвъ.

По твоему лишь царскому указу
Гадали мы.

И

ІОАННЪ.

По моему указу
Волхвовъ казнятъ. Зловѣщія уста
Я вамъ живымъ ведлю землей засыпать

2-й волхвъ.

Мы не виновны, царь. Не наша власть
Изъ нашихъ устъ тебѣ вѣщаетъ.

ІОАННЪ.

Чья-же?

1-й волхвъ.

Не спрашивай.

2-й волхвъ.

Не спрашивай насъ, царь! —
Ты знаешь самъ.

ІОАННЪ.

Нѣтъ! Богъ свидѣтель мнѣ,
Отъ власти той я отрекаюсь! Васъ-же,
Богоотступниковъ, я выдамъ церкви!
Сковать обонѣ и съ другими вмѣстѣ
Отвести въ тюрьму!

Волхвовъ уводитъ.

Осмынадцатаго марта!

Немного дней осталось мнѣ. Явиться
Передъ Судьей пришла пора. Но я
Не дамъ моимъ врагамъ торжествовать
И съ міромъ всѣ мои покончу счеты!

Къ Годунову.

Борисъ! Сходи въ опочивальню—тамъ
На полицѣ лежитъ, подъ образами,
Начатый мной синодикъ. Принеси
Его сюда.

Годуновъ уходитъ. Іоаннъ продолжаетъ, вставъ на бояръ.

Ни одного изъ тѣхъ,
Которыхъ я казнилъ за ихъ измѣны,
Я не оставлю безъ поминаенья —
Ни одного! Последнему холопу
Назначу вкладъ за упокой! — Что взяли!

Годуновъ возвращается съ бумагой.

Поди сюда Такъ. Это тотъ синодикъ.
Прочти мнѣ вслухъ—возьми перо—и если
Кого-нибудь еще припомню я,
Того ты выпишешь!

ГОДУНОВЪ—беретъ перо и читаетъ.

«Упокой, Господь,

«Твоихъ рабовъ: боярина Михайлу,
«Окольничихъ Ивана и Петра,
«Боярина Василя съ женою,
«Да ихъ холопей тридцать человекъ.
«Помилуй юеводу князь-Григорья
«Съ княгиню, съ двумя ихъ дочерьми,
«Да съ малолѣтнимъ сыномъ, а при нихъ
«Холопей ихъ сто-двадцать человекъ.
«Боярина князь-Якова съ княгиней
«Марією, съ княжной Елизаветой,
«Съ княжатами съ Никитой и съ Иваномъ,
«Да ихъ холопей сорокъ человекъ.
«Игуменовъ Корнилія, Васьяна,
«Архіерея Леонида, съ ними-жъ
«Пятнадцать иноковъ...»

ІОАННЪ.

Постой—пятнадцать?

Ихъ было болѣ—двадцать напиши!

ГОДУНОВЪ—внѣтъ и продолжаетъ.

«Помилуй, Господи, и упокой
«Крестьянъ опальныхъ сель и деревень
«Боярина Морозова, числомъ
«До тысячи двухсотъ! Трехъ нищихъ старцевъ,
«Затравленныхъ медвѣдемъ. Девять женовъ,
«Что привезли изъ Пскова. Всѣхъ сидѣльцевъ,
«Которые сдались королю

«И были имъ отпущены на волю,
 «Числомъ двѣ тысячи... Новгородцевъ.
 «Утопленныхъ и избѣнныхъ,
 «Двѣнадцать тысячъ, ихъ-же имена
 «Ты вѣси, Господи!..»

ІОАННЪ.

Постой!—За дверью

Тамъ кто-то говоритъ!

Бѣльскій выходитъ и тотчасъ возвращается.

БѢЛЬСКІЙ.

Дворецкій твой

Изъ слободы пріѣхалъ, государь.

ІОАННЪ.

Объ эту пору? Ночью? что случилось?

Позвать его!

Входитъ дворецкій.

Зачѣмъ пріѣхалъ ты?

ДВОРЕЦКІЙ.

Царь-государь! Гнѣвъ Божій насъ постигъ!
 Вчерашняго утра въ твой царскій теремъ
 Ударилъ громъ и сжегъ его до тла!

ІОАННЪ.

Теперь? Зимой?

ДВОРЕЦКІЙ.

Гнѣвъ Божій, государь!

Въ морозное, безоблачное утро
 Нашла гроза. Въ твою опочивальню
 Проникла съ трескомъ молонья—и разомъ

Дворецъ вспыхнулъ. Никто изъ старожилонъ
Того не поминить, чтобъ когда зимою
Была гроза!

ІОАННЪ—про себя.

Да! Это Божій гнѣвъ!
Въ покоѣ томъ я сына умертвилъ—
Тамъ онъ упалъ—межъ дверью и окномъ—
Разъ только вскрикнулъ и упалъ—хотѣлъ
За пологъ ухватиться, но не могъ—
И вдругъ упалъ—и кровь его изъ раны
На пологъ брызнула —

Вздрогнулъ.

Что это было?

Борисъ!—оставь, оставь теперь синодикъ —
Мы послѣ кончимъ! Слышите? Что тамъ
Скребеть въ подпольѣ? Слышите? Еще!
Еще! Все ближе! Да воскреснетъ Богъ!
Я царь еще! Мой срокъ еще не миновалъ!
Я царь еще—покаяться я властенъ!
Ирина, Федоръ, Марья! Станьте здѣсь —
Другъ подлѣ друга. Ближе, такъ, бояре!
Всѣ рядомъ станьте здѣсь передо мной —
Чего боитесь? Ближе! Я у всѣхъ—

Кланяется въ землѣ.

У всѣхъ у васъ прощенія прошу!

БѢЛЬСКІЙ—тихо къ Шуйскому.

Помилуй насъ Господь!

ШУЙСКІЙ—тихо къ БѢльскому.

Остережемся —

Быть можетъ, онъ испытываетъ насъ!

ІОАННЪ—стоитъ на колѣняхъ.

Вы, вѣрные рабы мои и слуги!
Межъ вами нѣтъ ни одного, кого-бъ
Не оскорбилъ я дѣломъ или словомъ!
Простите-жъ мнѣ! Ты, Бѣльскій,—ты, Захарьинъ,—
Ты, князь Мстиславскій,—ты, князь Шуйскій,—ты..

шуйскій.

Помилуй, государь! Тебѣ-ль у насъ
Прощенія просить?..

ІОАННЪ.

Молчи, холопы!

Я каяться и унижаться властенъ
Предъ кѣмъ хочу! Молчи и слушай! Каюсь:
Моимъ грѣхамъ нѣсть мѣры, ни числа!
Душою скотенъ—разумомъ растлѣнъ—
Прельстился я блещаньемъ багряницы,
Главу мою гордыней осквернилъ,
Уста—божбой, языкъ мой—срамословьемъ;
Убійствомъ—руки и грабленьемъ злата,
Утробу—объяденіемъ и пьянствомъ.
А чресла—несказуемымъ грѣхомъ!
Бояре всѣ! Я васъ молю—простите,
Вы всѣ простите вашему царю!

Кланяется въ землю.

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государь! Когда то Божья воля,
Чтобъ ты отъ міра въ вѣчность отошелъ,
То о дѣлахъ теперь подумать долженъ
И о войнѣ, которую оставишь
Въ наслѣдство сыну, а грѣхи твои
Мы всѣ тебѣ усердно отпускаемъ
И Господа всѣ молимъ за тебя!

ІОАННЪ — вставая.

Ты правъ, старикъ. Сынъ Федоръ, подойди
Немного дней — и ты на царство сядешь —
Услышь теперь послѣдній мой наказъ:

Опускается въ кресло.

Цари съ любовію, и съ благочестьемъ,
И съ кротостію. Напрасно не клади
Ни на кого ни казни, ни опалы.
Моимъ врагамъ, которыми отъ царства
Я прогнанъ былъ и, аки бѣдный странникъ,
Искалъ себѣ пріюта на Руси,
Не мсти по мнѣ — Всевышній насъ разсудитъ!
Мою царицу, мачиху твою,
Блюди и милуй; съ Дмитріемъ-же, съ братомъ,
Будь за-одинъ; не захоти никакъ
Присвоивать себѣ его удѣла,
Занеже Каинъ Авеля убилъ,
Наслѣдства-же не взять братоубійца.
Войцу съ Литвой старайся кончить миромъ
И силы всѣ на хана устремить.
Совѣтуйся съ Борисомъ; вѣрь ему;
Онъ вѣдаетъ мои предназначенья
И въ думномъ дѣлѣ мной самимъ отъ млада
Былъ вразумленъ. На первый разъ тебѣ
Онъ дѣлатель изрядный будетъ. Послѣ-жъ
Дѣламъ посольскимъ, ратнымъ и судейскимъ
Самъ навѣдай, чтобъ не тебѣ другіе,
А ты-бъ другимъ указывалъ во всемъ.
Опричиню-жъ ты снова-ль учредишь,
Иль будешь всей землею государить —
Въ твоей то волѣ — ты разсудишь самъ.
Какъ то тебѣ и брату прибыльнѣе,
А обравецъ вамъ учиненъ готовъ.
Ты все-ли понялъ?

Федоръ.

Батюшка! Дастъ-Богъ,

Ты не умрешь! Дастъ-Богъ, еще меня ты
Переживешь молитвами моими!
А мнѣ куда на царство? Самъ ты знаешь.
Я не готовился къ тому!

Іоаннъ — гнѣвно.

Федоръ!

Тебя не спросить: нѣлюбю или люблю —
Ты за меня на царство долженъ сѣсть,
Когда меня не станеть!

Федоръ.

Не гнѣвись,

Царь-батюшка — но я молю тебя —
Поставь другого! Мало-ль на Руси
Людей меня достойнѣйшихъ и лучшихъ,
А я, царь-батюшка, доволенъ быть-бы
И небольшимъ удѣломъ.

Іоаннъ.

Пономарь!

Я говорю съ тобой какъ съ мужемъ, ты-же
Какъ баба отвѣчаешь! Горе! горе!
Сыноубійцѣ мститъ за брата брать!
Иванъ, мой сынъ! Мой сынъ, убитый мною!
Я для того-ль всю жизнь провелъ въ борьбѣ,
Сломилъ бояръ, унижилъ непокорство,
Вокругъ себя измѣну подавилъ
И на крови наслѣдный мой престолъ
Такъ высоко поставилъ, чтобы вдругъ
Все рушилось со мной!

Григорій Нагой входитъ съ бумагами.

ГР. НАГОЙ.

Великій царь,
Дѣй грамоты въ тебѣ!

ІОАННЪ.

Отдай Борису —
Пусть онъ прочтетъ!

ГОДУНОВЪ — просмотри обѣ грамоты.

Изъ Серпухова пишутъ,
Великій государь, что чрезъ Оку
Переправляться канъ ужъ начинается;
А изъ Казани — что кругомъ возсталъ
Вся Луговая Черемиса вмѣстѣ
Съ Ногайцами.

ІОАННЪ.

Нѣтъ! Столько разомъ бѣдъ
Упасть не можетъ на одну главу!
Не вѣрю! Нѣтъ! Подай сюда листы!

Годуновъ подаетъ ему грамоты; онъ
долго въ нихъ смотритъ, рокаетъ и
остается недвижимымъ. Молчаніе. Вхо-
дитъ стольникъ и печетъ на ухо Вѣль-
скому.

ВѢЛЬСКІЙ — къ Іоанну.

Великій царь! Къ тебѣ пришелъ тотъ скимниръ,
Котораго ты привести велѣлъ.

ІОАННЪ — вразогнутъ.

Впустить его. Вы всѣ ступайте прочь —
Я съ нимъ хочу наединѣ остаться.

Всѣ выходить.

ІОАННЪ—одинъ.

Всевышній Боже! Просвѣти мой разумъ!

Остается погруженъ въ размышленія. Черезъ
вѣсколько временъ входитъ схимникъ. Іоаннъ
встаетъ и преклоняетъ предъ нимъ главу.

Благослови меня, отецъ!

СХИМНИКЪ—благославляетъ его.

Во имя

Отца и Сына и Святаго Духа.

ІОАННЪ—садясь.

Я много слышать о тебѣ. Ты долго
Затворникомъ живешь. Въ глубокой кельѣ
Свой слухъ и зрѣнье суетъ мірской
Ты заградилъ. Такимъ мужамъ, какъ ты,
Господь дарить чудесное прозрѣнье
И ихъ устами истину гласить.

СХИМНИКЪ.

Такъ, сынъ мой; есть въ Минцяхъ Четяхъ
Тому примѣры; но до тѣхъ мужей
Мнѣ далеко.

ІОАННЪ.

Давно ты схи́му принять?

СХИМНИКЪ.

Въ тотъ самый годъ, когда ты, государь,
Казань завоевалъ; а сколько лѣтъ
Тому прошло—не вѣдаю.

ІОАННЪ.

Тому

Ужъ тридцать лѣтъ. И съ самой той поры
Ты заперся отъ міра?

СХИМНИКЪ.

Я сегодня

Его увидѣлъ снова въ первый разъ.
Изъ подземельной келии моей
Меня насильно вывели.

ІОАННЪ.

Прости,

Святой отецъ, что потревожилъ я
Твое уединеніе и молитвы.
Но мнѣ былъ нуженъ твой совѣтъ. Скажи,
Наставь меня, какъ отворотить мнѣ гибель
Отъ всей земли и отъ престола?

СХИМНИКЪ.

Гибель?

Какую гибель?

ІОАННЪ.

Развѣ ты не знаешь?

СХИМНИКЪ.

Не знаю, сынъ мой. Вѣсти до меня
Не доходили.

ІОАННЪ.

Отче, за грѣхи
Господь меня караетъ. Королю
Онъ одолѣнъ надъ мной послалъ —
Ливонію воюють Шведы — ханъ
Идетъ съ ордою на Москву — Ногаи
И Черемисы бунтомъ встаютъ —
Что дѣлать мнѣ?

СХИМНИКЪ.

Великія-жъ съ тѣхъ поръ
Настали перомѣны! Ты въ то время

Врагамъ быть грозенъ. Ты стоялъ высоко;
 Никто не смѣлъ подняться на тебя;
 Мы-жъ знаменья не разъ воспоминали,
 Которымъ при рожденіи твоёмъ
 Свидѣтелями были: въ самый часъ,
 Какъ ты родился, громъ ударилъ въ небѣ,
 Весь день гремѣлъ при солнечномъ сіяньи,
 И было такъ по всей Руси; и много
 Отшельниковъ пришло изъ разныхъ странъ
 Предвозвѣстить твое величье
 И колыбель твою благословить.

ІОАННЪ.

Такъ, мой отецъ. И милостивъ былъ долго
 Ко мнѣ Господь; но нынѣ отъ меня
 Свою десницу отнять Онъ. Престолъ мой
 Шатается; враги со всѣхъ сторонъ
 Меня тѣснятъ!

СХИМНИКЪ.

Пошли на встрѣчу имъ
 Твоихъ вождей. Довольно у тебя
 Есть воеводъ. Они тебѣ привыкли
 Языцей покорять.

ІОАННЪ.

Святой отецъ,
 Вождей тѣхъ вѣтъ, которыхъ ты знавалъ!

СХИМНИКЪ.

Ни одного? А гдѣ-жъ Горбатый-Шуйскій,
 Князь Александръ Борисовичъ, который
 Разбилъ на Волгѣ князя Япанчу?

ІОАННЪ.

Онъ измѣнилъ мнѣ—и казненъ.

ГЛАГОЛѢ.

СХИМНИКЪ.

Горбатый?

Онъ вѣрный былъ тебѣ слуга. А гдѣ
Князь Рязановскій, тотъ, что столько славныхъ
Побѣдъ надъ ханомъ одержалъ?

ІОАННЪ.

Казненъ.

СХИМНИКЪ.

А Федоровъ, конюшій твой, который
Въ землѣ Рязанской сокрушилъ орду
И полонилъ царевича Мамаю?

ІОАННЪ.

Онъ мной убитъ за то, что захотѣлъ
Похитить у меня престолъ мой.

СХИМНИКЪ.

Царь,

Въ твоихъ рѣчахъ я истины не слышу!
Всѣ тѣ мужи тебѣ служили вѣрно—
Я зналъ ихъ всѣхъ. Но у тебя остался
Бояринъ князь Михайло Воротынский?
Когда Казань мы брали, первый онъ
Крестъ водрузилъ на вражіей стѣнѣ.
Врагамъ онъ вѣдомъ!

ІОАННЪ.

Онъ на пыткѣ умеръ.

СХИМНИКЪ.

Князь Воротынский!—Царь!—А гдѣ-же Пронскій,
Князь Турунтай, который въ славной битвѣ
Подъ Полоцкомъ Литву разбилъ?

ІОАННЪ.

Утоплень.

СХИМНИКЪ.

Да будетъ милостивъ къ тебѣ Господь!..
Но Курбскій, князь Андрей Михайлычъ, твой
Сподвижникъ добрый въ славный день казанскій?

ІОАННЪ.

Не спрашивай о немъ! Меня онъ бросилъ—
Мнѣ измѣнилъ—и ко врагамъ моимъ
Ушелъ въ Литву.

СХИМНИКЪ.

Въ былое время, помню,
Тебя любили; отъ тебя никто
Не уходилъ; изъ дальнихъ странъ стекались
Тебѣ служить. Но гдѣ-жъ князя: Щербатый?
Щенятевъ? Оболенскій?

ІОАННЪ.

Мой отецъ,
Не называй ихъ—ихъ ужъ нѣтъ.

СХИМНИКЪ.

А Кашинъ?
А Бутурлинъ? Серебряный? Морозовъ?

ІОАННЪ.

Всѣ казнены.

СХИМНИКЪ.

Какъ? Всѣ до одного?

ІОАННЪ.

Всѣ, отче,—всѣ.

СХИМНИКЪ.

Всѣхъ погубилъ ты?

ІОАННЪ.

Всѣхъ.

Молчаніе.

Я каялся, отецъ мой. Мнѣ недолго
Осталось жить—я долженъ умереть—
И срокъ ужъ мнѣ назначенъ.

СХИМНИКЪ.

Кто тебѣ

Назначилъ срокъ?

ІОАННЪ.

Не спрашивай, отецъ мой!—
Не спрашивай—но вразуми меня,
Какъ царство мнѣ спасти?

СХИМНИКЪ.

Когда-бъ ты не былъ
И слабъ, и хворъ, я бы сказалъ тебѣ:
Встань, государь! И за святое дѣло
Самъ поведи на брань свои полки!
Но ты согбенъ недугомъ—я въ тебѣ
Не узнаю воителя Кавани,
И долженъ ты другому воеводство
Свое вручить, такому, чье-бы имя
Одушевило Русь. Твой сынъ Иванъ
Теперь быть долженъ возмужалый воинъ—
Попли его.

ІОАННЪ—быстро вставая.

Монахъ! Ты для того-ли
Его назвалъ, чтобъ надѣваться мнѣ?
Ты смѣлъ назвать Ивана? Я тебѣ
Велю языкъ твой вырвать!

СХИМНИКЪ.

Царь, твой гнѣвъ
Не страшенъ мнѣ, хотя и непонятенъ.
Уже давно я смерти жду, мой сынъ!

ІОАННЪ—сидясь.

Прости меня! Прости! отецъ святой!
Но неужель ты, ничего не слышалъ?
Ужель въ твою обитель никакая
Вѣсть не проникла?

СХИМНИКЪ.

Дверь въ мою обитель
До дня сего задѣлана была,
И проникать въ глухое подземелье
Лишь дальній гулъ Господней непогоды
Да слабый звонъ святыхъ колоколовъ.

ІОАННЪ.

Отецъ мой, — я исполнить не могу
Совѣта твоего: мой сынъ Иванъ—
Преставился!

СХИМНИКЪ.

Кто-жъ твой наслѣдникъ нынѣ?

ІОАННЪ.

Второй мой сынъ, Феодоръ; но и тѣломъ,
И духомъ слабъ онъ. Нечего и думать,
Ждать отъ него пособія иль дѣла!

СХИМНИКЪ.

Тогда—у Бога помощи проси!

ІОАННЪ.

И никакого наставленья болѣ
Ты мнѣ не дашь?

СХИМНИКЪ.

Царь, прикажи меня

Отвести обратно въ келію мою.

ІОАННЪ—вставая.

Святой отецъ, молися за меня!

СХИМНИКЪ.

Всемилоостивый Богъ да ниспошлетъ

Миръ совѣсти твоей!

ІОАННЪ—провождаетъ схимника и, отворивъ дверь, говорятъ.

Святого старца

Отвести опять въ его обитель! Вы-же

Всѣ можете войти!

Гедоръ и бояре входятъ.

ІОАННЪ—садится и говорить, помолчавъ.

Мстиславскій! Бѣльскій!

Захарьинъ! Годуновъ! Цѣлуйте крестъ,

Что будете Гедодору служить

До смерти и до крови!—Ты-жъ, Гедодоръ,

Имъ четверымъ довѣрься. Ничего

Не начинай безъ ихъ совѣта. Если-жъ

Господь дозволить, чтобы князь Иванъ

Петровичъ Шуйскій удѣлѣлъ во Псковѣ,

Онъ будетъ пятый. Имъ я завѣщаю

Съ тобою вмѣстѣ Русью управлять.

Подаетъ имъ свой нагрудный крестъ.

Цѣлуйте крестъ!

МСТИСЛАВСКІЙ, ЗАХАРЬИНЪ, БѢЛЬСКІЙ И ГОДУНОВЪ

—прикладываясь ко кресту.

Цѣлуемъ, государь!

ІОАННЪ.

Пословъ въ Литву отправить сею-жъ ночью

И добрый миръ, во что-бы то ни стало,
 Хотя на сройъ съ Батуромъ учинить.
 «Челомъ-де быю влюбленному брату
 «Стефану королю»—и полный титулъ
 Весь прописать его, въ концѣ-жъ назвать
 Владѣтелемъ ливонскимъ—такъ онъ хочетъ—
 «Землею-де Ливонской быю челомъ
 «Влюбленному брату, и прошу
 «Оставить мнѣ одинъ лишь городъ Юрьевъ,
 «А достальное будетъ все его!»
 Ему-же уступаю города:
 Велижъ, Усвятъ, Овѣрище и Полоцкъ,
 Изборскъ, Себежъ, Холмъ, Заволочье, Островъ,
 Гдовъ, Невель, Луки, Красный и другіе
 Всѣ города, имъ взятые у насъ!

Ропотъ между боярами.

ЗАХАРЬИНЪ.

Помилуй, государь! Такое стыдно
 Намъ заключать условье!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Государь!

Вели намъ всѣмъ идти на бой съ Батуромъ,
 Лишь не вели срамиться намъ!

ВѢДЬСКІЙ.

Доволь,

Великій царь, мы все имѣнье наше
 Пожертвуемъ!

ВСѢ БОЯРЕ—говорятъ наперерывъ.

Всѣ лязжемъ за тебя!

Все продадимъ! Заложимъ земли наши!

До смерти постоямъ! Прольемъ до капли
 Всю нашу кровь! Умремъ до одного!
 Лишь напихъ русскихъ, кровныхъ городовъ
 Не прикажи намъ отдавать!

ІОАННЪ.

Молчите!

Я развѣ радъ тому?—Нельзя иначе;
 Забыли вы, что ханъ ужъ подъ Москвой?
 Что Черемисы поднялись? Что Шведы
 Грозятъ идти на Новгородъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Но, царь,
 Псковъ нашъ еще! Доволь онъ не сдастся,
 Батуръ не можетъ тыломъ стать къ нему!
 Онъ дажѣ не пойдетъ! Въ его полкахъ
 Мятежъ и моръ, безденежье и голодъ —
 Пожди еще—пожди, и скоро онъ,
 Осаду снявъ, уйдетъ и всѣ свои
 Завоеванья намъ отдастъ!

ІОАННЪ.

Нельзя!

Нельзя мнѣ ждать! Кровавая звѣзда
 Меня зоветъ! Отъ Федора-же болѣ
 Еще Батуръ потребуетъ! Нельзя!

ВЪДЬСКИЙ.

Но, государь, ты слышишь: бунтъ, и голодъ,
 И моръ въ ихъ войскахъ! Неужель теперь,
 Теперь—когда напоромъ дружнымъ можно
 Ихъ разгромить—мы имъ уступимъ, столь
 Владѣній русскихъ?

ІОАННЪ.

Намъ не побѣдять!

Забыли вы, что не ему, а мнѣ

Вонъ та звѣзда погибель предвѣщаетъ?

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государь! Когда-бъ и въ самомъ дѣлѣ

Ты самъ погибъ—зачѣмъ-же хочешь ты

И Русь еще губить съ собой?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Зачѣмъ

Унизить хочешь нашу честь?

ІОАННЪ—гордо.

Когда,

Мои грѣхи предъ смертью искупая,

Я унижаюсь—я, владыко вашъ—

Тогда не вамъ о вашей чести думать!

Ни слова болѣ!—Шуйскій! ты къ разсвѣту

Мнѣ грамоту къ Батѹру изготовишь,

А Пушкину съ товарищи велишь,

Чтобы, чѣмъ свѣтъ, они собирались вѣять;

Чтобы они въ своихъ переговорахъ

Вели себя смиренно, кротко, тихо,

Чтобы сносили брань и оскорбленья

Безропотно—чтобъ все сносили—все!

БОЯРЕ.

Нѣтъ, государы! Нѣтъ! Этого нельзя!

Ты въ нашихъ головахъ, въ имѣньи нашемъ,

Во всемъ воленъ! Но въ нашей земской чести

Ты не воленъ! Нѣтъ, государы! Такого

Никто наказа не подпишетъ!

ІОАННЪ—всталъ.

Такъ-то

Присягу бережете вы свою?
 Такъ помните Писанье? Въ оный день,
 Когда хотѣлъ съ престола я сойти,
 Зачѣмъ меня соборомъ вы молили
 Остаться на престолѣ? Иль въ тотъ день
 Я власть отъ васъ условную пріялъ?
 Иль я не тотъ-же царь, который вамъ
 Отъ Бога данъ и вами-жъ избранъ снова?
 Иль есть у васъ иной отвѣтъ, какъ только
 Повиноваться мнѣ? Иль, быть можетъ,
 Такъ мало дней осталось мнѣ жить,
 Что ужъ не стоить мнѣ повиноваться?
 Клятвопреступники! Мой срокъ не минулъ!
 Я царь еще! Кто смѣетъ говорить,
 Что я не царь? Ницъ! Въ прахъ передо мною!
 Я вашъ владыко!..

Шатается.

ГОДУНОВЪ—подхватывая его.

Государю дурно!

Позвать врачей!

ІОАННЪ—поддерживаемый Годуновымъ.

Педъ страшной смертной казнью,
 Пословъ, немедля, снарядить! Велѣтъ имъ,
 Чтобъ все сносили—все терпѣли—все—
 Хотя-бъ побои!

Воаръ удаляется.

Боже всемогущій!

Ты своего помазанника видишь —
 Достаточно-ль униженъ онъ теперь!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Домъ Годунова.

Годуновъ и жена его провожаютъ съ помонами царевича Федора.

ГОДУНОВЪ.

Прости-жъ, царевичъ! Много благодарны
Тебѣ за честь! Да не кручинься болѣ!
Ты видишь—вотъ Кириллинъ день насталъ,
Бѣды-жъ съ собою не принесъ: напротивъ,
Сегодня стало государю легче
И добрыя все вѣсти къ намъ пришли:
Царевъ гонецъ успѣлъ его посольство
Вернуть назадъ; разливъ мѣшаетъ хану
Прейти Оку; а что король со Пскова
Осаду снялъ, та вѣсть еще и прежде
Оправила царя! Пожди немного,
И скоро здравъ онъ будетъ.

МАРІЯ ГОДУНОВА.

Государы!

Куда-жъ слѣпишь ты? Я вѣдь и закуской
Попотчивать тебя-то не успѣла!

ФЕДОРЪ.

Уволь, невѣстухна! Хотя и легче
Сегодня стало батюшкѣ-царю,
А все на сердцѣ какъ-то неспокойно.

Вся на тебя моя надежда, шуринъ;
 Не отрекись отъ слова своего;
 Когда-бы что, не дай Господь, случилось,
 Я буду какъ въ гѣсу! Тогда ужъ ты мнѣ
 Указывай, что дѣлать!

ГОДУНОВЪ.

Я, царевичъ,
 Тебѣ слуга и вѣрный твой холопъ;
 Но еслибъ что случилось, посмотри:
 Мнѣ не дадутъ тебѣ служить; всѣ будутъ
 Меня чернить!

ЕВДОРЪ.

Я не повѣрю имъ!
 Отецъ тебя мнѣ слушаться велѣлъ,
 И на тебя во всемъ я положуся.
 Прости-жъ, Борисъ! Прости-же, дорогая
 Невѣстуха! Прошу не провожать!
 Уходить, сопровождаемый Годуновымъ.

МАРІЯ—одна.

О, Господи! Когда-бы этотъ день
 Скорѣй прошелъ! Что мужъ ни говори,
 А самъ онъ неспокоенъ. Мнѣ-жъ всю ночь
 Камень драгоцѣнное все снилось
 И крупный жемчугъ—и руками царь
 Все рылся въ немъ, и иконты, любуясь,
 Пересыпалъ. Къ бѣдѣ, а не къ добру
 Такіе сны!

Задумывается.

ГОДУНОВЪ—возвращается и смотритъ на нее.

Марія, что съ тобою?

МАРІЯ.

Прости меня! Мнѣ страшенъ этотъ день!
Ворожей...

ГОДУНОВЪ.

Ворожей солгали:
Царь сталъ бодрѣй. Я видѣлъ самъ его.

МАРІЯ.

Однако еслибъ—еслибъ не солгали
Ворожей?

ГОДУНОВЪ—понижая голосъ.

Когда-бы то случилось—
Скажи, Марія—мы теперь один—
Ужели-бъ ты?...

МАРІЯ.

Нѣтъ, господинъ мой, нѣтъ!
Не за него, а за тебя мнѣ страшно!

ГОДУНОВЪ.

Какъ? За меня?

МАРІЯ.

Не говорилъ-ли Федоръ,
Что если что случится, онъ не знаетъ.
Какъ быть ему? Что долженъ будешь ты
Ему во всемъ указывать? Борисъ!
Что, если вдругъ сегодня на тебя
Падетъ вся тягость государства? Если
За мятежи, за голодъ, за войну,
За все, за все передъ землею будешь
Ты отвѣчать?

ГОДУНОВЪ.

Когда-бы въ самомъ дѣлѣ
 Случилось то, чего боишься ты,
 Не слабою рукою-бъ я тогда
 Пріять бразды! Не власти я страшуся.
 Я чувствую въ себѣ довольно силы
 Русь поддержать въ годину тяжкихъ бѣдъ!
 Нѣтъ, я страшусь, что выпадетъ на долю
 Не полная мнѣ власть. Правитель царства,
 Каковъ ни будь, онъ—тѣнь лишь государя;
 Онъ съ завистью другихъ бороться долженъ,
 И мысль свою не можетъ воплотить
 Завѣтную—всецѣльно, безъ ущерба,
 Какъ могъ-бы я, когда-бы не въ подданствѣ,
 А на престолѣ былъ рожденъ!

МАРІА.

О, будемъ

Мы Господа благодарить за то,
 Что не высоко рождены. Ужасенъ
 Отвѣтъ царей!

ГОДУНОВЪ.

А этого царя
 Отвѣтъ еще ужаснѣй будетъ. Но
 Напрасно ты тревожишься. Недугъ
 Его прошелъ, и много лѣтъ, быть можетъ,
 Еще пройдетъ, пока ему придется
 Свой дать отвѣтъ.

МАРІА.

Ты покоенъ самъ!

ГОДУНОВЪ.

Спокоенъ и—все въ лучшему—солтали

Ворожен. Поди къ себѣ, Марія,
Оставь меня: мнѣ дѣло есть.

Марія уходитъ. Годуновъ открываетъ боковую
дверь и выпускаетъ двухъ слованныхъ волхвовъ.
Потомъ садится и смотритъ на нихъ молча.

ГОДУНОВЪ — значительно.

Сегодня

Кириллинъ день, осьмнадцатое марта!

1-й волхвъ.

Такъ, государь.

ГОДУНОВЪ.

Царю сегодня лучше.

2-й волхвъ.

Спаси его Господь!

ГОДУНОВЪ.

Вы, стало быть,

Ошиблися, когда ему сегодня
Кончину предсказали?

1-й волхвъ.

Что мы въ звѣздахъ

Прочли, то и сказали.

ГОДУНОВЪ.

Отчего-же

Такъ скоро спалъ съ него недугъ?

1-й волхвъ.

Не знаемъ!

Но долготъ день, и солнце не зашло.

“ Молчаніе.

ГОДУНОВЪ.

А обо мнѣ, какъ я вамъ указалъ,
Гадали вы?

1-й ВОЛХВЪ—ОВИРАЯСЬ.

Гадали, государь.

ГОДУНОВЪ.

Вы можете здѣсь говорить открыто—
Насъ не услышать. Чтѣ узнали вы?

1-й ВОЛХВЪ.

Сплетаются созвѣдїя твои
Съ созвѣдїями вѣнчанныхъ государей,
Но три звѣзды покаместъ затмеваютъ
Величіе твое. Одна изъ нихъ
Угаснетъ скоро.

ГОДУНОВЪ.

Говори яснѣй!

1-й ВОЛХВЪ.

Чѣмъ далѣ путь твой стелется, тѣмъ шире,
Тѣмъ ярче онъ.

ГОДУНОВЪ.

Куда онъ приведетъ?

2-й ВОЛХВЪ.

Чего душа твоя желала,
Въ чемъ самъ себѣ признаться ты не смѣлъ—
То сбудется.

ГОДУНОВЪ.

Волхвы! Скажите прямо,
Чтѣ ожидаетъ въ будущемъ меня?

ОВА ВОЛХВА—становится на колѣни.

Когда на царскій сядешь ты престолъ,
Своихъ холопей помяни, бояринъ!

ГОДУНОВЪ—вставал.

Въ умѣ-ли вы!

1-й волхвъ.

Такъ выпало гаданье.

ГОДУНОВЪ.

Тсъ! Тише! Тише! Стѣны насъ услышать!

Подходить къ дверямъ, осматриваетъ ихъ и
останавливается передъ волхвами.

Кудесники! Когда-бъ я могъ подумать,
Что вы теперь морочите меня,—
Для васъ на свѣтъ-бы лучше не родиться!

1-й волхвъ.

Мы говоримъ, что видимъ. Мы читали
Въ небесныхъ знакахъ; прочіе-жъ на кровь
И дымъ гадали, и во мглѣ туманной
Всѣ на престолѣ видѣли тебя,
Въ вѣнцѣ и въ царскихъ бармахъ...

ГОДУНОВЪ.

Тише, тише!

Когда случится то, что вы сказали?

1-й волхвъ.

Когда—не знаемъ.

ГОДУНОВЪ.

Много-ли мнѣ лѣтъ

Царить придется?

2-й волхвъ.

Твоего цареня
Семь только будетъ лѣтъ.

годуновъ.

Хотя-бъ семь дней!
Но чѣмъ достигну я верховной власти?

1-й волхвъ.

Не вѣдаемъ.

годуновъ.

Кого бояться мнѣ?

2-й волхвъ.

Не спрашивай.

годуновъ.

Я знать хочу, кто главный
Противникъ мой?

1-й волхвъ.

Темны, его примѣты.

годуновъ.

Скажите ихъ!

1-й волхвъ.

Онъ слабъ, но онъ могучъ.

2-й волхвъ.

Самъ и не самъ.

1-й волхвъ.

Безвиненъ передъ всѣми.

2-й волхвъ.

Врагъ всей землѣ и многихъ бѣдъ причина.

1-й волхвъ.

Убить, но живъ.

годуновъ.

Нѣтъ смысла въ сихъ словахъ!

1-й волхвъ.

Такъ выпало гаданье. Болѣе знать
Намъ не дано.

годуновъ.

Съ меня пока довольно.

Въ темницу васъ обратно отведутъ;
Я-жъ во-время васъ выпустить велю
И награжу по-царски. Но смотрите!
Приказываю вамъ подъ смертной казнью
Самимъ забыть, что вы сказали мнѣ!

Отворить дверь—волхвы уходятъ.

годуновъ—одинъ.

«Чего давно душа моя желала,
Въ чемъ самъ себя признать я не смѣлъ!»
Да, это такъ! Теперь я вижу ясно,
Какая цѣль свѣтила мнѣ всегда!
Теперь впередъ, впередъ идти мнѣ надо
И прорицанье ихъ осуществить.
Насъ не судьба возносить надъ толпою,
Она лишь случай въ руки намъ даетъ—
И сильный мужъ не ожидаетъ праздно,
Чтобъ чудо сверху подняло его.

Судьбѣ помочь онъ долженъ. Случай есть—
И дѣйствовать приходитъ мнѣ пора!

Топаютъ ногой. Входятъ дворецкіи.

Поавать сюда котораго-нибудь
Изъ государевыхъ вѣрчей!

Дворецкіи уходятъ.

Семь лѣтъ!

Семь только лѣтъ! И вѣдать не дано мнѣ,
Далека тотъ день или близокъ? Между тѣмъ
Часы бѣгутъ. Безумьемъ Іоанна
Все рушится—и для моей державы
Готовятся развалины однѣ...
«Но солнце не зашло еще!» сказали
Сейчасъ волхвы... Кто знаетъ? Можетъ быть?..
Умири сегодня этотъ звѣрь, сегодня-жъ
Мой слабодушный деверь власть свою
Мнѣ передастъ—я буду господиномъ!..

Но то-ли мнѣ волхвы сулили? Нѣтъ!

Они въ вѣнцѣ и въ бармахъ, на престолѣ,
Въ вѣнцѣ и въ бармахъ видѣли меня!
Они сказали: «Три звѣзды покажѣтъ
Мое величье затмеваютъ—три!»
Одна изъ нихъ—то Іоаннъ, другал—
Царевичъ Ѳедоръ, третья—кто-жъ иной,
Какъ не Димитрій? Тотъ противникъ сильный,
Котораго бояться долженъ я,
Кому-жъ и быть ему, какъ не младенцу
Димитрію? Онъ, онъ—преграда мнѣ!

«Слабъ, но могучъ;—безвиненъ, но виновенъ;—
Самъ и не самъ»—оно какъ разъ подходитъ
Къ Димитрію! Но что могло-бы значить:

«Убить, но живъ»? Какъ дико мнѣ звучитъ
Зловѣщее, загадочное слово:

«Убить, но живъ»! Кѣмъ будетъ онъ убитъ?
Не можетъ быть! А еслибъ кто и вправду

Рѣшился руку на него поднять,
 То какъ ему, убитому, воскреснуть?
 Я словно въ бездну темную гляжу!
 Рябитъ въ глазахъ и путаются мысли...
 Довольно! прочь безплодныя догадки!
 Живъ или убить—судьба его въ грядущемъ.
 Мгѣ-жъ дорогъ нынѣ настоящій мигъ!

Входитъ дворецкій.

ДВОРЕЦКІЙ.

Къ тебѣ пришелъ, бояринъ, царскій дохтуръ.

ГОДУНОВЪ.

Пускай войдетъ!

Входитъ Яковъ.

Романъ Елеазарычъ,
 Я за тобой послалъ, чтобъ ты подробно
 Повѣдалъ мнѣ, насколько государю
 Сегодня легче? Можно-ль уповать,
 Что миновала для него опасность?

ЯКОВИ.

Его болѣзнь, бояринъ, многосложна:
 Не плоть одна страдаетъ—болеетъ духъ.
 Отъ юности привыкшій, чтобы все
 Передъ его державной гнулось волей,
 Последняго не могъ онъ униженья
 Перенести. Но добрыя его
 Оправили и ободрили вѣсти.
 И будетъ здравъ онъ, если намъ удастся
 Отъ раздраженій охранить его.

ГОДУНОВЪ.

А если-бы, не дай Богъ, чѣмъ-нибудь
 Онъ раздражился?

якоби.

Мы-бы не могли
Тогда отвѣтить ни за что. Сосуды,
Которые проводятъ кровь отъ сердца
И снова къ сердцу, такъ напряжены.
Что можетъ ихъ малѣйшее волненье
Вдругъ разорвать.

годуновъ.

Но чѣмъ-же помѣшать намъ.
Чтобъ какъ-нибудь не опалился онъ?

якоби.

Всѣ случаи волненья и досады
Во что-бъ ни стало надо удалить.
Пусть только то и видитъ онъ, и слышитъ,
Что развлекать его способно.

годуновъ.

Какъ

Оставилъ ты его?

якоби.

Онъ послѣ ванны
Прилежъ заснуть, но ключнику велѣлъ,
Чтобы межъ тѣмъ въ сосѣдную палату
Сокровища изъ главной кладовой
Перенести, дабы, по пробужденьи,
Осматривать ихъ могъ онъ. Близъ него
Остался мой товарищъ, Ричардъ Эльмсъ.

годуновъ.

Вы трудное условье положили
Для исцѣленья царскаго недуга —
Вы знаете царя!

ЯКОВИ.

Бояринъ Вѣльскій

Чтобъ отъ заботъ и дѣлъ его отвлечь,
Собралъ толпу шутовъ и скомороховъ.
Мысль не дурна. Пусть въ играхъ этотъ день
Пройдетъ и въ смѣхъ.

ГОДУНОВЪ—встаетъ.

Мы стараться будемъ

Исполнить наставленія твои.

ЯКОВИ.

Прости, бояринъ.

Уходятъ. Годуновъ топаетъ ногой. Входитъ дворецкій.

ГОДУНОВЪ.

Здѣсь-ли Битяговскій?

ДВОРЕЦКІЙ.

Здѣсь, государь.

ГОДУНОВЪ.

Пошли его сюда.

Дворецкій уходитъ и вскорѣ впускаетъ Битяговскаго.

ГОДУНОВЪ.

Что дѣется въ народѣ?

ВИТЯГОВСКІЙ.

Слава Богу.

ГОДУНОВЪ.

На Шуйскаго и Вѣльскаго они
Овлоблены-ль какъ надо?

БИТЯГОВСКИЙ.

Такъ и рвутся.

ГОДУНОВЪ.

И стало быть подымутся на нихъ,
Когда мы захотимъ?

БИТЯГОВСКИЙ.

Коли-бъ не прежде.

ГОДУНОВЪ.

Ты долженъ быть готовъ передъ царемъ
Свидѣтелемъ предстать, что возмущенье
Нагѣ подготовили.

БИТЯГОВСКИЙ.

Могу.

ГОДУНОВЪ.

И присягнуть, что слышалъ ты своими
Ушами, какъ холопей подсылали
Они въ народъ.

БИТЯГОВСКИЙ.

Зачѣмъ не присягнуть!

ГОДУНОВЪ.

Будь у меня сегодня подъ рукою;
Быть можетъ, ты понадобишься мнѣ;
Теперь ступай!

Битяговскій уходитъ.

ГОДУНОВЪ — одинъ.

Я больно ошибаюсь,
Иль многое рѣшится въ этотъ день!

Уходитъ.

Богатая палата во дворцѣ.

Слуги вносить и разставлять драгоценную утварь. За ними надворають дворцовый и лакейникъ.

ДВОРЕЦКІЙ—къ слугамъ.

Живѣй! Живѣй! Кончайте поскорѣй!
Сейчасъ проснуться государь изволить!

КЛЮЧНИКЪ—къ дворецкому.

Скажи, пожалуй, для чего онъ рухлядь
Сбирается смотрѣть?

ДВОРЕЦКІЙ.

Да, говорятъ,
Невѣстѣ хочеть за море подарки
Отправить.

КЛЮЧНИКЪ.

Какъ? Онъ развѣ не раздумаль
На ней жениться?

ДВОРЕЦКІЙ.

Да, раздумаль-было,
Да вотъ. сегодня, кажется, опять
За прежнее взялся. Вишь, много легче
Сегодня стало милости его!

КЛЮЧНИКЪ.

Ну, какъ онъ знаетъ! Жаль царицы Марьи
Феодоровны! Добрая царица!

ДВОРЕЦКІЙ—смотреть въ окно.

Народу-то! Народу-то! Кишмя
Такъ и кишать!

КЛЮЧНИКЪ.

Да! Ужъ который день
У теремовъ съ утра они толпятся:
Все о адоровьи царскомъ узнають!

ДВОРЕЦКІЙ.

Ну, слава Богу! Видно, обманулись
Ворожен! Кириллинъ день насталь,
А государю легче!

Къ слугамъ.

Что? Готово?

КЛЮЧНИКЪ — смотреть въ списокъ.

Все налицо!

ДВОРЕЦКІЙ — въ слугамъ.

Ну, съ Богомъ! Уходите!

Слуги уходятъ.

Вишь, какъ статьи подобраны подъ рядъ!
Чего тутъ нѣтъ! Каменьевъ самоцвѣтныхъ,
И золота, и шолку, и парчи!
Такъ вся палата и горить!

КЛЮЧНИКЪ.

Тсъ! Кто-то

Идетъ сюда!

ДВОРЕЦКІЙ.

Ахъ, Господи, не царь-ли?

Входитъ Бѣльскій.

КЛЮЧНИКЪ.

Нѣтъ, это Бѣльскій!

БѢЛЬСКІЙ.

Все-ль у васъ готово?

ДВОРЕЦКІЙ.

Все, государь.

БѢЛЬСКІЙ.

Сейчасъ изволить царь
Пожаловать. Смотрите-же, чтобъ онъ
Остался всѣмъ доволенъ; чтобъ ему
Отъ насъ досады въ чемъ не приключилось!
Врачи сказали: Боже сохрани.
Его прогнѣвать чѣмъ-нибудь сегодня!

Слишенъ хохоть.

Кто тамъ хохочетъ?

Входитъ шутъ. За нимъ толпа скомороховъ,
въ странныхъ нарядахъ, съ гудками, волынками,
сковородами и разной звонкой посудой.

ШУТЪ—къ БѢльскому.

Дядюшка Богданъ!

Я хороводъ тебѣ привелъ! Послушай!

СКОМОРОХИ—съ плясней.

Ой, жги, жги, жги!
Настежь, баба, ворота:
Тащи козла за рога!
Ой, жги, жги, жги,
Пошла, баба, въ три ноги!

ШУТЪ.

Ну, что? какъ нравится тебѣ?

БѢЛЬСКІЙ—осматриваетъ скомороховъ.

Иарядно!

Смотрите-жь, хари! Пятакъ не жалѣть!
Передъ царемъ вертѣтся кубарями!

Теперь пока ступайте въ ту палату,
Тамъ спрячьтесь. Когда я крикну: «Люди!» —
Вбѣгайте всѣ, да эту пѣсню гряньте
Повеселѣй!

Скоморохи проходить черезъ сцену въ боковую дверь.

БѢЛЫСКИЙ — къ шуту.

Ты около царя
Все время будь — гляди ему въ глаза,
И только лишь онъ брови понахмурить —
Ты шутку выкинь посмѣшнѣй!

шутъ.

Да! выкинь!

Не хочешь-ли самъ выкинуть? А онъ
Тебя въ окошко выкинетъ!

Дверь открывается.

Вотъ онъ!

Поди шути!

Иоанна вносятъ на креслахъ. Онъ въ халатѣ; лицо
его измучено болѣзью; но выражаетъ торже-
ство. Кресла опускаютъ среди палаты и передъ
ними ставятъ небольшой треугольный столъ.
За Иоанномъ входятъ: Годуновъ, Мстиславскій,
Шуйскій и другіе бояре, кромѣ Захарьина.

ІОАННЪ — сѣда въ креслахъ, къ Годунову.

Нелзя еще сегодня
Намъ видѣть королевина посла.
Пусть завтра къ намъ онъ, безъ меча и корда,
Откланяться придетъ. Въ опочивальнѣ
Мы примемъ запросто его. Теперь же
Посмотримъ, что назначить намъ въ подарокъ
Сестрѣ Елисаветѣ да ея
Племянницѣ, невѣстѣ нашей!

БѢЛЬСКІЙ.

Вотъ

Изъ Персін, великій государь,
Уздорчіе разное. Быть можетъ,
Оно пригодно королевѣ?

ІОАННЪ.

Нѣтъ,

Тряпьемъ ее не удивишь. Обычай
Ея не бабій. Писемскій намъ пишетъ
Изъ Лондона, что любить-де она
Въ лѣсахъ гонять оленей; любить также
Потѣху птичью и звѣриный бой.
Мы припасемъ подарокъ ей по вкусу.
Подайте мнѣ ту сбрую съ бирюзою,
Съ жемчужными наузами, да къ ней
Вонъ тотъ чепракъ, что яхонтами сажень!

Іоанну подать требуемые предметы. Онъ осматриваетъ ихъ и велитъ знакомъ отложить въ сторону.

Еще пошлемъ ей двухъ живыхъ медвѣдей
На золотыхъ цѣпяхъ; да кречетовъ
Сибирскихъ шесть. Пусть тѣшится сестрица
Да поминаетъ насъ! Княжнѣ-жѣ Хастинской —
Другое дѣло! ей найдемъ нарядъ.
Подать сюда всѣ кольца и монисты!

Іоанну подать разныя драгоценности. Онъ беретъ ихъ въ руки и осматриваетъ одну за другою.

Вотъ это ожерелье изъ алмазовъ
И яхонтовъ лазоревыхъ съ червцами
Пошлемъ княжнѣ. Лазоревъ темный яхонтъ,
Когда взглядѣтся въ глубину его,
Покоитъ душу, скорби разбиваетъ;
Червецъ-же вѣрность женскую блюдетъ,
Затѣмъ, что цвѣтъ его — сердечной крови.
Изъ перстней-же вотъ этотъ ей пошлемъ,

Онъ ~~внукъ~~ ~~нашъ~~: зовется камень мала;
 Прискакалъ къ намъ изъ земли Индійской,
 Остаётся нелегко, ватѣмъ.
 Что страховидные тамъ звѣри, грифы,
 Его стрегутъ. Отъ укушенья змѣй
 Онъ исцѣляетъ. Пусть его невѣста
 На пальчикъ свой надѣнетъ, намъ въ любовь!
 А что до тканей—въ нихъ я не знатокъ,
 О нихъ спросить царицу Марью. Бабы
 На томъ собаку съѣли. Что царицѣ
 Полюбится, то и послать княжнѣ!

шутъ.

Царь-батюшка!

ІОАННЪ.

Что?

шутъ.

Ты когда жениться

Собираешься?

ІОАННЪ.

Тебѣ на что?

шутъ.

Да такъ;

Указывая на Михайла Нагого.

Хочу вотъ Мишкѣ службу сослужить:
 Нагихъ-то время при дворѣ прошло,
 Такъ я хочу вотъ этого пристроить!

Снимаетъ свой колпакъ и ходитъ съ нимъ отъ
 одного къ другому, будто проситъ милости.

ІОАННЪ.

Что дѣлаешь ты, шутъ?

шутъ.

По ниткѣ съ міру
Сбираю, даръ, Нагому на рубаху!

ІОАННЪ.

Ха-ха! Вотъ это шутъ, такъ шутъ! Не бойся,
Нагимъ не станетъ по прозванью.

Къ Нагимъ.

Вы!

Коль будете по правдѣ мнѣ служить,
Я не оставлю васъ!

Ожидываетъ глазами сокровища.

Есть, слава Богу,

Казны довольно у меня; могу
Пожаловать кого хочу, надолго
Еще мнѣ станетъ!

Слышитъ крики на площади.

Что за крики тамъ?

ГОДУНОВЪ.

Народъ шумитъ, великій государь,
И веселится о твоёмъ здоровьи!

ІОАННЪ.

Пусть веселятся! Выкатить на площадь
Имъ сотню бочекъ меду и вина!
А завтра утромъ новая потѣха
Имъ будетъ: всѣхъ волхвовъ и звѣдочетовъ,
Которые мнѣ должно предсказали
Сегодня смерть, нажарить на вострѣ.
Ворисъ, ступай и казнь имъ объяви.

Да приходи повѣдать мнѣ, какія
Они состроятъ рожи!

Годуновъ уходитъ.

Вишь, хотѣли
Со мной шутить! Кириллинымъ, вишь, днемъ
Хотѣли запугать! Никто не можетъ
Кончины день узнать впередъ! Никто!
Вы! Слышите-ли?

шуйскій.

Слышимъ, государь.

ІОАННЪ.

Что-жъ вы молчите? Развѣ можете кто
Сказать впередъ: я проживу вотъ столько?
Иль такъ-то жизнь окончу я мою?

МСТИСЛАВСКІЙ.

Нѣтъ, государь!

ІОАННЪ.

Ну, то-то-жъ! Что-же вы
Молчите, а?

шуйскій.

Великій государь,
И день, и ночь мы о твоёмъ здоровьи
Всѣ молимъ Бога!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Испѣли тебя
Скорѣй Господы!

ІОАННЪ.

Да развѣ я еще
Не испѣленъ? Что вы сказать хотите?
Я развѣ боленъ? Солнце ужъ заходить,
А я теперь бодрѣй, чѣмъ утромъ былъ,
И проживу довольно лѣтъ, чтобъ царство
Устроить вновы! Въ мой смертный часъ, когда
Митрополитъ у моего одра
Молиться будетъ со святымъ синаклитомъ,
Я имъ скажу: не плачьте, я утѣшенъ.
Бо легкую приметь сынъ державу
Изъ рукъ моихъ! Такъ отойду я къ Богу!

Бѣльскій дѣлаетъ знакъ шуту, который раз-
сматривалъ разныя вещи на столахъ. Шутъ
береть ящичъ съ шахматами и подноситъ къ
Іоанну.

ШУТЪ.

Надѣжа-царь! Вишь куколки какія!

ІОАННЪ—къ боярамъ.

Волхвовъ ва лошъ на казнъ я осудилъ.
Неправъ мой судъ, по вашему?

БОЯРЕ.

Правъ, царь!

ІОАННЪ.

А коли правъ, такъ что-же языки
Связало вамъ?

БОЯРЕ.

Великій государь!
Помилуй насъ! Не знаемъ, что сказать!

ІОАННЪ.

Не знаете? Такъ, стало, я безвинныхъ
На казнь обрекъ? Такъ, стало, не солгали
Вороженъ?

ВОЯРЕ.

Солгали, государь!
Они солгали! По винѣ имъ мука!
За ихъ вину и казни мало имъ!

ІОАННЪ.

На силу-то! Вишь, ротъ раскрыть бояся!
Изъ нихъ слова тащить клещами надо!

Молчаніе.

Что шепчетесь вы тамъ?

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, государь,

Мы не шептались!

ІОАННЪ.

Вы какъ будто ждете
Чего сегодня? А? чего вы ждете?

ШУТЬ.

Царь-солнышко! да посмотри-жь сюда
На нуколы!

ІОАННЪ.

Что это у него?

ВЪЛЬСКІЙ.

То шахматная, государь, игра,
Которую прислалъ тебѣ въ подарокъ
Персидскій царь.

шутъ—разглядывая фигуры.

Нарядныя какія!

ВѢЛЬСКІЙ—беретъ со стола доску.

Вотъ и доска къ нимъ!

ІОАННЪ.

Покажи сюда!

Осматриваетъ шахматы.

Давно въ игру я эту не игралъ.

Садись, Богданъ, посмотримъ, кто сильнѣе!

Слуги вносятъ свѣчи. Іоаннъ разставляетъ игру. Вѣльскій садится протавъ него на столъцѣ и также разставляетъ.

шутъ—къ Іоанну, указывая на шахматы.

Точь въ точь твой бояре! Знаешь что?

Живыхъ-то ты всѣхъ по боку, а этихъ.

Всѣхъ въ думу посади. Дѣла не хуже

У нихъ пойдутъ, а ѣсть они не просятъ!

ІОАННЪ.

Ха, ха! Дуракъ не слишкомъ глупъ сегодня!

Подвигаетъ пѣшку. Игра начинается. Всѣ становятся полукругомъ за царскими креслами и смотрятъ.

шутъ.

Иль, вмѣсто ихъ, меня поставь въ бояре!

Я буду въ думѣ засѣдать одинъ.

И разногласья у меня не будутъ!

Не то, поощри меня, надежда-царь,

Послони въ Литву, поздравить короля!

ІОАННЪ.

Съ чѣмъ, шутъ?

шутъ.

Да съ тѣмъ, что о псковскія стѣны
Онъ лобъ разбилъ!

ІОАННЪ.

Тебя послать не дурно;
Послалъ-же онъ Гарѣбурду ко мнѣ
Съ своей перчаткой! Чай, теперь идти
На Новгородъ раздумали!

шуйскій.

Куда имъ!

ІОАННЪ.

На сеймѣ ихнемъ королю въ пособыи
Отказано! Достойно, право, смѣху!
Свой-же люди своему владыкѣ,
Да денегъ не дають!

шутъ.

У насъ не такъ!
Понадобилось что—хапъ, хапъ! и есть!

ВЪЛЫСКІЙ—полагая феришь.

Шахъ, государь.

ІОАННЪ—заслоняется словомъ.

Шахъ фериши твоей!

шуйскій—къ Вѣльскому сѣлся.

Что взялъ, бояривъ? Феришь-то пропала!

ІОАННЪ.

Да, кажется!

ВЪЛЫСКІЙ.

Какъ есть, пропала феришь!

ІОАННЪ.

Сдается намъ, мы не совсѣмъ еще
Играть забыли! Нашъ недугъ у насъ
Еще не вовсе отнять разумѣнье!
Кириллинъ день! Вишь выдумали что!
Проклятые! Куда пропалъ Борисъ?
Что онъ нейдетъ съ отвѣтомъ!

Бѣльскій беретъ царскаго слона. Іоаннъ хочетъ
взять его феразь, царемъ и роняетъ его на полъ.

Шутъ—бросаясь поднимать.

Ай, ай, ай!

Царь шлепнулся!

ІОАННЪ—вспынувъ.

Шуты! Ври, да мѣру знай!

Къ Бѣльскому.

Тебѣ ходить!

Игра продолжается. Годуновъ показывается
въ дверяхъ.

ГОДУНОВЪ—тихо, указывая на Іоанна одному
бойрину, стоящему позади дру-
гихъ.

Каковъ онъ?

БОЙРИНЪ—также къ Годунову.

Больно гнѣвенъ!

Ужъ раза два сердиться начиналъ!

Годуновъ подходитъ и становится напротивъ Іоанна.

ІОАННЪ—ведя къ голове.

Ты адѣсь? Ну, что? Ты видѣлъ чародѣевъ?
Каковъ ихъ былъ отвѣтъ? Замолчишь ты?
Что-жъ ты не говоришь?

ГОДУНОВЪ.

Гмъ, государь!

ІОАННЪ.

Что ты такъ смотришь на меня?

Отодвигается отъ Годунова.

Какъ смѣешь

Ты такъ смотрѣть!

ГОДУНОВЪ.

Великій государь!

Волхвы тебѣ велѣли отвѣчать,

Что ихъ наука достовѣрна.

ІОАННЪ.

Какъ?!

ГОДУНОВЪ.

Что ошибиться имъ нельзя, и что —

Кириллинъ день еще не миновалъ!

ІОАННЪ—встаетъ, шатаясь.

Не миновалъ?—Кириллинъ день?—Ты смѣешь—

Ты смѣешь мнѣ въ глаза—влодѣй!—Ты—ты—

Я понялъ взглядъ твой!—Ты меня убить—

Убить пришелъ!—Измѣнникъ!—Палачей!—

Феодоръ!—Сыны!—Не вѣрь ему!—Онъ воръ!—

Не вѣрь ему!—А!

Падаетъ навзничъ на полъ.

ШУЙСКІЙ—бросается къ нему и поддерживаетъ его голову.

Боже! Онъ отходить!

ВѢЛЬСКІЙ.

Позвать врачей! Скорѣй позвать врачей!

ІОАННЪ—отвернувъ глава.

Духовника!

БѢЛЬСКІЙ.

Бѣгите за попомъ!
Скорѣй бѣгите! Люди! Люди! Гей!
Вбѣгаютъ скоморохи съ пѣніемъ, свистомъ и пляской.

СКОМОРОХИ.

Ой, жги, жги, жги!
Тащи козла за рога!

ВОЯРЕ.

Что это? Что? Назадъ! Побойтесь Бога!

БѢЛЬСКІЙ—бросается на скомороховъ.

Назадъ! Назадъ! Безбожники! Назадъ!
Царь умираетъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Дохтура зовите!

Іоаннъ умираетъ. Нѣкоторые бояре бросаются
изъ палаты. Скоморохи разбѣгаются. Входятъ
Эльмсъ и Яковъ.

ЯКОВИ.

Гдѣ государь?

БѢЛЬСКІЙ—указываетъ на трупъ.

Вотъ онъ!

ЯКОВИ—нагибается и шупаетъ пульсъ Іоанна.

Не бьется пульсъ!

ЭЛЬМСЪ—беретъ другую руку.

Не бьется—нѣтъ!

ЯКОВИ—щупаетъ сердце.

Не бьется сердце!

Эльмсъ.

Умеръ!

ЯКОВИ.

Окончилъ жизнь!

ГОДУНОВЪ—подходить и владеть руку на сердце Иоанна.

Преставился!

Отворяетъ окно и кричитъ на площадь

Москва!

Царь Иоаннъ Васильевичъ скончался!

Говоръ и гулъ на площади. Годуновъ выходитъ изъ палаты. Бояре обступаютъ Иоанна и глядятъ на него молча. Входитъ Захарьинъ и останавливается передъ трупомъ.

ЗАХАРЬИНЪ.

Свершилося! Такъ вотъ ты, царь Иванъ,
Предъ кѣмъ тряслась такъ долго Русь! Безсиленъ,
Безпомощенъ лежишь ты, недвижимъ
И посреди твоихъ сокровищъ бѣденъ!
Чего-же мы стоимъ и ждемъ, бояре?
Во прахѣ-ли предъ нами быть тому,
Предъ кѣмъ полвѣка мы лежали въ прахѣ?
Иль страшно вамъ воснудиться до него?
Не бойтесь! Ужъ не откроетъ онъ
Своихъ очей! Ужъ остраго жевла
Не схватить длань безсильная, и казни
Не изрекутъ холодныя уста!

Они поднимаютъ Иоанна, владутъ его на скамью, дѣлаютъ ему вѣголовье и покрываютъ его парчемъ. Вбѣгаютъ Федоръ, царьца и царевна Ирина.

ФЕДОРЪ—бросаясь къ трупу.

Царь-батюшка!

ЦАРИЦА.

О, Господи, помилуй!

ПРИНА.

О, Господи!

Всѣ трое голосять и рыдають. Крики на площади усиливаются. Входитъ стрѣлецкій голова.

ГОЛОВА—къ Федору,

Великій государи!

Народъ бунтуетъ! Лѣзутъ на крыльцо!

ФЕДОРЪ—съ испугомъ.

Что надо имъ?

ГОЛОВА.

Кричать, что Шуйскій съ Вѣльскимъ

Отравой государя извели!

Вбѣгаетъ стрѣлецкій сотникъ.

СОТНИКЪ.

Народъ царь-пушкой овладѣлъ. Хотятъ

Разбить дворецъ!

Вѣльскій—къ Федору.

Вели по нимъ стрѣлять!

ФЕДОРЪ.

Гдѣ шуринъ мой? Борисъ! Борисъ! Что дѣлать?

Входитъ Годуновъ.

ГОДУНОВЪ—торжественно къ Федору,

осушаясь на колѣни.

Великій царь!

ФЕДОРЪ—бросается къ нему.

А, вотъ ты наконецъ!

Крѣпкѣ на площади, между которыми слышны
имена Шуйскаго и Бѣльскаго.

ШУЙСКІЙ—къ Федору.

Рѣшайся, государы!

ФЕДОРЪ—указывая на Годунова.

Вотъ тотъ, кто долженъ

Теперь рѣшаты! Ему препоручаю

Отнынѣ власть мою!

ГОДУНОВЪ—повлотившись Федору, подхо-
дитъ къ окну.

Народъ московскій!

Федоръ Іоаннычъ, Божьей волей

Великій князь и царь всея Руси,

Вамъ повѣстити велѣлъ, что отъ недуга

Скончался царь Иванъ. Въ его-же смерти

Виновныхъ нѣтъ. Но Шуйскій съ Бѣльскимъ долго

Тѣснили васъ; что вѣдая, царь Федоръ

Ссылаетъ ихъ далеко отъ Москвы!

Гулъ на площади.

ШУЙСКІЙ.

Борисъ Феодорычъ! Помилуй! что ты?

БѢЛЬСКІЙ.

За что насъ въ ссылку?

ГОДУНОВЪ.

Вы вольны остаться—

Хотите-ль выйти на крыльцо?

ШУЙСКІЙ.

Помилуй!

Насъ разорвутъ!

ВѢЛЬСКІЙ.

Насъ разорвутъ на клочья!

ГОДУНОВЪ.

Я думаю.

Къ стрѣльцкому головѣ.

За крѣпкимъ карауломъ

Бояръ отправить изъ Москвы. Въ Покровѣ

Васъ навѣстятъ куда ихъ отвезти.

Шуйскаго и Бѣльскаго окружатъ стрѣльцы.

БАХАРЬИНЪ—къ Годунову.

Ты скорѣ, бояринъ. Мы еще не знаемъ,

Кто поднялъ бунтъ?

ГОДУНОВЪ.

Нагіе со Мстиславскимъ:

Указывая на Битяговскаго, который входитъ
въ приличномъ видѣ и въ добромъ платьѣ.

Вотъ кто на нихъ свидѣтелемъ, стоитъ!

НАГІЕ И МСТИСЛАВСКІЙ.

Какъ? Онъ?

БИТЯГОВСКІЙ—нагло.

Да, я!

ГОДУНОВЪ—къ Мстиславскому.

Князь, ты достоинъ смерти,

Но царь тебя лишь въ монастырь ссылаетъ.

Къ Нагамъ.

А васъ обоихъ, изъ любви къ царю,

Прощаетъ онъ, и въ Угличъ вамъ велитъ
Отправиться съ царевичемъ и съ нею.

Къ царницѣ, указывая на Витязоваго.

Васъ всѣхъ блюсти вотъ этотъ наряженъ!

ЦАРИЦА—къ Ѳеодору.

Не вѣрь ему! Не вѣрь ему, Ѳеодоръ!
Не отсылай насъ, царь!

ѲЕОДОРЪ—къ Годунову.

Нельзя-ли, шуринъ,
Царицѣ здѣсь остаться?

ГОДУНОВЪ.

Государь,

Тамъ лучше ей.

ЗАХАРЬИНЪ.

Бояринъ Годуновъ!

Я вижу, ты распоряжаться мастеръ!
Всѣмъ мѣсто ты нашелъ—лишь одного
Меня забылъ ты! Говори, куда
Идти я долженъ? Въ ссылку? Въ монастырь?
Въ тюрьму? Или на плаху?

ГОДУНОВЪ.

Мой отецъ,

Тебя царь просить оставаться съ нимъ.

ЦАРИЦА—къ Захарьину.

Спаси меня! Спаси меня, бояринъ!
Пропали мы!

ЗАХАРЬИНЪ.

Дай Господи, царица,
Чтобы не все пропало!.. Злое сѣмя

Посылалъ ты, бояринъ Годуновъ!
Не доброй жатвы отъ него я чаю!

Обращаясь къ трупъ, Иоанна.

О, царь Иванъ! Прости тебя Господь!
Прости насъ всѣхъ! Вотъ самовластья кара!
Вотъ распаденья нашего исходъ!

ФЕДОРЪ—къ царицѣ со слезами.

Не плачь, царица-матушка! Что-жъ дѣлать!
Такъ, видно, надобно!

ГОДУНОВЪ—подходитъ къ окну.

Народъ Московскій!

Великій царь Феодоръ Иоаннычъ
Прощаетъ васъ! Ступайте всѣ молиться
За упокой души царя Ивана,
А завтра утромъ будетъ вамъ раздача
По всей Москвѣ и хлѣба, и вина!

КРИКИ НА ПЛОЩАДИ.

Да здравствуетъ царь Феодоръ Иоаннычъ!
Да здравствуетъ бояринъ Годуновъ!

Федоръ бросается, рыдая, на шею Годунову.
Они стоятъ, обнявши другъ друга.

К О Н Е Ц Ъ.

II.

ЦАРЬ

ФЕДОРЪ ІОАННОВИЧЪ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

[1868]

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Царь Ѳедоръ Іоанновичъ, сынъ Іоанна Грознаго.
 Царица Ирина Ѳедоровна, жена его, сестра Годунова.
 Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, правитель царства.
 Князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, верховный воевода.
 Діонисій, митрополитъ всея Руси.
 Варлаамъ, архіепископъ Крутицкій.
 Іовъ, архіепископъ Ростовскій.
 Благовѣщенскій протопопъ.
 Чудовскій архимандритъ.
 Духовникъ царя Ѳедора.
 Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, племянникъ кн. Ивана Петровича.
 Князь Андрей
 Князь Дмитрій } Шуйскіе, родственники кн. Ивана Петровича.
 Князь Иванъ }
 Князь Мстиславскій }
 Князь Хворостининъ } близкіе воеводы
 Князь Шаховской }
 Михайло Голубинъ } сторонники Шуйскихъ.
 Андрей Петровичъ Лупъ-Клещинъ, }
 бывшій дядька царя Ѳедора } сторонники Годунова.
 Князь Туренинъ }
 Княжна Мстиславская, племянница кн. Ивана Петровича и невѣста
 Шаховскаго.

Насилиса Волохова, свѣха.

Богданъ Бурюковъ	}	московскіе гости, сторонники Шуйскихъ
Иванъ Красильниковъ		
Голубъ, отецъ		
Голубъ, сынъ		
• Овдѣиъ Старковъ, дворецкій кн. Ивана Петровича.		
Гусляръ.		
Царскій Стрѣмянный.		
Слуга Бориса Годунова.		
Гонецъ изъ села Тѣшлова.		
Гонецъ изъ Углича.		
Ратникъ.		

Бояре, боярыни, сѣнныя дѣвушки, стольники, дьяки, попы, монахи,
торговые люди, посадскіе, стрѣльцы, слуги, нищіе и народъ.

Дѣйствіе—въ Москвѣ, въ концѣ XVI столѣтія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Домъ князя Ивана Петровича Шуйскаго.

На лѣвомъ концѣ сцены—столъ, за которымъ сидятъ всѣ Шуйскіе, кромѣ Ивана Петровича и Василія Ивановича.—Рядомъ съ Шуйскими: Чудовскій архимандритъ, Благовѣщенскій протопопъ и нѣкоторые другіе духовныя лица.—Нѣсколько бояръ также сидятъ за столомъ; другіе расхаживаютъ, разговаривая, въ глубинѣ сцены.—По правую руку стоятъ кучки и люди разныхъ сословій.—Тамъ же виденъ другой столъ съ кубками и суленими. За нимъ стоятъ, въ ожиданіи, Старковъ, дворецкій князя Ивана Петровича.

АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ—къ духовнымъ.

Да, да, отцы! На это дѣло крѣпко
Надѣюсь я. Своей сестрой, царицей,
Сидитъ правитель Годуновъ. Онъ его
Одной сильнѣй всего боярства вмѣстѣ;
Какъ вотчиной своею помыкаетъ
И думою, и церковью Христовой,
И всей землей. Но только лишь удастся
Намъ отъ сестры прибавиться его —
Мы сладимъ съ ними!

ЧУДОВСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ.

Такъ князь Иванъ Петровичъ
Свое согласье далъ?

АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

На силу далъ!
Вашъ болѣе жалъ ему царицы было:

Я въ домѣ-де своемъ справляю свадьбу,
 Племянницу за князя Шаховскаго,
 Вишь, выдаю,—царицу-же съ царемъ
 Я разлучу; у насъ веселье будетъ,
 У нихъ-же плачь!

ВЛАГОВЪЩЕНСКІЙ ПРОТОПОПЪ.

Зѣло онъ мягкосердъ.

ДМИТРІЙ ШУЙСКІЙ.

Такой ужъ поровъ: въ полѣ лютый звѣрь,
 А снялъ доспѣхъ—и не узнаешь вовсе,
 Другой сталъ человекъ.

ГОЛОВИНЪ.

А какъ-же онъ

Согласье далъ?

АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Спасибо князь-Василью,
 Онъ уломалъ его.

ГОЛОВИНЪ.

Не жду я проку
 Отъ этого. По мнѣ: ужъ если дѣлать —
 Такъ все, или ничего!

АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

А что-бъ ты сдѣлалъ?

ГОЛОВИНЪ.

Попроше-бъ сдѣлалъ, да теперь, вишь, намъ
 Не время толковать объ этомъ. Ишъ!
 Вотъ онъ идетъ!

Входитъ Иванъ Петроичъ Шуйскій съ Васи-
 лемъ Шуйскимъ, который держитъ бумагу.

князь иванъ петровичъ.

Отцы! Князья! Бояре!

Вью вамъ челомъ—и вамъ, торговымъ людямъ!
Рѣшился я. Намъ долѣ Годунова
Терпѣть нельзя. Мы, Шуйскіе, стоимъ
Со всей землей за старину, за церковь,
За доброе строенье на Руси,
Какъ повелось отъ предковъ; онъ-же ставитъ
Всю Русь вверхъ дномъ. Нѣтъ, не бывать тому!
Онъ—или мы! Читай, Василь-Иванычъ!

василій шуйскій—читаетъ.

«Великому всея Русіи князю,
«Царю и самодержцу, государю
«Федору Ивановичу—отъ всѣхъ
«Святителей, князей, бояръ, поповъ,
«Всѣхъ воинскихъ людей, и всѣхъ торговыхъ,
«Отъ всей земли: Царь, смилуйся надъ нами!
«Твоя царица, родомъ Годунова,
«Неплодна есть, а братецъ твой, Дмитрій
«Ивановичъ, недугомъ одержимъ
«Падучіямъ. И еслибъ, волей Божьей,
«Ты, государь, преставился, то могъ-бы
«Твой родъ престѣхся, и земля въ сиротство
«Могла-бы впасть. И ты, царь-государь,
«Насъ пожалѣй, не дай остаться пусту
«Отцовскому престолу твоему:
«Наслѣдія и чадородья ради,
«Ты новый бракъ прійми, великій царь,
«Возьми себѣ въ царицы (имя рекъ).. »

кн. иванъ петровичъ.

Мы имя выпишемъ послѣ; со владыкой
Рѣшимъ кого намъ указать. Читай!

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ — продолжаетъ.

«Неплодную-жъ царицу отпусти,
 «Царь-государь, во иноческій чинъ,
 «Какъ то твой дѣдъ покойный учинилъ,
 «Великій князь Василій Іоанпычъ.
 «И въ томъ тебѣ мы, цѣлою землею,
 «Отъ всей Руси, соборне бьемъ челомъ
 «И руки наши прилагаемъ».

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — къ боярамъ.

Всѣ-ли

Согласны подписаться?

БОЯРЕ.

Всѣ согласны!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — къ духовнымъ.

А вы, отцы?

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ ПРОТОПОПЪ.

Святой владыко насъ

Благословилъ тебѣ дать руки.

ЧУДОВСКІЙ АРХИМАНДРИТЬ.

Полно

Христову церковь Годунову долѣ

Насиловать!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — къ купцамъ.

А вы?

КУПЦЫ.

Князь-государь,

Ужъ намъ-ли за тобою не идти!

Отъ Годунова намъ накладнѣй всѣхъ
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ далъ льготы англичанамъ!

кн. иванъ петровичъ—береть перо.

Прости-жъ мнѣ Богъ, что я для блага всѣхъ
Грѣхъ на душу беру!

василій шуйскій.

И, полно, дядя!

Какой тутъ грѣхъ? Не по враждѣ къ Иринѣ
Ты на нее идешь, но чтобъ упрочить
Престолъ Руси!

кн. иванъ петровичъ.

Я на нее иду,

Чтобы сломить Бориса Годунова,—
И самъ себя морочить не хочу!
Мой путь не прямъ.

василій шуйскій.

Помилуй! Что Иринѣ
Въ мірскомъ величьи? Супротивъ блаженства
Небеснаго все прахъ и суета!

кн. иванъ петровичъ.

Я говорю тебѣ, мой путь не прямъ—
Но пятиться не стану. Лучше пусть
Безвинная царица пропадаетъ,
Чѣмъ вся земля.

Подписывается.

Прикладывайте руки!

Всѣ начинаютъ подписываться. Кн. Иванъ
Петровичъ отходитъ въ сторону. Къ нему
подходитъ кн. Шаховской.

ШАХОВСКОЙ.

Князь-государь, когда же мнѣ позволишь
Съ невѣстою увидѣться?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Тебѣ

Одна забота только о невѣстѣ?
Не терпится? Пожди, она сойдетъ
Тебя съ другими потчивать.

ШАХОВСКОЙ.

Ты, князь,

Вѣдь при друицѣхъ мнѣ только и даешь
Съ ней видѣться.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

А ты-бъ хотѣлъ одинъ?

Ты молодъ, князь, а я держуся крѣпко
Обычая. Имъ цѣло государство.
Имъ—и семья.

ШАХОВСКОЙ.

Обычая-ль тогда

Держался ты, когда сидѣлъ во Псковѣ,
Тебя-жъ хотѣлъ Замойскій извести,
А ты его, въ лукавствѣ уличивъ,
Какъ честнаго, на поле звать съ собою?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не красная былъ дѣвица Замойскій,
Я-жъ не женихъ. Глазъ-на-глазъ со врагомъ
Быть не вазоръ.

Шаховской отходить. Подходить Головинъ.

ГОЛОВИНЪ—вполголоса.

Когда-бъ ты захотѣлъ,
Князь-государь, короче-бъ можно дѣло
И лучше кончить. Углицкіе люди
Ко Дмитрію Ивановичу мыслить.

кн. иванъ петровичъ.

Ну, что-же въ томъ?

головинъ.

А на Москвѣ толкуютъ,
Что Федоръ царь и плотью слабъ и духомъ;
Такъ еслибъ ты...

кн. иванъ петровичъ.

Михайло Головинъ,
Остерегись, чтобъ я не догадался,
Куда ты гнешь.

головинъ.

Князь-государь...

кн. иванъ петровичъ.

Я мимо

Ушей теперь намекъ твой пропускаю,
Но если ты его мнѣ повторишь,
Какъ святъ Господь, я выдамъ головою
Тебя царю!

Входятъ княжна Мстиславская въ большомъ на-
рядѣ; за ней двѣ дѣвушки и Волохова съ под-
носомъ, на которомъ чары.—Всѣ кланяются
князю въ поясъ

василій шуйскій—такъ Головину.

Нашелъ кого поднять
На прирожденнаго на государя!

Да онъ себя на мелкіе куски
Дастъ искрошить скорѣе. Брось дурь!

ГОЛОВИНЪ.

Кабы

Онъ только захотѣлъ...

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Кабы! Кабы

У бабушки бородушка была,
Такъ былъ-бы дѣдушка.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ну, гости дорогіе,
Теперь изъ рукъ племянницы моей
Примайте чары!

Волохова передаетъ поднось княжѣ, которая
обноситъ гостей съ поклонами.

ШАХОВСКОЙ—къ Мстиславской попомомъ,
принимая отъ нея чару.

Скоро-ли повидаишь
Мнѣ свидѣться съ тобою?

Княжна отвѣщается.

ВОЛОХОВА—помомомъ Шаховскому.

Завтра ночью,
Въ садовую калитку!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—поднимая кубокъ, ко-
торый поднесъ ему Старковъ.

Напередъ

Во здравье пьемъ царя и государя
Феодора Ивановича! Пусть много
Онъ лѣтъ царить надъ нами!

всѣ.

Много лѣтъ

Царю и государю!

кн. иванъ петровичъ.

А затѣмъ

Шю ваше здравье!

кн. хворостининъ.

Князь Иванъ Петровичъ!

Ты намъ щитомъ былъ долго отъ Литвы —

Будь намъ теперь щитомъ отъ Годунова!

влагоевщенскій протопопъ.

Благослови тебя Всевышній Царь

Святую церковь нашу отстоять!

чудовскій архимандритъ.

И сокрушить Навуходоносора!

купцы.

Князь-государь! Ты намъ — что твердый Кремль,

И мы съ тобой въ огонь и въ воду!

кн. хворостининъ.

Князь,

Теперь дозвожь про молодыхъ намъ выпить,

Про жениха съ невѣстой!

всѣ.

Много лѣтъ!

кн. иванъ петровичъ.

Благодарю васъ, гости дорогие,

Благодарю! Она хотя мнѣ только

Племянница, но та-же дочь. Бняжна!
И ты, Григорій! Кланяйтеся, дѣти!

всѣ—лѣзть.

Во здравье удалому жениху
И дорогой невѣстѣ!

кн. иванъ петровичъ.

Всѣмъ спасибо!

Къ Мстиславской.

Теперь ступай, Наташа. Непривычна
Ты, дитятко, еще казаться въ люди,
Вишь, раскрасѣлась, словно маковъ цвѣтъ.

Цѣлуешь ее въ голову.

Ступай себѣ!

Князя, Волохова и дѣвушекъ уходятъ.

ВОЛОХОВА—уходя, къ Шаховскому.

Смотри-же, не забудь:

Въ садовую калитку! Да гостячникъ
Мнѣ принеси, смотри-же!

кн. иванъ петровичъ.

Медлить намъ

Теперь нельзя. Пусть тотчасъ ко владыкѣ
Идетъ нашъ листъ, а тамъ по всей Москвѣ!

василій шуйскій.

Не проболтаться, Боже сохрани!

всѣ.

Избави Богъ!

кн. иванъ петровичъ.

Простите-жъ, государи,
Простите всѣ! Владыко дастъ намъ знать,

Когда къ царю собираться съ челобитьемъ!

Всѣ расколятся.

Мой путь не прямъ. Сегодня понялъ я,
 Что чистымъ тотъ не можетъ оставаться,
 Кто борется съ лукавствомъ. Правды съ кривдой
 Бой неравѣнъ; а съ непривычки трудно
 Кривить душой! Счастливы, кто въ чистомъ полѣ
 Передъ врагомъ стоятъ лицомъ къ лицу!
 Вокругъ него и громъ, и дымъ, и сѣча,
 А на душѣ спокойно и легко!
 Мнѣ-жъ на-душу легло тяжелымъ камнемъ,
 Что нынѣ я неправо совершилъ.
 Но, видитъ Богъ, намъ всѣ пути иные
 Заграждены. На Федора опоры
 Нѣтъ никакой! Онъ—словно мягкій воскъ,
 Въ рукахъ того, кто имъ владѣть умѣетъ.
 Не онъ царить—подъ шуриномъ его
 Стевя, давно земля защиты просить,
 Отъ насъ однихъ спасенья ждетъ она!
 Да будетъ-же—нѣтъ выбора иного—
 Неправдою неправда сражена,
 И да падутъ на совѣсть Годунова
 Мой вольный грѣхъ и вольная вина!

Уходить.

СТАРКОВЪ—глядя ему вслѣдъ.

Неправда за неправду! Ну, добро!
 Такъ и меня ужъ не вини, бояринъ.
 Что предъ тобой неправду учиню я,
 Да на тебя всю правду донесу!

Палата въ царскомъ теремѣ.

Годуновъ, въ раздумьи, сидитъ у стола. — Вблизи него стоятъ Липъ-Клешнинъ и князь Туренинъ. — У двери дожидается Старковъ.

КЛЕШНИНЪ—къ Старкову.

И ты во всемъ свидѣтельствовать будешь?

СТАРКОВЪ.

Во всемъ, во всемъ, бояринъ! Хоть сейчасъ
Поставь меня лицомъ къ царю!

КЛЕШНИНЪ.

Добро!

Ступай себѣ, голубчакъ, съ насъ довольно!

Старковъ уходитъ.

КЛЕШНИНЪ—къ Годунову.

Что? Каково? Сестру-моль, въ монастырь,
А брата по-бѣку! И со владыкой
Идутъ къ царю!

ГОДУНОВЪ—въ раздумьи.

Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,
Какъ царь Иванъ преставился. И нынѣ,
Когда удара я не отведу,
Земли едва огрѣпшее строенье,
Все, что для царства сдѣлать я успѣлъ —
Все рушится—и снова станемъ мы
Гдѣ были въ ночь, когда Иванъ Васильичъ
Преставился.

КЛЕШНИНЪ.

Подкопы съ двухъ сторонъ
Они ведутъ. Тамъ, въ Угличѣ, съ Нагими
Спознался ихъ сторонникъ Головинъ,

А здѣсь царя съ царицею разводятъ.
 Не тутъ, такъ тамъ; коль не мытьемъ удастся,
 Такъ катаньемъ!

ТУРЕНИНЪ—къ Годунову.

Бояринъ, не давай
 Имъ съ челобитіемъ идти къ царю!
 Его ты знаешь; супротивъ поповъ,
 Пожалуй, онъ не устоятъ.

КЛЕШНИНЪ.

Пожалуй!
 Разсчитывать нельзя. Покойный царь
 Пономаремъ его не даромъ звалъ.
 Охъ, батюшка ты нашъ, Иванъ Васильичъ!
 Когда-бъ ты вдравствовалъ, ужъ какъ-бы ты
 И Шуйскихъ и Нагихъ поуспокоилъ!

ГОДУНОВЪ.

Изъ Углича къ намъ не было вѣстей?

КЛЕШНИНЪ.

Не получалъ. Пусть только Битяговскій
 Ту грамоту пришлетъ, что Головинъ
 Писалъ къ Нагимъ, ужъ мы скрутили-бъ Шуйскихъ!

ТУРЕНИНЪ.

А если онъ самъ отъ себя воруетъ?

КЛЕШНИНЪ.

Намъ нѣтъ нужды! Съ той грамотой они
 У насъ въ рукахъ.

ТУРЕНИНЪ.

Твоими-бы устами

Пришлось медъ пить. У меня-жь со княземъ
 Иванъ-Петровичемъ старинный счетъ:
 Когда во Псковѣ съ голоду мы мерли,
 А день и ночь насъ осыпали ядра
 Каленныя, я въ жалости души,
 И не хотя сидѣльцевъ погубленья,
 Далъ имъ совѣтъ зачать переговоры
 Съ Батуромъ королемъ. Но князь Иванъ
 На шею мнѣ велѣлъ накинуть петлю,
 И только по упросу богомольцевъ
 Помиловалъ. Я не забылъ того,
 И вотчины свои теперь-бы отдалъ,
 Чтобы на немъ веревку увидать!

КЛЕШНИНЪ.

Ему-бъ въ лицу! Съ купцомъ, со смердомъ ласковъ,
 А съ нами гордъ. Эхъ, грамоту-бъ добыть!

ТУРЕНИНЪ—къ Годунову.

Твоя судьба висить на волоскѣ —
 Тебѣ рѣшиться надо!

ГОДУНОВЪ — вставал.

Я рѣшился.

ТУРЕНИНЪ.

На что

ГОДУНОВЪ.

На миръ.

ТУРЕНИНЪ и КЛЕШНИНЪ — вместе.

Какъ? Съ Шуйскими на миръ?

ГОДУНОВЪ.

Мы завтра-же друзьями учинимся.

ТУРЕНИНЪ.

Врагамъ своимъ ты хочешь уступить?
Ты согласишься подѣлиться съ ними
Своею властью?

КЛЕШНИНЪ.

Батюшка, дозволю

Тебѣ сказать: ты не съ ума-ли спятилъ?
Вѣдь ты козла въ свой пустишь огородъ!

ГОДУНОВЪ.

Когда, шумя, въ морскую бурю волны
Грозятъ корабль со грузомъ поглотить, —
Безаумень тотъ, кто изъ своихъ сокровищъ
Не бросить часть, чтобъ цѣлое спасти.
Часть правъ моихъ въ пучину я бросаю.
Но мой корабль отъ гибели спасаю!

КЛЕШНИНЪ.

А какъ сойдешься съ ними ты? Съ позивной
Къ нимъ, что-ль, пойдешь? Аль ихъ къ себѣ попросишь?
Кто миръ устроить между васъ?

ГОДУНОВЪ.

Самъ царь.

Стольникъ отворяетъ дверь.

ТУРЕНИНЪ.

А вотъ и царь!

Входитъ царь Федоръ. — За нимъ стреманный.

ФЕДОРЪ.

Стреманный! Отчего

Конь подо мной взыбился?

СТРЕМЯННЫЙ

Государь,

Ты, вишь, въ мотыгу за деньгами полѣзъ
 Для нищаго, конь подался впередъ,
 Ты-жъ дернулъ за поводья, конь съ испугу
 И сталъ дыбиться.

Федоръ.

Самого меня

Онъ испугалъ. Стремянный, не давай
 Ему овса! Пусть сѣно ѣсть одно!

Клещинъ.

А я-бы, царь, стремяннаго приструнилъ,
 Чтобъ милости твоей такихъ не смѣлъ
 Онъ бѣшеныхъ давать коней!

СТРЕМЯННЫЙ

Помилуй,

Какой-же бѣшенный онъ конь? Ему
 Лѣтъ двадцать-пять. На немъ покойный царь
 Еще ѣзжалъ.

Федоръ.

Я, впрочемъ, можетъ быть,
 Самъ виновать. Я слишкомъ сильно стиснулъ
 Ему бока. Ты говоришь, съ испугу
 Водыбился онъ?

СТРЕМЯННЫЙ.

Съ испугу, государь!

Федоръ.

Ну, такъ и быть, ужъ я его прощу;
 Но ѣздить я на немъ не буду болѣ.

Въ табунъ его! И полный кормъ ему
Давать по смерти!

Изъ другой двери входитъ царица Ирина.
Аринюшка, здорово!

ИРИНА.

Здорово, свѣтъ! Никакъ ты уморился?

ЕЕДОРЪ.

Да, да, усталъ. Отъ самага Андронья
Все ѣхалъ рысью.. Здѣсь-же, у крыльца,
Конь захотѣлъ меня спшибить, да я
Далъ знать себя! Бока ему какъ стиснулъ,
Такъ онъ и стихъ. Аринушка, я чаю,
Обѣдъ готовъ?

ИРИНА.

Готовъ, свѣтъ-государь,
Покушай на здоровье!

ЕЕДОРЪ.

Какъ-же, какъ-же!

Сейчасъ пойдемъ обѣдать. Я отъ этой
Бѣды совсѣмъ проголодался. Славнѣ
Трезвонять у Андронья. Я хочу
Послать за тѣмъ пономаремъ, чтобъ онъ
Мнѣ показалъ, какъ онъ трезвонить... Ну,
Аринюшка, какую у Андронья
Красавицу я видѣлъ! Знаешь кто?
Мстиславская! Она приплася Шуйскимъ
Племянницей. Видалъ ее ты, шуринъ?

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь; мы съ Шуйскими давно ужъ
Не видимся.

ФЕДОРЪ.

Жаль, шурина, очень жаль!..
Высокая и стройная такая,
И бѣлая!

ИРИНА.

Да у тебя ужъ, Федоръ,
Завнобы вѣтъ-ли къ ней?

ФЕДОРЪ.

И брови, знаешь,
Какія у нея!

ИРИНА.

Да ты и впрямь
Ужъ много говоришь о ней!

ФЕДОРЪ—лукаво.

А что-жъ,
Аринушка? Вѣдь я еще не старъ,
Вѣдь я еще понравиться могу!

ИРИНА.

Стыдись, она невѣста!

ФЕДОРЪ.

Да, она
Посватана за Шаховскаго. Шуринъ,
Ты Шаховскаго знаешь, князь-Григорья?

ГОДУНОВЪ.

Знавалъ когда-то, царь, но онъ вѣдь нынѣ
Сторонникъ Шуйскихъ.

еѣдоръ.

Шуринъ, даже грустно
Мнѣ слышать это: тотъ сторонникъ Шуйскихъ,
А этотъ твой! Когда-жъ я доживу,
Что вмѣстѣ всѣ одной Руси лишь будутъ
Сторонники?

годуновъ.

Я радъ-бы, государь,
За мной не стало-бъ дѣло, если-бъ знать я,
Какъ помириться?

еѣдоръ.

Право, шуринъ? Право?
Зачѣмъ-же ты мнѣ прежде не сказалъ?
Я помирю васъ! Завтра-же тебя
Я съ князь-Иванъ Петровичемъ сведу!

годуновъ.

Царь, я готовъ, но, кажется —

еѣдоръ.

Ни, ни!
Ты этого, Борисъ, не разумѣешь!
Ты вѣдай тамъ, какъ знаешь, государство,
Ты, въ томъ гораздъ, а здѣсь я больше смыслю,
Здѣсь надо вѣдать сердце человѣка!..
Я завтра-жъ помирю васъ. А теперь
Пойдемъ къ столу.

Направляется къ двери и останавливается.

Аринюшка, послушай:

А вѣдь Мстиславская-то на меня
Смотрѣла въ церкви!

ИРИНА.

Что-жь мнѣ дѣлать, Оедоръ,
Такая, видно, горькая ужъ доля
Мнѣ выпала!

ОЕДОРЪ—обнимая ее.

Родимая моя!
Безцѣнная! Я пошутить съ тобою!
Да есть-ли въ цѣломъ мірѣ что-нибудь,
Кого-бъ ты краше не была? Пойдемъ-же,
Пойдемъ къ столу, а то обѣдъ простынется!
Уходитъ.—Ирина слѣдуетъ за нимъ.—Году-
новъ, Клешнинъ и Туренинъ идутъ за обоями.

КЛЕШНИНЪ—къ Годунову, уходитъ.

Мирисься ты? Въ товарищи возьмешь ты
Исконнаго, закятаго врага?

ТУРЕНИНЪ.

Того, кѣмъ ты всѣхъ болѣ ненавидимъ?
А послѣ что-жь?

ГОДУНОВЪ.

А послѣ—мы увидимъ!

Уходятъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Царская палата.

Царь Оѣдоръ сидѣтъ въ креслахъ. — По правую его руку, Ирина вышиваетъ золотомъ въ пазыцахъ. — По лѣвую, сидѣтъ въ креслахъ: Діонисій, митрополитъ всея Руси; Варлаамъ, архіепископъ Крутицкій; Іовъ, архіепископъ Ростовскій, и Борисъ Годуновъ. — Кругомъ стоятъ бояре.

ОЕДОРЪ.

Владыко Діонисій! Отче Іовъ!
Ты, отче Варлаамъ! Я васъ позвалъ,
Святители, чтобъ вы мнѣ помогли
Благое дѣло учинить, давнишнихъ
Мнѣ помогли-бы помирить враговъ!
Вамъ вѣдомо, какъ долго я крушился,
Что Шуйскіе, высокіе мужи,
И Годуновъ Борисъ, мой добрый шуринъ,
Напрасною враждой раздѣлены.
Но, видно, внялъ Господь моимъ молитвамъ,
Духъ кротости въ Бориса онъ вложилъ.
И вотъ, онъ самъ мнѣ обѣщалъ сегодня
Забуть свои отъ недруговъ досады,
И первый Шуйскимъ руку протянуть.
Не такъ-ли, шуринъ?

ГОДУНОВЪ.

Твоему желанью
Повиноваться—долгъ мой, государь!

ЕЕДОРЪ.

Спасибо, шурины! Ты писанье помнишь
И свято исполняешь. Только вотъ,
О Шуйскомъ я хотѣлъ тебѣ сказать,
О князь-Иванъ Петровичъ: онъ нравомъ
Немного крутъ, и гордъ, и шекотливъ;
Такъ лучше-бъ вамъ по-менѣ говорить-бы,
А чтобы ты къ нему-бы подошелъ,
И за-руку-бы ваялъ, его — вотъ этакъ —
И только-бы сказалъ, что все забыто,
И что огнищѣ ты со всѣми ими
Въ согласіи быть хочешь.

ГОДУНОВЪ.

Я готовъ.

ЕЕДОРЪ.

Спасибо, шурины! Онъ вѣдь мужъ военный,
Онъ выросъ въ строю среди мечей желѣзныхъ,
Пищалей громоносныхъ, страшныхъ копій
И бердышей! Но онъ благочестивъ,
И вѣрно ужъ на ласковую рѣчь
Податливъ будетъ.

Къ Діонисію.

Ты-жъ, святой владыко,

Лишь только за-руки они возьмутся,
Ихъ поскорѣй благослови, и слово
Спасительное тотчасъ имъ скажи!

ДІОНИСІЙ.

Мой долгъ велить мнѣ, государь, о мирѣ
Вѣщать ко всѣмъ, а паче о Христовой
Пещися церкви. Аще не-за церковь
Князь Шуйскій спорить съ шуриномъ твоимъ,
Его склонять готовъ я къ миру.

еѣдоръ.

Отче,

Мы всѣ стоимъ за церковь! И Борисъ,
И я, и Шуйскій, всѣ стоимъ за церковь!

діонисій.

Великій царь, усердіе твое
Намъ вѣдомо; дѣла-же, къ сожалѣнью,
Не всѣ исходятъ отъ тебя.

Смотрить на Годунова.

Намедни

Новгородскіе купцы, которыхъ
За ересь мы соборомъ осудили,
Свобожжены, и въ Новгородъ обратно,
Какъ правые, отпущены, къ соблазну
Всѣхъ христіанъ.

годуновъ.

Владыко, тѣ купцы

Съ нѣмецкими торгуютъ городами,
И выгоду приносятъ государству
Немалую. Мы съ ними разорили-бъ
Весь Новгородъ.

діонисій.

А ересь ни во что

Ты ставишь ихъ?

годуновъ.

Избави Богъ, владыко!

Ужъ царь послать наказы военодамъ,
Той ереси учителей хватать.
Но соблазненныхъ отличаетъ царь
Отъ соблазнителей.

ФЕДОРЪ.

Конечно, шурины!

Но самыхъ соблазнитель, владыко,
Ни истязать не надо, ни казнить!
Имъ передъ Богомъ отвѣчать придется!
Ты увѣщай-бы ихъ. Вѣдь ты, владыко,
Грамматикомъ не даромъ прованъ мудрымъ!

ДИОНИСІЙ.

Мы дѣлаемъ, сколь можемъ, государь,
Черезъ увѣщанья. Но тебѣ еще
Не все извѣстно: старосты губные
И сборщики казенныхъ податей
Въ обители входить святыя стали,
И въ водости церковныя вѣщать,
И старые въ нихъ править недоборы,
Забытые отъ прежнихъ лѣтъ!

ГОДУНОВЪ.

Владыко,

Великій царь предупредилъ твое
Печалованье. Что насъ крайность сдѣлать
Заставила, ужъ то не повторится.

Подаетъ ему грамоту.

Вотъ грамота, владыко, о невѣдѣ
Въ имѣнья церкви никакимъ чинамъ,
И о рѣшеніи всякихъ дѣлъ не царскимъ,
Но собственнымъ твоимъ судомъ.

ФЕДОРЪ.

Да, отче,

Онъ написалъ ее, а я печать
Привѣсилъ къ ней!

ДІОНИСІЙ—пробираетъ грамоту.

Блаженны миротворцы!

Когда правитель общаетъ мнѣ
И въ остальныхъ статьяхъ всѣ льготы церкви,
Ея права и выгоды блюсти —
То прошлое да будетъ позабыто!

Евдоръ.

Такъ, такъ, владыко! Отче Варлаамъ,
Ты помоги владыкѣ!

ВАРЛААМЪ.

Государь,

Что въ дѣлѣ семъ святой владыко скажетъ,
Я повторю охотно.

Евдоръ.

Отче Іовъ,

И на тебя разсчитываю я!

ІОВЪ.

Правитель твой, великій государь,
Нездобія и мудрости исполненъ,
А наше дѣло Господу молиться
О тишинѣ и мирѣ!

Евдоръ.

И тебя,

Аринушка, прошу я: если Шуйскій
Упрется, ты привѣтливое слово
Ему скажи. Оно вѣдь много значить
Изъ женскихъ устъ, и умягчаетъ самый
Суровый нравъ. Я знаю по себѣ:
Мужчинѣ я не уступлю ни въ чемъ,
А женщина попроситъ, иль ребенка,
Все сдѣлать радъ!

ИРИНА.

Мой царь и господинъ,
Какъ ты велишь, такъ мы и будемъ дѣлать;
Но наше слово, противъ твоего,
Что можетъ значить? Если только ты
Имъ съ твердостію скажешь, что ихъ распря
Тебя гнѣвить, то князь Иванъ Петровичъ
Ослушаться тебя не будетъ властенъ.

ЕЕДОРЪ.

Да, да, конечно, я ему вѣлю,
Я прикажу ему! А вы, бояре,
Скорѣй зачinite съ ними разговоръ;
Не стойте молча, хуже нѣтъ того,
Какъ если два противника сошлись,
Ужъ помирились, смотреть другъ на друга,
А всё молчать...

КЛЕШНИНЪ.

Мы рады говорить-бы,
Царь-государь, когда-бъ его лишь милость,
На Шуѣ князь, намъ рты разинуть далъ!

ЕЕДОРЪ.

Что ты понесъ? Какой онъ князь на Шуѣ?

КЛЕШНИНЪ.

А то, что онъ себя удѣльнымъ княземъ,
А не слугой царевымъ держать—вотъ что!

КН. ХВОРОСТИНИНЪ.

Твой дядька, царь, простить не можетъ Шуйскимъ,
Что за Нагихъ вступаются они.

ГОЛОВИНЪ.

И что тебя хотѣли-бъ упросить
Царевича взять на Москву обратно.

ФЕДОРЪ.

Димитрія? Да я и самъ-бы радъ!
Сердечный онъ! Ему, я чай, тамъ скучно.
А я-то адѣсь его-бы потѣшалъ:
И скомороховъ показалъ смѣшныхъ-бы,
И бой медвѣжій! Я просилъ Бориса,
Не разъ просилъ, да говорить: нельзя!

КЛЕШНИНЪ.

И въ томъ онъ правъ! Твой батюшка покойный
Нагимъ не даромъ Угличъ указалъ;
Онъ зналъ Нагихъ, онъ воли не давалъ имъ,
И шуринъ твой на привязи ихъ держать!

ФЕДОРЪ.

Негоже ты, Петровичъ, говоришь,
Они дядя царевичу, Петровичъ!

КЛЕШНИНЪ.

Царевичу! Да вѣшто онъ царевичъ?
И мать его, седьмая-то жена,
Царяда вѣшто? Эдакихъ царицъ
При батюшкѣ твоемъ понабралось-бы
И болѣе, пожалуй!

ФЕДОРЪ.

Полно, полно!

Мнѣ Митя братъ, ему-жъ дядя Нагіе,
Такъ ты при мнѣ порочить ихъ не смѣй!

КЛЕШНИНЪ.

А что-же мнѣ, хвалить ихъ, что они
Тебя долой хотѣли-бы съ престола,
А своего царенка на престолъ?

ФЕДОРЪ.

Какъ смѣешь ты?

КЛЕШНИНЪ.

И Шуйскихъ тоже хватать,
Что вадно идутъ они съ Нагими?

ФЕДОРЪ.

Я говорю тебѣ: молчи! Молчи!
Сейчасъ молчи!

КЛЕШНИНЪ—отходя къ окну.

Ну, что-жъ? И замолчу!

ФЕДОРЪ—къ Годунову.

Не позволяй ему въ другой разъ, шуринъ,
Порочить мачиху и брата!

ГОДУНОВЪ.

Царь,
Онъ человѣкъ усердный и простой!

Крѣпкѣ на лошади.

КЛЕШНИНЪ—глядя въ окно.

Ну, вонъ идутъ!

ФЕДОРЪ.

Кто?

ВОЯРЕ—смотреть въ окно.

Шуйскіе идутъ!

ФЕДОРЪ—подходя къ окну.

Какъ? Ужъ пришли?

КЛЕШНИНЪ.

Да, вотъ ужъ у крыльца!

Били слышна громче.

Вишь, впереди идетъ Иванъ Петровичъ,
А кругъ его валить съ купцами чернь!
Ишь, голосать и шапки вверхъ кидаютъ!
Еще, еще! Стрѣльцовъ сбиваютъ съ ногъ!
Держальниковъ оттерли! Подхватили
Его подъ руки! Эвотъ, по ступенямъ
Его ведутъ! Небось, и государя
Такъ не чествятъ они!

ЕЕДОРЪ.

Смотри-же, шуринъ,

Не забывай, что ты мнѣ обѣщаль!
Ариннуша—смотри-же, ваймѣчай!
Коль, неравно, у нихъ пойдеть не гладко,
Ты помоги! Отцы мои—я паче
На васъ надѣюсь!

Возвращается поспѣшно на свое мѣсто.

СТОЛЬНИКЪ—отворяя дверь.

Князь Иванъ Петровичъ!

Входятъ Шуйскіе; за ними Мстиславскій, Шаховской и другіе.

КЛЕШНИНЪ—тихо къ Туренину, глядя на Шуйскихъ.

Ишь, какъ идутъ! И шей-то не гнутся!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—опускаясь на колѣни.

Великій царь! По твоему указу
Предъ очь мы явились твои!

еѣдоръ.

Встань, князь Иванъ Петровичъ! Встань скорѣе!
Тебѣ такъ быть негоже!

Поднимаетъ его.

Мы съ царицей
Давно тебя не видимъ. Ты, должно быть,
Семейнымъ дѣломъ занятъ? Миѣ сказали:
Племянницу ты замужъ выдаешь?

кн. иванъ петровичъ.

Такъ, государь.

еѣдоръ.

Я радъ, я очень радъ!
Я поздравляю васъ! Такъ вотъ я, князь,
Хотѣлъ сказать тебѣ, что мы давно
Тебя не видимъ—впрочемъ, можетъ быть,
Тебѣ не время? Это сватовство—
Ты оттого и въ думу, вѣроятно,
Давно уже не ходишь?

кн. иванъ петровичъ

Государь,
Миѣ въ думѣ дѣлать нечего, когда
Дѣла земли вершить уже не дума,
А шурина твой. Поддакивать ему
Довольно есть бояръ и безъ меня!

еѣдоръ.

Иванъ Петровичъ! Миѣ прискорбно видѣть,
Что межъ тобой и шуриномъ моимъ
Такое несогласье учинилось!
Намъ самъ Господь велѣлъ любить другъ друга!
Велѣлъ, владыко?

ДИОНИСИЙ.

Истинно ведѣль!

ЕЕДОРЪ.

Вотъ видишь, князь? Что говорить апостолъ
Въ посланіи къ коринѣянамъ? «Молю вы»...
Какъ дальше, отче Варлаамъ?

ВАРЛААМЪ.

«Молю вы,

«Да тоже вы глаголете, да распри
«Не будутъ въ васъ, да въ томъ-же разумѣны
«И въ той-же мысли будете!»

ЕЕДОРЪ.

Вотъ видишь!

А какъ въ своемъ посланіи соборномъ
Апостолъ Петръ сказалъ? «Благоутробни»...
Какъ далѣ говорить онъ, отче Іовъ?

ІОВЪ.

«Благоутробни будьте, братолюбцы,
«Не воздающе убо зла за зло,
«Ни досажденія за досажденье!»
И шуринъ твой, великій гоеударь,
Апостольское слово исполняетъ
Во истину!

ЕЕДОРЪ.

Да, отче Іовъ, да!

Ты, князь Иванъ Петровичъ, будь увѣренъ,
Онъ чтить тебя—мы всѣ твои заслуги
Высоко чтимъ—такъ, видишь-ли,—когда-бы
Ты захотѣлъ—когда-бы ты съ Борисомъ—

Тихо въ Годунову.

Кончай-же, шуринъ!

Годуновъ.

Князь Иванъ Петровичъ!

Уже давно о нашей долгой распрѣ
Крушуся я. Коль ты забыть согласишь
Все прошлое, я также все забуду,
И радъ съ тобой и съ братьями твоими
Быть за одинъ. И съ тѣмъ на примиренье
Тебѣ я руку подаю!

кн. Иванъ Петровичъ—отступая.

Бояринъ,

Упорно слишкомъ враждовали мы,
Чтобы могли теперь безъ договора
Сойтись вдругъ!

Годуновъ.

Какого договора

Ты хочешь, князь?

кн. Иванъ Петровичъ.

Бояринъ Годуновъ!

Виню тебя, что ты нарушилъ волю
И завіщаніе царя Ивана
Васильича, который, умирая,
Русь пятерымъ боярамъ приказалъ!
Одинъ былъ—я; другой—Захарьинъ-Юрьевъ;
Мстиславскій—третій; Бѣльскій былъ четвертый,
А пятый—ты. Кто-жъ нынѣ, говори,
Кто государствомъ править?

Годуновъ.

Царь Федоръ

Ивановичъ, его-же царской воли
Я исполнитель.

кн. иванъ петровичъ.

Не хитри, бояринъ!

Его ты волей завладѣлъ лукаво!
Едва лишь царь представился Иванъ,
Ты Бѣльскаго въ изгнаніе услалъ,
Мстиславскаго, насильно ты въ монахи
Ведѣлъ постричь; отъ Юрьева-жъ, Никиты
Романыча, избавили тебя
Болѣзнь и смерть. Остались мы оба.
Но ты, со мной совѣта избѣгая,
Своимъ высокимъ пользуясь свойствомъ,
Сталъ у царя испрашивать указы,
На что хотѣлъ, вступаться началъ смѣло
Въ права бояръ, въ права людей торговыхъ,
И въ самыя церковныя права.
Роптали всѣ —

годуновъ.

Князь, дай мнѣ слово молвить —

кн. иванъ петровичъ.

Роптали всѣ. Но имя государя
Тебѣ щитомъ служило; мы же дѣло
Получше знали; люди на Москвѣ
Къ намъ мыслили — и мы за правду встали,
Мы, Шуйскіе, а съ нами весь народъ.
Вотъ нашей распри корень и начало.
Я все сказалъ. Пускай-же въ этомъ дѣлѣ
Насъ царь рассудить!

годуновъ.

Князь Иванъ Петровичъ!

Великій царь межъ насъ жезлетъ мира,
Твоя-же рѣчь враждою дышетъ, князь;
Негоже мнѣ упрекамъ на упреки

Отвѣтствовать, но оправдаться долженъ
 Я передъ тобой. Меня винишь ты, князь,
 Что я одинъ вершу дѣла? Но вспомни:
 Хотѣлъ-ли ты со мною совѣщаться?
 Не ты-ль всегда мой голосъ отвергалъ?
 И не сносилъ ни въ чемъ противорѣчья,
 Не удалился-ль ты отъ насъ? Тогда
 Великій царь, твою холодность видя,
 Мнѣ одному всю землю поручалъ.
 Я-жь, не въ ущербъ, во истину, для царства,
 Ее пріялъ. Война съ Литвою миромъ
 Окончена, а королю ни пяди
 Не уступили русской мы земли.
 Въ виду орды, мы подняли на хана
 Племянника его, и ханъ во страхъ
 Вѣжалъ навадъ. Мы черемисскій бунтъ
 Утишили. Отъ шведовъ оградились
 Мы перемирьемъ. Съ цесаремъ нѣмецкимъ
 И съ Даніей упрочили союзъ,
 А съ Англіей торговый подписали
 Мы договоръ, быть можетъ, неугодный
 Гостямъ московскимъ, но обильный выгодъ
 Для всей земли. И въ самое то время,
 Когда ужъ Русь отъ смутъ и тяжкихъ бѣдствій
 Въ устройство начинала приходить,
 Ты, князь,—я то тебѣ не въ укоризну
 Теперь скажу—ты, съ братьями своими,
 Вы собирали въ скопъ народъ московскій,
 И черный людъ вы тайно научали
 Бить государю на меня челомъ!

кн. андрей шуйскій—выступаетъ впередъ.

Не за себя мы поднялись, бояринъ!
 Когда ломать ты началъ государство,
 За старину съ народомъ встали мы!

кн. дмитрій шуйскій.

Такихъ досадъ, какъ отъ тебя, бояринъ,
И при Иванѣ не было царь!

кн. иванъ ивановичъ шуйскій.

Покойный царь былъ грозенъ для окольныхъ;
Кто близокъ былъ къ нему, тотъ и дрожалъ;
Кто-жъ былъ далекъ, тотъ жилъ безъ опасенья
По своему обычаю. Ты-жъ словно
Всю Русь опуталъ сѣтью, и покоя
Нѣтъ отъ тебя нигдѣ и никому!

годуновъ.

Когда земля, по долгому неустройствѣ,
Въ порядокъ быть должна приведена,
Болѣзненно свершается цѣленье
Старинныхъ ранъ. Чтобъ аданіе исправить,
Насильственно коснуться мы должны
Его частей. Но, милостію Божьей,
Мы неизбежную страданья пору
Ужъ перешли, и мудрость государя
Сознали всѣ; вы только лишь одни,
Вы, Шуйскіе, противитесь упорно,
И жизни новой сѣтлое теченье
Отвлечь хотите въ старое русло!

кн. иванъ петровичъ.

Лишь мы одни? Владыко Діонисій!
Скажи ему, одни-ли о насильяхъ
Мы вопіемъ Христовой церкви!

діонисій.

Княже,

Съ правителемъ до твоего прихода
Мы говорили. Все, о чемъ съ тобою
Скорбѣли мы—онъ отмѣнилъ.

кн. иванъ петровичъ.

Не чисто!

годуновъ.

А въ остальномъ надѣюсь я съ вами,
Князья, сойтись. Ужъ миновала нынѣ
Пора волнений; въ уровень законный
Вошла земля, и не-о-чемъ намъ спорить.
Ей вмѣстѣ мы теперь послужимъ лучше,
Чѣмъ могъ-бы я одинъ.

діонисій.

Такое слово

Смиренномудрено. Совѣтъ нашъ, княже,
Не продолжать вамъ распри, несогласной
Съ ученіемъ Спасителя, и вредной
Для государства.

ѳеодоръ.

Отче, я увѣренъ,

Они того не захотятъ! Не правда-ль?
Не правда-ль, князь? Вотъ и моя царица
Тому не вѣрить. Что-же ты молчишь,
Аринушка?

иринѣ — продолжала вышивать.

Не вѣрится мнѣ вправду,

Что долго такъ князь Шуйскій заставляеть
Себя просить о томъ, что государь
Ему велѣтъ единымъ можетъ словомъ.

Смотритъ на Шуйскаго.

Скажи мнѣ, князь, когда-бы ты теперь
Не предъ царемъ ѳеодоромъ стоялъ,
Но предъ отцомъ его, царемъ Иваѳомъ.
Раздумывалъ-бы столько ты? Ужели-жъ

За то, что царь съ тобою такъ негнѣвенъ,
 Такъ милостивъ, такъ многотерпѣливъ,
 Свой долгъ предъ нимъ забудешь ты?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Царица,

Я говорилъ предъ государемъ нынѣ,
 Какъ говорить-бы предъ его отцомъ,
 И прежде, чѣмъ отъ мысли отказаться
 На плаху я скорѣе-бы пошелъ;
 Но мнѣ наврядъ-бы при царѣ Иванѣ
 Такъ говорить пришлось—затѣмъ, что врядъ-бы
 Покойный царь такъ беззаботно отдалъ
 Изъ рукъ своихъ въ чужія руки власть!

ИРИНА.

Когда во Псковѣ, князь Иванъ Петровичъ,
 Ты, окруженъ литовцами, сидѣлъ,
 И мужествомъ своимъ непобѣдимымъ
 Такъ долго былъ оплотомъ для Руси —
 Я, за твое спасенье и здоровье,
 Дала тогда молитвенный обѣтъ:
 На раку, гдѣ покоятся во Псковѣ
 Святѣя мощи Всеволода-князя,
 Вотъ этотъ вышишь золотой покровъ.
 Я шью давно—и вотъ моя работа
 Къ концу приходитъ. Но ужель она,
 Начатая во здравіе того,
 Кто землю спасъ, окончится когда
 Противникомъ онъ станетъ государству?

Встаетъ и подходитъ къ Шуйскому.

Ужели тотъ, за чье спасенье я
 Такъ горячо со всѣй молилась Русью,
 Ея покой упорствомъ возмутить?

Прошу тебя, не омрачи напрасно
Своей великой славы! Покорись
Святителямъ и царскому вельнью!
Князь-государь —

Кланяется ему въ поясъ.

Моемъ большимъ поклономъ
Прошу тебя, забудь свою вражду!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ — въ волнении.

Царица-матушка! Ты на меня
Повѣяла какъ будто тихимъ лѣтомъ!
Своимъ неожиданнымъ милостивымъ словомъ
Ты все кутро во мнѣ перевернула!
Какъ устоять передъ тобой? Повѣрь,
Вельнѣе государево исполнить
Я радъ душой — но напередъ дозвожь мнѣ
Сказать два слова брату твоему.

Къ Годунову.

Не въ первый разъ, бояринъ, хитрой рѣчью
Обходишь ты противниковъ своихъ.
Какой залогъ намъ дашь ты, что не хочешь
Насъ усыпить, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе послѣ
Погибель нашу уготовить?

Годуновъ.

Князь.

Залогомъ вамъ мое да будетъ слово
И вмѣстѣ съ нимъ ручательство царя.

Федоръ.

Да, да, князья, я за него ручаюсь!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Какая участь ожидаетъ тѣхъ,
Которые, защитѣ нашей вѣря,
Къ намъ мысляли?

ГОДУНОВЪ.

Ихъ ни единый волосъ
Не упадетъ, и ни единымъ пальцемъ
Не тронуть ихъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

И будешь ты на томъ
Крестъ цѣловать предъ государемъ?

ГОДУНОВЪ.

Буду!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—къ боярамъ, пришед-
шимъ съ нимъ.

Какъ мыслите?

БОЯРЕ.

На что согласенъ ты,
Мы все согласны!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—къ Годунову.

Вотъ моя рука!

ФЕДОРЪ.

Друзья мои! Спасибо вамъ, спасибо!
Аринашка, вотъ это въ цѣлой жизни
Мой лучший день! Владыко Діонисій—
Крестъ имъ скорѣе! Крестъ!

Діонисій беретъ со стола крестъ и подаетъ
сперва Шуйскому, потомъ Годунову.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Клянусь отнынѣ

Не враждовать, ни мыслию, ни дѣломъ,
Къ великому боярину къ Борису
Феодорычу Годунову; въ томъ-же

Я за себя и за своихъ за братьевъ,
И за сторонниковъ за нашихъ всѣхъ,
За всѣхъ бояръ и всѣхъ людей торговыхъ,
Цѣлую крестъ Спасителя Христа!

Прикладывается ко кресту.

годуновъ.

Цѣлую крестъ, что съ Шуйскими отнынѣ
Мнѣ пребывать въ согласьи и любви,
Безъ ихъ совѣта никакого дѣла
Не начинать, сторонникамъ-же ихъ:
Князьямъ, боярамъ и торговымъ людямъ,
Ничѣмъ не мстить за прежнія вины.

Прикладывается ко кресту.

Федоръ.

Вотъ это такъ! Вотъ это значить: прямо
Писаніе исполнить! Обнимитесь!
Вотъ такъ! Ну, что? Вѣдь легче стало? Легче?
Не правда-ли?

Крики на площади.

О чемъ они кричатъ?

кн. иванъ петровичъ.

Должно быть, царь, хотѣлось бы узнать имъ,
Чѣмъ кончилась сегодня наша встрѣча
Съ бояриномъ. Доволь я выйду къ нимъ.

Федоръ.

Нѣтъ, нѣтъ, останься! Сами пусть они
Сюда прійдутъ. Пусть умилятся, глядя
На ваше примиренье!

Въ Клемянну.

Выдь, Петровичъ,

Выдь на крыльцо и приведи ихъ!

КЛЕШНИНЪ.

Всѣхъ?

Да ихъ, я чай, тамъ сотенъ будетъ съ двадцать,
Аршаниниковъ!

ФЕДОРЪ.

Зачѣмъ-же всѣхъ? Зачѣмъ?

Пусть выборныхъ пришлютъ!

Клешнинъ уходитъ.

Я съ ними, шуринъ,

И не охотникъ, правда, говорить.
Когда они обступать вдругъ меня
На выходъ, кто съ жалобой, кто съ просьбой,
И стукотня такая въ головѣ
Отъ нихъ поидеть, какъ словно тулумбасы
Въ ней загремятъ; терпѣть я не могу!
Стоишь и смотришь, и не знаешь ровно,
Что отвѣчать? Но здѣсь другое дѣло,
Я радъ ихъ видѣть!

ГОДУНОВЪ.

Государь, боюсь,
Тебѣ ихъ вадорныхъ жалобъ не избыть:
Народъ докучливъ. Лучше прикажи мнѣ,
Я выйду къ нимъ!

КЛЕШНИНЪ—возвращаясь.

Царь! Выборные люди
Отъ всѣхъ купцовъ, лабазниковъ, теачей,
И шорниковъ, и мясниковъ, которыхъ
Привелъ съ собой князь Шуйскій! Вотъ они!

ВЫБОРНЫЕ—входятъ и становятся на колѣна.

Царь-государь! Спаси тебя Господь,
Что свѣтлыя свои увидѣть очи
Ты насъ пожаловалъ!

ЕЕДОРЪ.

Вставайте, люди!

Я радъ васъ видѣть. Я послалъ за вами,
Чтобъ вамъ сказать—да что-жъ вы не встаете?
Я осерчаю!

Выборные встанутъ, исключая одного старика.

Что-же ты, старикъ?

Что-жъ не встаешь?

СТАРИКЪ.

И радъ-бы, государь,
Да не смогу! Вишь, на колѣни стать-то —
Оно кой-какъ и удалось, а вотъ
Подняться-то не хватаетъ силы! Больно
Ужъ древень сталъ я, государь!

ЕЕДОРЪ—къ другимъ.

Возьмите-жъ

Его подъ руки, люди!

Двое купцовъ поднимаютъ старика.

Ну, вотъ такъ!

Ты, дѣдушка, себя не утрудилъ-ли?
Кто ты?

СТАРИКЪ.

Богданъ Семеновъ Курюковъ,
Московский гость!

ЕЕДОРЪ.

Который годъ тебѣ?

КУРЮКОВЪ.

Да будетъ за-сто, государь! При бабѣ
Я при твоей, при матушкѣ Оленѣ
Васильевнѣ, ужъ денежникомъ былъ,

Челанилъ деньги, по ея указу,
 Копейными, на коихъ нонѣ князь
 Великій знатенъ съ копѣемъ въ рудѣ;
 Оттоль онѣ и стали называться
 Копейными. Такъ я-то, государь,
 Въ ту пору ихъ челанилъ. Лѣтъ мнѣ будетъ,
 Пожалуй, вѣ-сто!

Евдоръ.

Дѣдушка, да ты
 Шатаешься! Бояре, вы-бъ ему
 Столець подставили!

Курюковъ.

Помилуй, царь!
 Какъ при твоей мнѣ милости сидѣтъ!

Евдоръ.

Да ты вѣдь больно старъ, вѣдь ты, я чаю,
 Ужъ много видѣлъ на своемъ вѣку?

Курюковъ.

Какъ, батюшка, не видѣтъ! Всяко видѣлъ!
 Блаженной памяти Василья помню
 Иваныча, когда свою супругу
 Онъ, Соломонью Юрьевну, постригъ,
 Неплодыя ради, бабу-же твою,
 Олену-то Васильевну поялъ.
 Тогда народъ, вишь, на-дво раздѣлился,
 Кто, вишь, стоялъ за бабу за твою,
 Кто за книгиню былъ за Соломонью.
 А въ тѣ поры я межъ бояръ разруху
 Великія чинились: въ малолѣтство
 Родителя, вишь, твоего, Ивана
 Васильича, тягались до зарѣва
 Князья Овчины съ Шуйскими князьями,

А вѣ-за нихъ и весь московскій людъ.
А нашъ-то родъ всегда стоялъ за Шуйскихъ,
Ужъ такъ у насъ отъ предковъ повелось.
Бывало слышишь: бьютъ въ набатъ у Спаса —
Вставай, купцы! Вали къ одной за Шуйскихъ!
Тутъ поскорѣ лавку на запоръ,
Кафтаны долой, захватишь чтò попало,
Чтò Богъ послалъ, рогатину-ль, топорь-ли,
Въжишь на площадь, а вѣ ужъ тамъ и валка;
Одни горланятъ: Телепня Овчину!
Другіе: Шуйскихъ! и пошла катать!

ВЕДОРЪ.

То грѣхъ великій, дѣдушка!

БУРЮКОВЪ.

А ВОТЪ,

КАКЪ ВЪ ВОЗРАСТЪ СТАЛЪ ТВОЙ БАТЮШКА ВХОДИТЬ,
УТИХЛО ВСЯ.

ВЛЕШНИНЪ.

Что? Видно, не шутил?

КУРЮКОВЪ.

Избавя Богъ! Быть гровный государы!
При немъ и всѣ бояре пріутихли!
При немъ бѣда! Глядишь, столбовъ наставятъ
На шлоши; а вѣней-то и мукъ,
И пытокъ ужъ какихъ мы насмотрѣлись!
Бывало, вдругъ...

ВЕДОРЪ.

Я, дѣдушка, позвалъ васъ,
Чтобъ вамъ сказать...

БУРЮКОВЪ.

Бывало, грянуть бубны,
Чтобы народъ на площадь плечь...

еодоръ.

Я васъ

Велѣлъ позвать...

вурюковъ.

Тутъ, хочешь, аль не хочешь—

Неволею идешь...

молодой купецъ—дергая его за полу.

Богданъ Семенычъ!

Царь говорить съ тобой!

вурюковъ.

Постой, племянникъ,

Дай досказать. Вотъ мы придемъ на площадь,

Анъ тамъ стоять...

еодоръ—къ молодому.

Такъ ты—ему племянникъ?

молодой.

Да, государь, я внучатный ему

Племянникъ есть!

вурюковъ.

Анъ тамъ ужъ палачи

Стоять и ждутъ.

молодой—дергая его за полу.

Богданъ Семенычъ! Чтò ты?

еодоръ—къ молодому.

Твое лицо мнѣ кажется знакомо?

вурюковъ.

Съ сѣкирами...

ЕЕДОРЪ—къ молодому.

Гдѣ видѣлъ я тебя?

молодой.

А о Миколѣ мы, великій царь,
Твое здоровье тѣшили: медвѣжій
Тогда былъ бой, а я медвѣдя принялъ,
И милость мнѣ твоя поднести велѣла
Стопу вина!

КУРЮКОВЪ.

Съ сѣкирами стоять...

ЕЕДОРЪ.

Да что ты, дѣдушка, одно наладилъ!
Что, въ самомъ дѣлѣ? Что тутъ вспоминать?
Съ сѣкирами! Съ сѣкирами! Не дашь
Мнѣ слова вымолвить!

Къ молодому.

Такъ ты тотъ самый,

Что запоролъ медвѣдя? Помню, помню!
Аринушка! Вотъ это тотъ купецъ,
О комъ тебѣ рассказывалъ я, знаешь!
Синельниковъ—вѣдь такъ тебя зовутъ?

молодой.

Красильниковъ, великій государь,
Иванъ Артемовъ!

ЕЕДОРЪ.

Да, да—да, да—да.

Красильниковъ! Аринушка, представь:
Медвѣдь къ нему такъ близко подошелъ,
Такъ близко—вотъ какъ ты теперь, ~~вотъ~~ такъ,
Ко мнѣ стоишь, а онъ шагнулъ вотъ этакъ,
Да изловчилъ рогатину, да разомъ

Вотъ такъ ее всадила ему въ животъ!
 Медвѣдь-то преть, да все реветъ: уу!
 Да загребаешь лапами его,
 Вотъ такъ его, владыко, загребаешь,
 Пона совѣмъ не выбился изъ силъ
 И на бокъ не свалился!

Годуновъ.

Государь,
 Ты этимъ людямъ повѣстить хотѣлъ
 О нашемъ примиреньи.

Евдоргъ—къ Красильникову.

У тебя
 Былъ братъ еще, который Шаховского
 Въ бою кулачномъ одолѣлъ?

Красильниковъ.

Онъ мнѣ
 Двоюродный есть братъ, царь-государь,
 Микитой Голубемъ вонуть.

Оборачивается къ своимъ.

Микита!
 Слышь, выходи къ царю!
 Голубъ выступаетъ впередъ и кланяется.

Евдоргъ.

Здорово, Голубы!
 Что, какъ живешь? Что сила-то? Что сила?
 Не голушина въ тебѣ, чай, сила?
 Не по, прозванью?

Голубъ.

— Жаловаться грѣхъ,
 Царь-государь, Господь насъ не обидѣлъ,
 Мы силою своей довольны!

ЕЕДОРЪ—къ Шаховскому.

Князь!

Узналъ его?

ШАХОВСКОЙ.

Какъ друга не узнать!
Вѣдь ты ребро сломилъ мнѣ, Голубь, гладко!
По милости твоей недѣли три
Я пролежалъ!

ГОЛУБЬ—малышъ.

Усердно, князь Григорій
Петровичъ, здравствуемъ тебѣ! Дастъ Богъ,
Въ Великій постъ мы на Москвѣ-рѣкѣ
Еще съ тобою встрѣтимся на славу —
Авось твоя удача будетъ!

ШАХОВСКОЙ.

Что-жъ,

Я встрѣтятся всегда съ тобою радъ —
Теперь держись!

ГОЛУБЬ.

А что поставишь, князь?

ШАХОВСКОЙ.

Чеканный ковшъ! А ты?

ГОЛУБЬ.

Соболью шапку!

ИРИНА—къ Еедору.

Свѣтъ-государь, не позволяй имъ биться;
Чась неровнѣнъ, не долго до бѣды!

Евдоръ.

Ты думашь, Аринушка?

Къ Шаховскому и Голубю.

Смотрите-жь,

Не крѣпко бейтесь! Паче же всего —

Подъ ложку берегитесь бить другъ друга:

Тѣ самое смертельное есть мѣсто!

кн. иванъ петровичъ.

Великій царь—довволь, я повѣщу имъ,

Зачѣмъ ты ихъ позвать велѣлъ!

Евдоръ.

Ну, ну,

Добро, скажи имъ!

кн. иванъ петровичъ.

Выборные люди!

Вамъ вѣдомо да будетъ, что бояринъ

Ворисъ Феодоровичъ Годуновъ

И я, князь Шуйскій, съ братьями моими,

Мы учинились въ мирѣ и въ ладу,

И общали клятвою другъ другу,

Чтобы ни намъ, ни нашимъ межъ собою

Сторонникамъ не враждовать отнынѣ,

А быть въ согласьи!

Голубъ—отецъ.

Князь Иванъ Петровичъ!

Да какъ-же это? Мы съ тобою шли,

А ты насъ бросилъ?

кн. иванъ петровичъ.

Я не бросилъ васъ!

Мнѣ общалъ бояринъ—безъ меня

Не вачинать отнынѣ ничего —
А я всегда за васъ стою!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Эй, князь,
Остерегисы!

ГОЛУБЬ—смызъ.

Эй, не мирися, князь!

ГОЛУБЬ—отецъ.

Не выдавай насъ, князь Иванъ Петровичъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не бойтесь, люди! Мнѣ бояринъ клятву
Святую далъ, что никого изъ васъ
Не тронетъ онъ ни пальцемъ!

ГОЛОСЪ—позади другихъ.

Дать-то клятву

Онъ дастъ ее, да сдержать-ли?

КУРЮКОВЪ.

Поволь

Худое слово, князь Иванъ Петровичъ,
Мнѣ, старику, по старому сказать!
Когда твои насъ дѣды подымали
На Телепня-Овчину, при Олѣнѣ
Васильевнѣ, при бабѣ государя,
Они за насъ, а мы за нихъ тогда
Держались крѣпко; тѣмъ-то и силенъ
Твой дѣдушка Василій былъ Васильичъ!
А еслибъ онъ на миръ пошелъ съ Овчиной,
Пропалъ-бы онъ, и мы пропали-бъ съ нимъ!

ГОЛУБЬ—отецъ.

Когда ты, князь, съ врагомъ своимъ вѣчнымъ

Хотѣлъ мириться, незначѣмъ дася было
И подымать!

ГОДУВЪ—снѣхъ.

Эхъ, князь Иванъ Петровичъ!
Вы нашими миритесь головами!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—гнѣвно.

Молчи, щенокъ! Знай, бейся на кулачкахъ,
О дѣлѣ-жъ дай старѣйшимъ говорить!
Какъ смѣете не вѣрить вы ему,
Когда онъ крестъ—вы слышите-ли?—крестъ
Въ томъ цѣловалъ?

ГОДУНОВЪ—тихо къ Клепнину.

Замѣть ихъ имена.

И запиши.

Выборные, между тѣмъ, совѣщались между собой
и всѣ разомъ подходить къ Федору.

ВЫБОРНЫЕ.

Царь-государь! Помилуй!
Не дай погибнуть нашимъ головамъ!
Царь-государь! Помилуй! Защити!
Помилуй, государи! Не оставляй насъ!
Теперь пропали мы!

ФЕДОРЪ.

Да что вы? Что вы?
Оъ чего вы вняли? Отъ кого мнѣ, люди,
Васъ защищать?

ГОЛУБЬ—отецъ.

Отъ шурина твоего!
Отъ Годунова, государь!

ГОЛУБЬ—сынъ.

Твой шуринъ
Вѣдь насъ теперь совѣмъ заѣсть!

ФЕДОРЪ.

Какъ можно!
Кто вамъ сказали! Мой шуринъ любить васъ!
Ты имъ скажи, Борисъ, что ты ихъ любишь!
Вотъ онъ сейчасъ вамъ скажетъ! Онъ вамъ все,
Все растолкуетъ! Мнѣ же самому,
Мнѣ некогда теперь!
Хочетъ уйти; выборные обступаютъ его.

ВЫБОРНЫЕ.

Царь-государь!
Одна надежда наша на тебя!
Мы дурна не чинили! Мы за Шуйскихъ,
За слугъ твоихъ, стояли! Прикажи,
Чтобъ насъ Борисъ Феодорычъ не трогалъ!
Вели ему!

ФЕДОРЪ.

Да, хорошо! Пустите!
Мнѣ некогда! Скажите все Борису!
Ему скажите!

ВЫБОРНЫЕ.

Какъ же, государь,
Ему же мы да про него же скажемъ?
Яви намъ милость! Выслушай насъ царь!
Дозволь тебѣ—

ФЕДОРЪ—затыкая уши.

Ай-ай, ай-ай, ай-ай!

Скажите все Борису! Все Борису!

Мнѣ некогда! Скажите все Борису!

Уколить, держа пальцы въ ушахъ.—Выборные
съ недоушніемъ смотрятъ другъ на друга.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Ночь. Садъ Ивана Петровича Шуйскаго

ВАСИЛИСА ВОЛОХОВА—выходить изъ дома.

Ну, темъ, такъ темъ! Ни звѣздочки не видно!
Пора-бъ ему придти! Ужъ онъ не тамъ-ли,
Не за оградой-ли стоять?

Подходить къ калиткѣ и говорить шопотомъ.

Князь! Князь!

Нѣтъ никого! Прислушаться, нейдетъ-ли?
Эхъ, соловьи провлятые мѣшаютъ!
Расщелкались. Не слышно ничего!
Вотъ что-то хрустнуло: идетъ, должно быть!

Оборачивается назадъ и говорить шопотомъ.

Княжна! Пожалуй!

КНЯЖНА МСТИСЛАВСКАЯ—шопотомъ.

Гдѣ ты, Василиса

Панкратьевна?

ВОЛОХОВА.

Здѣсь, матушка!

княжна.

Не вижу!

волохова.

Сюда, сюда пожалуй! Дай мнѣ ручку!
Да какъ-же ты, голубушка, дрожишь!

княжна.

Свѣжо какъ будто!

волохова.

Нонѣ-то? Помилуй!
Теплынь какая! Ажъ травою пахнетъ!
А вонъ 'оттоль, изъ монастырской рощи,
Березой и черемухой несетъ!
Ужъ подлинно весенняя-то ночька.
А ручка у тебя какъ ледъ!

княжна.

Я лучше

Уйду домой.

волохова.

Владычица святая!
Да ты чего боишься? Развѣ онъ
Тебѣ чужой? Вѣдь, слава Богу, я
Сама тебѣ присватала его!

княжна.

У дядюшки гостей полна палата—
Что если вдругъ кому придетъ на мысль
Въ садъ заглянуть?

ВОЛОХОВА.

Великая бѣда,
 Что съ женикомъ встали-бы невѣсту!
 Вотъ если ты захочешь послѣ свадьбы
 Съ какимъ-нибудь молодчикомъ сойтись,
 Вотъ тутъ такъ надо дѣлать осторожно!
 А впрочемъ не диковина и то!
 За добрую пригоршню золотыхъ
 Все можно сдѣлать!

КНЯЖНА.

Полно, Василиса
 Панкратьевна, стыдись!

ВОЛОХОВА.

А что стыдиться,
 Голубушка! Все вертится на деньгахъ!
 Для нихъ и замужъ отдають, для нихъ
 И женятся; для нихъ брать губить брата,
 А сынъ отца! Ужъ противъ нихъ никто
 Не устоять!

КНЯЖНА.

Панкратьевна—постой! —
 Ты не слыхала ничего?

ВОЛОХОВА—прислушиваясь.

Позволь-ка!

Никакъ плеснула рыбица въ пруду...
 Ужъ эти соловьи мѣ! Пши, пши, пши!
 Насилу-то замокли! А теперь
 Пошли въ травѣ кузнечики трещать!

КНЯЖНА:

Ты ничего не слышишь?

ВОЛОХОВА.

На Неглинной

Какъ будто мельница шумить...

ШАХОВСКОЙ—за оградой, вполголоса.

Ау!

ВОЛОХОВА.

Ну, наконецъ!

Бѣжитъ къ калиткѣ и открываетъ ее.

Войди-же, князь!

Показывается на оградѣ Шаховской и спрыгиваетъ въ садъ.

Пострѣлы!

Вѣдь я-жъ тебѣ калитку отворила!

ШАХОВСКОЙ.

На что она? Жаль, что низка ограда!
Съ кремлевской я бы соскочилъ стѣны,
Чтобъ поскорѣй мою увидѣть радость!
На силу-то мну удалось!

Хочетъ обнять княжну.

ВОЛОХОВА.

Вотъ такъ!

Цѣлуй ее! Милуй ее! А я-то
За ручки подержу!

ШАХОВСКОЙ—отступая.

Княжна, не бойся!

Не подойду, доколѣ не позволишь!

ВОЛОХОВА.

Ну, соколь-князь! Вѣдь я сдержала слово,
А ты принесть ли мнѣ гостинчикъ?

ШАХОВСКОЙ—подавая ей кошелекъ.

На!

ВОЛОХОВА—потряхивая деньгами.

Сердечныя! Звеняты! Эхъ, жаль, темно!

ШАХОВСКОЙ—къ княжнѣ.

Да что-жь ты отвернулась отъ меня!
Иль не любовь я тебѣ?

КНЯЖНА.

Вишь, ждать заставилъ!

ШАХОВСКОЙ.

А страшно было ждать?

КНЯЖНА.

Вѣстимо страшно!

Въ такую ночь!

ШАХОВСКОЙ.

Чай, бурная?

княжна.

А лѣшій?

А мало-ль что? Вишь, онъ еще смѣется!

шаховской.

Да какъ-же не смѣяться мнѣ тебѣ?
Въ саду-то лѣшій!

княжна.

Да, тебѣ смѣшно,

А мнѣ-то каково? А невзначай
Вдругъ выйдетъ бракъ? Иль дядя? Что тогда?
Постылый ты!

шаховской.

А что-же дѣлать мнѣ,
Когда тебя мнѣ видѣть не дають?
Кой-разъ увидишь, а погово́рить
И думать нечего.

княжна.

Вишь ты какой!

А ты о чемъ хотѣлъ-бы говорить?

шаховской.

О томъ, что нѣтъ тебя на свѣтѣ краше!
Что безъ тебя мнѣ стала жизнь не въ жизнь!
Что не втерпѣжъ мнѣ ждать, пока сыграемъ
Мы нашу свадьбу!

княжна.

Вишь ты! Ну, а еслибъ
Брать отказалъ тебѣ?

ШАХОВСКОЙ.

Тогда бы я

Тебя увезъ!

КНЯЖНА.

А еслибъ не пошла я?

ШАХОВСКОЙ.

Насильно-бъ взялъ!

КНЯЖНА.

А я-бы убъжала?

ШАХОВСКОЙ.

А я-бъ догналъ!

КНЯЖНА.

А я въ Москву-рѣку

Прыгнула-бы!

ШАХОВСКОЙ.

А я-бы за тобой!

КНЯЖНА.

А водяной-бы за меня вступился?

ШАХОВСКОЙ.

А я-бъ его за бороду схватить
Да за усы моржевые!

КНЯЖНА.

Ха, ха!

Моржевые!

Оба смеются.

ШАХОВСКОЙ.

А вотъ вѣдь разсмѣялась!
И смѣхъ-то твой—что рокоть соловьиный!
Краса моя! Когда ты засмѣешься,
Весь темный садъ какъ будто просіялъ!
Смотри, вонъ тамъ и звѣздочка явилась!
А вонъ другая! третья! Вонъ еще!
Вишь, выглянули всѣ тебя послушать!
Вонъ и въ пруду важглися! Берегись,
Расскажутъ водяному, какъ надъ нимъ
Смѣешься ты!

КНЯЖНА.

Ха, ха!

ВОЛОХОВА.

Ну, вотъ, пошла!

Слишкомъ стулъ въ калитку.

КНЯЖНА.

Ай, что это?

ВОЛОХОВА.

Стучать никакъ въ калитку!

Прячется съ княжной за дерево.

ШАХОВСКОЙ—подходить къ калиткѣ.

Кто тамъ стучить?

ГОЛОСЪ—извѣтъ.

Впустите ради Бога!

ШАХОВСКОЙ.

Кто тамъ?

ГОЛОСЪ.

Тѣ я! Красильниковъ, купецъ!
Бѣда случилась! Поскорѣй впусти!те!

Шаховской отворяетъ калитку.—Красильниковъ
вбѣгаетъ. Одежда его изорвана.

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Гдѣ Шуйскій князь? Гдѣ князь Иванъ Петровичъ?

ШАХОВСКОЙ.

На что тебѣ?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Князь! Князь Иванъ Петровичъ!

Въ окнахъ дома показываются огни. Кн. Иванъ
Петровичъ и гости его спускаются съ крыльца.—
Шаховской скрывается межъ деревь.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Что тутъ за шумъ? Кто звалъ меня?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Тѣ я!

Князь-государь, помилуй, защити!
Сейчасъ стрѣльцы вломились къ намъ въ подворье!
Къ Ногаевымъ и къ Голубю, ко всемъ,
Кто въ выборныхъ вчера былъ у царя!
Схватили всѣхъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Кто ихъ схватилъ?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Клешнинъ,

По приказавью Годунова!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Какъ?!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Я самъ насилу вырвался отъ нихъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

По приказанью Годунова?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Да!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты говоришь, что Годуновъ велѣлъ
Всѣхъ выборныхъ схватить?

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Такъ намъ Клешнинъ

Самъ повѣстилъ:—Впередъ-де вамъ наука
Царю челомъ на Годунова бить!

ГОЛОВИНЪ.

Что, князь, тебѣ я говорилъ? Ты видишь!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Ты видишь, дядя! Не хотѣлъ ты вѣрны!
Больнымъ связаться не хотѣлъ, когда
Пришли тебя къ царю звать!

ГЛАГОЛА.

кн. иванъ петровичъ.

Быть не можетъ!

Не можетъ бытъ!

красильниковъ.

Князь-батюшка, пошли
къ намъ во дворы узнать какъ было дѣло!

кн. иванъ петровичъ.

Онъ дорого заплатить мнѣ за то!

головинъ.

Сперва купцовъ, а тамъ, смотри, и насъ
Начнутъ хватать!

кн. андрей шуйскій.

Безсовѣстный!

мстиолавскій.

Безбожникъ!

кн. иванъ петровичъ.

Клялся на крестъ! На честный крестъ клялся!

кн. андрей шуйскій.

Вѣдь это онъ не даромъ учинилъ:
Онъ раздѣлить хотѣлъ съ народомъ насъ!

кн. василій шуйскій.

Онъ всей Москвѣ тѣмъ показать хотѣлъ,
Что мыслить къ намъ и вѣрить намъ нельзя,
Что выдаемъ сторонниковъ мы нашихъ!

кн. иванъ ивановичъ шуйскій.

Чай, и теперь ужъ ропщутъ всѣ на насъ?

красильниковъ.

Да! Не во гнѣвъ сказать вамъ, государи,
Какъ нашихъ-то на тройкахъ повезли,
На шумъ людей сбѣжалось не мало,
Не слишкомъ васъ честили!

кн. иванъ ивановичъ шуйскій.

Что тутъ думать!

Пока еще не всѣ въ Москвѣ отъ насъ отпали,
Поднять Москву!

кн. андрей шуйскій.

Всѣ слободы подвять!

кн. иванъ ивановичъ шуйскій.

Раздать купцамъ оружіе!

кн. андрей шуйскій.

Къ Борису

Идти во дворъ—убить его!

головинъ.

А въ Угличъ

Послать къ Нагимъ, чтобъ Дмитрія сейчасъ-же
Поставили царемъ! Чтобъ на Москву
Шли съ угличанама Нагіе!

кн. иванъ петровичъ—строго.

Тише!

кн. василій шуйскій—къ Головинѣ.

Такъ, вря, нельзя.

головинъ.

Съ Нагими я списался,

Они лишь знака ждутъ!

кн. иванъ петровичъ.

Ты смѣлъ писать къ нимъ?

Ты на царя смѣлъ Угличъ подымать?

Ты головой за то заплатишь!

кн. василій шуйскій.

Дядя!

Въ чемъ онъ виной, за то на немъ одномъ

Лежить отвѣтъ; но ссориться теперь

Не время намъ!

головинъ.

Князь-государь, виновенъ

Я предъ тобой; однако-жъ пригодились

Моя вина. Вѣдь по-неволѣ звать

Царевича прійдется!

кн. иванъ петровичъ.

Никогда!

кн. василій шуйскій—къ Головинѣ.

Накличешь ты бѣду на насъ, бояринъ!

кн. дмитрій шуйскій.

Поднять Москву!

кн. василій шуйскій.

Ужъ и Москву поднять!
Зачѣмъ? Пойдемъ, какъ мы вчера хотѣли
Просить о царскомъ о разводѣ!

кн. дмитрій шуйскій.

Поодно!

Вчера владыко былъ за насъ; сегодня-жъ
Съ Борисомъ онъ въ миру; вчера купцы
Намъ вѣрили; сегодня ужъ не вѣрятъ!

кн. андрей шуйскій.

Убить его!

кн. василій шуйскій.

Да, такъ вотъ и убьешь!
Онъ караулъ теперь, небось, удвоилъ!
Внимаешь изъ кармана челобитно.
Вотъ подписи владыки и властей,
А вотъ дворянъ и всѣхъ людей торговыхъ;
Всѣ выдали себя—отстать не могутъ,
Хоть и хотѣли-бъ!

кн. дмитрій шуйскій.

Тѣмъ-ли угрожать
Ты. будешь имъ, что этотъ листъ Борису
Покажешь ты?

кн. василій шуйскій.

Показывать его
Намъ и не слѣдъ. Онъ—что зарядъ въ пищали:
Страшнѣе пока не выпущенъ! Заставить,
Если захотимъ, всѣхъ на Бориса встать!

кн. иванъ петровичъ.

Убить вѣрнѣй!

кн. иванъ петровичъ.

Вы, словно, всё въ бреду!
Къ чему царя намъ разводить съ царицей?
Къ чему еще Бориса убивать?
Онъ самъ себя позорнымъ дѣломъ выдалъ!
Избавилъ насъ отыскивать средь тьмы
Кривыхъ путей! И можемъ нынѣ мы,
Хвала Творцу, не погрѣшая сами,
Его наввергнуть чистыми руками!

кн. дмитрій шуйскій.

Что хочешь сдѣлать ты?

кн. иванъ петровичъ.

Идти къ царю
И уличить обманщика!

кн. василій шуйскій.

Напрасный
То, дядя, трудъ. Что скажетъ Годуновъ,
Тому повѣритъ царь.

кн. иванъ петровичъ.

Царь слышалъ клятву!
Всѣ слышали ее. Себя очистить
Ничѣмъ не можетъ Годуновъ!

Къ Васильяноу.

Иди,

Скажи купцамъ, что государь велитъ

Ихъ выборныхъ вернуть, а что Бориса
Онъ отрѣшить сегодня-же!

Звонъ изъ заутрени.

Свѣтаеть!

Иду къ царю! Не нужно много словъ —

Наружу ложь! И сгинетъ Годуновъ,

Лишь солнце тамъ, въ востокѣ, востанетъ!

Уходить. — Красильниковъ также. Молчаніе.

кн. дмитрій шуйскій.

Ну, что, князь?

кн. иванъ ивановичъ шуйскій.

Да что-жь? Признаться, я

Добра не жду!

кн. василій шуйскій.

Какое тутъ добро!

Съ чѣмъ онъ пошелъ, съ тѣмъ и назадъ вернется,

Лишь время мы напрасно потеряемъ.

кн. андрей шуйскій — къ кн. Василью.

Зачѣмъ его не удержалъ ты?

кн. василій шуйскій.

Дядю?

Да нѣшто вы не знаете его?

Когда что разъ онъ въ голову втемняшилъ —

Не вышибешь. Знай, думаетъ, я правъ,

Такъ съѣмъ неправого — младенецъ сущій!

кн. иванъ ивановичъ шуйскій.

Что-жь дѣлать намъ?

кн. василій шуйскій.

Да быть, къ его приходу,
Готовымъ всѣмъ, попрежнему, идти
Вотъ съ этой челобитней; прискаты бы
Царицу намъ, да имя-рекъ вписать!

мстиславскій.

Съ владыкой онъ объ этомъ самъ хотѣлъ
Держать совѣтъ.

кн. василій шуйскій.

Да не успѣлъ. Позвали
Его къ царю, мириться, вишь. Намъ надо
Найти царицу до его прихода,
Чтобъ не ломалъ онъ даромъ головы.

мстиславскій.

Она-бъ должна царю прійтись по нраву,
И быть изъ нашихъ. А такихъ немного.

кн. василій шуйскій.

Есть на примѣтъ у меня одна.

мстиславскій.

Кто? говори!

кн. василій шуйскій.

Да хоть твоя сестра.

мстиславскій.

Наташа? что ты? Развѣ ты забылъ:
Она посватана за Шаховского!

кн. василій шуйскій.

Посватаана—не выдана еще.

Послушай, князь: не шуточное дѣло

Мы затѣваемъ. Отъ родни царицы

Зависитъ все. Увѣрены-ли мы,

Что новая родня захочетъ быть

У насъ въ рукахъ? Сестра-жъ твоя изъ нашихъ!

мстиславскій.

Оно-то такъ. Пригоднѣй нѣтъ ея.

Мнѣ самому на умъ ужъ приходило —

И если-бъ не дали мы слова...

кн. василій шуйскій.

Князь!

Иль я не знаю какъ ты слово далъ?

Не по-сердцу тебѣ былъ Шаховской,

Боецъ кулачный, вѣтромъ голова

Наполнена! Врасплохъ тебя засталъ

Онъ съ дядею, бухъ въ ноги, такъ и такъ,

Другъ друга любимы! Князь Иванъ растаялъ,

А ты смолчалъ.

кн. андрей шуйскій.

Я то-же говорилъ:

Зачѣмъ спѣшить? Наташа, слава Богу,

Могла пождать.

кн. дмитрій шуйскій.

Скорѣ больно князь Иванъ..

мстиславскій.

Да, поспѣшилъ; Наташа-бы могла

Царицей быть!

кн. василій шуйскій.

А будь она царицей—
Ты царскій шуринъ, тотъ-же Годуновъ,
Почище только.

мстиславскій.

Да, кажись, почище.

кн. василій шуйскій.

Надъ чѣмъ-же думать?

мстиславскій.

Если-бы не слово...

кн. василій шуйскій.

Такъ вотъ помѣха? Слово далъ ему!
А развѣ намъ ты также не далъ слова,
Во что-бъ ни стало, вырвать у Бориса
И раздѣлить его межъ нами власти!

мстиславскій.

Какъ отказать ему?

кн. василій шуйскій.

Затѣй съ нимъ ссору!

мстиславскій.

Что скажетъ дядя?

кн. василій шуйскій.

Онъ вернется въ гнѣвъ,
За то, что царь не дастъ ему суда;

Онъ будетъ радъ племянницу свою
Царицей сдѣлать.

кн. иванъ ивановичъ шуйскій.

Такъ! Навѣдъ онъ слово
Самъ не возъметъ, а ссора приключись—
Не время будетъ разбирать, кто правъ,
Кто виновать.

•

кн. дмитрій шуйскій.

И если быть Наташѣ
Царицею—такъ надо поспѣшить!

головинъ—къ Василію Шуйскому.

Позволь взглянуть мнѣ, князь Василь Ивановичъ!

Беретъ челобитню и, пока другіе разго-
вариваютъ, достаеъ съ пояса перо и чер-
нильницу и вписываетъ что-то въ бумагу.

кн. василій шуйскій—къ Мстиславскому.

Рѣшайся, князь!

мстиславскій.

Когда-бъ на немъ какую
Вину найти!

кн. василій шуйскій.

Тогда-бъ ты былъ согласенъ?

мстиславскій.

Еще-бы!

ШАХОВСКОЙ—является между ними.

Князь! Спроси сперва меня,
Согласенъ-ли невѣсту уступить
Другому я?

всѣ.

Откуда онъ? Какъ смѣлъ онъ
Здѣсь тайно быть?

Слышешь явнѣ княжны.

ИСТИСЛАВСКИЙ.

То вскрикнула сестра!
Они вдѣсь вмѣстѣ были!

Идетъ въ глубину сада и выводитъ
княжну за руку. Показывается Волохова.

Вотъ и сваха!

Ты помогала имъ?

ВОЛОХОВА.

Помилуй! Что ты?
Мы прогуляться только-что сошли —
А онъ скакни черезъ заборъ! Ей Богу!
Ей Богу-ну!

МОТИСЛАВСКИЙ.

Такъ вотъ какъ бережешь
Ты нашу честь, сестрица!—Князь Григорій—
Твое негоже дѣло—я тебѣ
Даю отказъ!

ШАХОВСКОЙ.

Мою невѣсту хочешь
Царю ты сватать? Берегися, князь;
Доколѣ живъ я—не бывать тому!

ВОЛОХОВА—вступая на Шаховского.

А почему-жъ и не бывать? Смотри,
Какъ расходился! Нѣвидалъ какая,
Что онъ женихъ! Царь Федоръ-то Иванычъ,
Небось, тебя почище! Негоднй!
Безсовѣстный! Срамникъ! Безбожникъ! Воръ!

ШАХОВСКОЙ.

Прочь, вѣдьма, прочь! Посторонитесь всѣ!
Ко мнѣ, княжна! Она моя предъ Богомъ—
Ее сейчасъ веду я подъ вѣнецъ—
И первый, кто изъ насъ—

Внимаетъ княжалъ.

всѣ.

Въ ножны княжалъ!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ—къ Мстиславскому.

Хорошъ женихъ! На брата замахнулся!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Сестра, ко мнѣ! Князь—слышалъ ты меня?
Ступай отселя! Разорванъ нашъ союзъ!

всѣ.

Князь, не дура! Ступай! Его ты слышалъ!
Братъ надъ сестрой волѣнъ!

ШАХОВСКОЙ.

Еще посмотримъ!

Княжна, скажи: ты хочешь за меня?

МОТИСЛАВСКИЙ.

Молчи, сестра!

КНЯЖНА.

О, Господа!

ШАХОВСКОЙ.

Княжна!

Ты хочешь-ли, чтобъ за царя тебя
Посватали?

КНЯЖНА.

Нѣтъ, нѣтъ! Я быть твоею,
Твоей хочу!

ШАХОВСКОЙ.

Иди-жь со мной!

МОТИСЛАВСКИЙ—къ сестрѣ.

Ни съ мѣста!

ШАХОВСКОЙ.

Иди со мной!

КНЯЖНА.

Я не вольна, ты видишь!

ГОЛОВИНЪ—къ Шаховскому.

Князь, покорись, ты силой не возьмешь!
Все кончено межъ ними и тобой!
Иль думаешь, тебѣ Иванъ Петровичъ

Простить, что ты сегодня учинилъ?
Все кончено.

Показываетъ ему челобитную.

Смотри: княжны Мстиславской
Здѣсь имя вписано!

кн. василій шуйскій—про себя.
Ай да бояринъ!

головинъ.

Подъ грамотой ты этой съ нами руку
Самъ приложилъ—навадъ не можешь!

шаховской—выхватывая у него грамоту.

Дай!

головинъ.

Стой! Что ты? Стой!

шаховской.

Въ моихъ она рукахъ!

всѣ.

Держи его!

шаховской—грозя княземъ.

Навады! Тотъ ляжетъ въ прахъ,
Кто подойдетъ! Иду на судъ великой.
Къ царицѣ я—вотъ съ этою уликой!

Убѣгаетъ съ грамотой.

Покой царя Федора.

Входит Годуновъ, въ сопровожденіи дьяка, который кладетъ на столъ связку бумагъ и двѣ государственныхъ печати, большую и малую.—Изъ другой двери входитъ Клешнинъ.

ГОДУНОВЪ—къ Клешнину.

Ты все-ль исполнилъ?

КЛЕШНИНЪ.

Сладилъ все, бояринъ;

Ихъ до зари схватили на домахъ;

Эхъ, кабы намъ изъ Углича прислали

Ту грамоту!

ГОДУНОВЪ.

Ты мнѣ ее, немедля,

Тогда подашь.

Клешнинъ уходитъ. Входитъ царица Ирина.

Сестра-царица, здравствуй!

Еще не вышла ли государь?

ИРИНА.

Недавно

Съ иконой духовникъ въ опочивальню

Къ нему вошелъ.

Входитъ изъ другой двери царь Федоръ.

За нимъ духовникъ съ иконой.

ФЕДОРЪ.

Аринушка, здорово!

Здорово, шуринъ! А вѣдь я проспалъ

Заутреню! Такой противный сонъ

Пригрезился: казалось мнѣ, я снова

Тебя, Борисъ, мирю съ Иваномъ Шуйскимъ,
 Онъ руку подастъ тебѣ—а ты—
 Ты также руку протянулъ, но вмѣсто
 Чтобъ за руку, схватилъ его за горло
 И сталъ душить—тутъ чепуха пошла:
 Татары вдругъ напали, и медвѣди
 Такіе страшные пришли, и стали
 Насъ драть и грызть; меня-же преподобный
 Иона спасъ. Что, отче духовникъ,
 Вѣдь этотъ сонъ не грѣшенъ?

духовникъ.

Нѣтъ, не то,
 Чтобъ грѣшенъ былъ, а все-жъ недобрый сонъ.

евдоръ.

Братъ Дмитрій также спился мнѣ и плакалъ,
 И что-то съ нимъ ужасное случилось,
 Но что—не помню.

духовникъ.

Ты, ложася спать,
 Усерднѣе молися, государь!

евдоръ.

Впрі Скверный сонъ!

Увидя бумагу.

А это что такое?

Надоѣдать мнѣ хочешь снова, шуринъ?
 Надоѣдать?

годуновъ.

Не долго, государь,
 Я задержу тебя; твое согласье
 Лишь нужно мнѣ для нѣкоторыхъ дѣлъ.

Иванъ. 16

ФЕДОРЪ.

А безъ меня покончить ихъ нельзя?
Я не совсѣмъ здоровъ.

ГОДУНОВЪ.

Два слова только.

ФЕДОРЪ.

Ну, такъ и быть. Ты, отче-духовникъ,
Угодника на полицу поставь,
Вчерашняго-жъ угодника прійми
До будущаго года. А какого
У насъ святого завтра?

ДУХОВНИКЪ.

Іоанна

Ветхопещерника.

ФЕДОРЪ.

Я житіе

Его въ Минеяхъ перечту, лишь только
Меня Борисъ отпустить; а теперь
Благослови меня занесть дѣломъ.

Духовникъ благославляетъ его и уходитъ. Фе-
доръ садится. Годуновъ развязываетъ бумагу.

Ну, что тамъ, шуринъ, въ связкѣ у тебя?
Ужъ такъ и быть, вытаскивай!

ГОДУНОВЪ—внимая изъ связки нѣсколько
листовъ.

Намъ пишутъ

Украинскіе воеводы, царь,
Что ханъ опять орду на сѣверъ двинулъ.

Евдоръ.

Да это сонъ мой въ руку! Не достало
Еще, чтобъ ты сталъ Шуйскаго душить!

Годуновъ — владеть передъ нимъ бумаги.

Вотъ, государь, наказы воеводамъ.

Евдоръ.

Прихлопни ихъ!

Годуновъ передаетъ бумаги дьяку, который
прикладываетъ къ нимъ печать.

Годуновъ — подавалъ другую бумагу.

А это, государь,

Царь Иверскій землей своею бьетъ
Тебѣ челомъ, и просеть у тебя,
Чтобъ ты его въ свое подданство принялъ.

Евдоръ.

Царь Иверскій? А гдѣ его земля?

Годуновъ.

Она граничитъ съ царствомъ Кизилбашскимъ,
Обильна хлѣбомъ, шелкомъ и виномъ,
И дорогими, кровными конями.

Евдоръ.

Такъ ею мнѣ челомъ онъ бьетъ? Ты слышишь,
Аринушка? Ты слышишь? Вотъ чудакъ!
Что вдумалось ему?

Годуновъ.

Его тѣснятъ

Персидскій царь съ султаномъ турецкимъ.

Евдоръ.

Бѣдный!

Онъ православной вѣры?

Годуновъ.

Православной.

Евдоръ.

Ну, что-жь? Скорѣй принять его въ подданство!
И знаешь, шуринъ, надо-бы ему
Подарокъ приготовить. Чтѣ-бы намъ,
Аринушка, послать ему?

Годуновъ.

Сперва

Вотъ эту грамоту съ твоимъ согласьемъ
И съ вызовомъ пословъ его къ Москвѣ.

Евдоръ.

Ну, хорошо, привѣщивай печать,
Привѣщивай!

Дыкъ привѣщивать печать.

А это, что такое?

Годуновъ.

То князю Троекурову наказъ,
Какъ говорить ему на польскомъ сеймѣ,
Когда начнется выборъ короля.
Ты знаешь, царь, что щедростью твоею,
По смерти нашего врага Батура,
Мы многихъ привлекли къ себѣ пановъ,
И что они поднести уже готовы
Тебѣ корону.

ФЕДОРЪ.

Мнѣ? помилуй, шуринъ!
 Что я съ ней дѣлать буду? Мнѣ и такъ
 Своихъ хлопотъ довольно. Вотъ еще!
 И что ихъ всѣхъ подмыло! Тамъ какой-то
 Царь Иверскій свою даритъ мнѣ землю,
 А тутъ паны корону суютъ! Нѣтъ!
 Добро тотъ царь; а эти что? Латинцы!
 Враги Руси!

ГОДУНОВЪ.

Затѣмъ-то, государь,
 Престоломъ ихъ ты брезгать и не долженъ;
 Чтобъ слугами ихъ сдѣлать изъ враговъ.

ФЕДОРЪ.

Ты думаешь? Ну, хлопъ по ней! Вотъ такъ!
 Что, все теперь?

ГОДУНОВЪ.

Еще двѣ челобитни
 Отъ двухъ бояръ, при батюшкѣ твоемъ
 Въ Литву бѣжавшихъ. У тебя они
 Теперь вернуться просятъ позволенья.

ФЕДОРЪ.

Бто-жъ имъ мѣшаетъ? Милости прошу!
 Да ихъ, я чай, туда бѣжало много?
 Мое такое разумѣнье, шуринъ:
 Намъ дѣлать такъ, чтобъ на Руси, у насъ,
 Привольнѣй было жить, чѣмъ у чужихъ;
 Такъ не зачѣмъ отъ насъ и бѣгать будетъ!
 Ты знаешь что? Ты написалъ-бы къ нимъ
 Ко всѣмъ въ Литву, что я имъ обѣщаю
 Земли и денегъ, если пожелаютъ
 Вернуться къ намъ.

Годуновъ.

Я такъ и думалъ, царь,
И грамоту о томъ ужъ выготовилъ.

Федоръ.

Ну, хорошо, прихлопни-жь и ее!
Что, все теперь?

Годуновъ.

Все, государь.

Дьякъ беретъ печати, собираетъ бумаги
и уходитъ.

Федоръ.

Ну, шуринъ,
Тебя я долъ не держу. А ты,
Аринюшка, Миней-бъ разогнула
Да житіе святого Іоанна
Вѣтхонещерника прочла-бы мнѣ!

Арина.

Дозволь сперва мнѣ, Федоръ, челобитье
Тебѣ подать. Письмо я получила
Изъ Углича отъ вдовой отъ царицы,
Отъ Марьи Федоровны. Слезно
Тебя она о милости великой,
О позволеньи просить, на Москву
Вернуться съ сыномъ, съ Дмитріемъ своимъ.

Федоръ.

Аринюшка, да какъ-же? Ты вѣдь знаешь,
Вѣдь я давно прошу о томъ Бориса,
Вѣдь я-бы радъ!..

ИРИНА.

А какъ сегодня ты
Опальниковъ простилъ своихъ литовскихъ,
То я подумала, что ты вернуть
И мачиху и брата согласишься.

ФЕДОРЪ.

Аринушка, помилуй! Развѣ я
Не радъ вернуть ихъ?

Показывая на Годунова.

Вотъ кому скажи!

ИРИНА.

Я знаю, Федоръ, что правленье царствомъ
Ты справедливо брату поручилъ;
Никто какъ онъ имъ править не сумѣлъ-бы;
Но здѣсь не государственное дѣло;
Оно твое, семейное; и ты,
Одинъ лишь ты, судьбою быть въ немъ долженъ!

ФЕДОРЪ.

Борисъ, ты слышишь что она сказала?
Вѣдь это правда! Ты вѣдь, въ самомъ дѣлѣ,
И шагу мнѣ ни въ чемъ не дашь ступить!
На что это похоже? Я хочу,
Хочу вернуть Димитрія! Ты знаешь,
Когда я такъ сказалъ, ужъ я отъ слова
Не отступаю!

ГОДУНОВЪ—къ Иринѣ.

Не дѣльно ты, сестра,
Выѣшлася во что не разумѣешь.

Къ Федору.

Царевича вернуть нельзя.

Евдоръ.

Какъ? Какъ?

Когда ужъ я сказалъ, что я хочу?

Годуновъ.

Доволь мнѣ, государь —

Евдоръ.

Нѣтъ, это слишкомъ!

Я не ребенокъ! Это...

Начинаетъ ходить по комнатѣ.

Стольникъ — отворяя дверь.

Князь Иванъ

Петровичъ Шуйскій!

Годуновъ — къ столу.

Царь его сегодня

Принять не можетъ!

Евдоръ.

Кто тебѣ сказалъ?

Впустить его!

Продолжаетъ ходить по комнатѣ.

Я скоро у себя

Не властенъ въ домъ стану!

Входитъ кн. Иванъ Петровичъ Шуйскій.

Здравствуй, князь!

Спасибо, что пожаловалъ! Съ тобою

Я буду говорить, съ тобою, князь,

О Дмитріѣ, о братѣ!

кн. иванъ петровичъ.

Государь,

Я самъ ~~давно~~ хотѣлъ тебѣ повѣдать
О Дмитріѣ царевичѣ, но прежде —
На шурина на твоего тебѣ
Я бью челомъ!

ефдоръ.

Какъ? На Бориса?

кн. иванъ петровичъ.

Да!

ефдоръ.

Что сдѣлалъ онъ?

кн. иванъ петровичъ.

Свою солживилъ клятву!

ефдоръ.

Что? Что ты, князь?!

кн. иванъ петровичъ.

Ты слышалъ, государь,
Какъ онъ клялся, что ни единымъ пальцемъ
Не тронетъ онъ сторонниковъ моихъ?

ефдоръ.

Конечно слышалъ! Ну?

кн. иванъ петровичъ.

Сегодня-жъ ночью

Онъ тѣхъ купцовъ, съ которыми вчера
Ты говорилъ, велѣлъ схватить насильно
И отвезти невѣдомо куда!

ФЕДОРЪ.

Позволь, позволь—тутъ что-нибудь не такъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Спроси его!

ФЕДОРЪ.

То правда-ль, шуринъ?

ГОДУНОВЪ.

Правда.

ИРИНА.

Помилуй, братъ!

ФЕДОРЪ.

Побойся Бога, шуринъ!

Какъ могъ ты это сдѣлать!

ГОДУНОВЪ.

Я вѣселя,

Что ихъ въ Москвѣ оставить не годится.

ФЕДОРЪ.

А клятва? Клятва?

ГОДУНОВЪ.

Я клялся не мстить имъ

За прежнія вѣны—и я не мстилъ.

Они за то увезены сегодня,

Что послѣ примиренія меня

Хотѣли снова съ Шуйскими поссорить,

Чему ты былъ свидѣтель, государь.

Евдоръ.

Да развѣ такъ! Но все-же надо было—

Годуновъ.

Дивлюся я, что князь Иванъ Петровичъ
Стоитъ за тѣхъ, которые такъ дерзко
Пытались межъ насъ разстроить миръ!

кн. Иванъ Петровичъ.

А я дивлюсь, какъ ты, бояринъ, смѣешь
Безсовѣстнымъ, негоднымъ двойнымъ
Оправдывать себя! Великій царь!
Онъ не въ глаза-ль смѣялся намъ вчера,
Тебѣ и мнѣ, когда, въ рукахъ владыки,
Онъ честный крестъ на кривѣ дѣловалъ?

Евдоръ.

Нѣтъ, шуринъ, нѣтъ, ты учинилъ не такъ!
Твои слова мы поняли не такъ!

князь Иванъ Петровичъ.

Что будетъ думать о тебѣ земля,
Великій царь, когда свою онъ клятву,
Тобою освященную, дерзнулъ
Попрать ногами?

Евдоръ.

Этого не будетъ!

Купцовъ вернуть сегодня-жъ!

кн. Иванъ Петровичъ.

Только, царь?

А онъ, который обманулъ тебя,
Меня-жъ безчестнымъ сдѣлалъ предъ народомъ —
Попржнему землею будетъ править?

ФЕДОРЪ.

Но, князь, позволю... тутъ не было обмана...
Вы только вѣдь не поняли другъ друга...
Да и къ тому-жъ вѣдь вы ужъ сговорились,
Чтобъ вмѣстѣ вамъ обсуживать дѣла?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Онъ такъ клялся; ему на этомъ словѣ
Я подаль руку—но ты видишь самъ,
Какъ цѣлованье держитъ онъ свое!
Великій царь, остерегись его!
Не довѣрай ему ни государства,
Ни собственной семьи не довѣрай!
Ты говорить со мной хотѣлъ о братѣ?
Ты знаешь-ли кто тотъ, кого приставилъ
Онъ въ Угличѣ ко брату твоему?
Тотъ Битяговскій? Знаешь-ли, кто онъ?
Измѣнникъ онъ! И воръ! И лжесвидѣтель,
Избавленный отъ висѣлицы имъ!
Не оставляй наслѣдника престола
Въ такихъ рукахъ!

ФЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, на этомъ, князь,
Спокоенъ буду! Ужъ я сказалъ Борису,
Что Дмитрія хочу я взять къ себѣ!

ГОДУНОВЪ.

А я на то отвѣтилъ государю,
Что въ Угличѣ остаться долженъ онъ.

ФЕДОРЪ.

Какъ? Ты опять? Ты споришь?

Годуновъ.

Государь,

Дозволь тебѣ сказать —

Еедоръ.

Нѣтъ, не дозволю!

Я царь, или не царь?

Годуновъ.

Дай объяснять мнѣ...

Лишь выслушай...

Еедоръ.

И слушать не хочу!

Я царь, или не царь? Царь, или не царь?

Годуновъ.

Ты царь —

Еедоръ.

Довольно! Больше и не надо!

Ты слышала, Арина! Князь, ты слышала?

Онъ согласился, что я царь! Теперь ужъ

Не можетъ спорить онъ! Теперь онъ цыцъ!

Къ Годунову.

Ты знаешь что такое царь! Ты знаешь?

Ты помнишь батюшку-царя? Ты, ты —

Князь, будь спокоенъ! Дмитрія къ себѣ

Изъ Углича я выпишу сюда!

И мачиху, и мачихиныхъ братьевъ.

Всѣхъ выпишу! Что это въ самомъ дѣлѣ?

На что это похоже? Даже въ потъ

Меня онъ бросилъ! Посмотри, Арина!

Ходить по комнатамъ и потомъ останавливается
передъ Шубакинъ и Годуновымъ.

Ну, а теперь какъ я васъ помирилъ,
 Такъ полно намъ сердиться другъ на друга!
 Ну, полно, пуринъ! Полно, князь! Довольно!
 Ну, поцѣлуйтесь! Ну!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Великій царь,
 Тебя постичь я не могу! Ты видѣлъ,
 Изъ собственныхъ его ты слышалъ устъ,
 Что клятвой онъ двумысленно играетъ,
 Его насилье самъ ты отмѣнилъ,
 Ты согласиася, что оставить брата
 Нельзя въ рукахъ наемника его —
 А между тѣмъ ты оставляешь царство
 Въ его рукахъ? Великій государь —
 Одно изъ двухъ! Иль я теперь обманщикъ,
 И ты меня суди за клевету —
 Или его за гброломство долженъ
 Ты отрѣшить!

ФЕДОРЪ.

Да, я вѣдь ужъ исправилъ
 Его вину передъ тобой? Чего-же
 Тебѣ еще? Еячѣмъ онъ не доволенъ!
 Арина, слышишь?

АРИНА.

Князь-Иванъ Петровичъ,
 Миѣ кажется —

ГОДУНОВЪ.

Оставь его, сестра!
 Царя забавлю я отъ затрудненъ
 Межъ насъ рѣшать. Великій государь!

Доколѣ ты мнѣ вѣришь, я тебѣ
 Могъ годенъ быть—какъ скоро-жъ ты не вѣришь,
 Я не гожусь. Князь Шуйскій молвилъ правду:
 Одинъ изъ насъ другому долженъ мѣсто
 Здѣсь уступить. Свой выборъ, государь,
 Ты учинилъ, когда такъ благосклонно
 Ты обвиненна выслушалъ его,
 Мою-же рѣчь отвергнулъ наотрѣзъ.
 Доволь мнѣ удалиться.

Евдоръ.

Что ты? Что ты?

Годуновъ.

Кому приежешь, государь, дѣла
 Мнѣ передать?

Евдоръ.

Да ты меня не понялъ!

Ахъ, Боже мой! Что ты надѣлалъ, князь!

Годуновъ.

Нѣтъ, государь, твою я волю понялъ:
 Тебѣ угодно тѣхъ людей, которыхъ
 Я удалилъ, чтобъ городъ успокоить—
 Вернуть назадъ. Тебѣ Нагихъ угодно,
 Съ царевичемъ, въ Москву перевести,
 Хоть есть причины важныя оставить
 Ихъ въ Угличѣ. Когда, великій царь,
 Ты такъ рѣшилъ—твоя святая воля
 Исполнится, но на себя отвѣта
 Я не беру!

Евдоръ.

Да я не зналъ, Борисъ,

Что есть такія важныя причины!

Ужъ если ты —

кн. иванъ петровичъ.
Прости, великій царь!

Ѳеодоръ.

Князь! Князь! Куда?

кн. иванъ петровичъ.
Куда-нибудь подаѣь,
Чтобъ не видать, какъ царь себя срамитъ!

Ѳеодоръ.

Князь, погоди, мы все уладимъ —

кн. иванъ петровичъ.

Царь

Вся Русь, Ѳеодоръ Іоанновичъ!
Мнѣ стыдно за тебя—прости!

Уходить.

Ѳеодоръ.

Князь! Князь!

Ахъ, Боже мой—ушелъ! И этотъ вотъ
Меня оставить хочеть! Шуринъ, ты—
Ты попуталъ! А что-жъ съ землею будетъ?

годуновъ.

Великій царь, могу-ль тебѣ служить я,
Когда ты руки связываешь мнѣ?

Ѳеодоръ.

Да нѣту, шуринъ, нѣту! Будеть все
По-твоему. Ну, что-жъ? Согласенъ ты?
Да, шуринъ? Да?

годуновъ.

На этомъ уговорѣ,
Великій царь, согласенъ я, но помни,
Что только такъ могу я продолжать
Тебѣ служить.

ФЕДОРЪ.

Спасибо-же тебѣ!

Спасибо, шуринъ. Знаешь-ли, теперь

Намъ Шуйскаго-бы надо успокоить!

Вѣдь онъ тебя не понялъ; я вѣдь тоже

Тебя вчера не понялъ!

Входитъ Клепникъ, подаетъ Годунову бумаги
и уходитъ.—Годуновъ пробѣгаетъ ихъ и пере-
даетъ Федору.

ГОДУНОВЪ.

Государь,

Сперва прочти вотъ это донесенье

Изъ Углича, я тайное письмо,

Которое Михайло Головинъ,

Сторонникъ Шуйскихъ, написалъ къ Нагиму;

Его прислалъ съ нарочнымъ Битяговскій.

ФЕДОРЪ—смотреть въ бумаги.

Ну, что-же тутъ? «И въ пьяномъ видѣ часто

«Ругаются негодными словами...»

Да кто-же словъ не говоритъ негодныхъ,

Когда онъ пьянъ? «И деньги вымогаютъ

«Съ утровами...» Да ты ужъ имъ не мало-ль

Назначилъ, шуринъ? Вѣдь они привыкли

Жить широко при батюшкѣ! Ты имъ-бы

Поболъ далъ! Ну, что-же тутъ еще?

«И хвалятся, что съ помощію Шуйскихъ,

«Они царя...» Помилуй, быть не можетъ!

ГОДУНОВЪ.

Ты грамоту прочти Головина.

4

ФЕДОРЪ—читаетъ про себя, останавли-
вается и качаетъ головой.

Меня согнать съ престола? Боже мой!

Зачѣмъ-бы имъ не подождать немного?
 Всѣмъ вѣдомо, что я не долговѣченъ;
 Не даромъ тутъ; нождь ложечкой, болить.
 Не то хотъ Митѣ подрости-бы дали!
 Ужъ какъ-бы я охотно уступилъ
 Ему престолъ! А то теперь насильно
 Меня согнать, а малаго ребенка
 Вдругъ посадить, а тамъ еще опека,
 Разрухи, смуты, разоренье царству—
 Нехорошо!

ГОДУНОВЪ.

Теперь ты видишь, царь,
 Зачѣмъ Нагимъ нельзя позволить было
 Вернуться на Москву?

ЕЕДОРЪ.

Нехорошо!

ГОДУНОВЪ.

Ты благодушно, царь, объ этомъ судишь,
 А между тѣмъ, великая опасность
 Грозить землѣ. Не терпѣть время. Намъ
 Рѣшительное надо сдѣлать дѣло!

ЕЕДОРЪ.

Какое дѣло, шуринъ?

ГОДУНОВЪ.

Государь!

Изъ грамоты Головина ты видишь,
 Что Шуйскіе съ Нагими въ заговорѣ.
 Ты долженъ приказать, не медля, Шуйскихъ
 Подъ стражу взять.

Федоръ.

Подъ стражу? Какъ? Ивана
Петровича подъ стражу? А потомъ?

Годуновъ.

Потомъ—когда себя онъ не очиститъ—
Онъ долженъ быть—

Федоръ.

Что долженъ быть?

Годуновъ.

Казненъ.

Федоръ.

Какъ? Князь Иванъ Петровичъ? Тотъ, который
Былъ здѣсь сейчасъ? Котораго сейчасъ я
Бралъ за руку?

Годуновъ.

Да, государь.

Федоръ.

Съ которымъ

Тебя вчера я помирилъ?

Годуновъ.

Тотъ самый.

Федоръ.

Онъ? Съ братьями казненъ?

Годуновъ.

Со всѣми, кто

Причастенъ къ ихъ вину.

ЕЕДОРЪ.

И съ Нагими?

ГОДУНОВЪ.

Безъ Шуйскихъ эти не опасны, царь.

ЕЕДОРЪ.

Того казнить собираешься ты, шуринъ,
Кто землю спасъ?

ГОДУНОВЪ.

Того, кто посягаетъ
На твой престолъ.

ЕЕДОРЪ.

И это все ватѣмъ,
Что, въ пьяномъ видѣ, на меня Нагіе
Грѣшилися? Что вадумалось кому-то
Къ нимъ написать, безъ вѣдома, должно быть,
И самихъ Шуйскихъ? Шуринъ, ты скажи мнѣ,
Ты съ тѣмъ лишь мнѣ служить еще согласенъ,
Чтобъ я тебѣ ихъ выдалъ головой?

ГОДУНОВЪ.

Лишь только такъ могу я, государь,
Тебѣ за цѣлость царства отвѣчать.
Когда тебѣ мнѣ вѣрить не угодно;
Разъ навсегда дозволю мнѣ удалиться,
А на себя за все возьми отвѣтъ!

ЕЕДОРЪ—послѣ долгой борьбы.

Да, шуринъ, да! Я въ этомъ на себя
Возьму отвѣтъ! Вотъ видишь-ли, я знаю,
Что не умѣю править государствомъ.

Какой я царь? Меня во всѣхъ дѣлахъ
И съ толку сбить, и обмануть не трудно.
Въ одномъ лишь только я не обманусь:
Когда межъ тѣмъ, что бѣло, иль черно,
Избрать я долженъ—я не обманусь.
Тутъ мудрости не нужно, шуринъ, тутъ
По совѣсти приходится лишь дѣлать.
Ступай себѣ, я не держу тебя;
Мнѣ Богъ поможетъ. Я имѣннѣ Шуйскихъ
Не вѣрю, шуринъ; еслижъ-бы и вѣрилъ,
И тутъ-бы ихъ на казнѣ я не послалъ.
Довольно крови на Руси лилося
При батюшкѣ, Господь ему прости!

годуновъ. ¶

Но, государь —

еѣдоръ.

Я знаю что ты скажешь:
Что черезъ это царство замутится?
Не правда-ли? На то Господня воля!
Я не хотѣлъ престола. Видно, Богу
Угодно было, чтобъ не мудрый царь
Сѣлъ на Руси. Какое я есть, такимъ
Я долженъ оставаться: я не вправѣ
Хитро впередъ разсчитывать, что будетъ!

годуновъ.

Но, государь, подумай...

еѣдоръ.

¶ Что тутъ думать?
Что думать, шуринъ? Дѣло рѣшено.

Мнѣ твоего не надо уговора;
Свободенъ ты; оставь меня теперь;
Мнѣ одному остаться надо, шурины!

Годуновъ.

Я уйду, великій государь!.

Направляется медленно къ двери, но прежде,
чѣмъ открыть ее, оборачивается на Оедора.—
Оедоръ даетъ ему уйти и кидается на шею
Иринѣ.

Оедоръ.

Аринушка! Родимая моя!
Ты, можетъ быть, винишь меня за то,
Что я теперь его не удержалъ?

Ирина.

Нѣтъ, Оедоръ, нѣтъ! Ты сдѣлалъ такъ, какъ должно!
Ты ангела лишь слушай своего,
И ты не ошибешься!

Оедоръ.

Да, я тоже
Такъ думаю, Аринушка. Чтѣ-жъ дѣлать,
Что не рожденъ я государемъ быть!

Ирина.

Ты весь дрожишь, и сердце у тебя
Такъ сильно бьется!

Оедоръ.

Божъ болитъ немного;
Аринушка, я не пойду къ обѣднѣ.
Вѣдь тутъ грѣха большого нѣтъ, не правда-ль,

Одну обѣдню пропустить? Я лучше
Пойду къ себѣ въ опочивальню; тамъ
Прилягу я и отдохну часочекъ.
Дай же-руку твою мнѣ опереться;
Вотъ такъ! Пойдемъ, Аринушка; на Бога
Надѣюсь я, Онъ не оставитъ насъ!

Уходить, опираясь на руку Ирины.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Домъ князя Ивана Петровича Шуйскаго.

Князь Иванъ Петровичъ и княжна Мстиславская. Въ сторонѣ столъ съ кубками, за которыми стоятъ Старковъ.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не плачь, Наташа, я вѣдь не сердчаю;
Тебѣ простилъ я; баба та тебя
Попутала, а Богъ и наказалъ.

КНЯЖНА.

Князь-дядюшка, а съ нимъ-то что-же будетъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Съ Григорьемъ-то? Да въ гору, чай, пойдетъ.
Когда захочетъ выдать насъ. Два раза
Я посылалъ за нимъ, чтобы его
Усовестить, да не могли найти.
Вотъ голова! Когда-бъ меня дождался,
Такъ не дошло-бъ до этого.

княжна.

Ты, дядя,
Его простилъ-бы? Ты-бы за царя
Меня не сталъ неволить?

кн. иванъ петровичъ.

За такимъ
Тебя мнѣ жалъ-бы видѣть было мужемъ!
Я пожурилъ бы васъ обоихъ, слова-жъ
Назадъ не взялъ-бы. Ошалѣли братья.

княжна.

Онъ не пойдетъ къ царюцѣ! Не захочетъ
Онъ выдать васъ!

кн. иванъ петровичъ.

И самому мнѣ что-то
Не вѣрится, но выдать, иль не выдать,
Мы ждать не будемъ; прежде чѣмъ вернулся
Я отъ царя, все было рѣшено.

княжна.

Не мучь меня—скажи мнѣ, Бога ради,
Что ты рѣшилъ?

кн. иванъ петровичъ.

Не дѣвицъ то дѣло,
Наташенька; узнаетъ послѣ.

княжна.

4

Дядя,
Твой мраченъ видъ—ты смотришь такъ сурово —
Со мной одной, попрежнему, ты ласковъ,

Ты добръ со мной; не страшно мнѣ смотрѣть
Тебѣ въ глаза—хотѣлось-бы по нимъ
Мнѣ отгадать, что ты задумалъ?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Тотчасъ

Князья прійдутъ; мнѣ дѣло съ ними есть;
Поди къ себѣ, Наташа.

КНЯЖНА.

Дай остаться

Съ тобою мнѣ! Дай потчевать гостей!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Нелзя, Наташа.

КНЯЖНА—про себя.

Господи, ужели

Не даромъ сердцу чуется бѣда!

Уходятъ.—Входятъ: братья кн. Ивана Петровича, купцы Голубъ и Красильниковъ съ другими сторонниками Шуйскихъ.—Всѣ останавливаются передъ нимъ въ почтительномъ молчаніи.—Кн. Иванъ Петровичъ смотритъ на нихъ, нѣкоторое время, не говоря ни слова.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ—сидя.

Вамъ вѣдомо, какъ дѣло повернулось:
Схватить насъ могутъ каждый мигъ. Хотите-ль
Погибнуть всѣ, или со мной идти?

ВСѢ.

Князь-государь, приказывай что хочешь—
Мы всѣ съ тобой!

кн. иванъ петровичъ.

Такъ слушайте-жъ меня!

Князь Дмитрій—ты сейчасъ поѣдешь въ Шую,
Сберешь народъ, дворянъ и духовенство,
И съ лобнаго объявишь мѣста имъ,
Что Ѳеодоръ царь во скудоумье впалъ
И государить долѣе не можетъ;
Царемъ-жъ намъ законнымъ учинился
Его наслѣдникъ Дмитрій Иоаннычъ.
Пусть крестъ ему цѣлуютъ.—Князь Андрей!
Тебя я шлю въ Рязань. Сбери войска
И на Москву веди ихъ.—Князь Ѳеодоръ!
Ты ѣдешь въ Нижній!—Князь Иванъ—ты въ Суздаль!
—Бояринъ Головинъ! Тебя избралъ
Я въ Угличъ ѣхать. Тамъ съ Нагими вы
Дмитрія объявите царемъ.
И двинетесь, при звонѣ колокольномъ,
Съ нимъ на Москву, хоругви распустя,
Я со Мстиславскимъ и со князь-Васильемъ
Останусь здѣсь, чтобъ Годунова взять
Подъ карауль.

Къ дворецкому.

Ѳедюкъ, подай братину!

Во здравье каждому и въ добрый путь—
И да живетъ царь Дмитрій Иоаннычъ!

ясъ—кромя Василія Шуйскаго.

Да здравствуетъ царь Дмитрій Иоаннычъ!

кн. василій шуйскій.

Князь-дядюшка—не въ гнѣвъ тебѣ сказать—
Не скорѣль ты рѣшился? Вспомни только—
Сего утра еще ты не хотѣлъ
Дойти до этого!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я былъ дуракъ!

Предъ кѣмъ хотѣлъ я уличить Бориса?
Передъ царемъ? Нѣтъ на Руси царя!

КН. ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Обдумай, князь!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я все обдумалъ.—Голубь!

Я виноватъ передъ тобой—ты правъ!
Какъ малаго мальчишку тотъ татаринъ
Меня провель—онъ лучше зналъ царя!
Какъ удалось тебѣ уйти?

ГОЛУБЬ.

Дорогой,

Князь-батюшка, веревки перетѣрь,
А на плоту, на Красной переправѣ,
Сшибъ двухъ стрѣльцовъ, съ повозки прыгнувъ въ воду
И вплавь утекъ!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты во-время вернулся!

Сегодня-же съ Красильниковымъ ты,
И съ этими другими молодцами,
Торговыхъ вы подымете людей!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

Ужъ положиись на насъ, князь-государи!
Всѣ поголовно встанемъ на Бориса!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Лишь смеркнется, готовы будьте всѣ;

Когда-жъ раздастся выстрѣлъ изъ царь-пушки—
Входите въ Кремль!

Къ дворецкому.

Отецъ, подай стопу!

Во здравье всѣмъ!

Отпиваетъ и передаетъ купцамъ.

купцы.

Князь-батьюшка! Ты намъ
Родной отецъ! Тобою лишь стоимъ!
Дай Господи тебѣ сломить Бориса—
И да живетъ Димитрій царь!

кн. иванъ петровичъ.

Аминь!

Купцы уходятъ.

кн. иванъ петровичъ—къ Мстиславскому.

Ты, князь, сейчасъ-же выбери надежныхъ
Пятъсотъ живальцовъ. Пусть вкрестъ они цѣлуютъ
Царю Димитрію; когда-жъ стемнѣетъ,
Веди ихъ въ Кремль. Я съ князь-Васильемъ вмѣстѣ
Межъ тѣмъ сивачу Бориса на дому.

кн. василій шуйскій.

Эй, дядюшка! Ты знаешь, я не трусь,
Опаснаго я не боюсь дѣла—
Но все-жъ подумай лучше!

кн. иванъ петровичъ.

Много думать—

Отъ дѣла отказаться. Намъ теперь
Ужъ нечего раскидывать умаки—
И ясенъ путь открылся передъ нами!

Домъ Годунова.

Годуновъ, въ волненіи, ходить взадъ и впередъ. Клешнинъ стоитъ, прислонясь къ печи.

ГОДУНОВЪ.

Я отрѣшенъ! Самъ Ѳедоръ словно нудитъ
 Меня свершить—чего-бъ я не хотѣлъ!
 Нагіе ждутъ давно моей опалы,
 И вѣсть о ней имъ дерзости придастъ.
 Они теперь на все рѣшатся. Дмитрій
 Имъ словно стягъ, вокругъ коего собираютъ
 Они враговъ и царскихъ и моихъ.
 Того и жди: изъ Углича пожаромъ
 Матеевъ и смуты вспыхнутъ. Битяговскій—
 Мнѣ на него рассчитывать нельзя—
 Меня продастъ онъ, если не приставлю
 За нимъ смотрѣть еще кого-нибудь.
 Я принужденъ—я не могу иначе—
 Меня тѣснять—

къ Клешнину.

Ты хорошо-ли знаешь

Ту женщину?

КЛЕШНИНЪ.

На всѣ пригодна руки!
 Гадальщица, лекарка, сваха, сводня,
 Усердна къ Богу, съ чортомъ не въ разладѣ—
 Единимъ словомъ: баба хоть куда!
 Она ужъ здѣсь. Звать, что-ль, къ тебѣ?

ГОДУНОВЪ.

Не нужно.

Ты скажешь ей, чтобы она блюла

Царевича, а паче примѣчала-бъ .
 Что говорить Нагге.—Какъ царя
 Оставилъ ты?

Клещининъ.

Надъ кипой тѣхъ бумагъ,
 Которыя отнестъ ему вѣѣлъ ты,
 То лобъ потреть, то за-ухомъ почешеть,
 И ничего, сердечный, не пойметъ!

Годуновъ.

Не выдержать.

Задумывается.

Мнѣ все на умъ приходить,
 Что въ оный день, когда царя Ивана
 Постигла смерть, предсказано мнѣ было,
 Оно теперь свершается: помѣха .
 Моя во всемъ, вредитель мой и врагъ —
 Онъ въ Угличѣ —

Опомнившись.

Скажи ей, чтобъ она
 Блюла царевича!

Клещининъ.

А посмотрѣть
 Ее не хочешь, батюшка?

Годуновъ.

Не нужно!

Про себя.

«Слабъ, но могучъ—безвиненъ, но виновенъ —
 «Самъ и не самъ—потомъ—убить!»

Къ Клещину.

Скажи ей,

Чтобъ она царевича блюла!

Уходить.

КЛЕШНИНЪ—ОДИНЪ.

Чтобы бжюла! Гмъ! Нѣшто я не знаю
Чего-бъ хотѣлось милости твоей?
Пожалуй, что-жъ! Грѣхъ на-душу возьму!
Я не брюзгливъ—не бѣдоручка я!
Пока онъ живъ, отъ Шуйскихъ и Нагихъ
Не будетъ намъ покоя. Вишь, какъ крылья
Подрѣзали! Не ждалъ я этой рыси
Отъ Федора Иваныча! Конечно,
Не выдержать—а если, между тѣмъ,
Случится что?

Отворяетъ дверь.

Сударыня, войди!

ВОЛОХОВА—входитъ съ просвирой въ
рукахъ.

Благослови, Владычица святая!
Появонъ тебѣ, бояринъ, принесла
Отъ Трехъ-Святителей, просвирку вотъ
Тамъ вынула во здравіе твое!

КЛЕШНИНЪ—ласково.

Садись сюда, голубушка, спасибо!
Тебѣ сказали, для чего послалъ
Я за тобой?

ВОЛОХОВА—свадьсь.

Сказали, государь,
Сказали, свѣтъ: бояринъ Годуновъ
Смѣняетъ-молъ царевичеву мамку,
Меня-жъ къ нему приставить указалъ.
Ужъ будь спокоенъ! Пуще ока стану
Его беречь; и ночи не досплю,
И куса не доѣмъ, а ужъ дитятю
Я соблюду!

КЛЕШНИНЪ.

БЫЛА ВЪ МАМКАХЪ ТЫ?

ВОЛОХОВА.

Лгать не хочу, бояринъ, не бывала,
А ужъ кѣда охоча до дѣтей!
Ребеночекъ вѣдь тотъ-же ангелъ Божій!
Сама сына вскормила своего,
Двадцатый вотъ пошелъ ему годовъ,
Все при себѣ, подъ крылышкомъ, держала,
До морового года; лишь въ тотъ годъ
Поопасалась вмѣстѣ жить.

КЛЕШНЯВЪ.

Что такъ,

Голубушка?

ВОЛОХОВА.

А въ такую пору
Не долго до грѣха: какъ разъ подсыплеть
Чего нибудь, отпѣль, похорониль,
Наслѣдство взявъ—и поминай какъ звали!
Кому въ такое время разбирать!

ВЛЕШНИНЪ.

Ты свахою, голубушка, теперь?

ВОЛОХОВА.

Бываю въ свахахъ, батюшка-бояринъ,
Хвалиться грѣхъ, а безъ меня немного
Играется и свадьбѣ на Москвѣ!

КЛЕШНИНЪ.

Какую-же последнюю ты свадьбу
Устроила?

ВОЛОХОВА.

А Шаховского князя
Съ Мстиславскою княжною, государь.

КЛЕШНИНЪ.

Не съ тою-ли, которую вчера
Ты, при живой царицѣ, за царя
Хотѣла сватать?

ВОЛОХОВА.

Боже упаси!
Какой тебѣ разбойникъ то сказалъ?
Какой собака, воръ и клеветникъ?
Чтобъ у него явись распухъ! Чтобъ очи
Полопались!

КЛЕШНИНЪ—грозно.

Молчи, старуха! Цыцъ!
Мы знаемъ все! Покойный государь
Блаженной памяти Иванъ Васильичъ,
На медленномъ огнѣ тебя-бы, вѣдьму,
Изводилъ сжечь! Но жалостливъ бояринъ
Ворисъ Феодоровичъ Годуновъ:
Онъ вмѣсто казни, дать тебѣ награду,
Когда свою исполнить службу ты
Съумѣешь при царевичѣ.

ВОЛОХОВА.

Съумѣю!

Съумѣю, батюшка! Съумѣю, свѣтъ!
Ужъ положи на меня! И мухъ
Я на дитятю сѣсть не дамъ! Ужъ будетъ
И здравъ, и сытъ, и цѣлъ и невредимъ!

КЛЕШНИНЪ.

Но еслибъ что не по твоей винѣ
Случилось съ нимъ —

ВОЛОХОВА.

Помилуй, ужъ чему
При мнѣ случиться!

КЛЕШНИНЪ — значительно.

Онъ тебѣ того
Въ вину-бы не поставилъ!

Волохова смотритъ въ удивленіи.

Слушай, баба:

Никто не властенъ въ животъ и смерти —
А у него падучая болѣзнь!

ВОЛОХОВА.

Такъ какъ-же это, батюшка? — Такъ — что-же?
Въ толкъ не возьму?

КЛЕШНИНЪ.

Бери, старуха, въ толкъ!

ВОЛОХОВА.

Да, да, да, да! Такъ, такъ, бояринъ, такъ!
Все въ Божьей волѣ! Бездѣ моей вины
Случиться можетъ всякое, конечно!
Мы всѣ подъ Богомъ ходимъ, государь!

КЛЕШНИНЪ.

Ступай, варгъ! Съ тобой передъ отъѣздомъ
Увижусь я — но помни: денегъ вдоволь —
Или тюрьма!

ВОЛОХОВА.

Помилуй, государь,

Заѣмь тюрьма! Ужъ ты не поскупись,
Вѣдь наше дѣло вдовье. Да дозволю ужъ
Сынка забрать!

КЛЕШНИНЪ.

Ты въ томъ вольна; ступай!

ВОЛОХОВА.

Прости-же, государь, ужъ будешь нами
Доволень! Такъ! Конечно такъ, конечно!
Чась не ровнѣнъ, случиться можетъ всяко!
Одинъ лишь Богъ силѣнъ и всемогущъ,
Одинъ Господь, а наше дѣло вдовье!

Уходить.

СЛУГА—докладываетъ.

Өедюкъ Старковъ!

КЛЕШНИНЪ.

Зови его сюда!.

Старковъ входитъ, занавѣсъ опускается.

Царскій теремъ. Половина царицы.

Өедоръ сидитъ за кресломъ бумагу и обтираетъ потъ съ лица.—Передъ нимъ
стоятъ государственныя печати, большая и малая.—Ирина подходитъ и кладетъ
ему руку на плечо.

ИРИНА.

Ты отдохнулъ-бы, өедоръ.

ӨЕДОРЪ.

Ничего

Понять нельзя! Борись нарочно мнѣ

Дѣла такіа подобралъ! Одинъ лишь
Толковый листъ попался: нашъ гонецъ
Изъ Вѣны пишетъ: цесарь-де готовить
Подарокъ мнѣ: шесть обезьянъ мнѣ шлеть.
Аринушка, я ихъ отправлю къ Митѣ!

ИРИНА.

Такъ ты его не выпишешь?

БЕДОРЪ.

Вотъ видишь.

Аринушка, когда-бы согласился
Борисъ остаться —

ИРИНА.

На его ты мѣсто
Еще не выбралъ никого?

БЕДОРЪ.

Вѣдь ты же,
Ты-жъ говорила: лучше подождать.
Ты думала, онъ самъ прійдетъ мириться,
А онъ прислалъ мнѣ этотъ ворохъ дѣлъ!
Ужъ я надъ нимъ измучился, я вотъ
Еще бѣда: за Шуйскимъ я послалъ,
За князь-Иваномъ, чтобъ помогъ онъ мнѣ
Все разобрать, а онъ велѣлъ отвѣтить,
Что недоровъ; упрямится должно-быть.
Я вновь послалъ: челою-де бью ему,
Такое-де есть дѣло, о которомъ
Не знаетъ онъ!

Входитъ Клеванъ.

А, это ты, Петровичъ!

Откуда ты?

КЛЕШНИНЪ.

Отъ хвораго.

ФЕДОРЪ.

Откуда?

КЛЕШНИНЪ.

Отъ хвораго отъ твоего слуги,
Отъ Годунова!

ФЕДОРЪ.

Развѣ онъ хвораетъ?

КЛЕШНИНЪ.

А какъ-же не хворать ему, когда
Его, на всѣ заслуги, словно пса,
Ты выгналъ вонъ! Здорово-моль живешь!

ФЕДОРЪ.

Помилуй, я...

КЛЕШНИНЪ.

Да что тутъ говорить!

Ты, батюшка, былъ отъ-младыхъ ногтей
Суровъ и крутъ, и сердцемъ непреклоненъ.
Когда себѣ что положишь на мысль,
Такъ ужъ поставишь на своемъ, хоть тамъ
Весь свѣтъ трещи!

ФЕДОРЪ.

Я знаю самъ, Петровичъ,

Что я суровъ..

КЛЕШНИНЪ.

Весь въ батюшку пошелъ!

ЕЕДОРЪ.

Я знаю самъ—но неужель Борисъ
Не помирится, если я скажу,
Что виновать?

КЛЕШНИНЪ.

Онъ столького не просить.
Лишь прикажи мнѣ приложить печать
Вотъ къ этому листу о взятъи Шуйскихъ
Немедленно подь стражу—и онъ снова
Тебѣ слуга!

ЕЕДОРЪ.

Какъ? онъ не пересталъ
Подозрѣвать?

КЛЕШНИНЪ.

Царь! тутъ не подозрѣнье,
Тутъ полная улика налицо!
Старковъ, дворецкій князь-Ивана, намъ
Сейчасъ донесъ, что князь Иванъ сегодня
Рѣшилъ признать царенка государемъ,
Тебя-жъ рѣшилъ съ престола до утра
Согнать домой. Ты, батюшка, Старкова
Хоть самъ спроси!

ЕЕДОРЪ.

Ужъ эти мнѣ доносы!
Я въ первый разъ Старкова имя слышу,
А Шуйскаго звучить повсюду имя,
Какъ колоколъ. Ужели хочешь ты,
Чтобъ я какому-то Старкову болѣ,
Чѣмъ Шуйскому повѣрилъ?

КЛЕШНИНЪ.

Вѣрь, не вѣрь,
Я говорю тебѣ: когда ихъ всѣхъ
Ты не велишь сейчасъ-же...

СТОЛЬНИКЪ—ДОМАДЫНЪ.

Князь Иванъ
Петровичъ Шуйскій!

КЛЕШНИНЪ.

Какъ? Онъ самъ?

ЕЕДОРЪ—РАДОСТНО.

Пришелъ!

Пришелъ, Аринушка!

КЛЕШНИНЪ.

Вели его

Подъ стражу взять!

ЕЕДОРЪ.

Стыдись, стыдись, Петровичъ!

Къ столыну.

Пускай войдетъ!

Къ Клешнину.

Я при тебѣ его

Сейчасъ спрошу.

Входитъ кн. Иванъ Петровичъ..

Здорово, князь Иванъ!

Вообрази: естъ на тебя доносъ—

Кн. Иванъ Петровичъ смущается.

Но я ему не вѣрю. Я хочу,
Чтобъ ты мнѣ самъ сказалъ, что предо мною
Ты чистъ теперь, какъ ты предъ цѣлымъ свѣтомъ
Всегда былъ чистъ, и слова твоего
Съ меня довольно.

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Государь—

ЕЕДОРЪ.

Ты, князь,

Меня пойми: вѣдь я не сомнѣваюсь,
Я лишь хочу—

КЛЕШНИНЪ.

Нѣтъ, батюшка, повволь!
Ужъ коль на то пошло, дай лучше мнѣ
Его спросить: Князь-государь! Ты можешь
Поцѣловать царю вонъ ту икону,
Что измѣнить не думалъ ты ему?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Допрашивать меня не признаю
Я права на тобой.

ЕЕДОРЪ.

Князь, то не онъ,—

То я прошу тебя!

КЛЕШНИНЪ.

Вотъ я икону

Сейчасъ сыму—

ЕЕДОРЪ.

Не нужно тутъ иконы.

Скажи по чести мнѣ, по чести только!
Ну, князь?

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Уволь меня!

ИРИНА—которая не спускала глазъ съ
Шуйскаго.

Свѣтъ-государь,
Зачѣмъ такимъ вопросомъ оскорблять
Того, чья доблесть всѣмъ давно известна?
Не спрашивай его—потребуй только,
Чтобъ онъ тебѣ святое слово далъ,
И впредь остаться вѣрнымъ, какъ онъ вѣренъ
Доселѣ былъ!

БЕДОРЪ.

Нѣтъ, я хочу, Арина,
Вотъ этого порядкомъ пристыдить.
Скажи мнѣ, князь, по чести мнѣ скажи:
Задумалъ ты что-либо надо мною?
Да говори-жь!

КЛЕШНИНЪ.

По чести! Слышишь, князь?

Про себя.

А по иконѣ было-бы вѣрнѣе!

ИРИНА—къ Бедору.

Свѣтъ-государь—

БЕДОРЪ.

Ну, князь?

КВ. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Уволь меня!

БЕДОРЪ.

Нѣтъ, не уволью!

КЛЕШНИНЪ.

Ты, чай, трусишь, князь?

ФЕДОРЪ.

Какое трусить? Онъ упрямъ и крутъ,
Да я его и круче и упрямѣй!
Нашла коса на камень, и доколѣ
Онъ мнѣ не дастъ отвѣта, я его
Не выпущу отселя!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Такъ внай-же все!

ФЕДОРЪ—съ испугомъ.

Что? Что ты хочешь?..

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да! Ты слышалъ правду —
Я на тебя всталъ мятежомъ!

ФЕДОРЪ.

Помилуй—

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ты слабостью своею истощилъ
Терпѣнье наше! Царство отдалъ ты
Въ чужія руки—ты давно не царь —
И вырвать Русь изъ рукъ у Годунова
Рѣшился я!

ФЕДОРЪ—вполголоса.

Тсъ! Тише!

Указывая на Клемянна.

Не при немъ!

Не говори при немъ—Борису онъ
Расскажетъ все!

КЛЕШНИНЪ.

Да продолжай-же, князь!

ФЕДОРЪ.

Молчи, молчи! Глазъ-на-глазъ скажешь мнѣ!

КЛЕШНИНЪ.

Царь ждетъ отвѣта!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Да! сегодня брата
Я твоего призналъ царемъ!

ФЕДОРЪ.

Петровичъ —

Не вѣрь ему! Не вѣрь ему, Арина!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Теперь тебя о милости единой
За прежнія заслуги я прошу:
Одинъ лишь я виновенъ! Не веди
Сторонниковъ моихъ казнить—не будутъ
Они тебѣ опасны безъ меня!

ФЕДОРЪ.

Что ты несешь? Что ты городишь? Ты
Не знаешь самъ, какую небылицу
Ты путаешь!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не вздумай, государь,
Меня простать. Я на тебя-бы снова
Тогда пошелъ. Царить не можешь ты —
А подъ рукою Годунова быть
Я не могу!

Клепшнинъ—про себя.

Вишь, княжеская честь!

И подгонять не надо!

Федоръ—береть Шуйскаго въ сторону.

Князь, послушай:

Лишь потерпи немного—Митѣ только
Дай подрасти—и я съ престола самъ
Тогда сойду, съ охотою сойду,
Вотъ-те Христосъ!

Клепшнинъ—подходить къ столу и беретъ
печатъ.

Прихлопнуть, что-ль, приказъ?

Федоръ.

Какой приказъ? Ты ничего не понял!
Я Митю самъ велѣлъ царемъ поставить!
Я такъ велѣлъ—я царь! Но я раздумалъ;
Не надо болѣ; я раздумалъ, князь!

Клепшнинъ.

Да ты въ умѣ-ль?

Федоръ—на-ухо Шуйскому.

Ступай! Да ну, ступай-же!

Все на себя беру я, на себя!

Да ну, иди-жь, иди!

Кн. Иванъ Петровичъ—въ сильномъ волненіи.

Нѣтъ, онъ святой!

Богъ не велитъ подняться на него —
Богъ не велитъ!—Я вижу, простота
Твоя отъ Бога, Федоръ Іоанновичъ —
Я не могу подняться на тебя!

ФЕДОРЪ.

Иди, иди! Раздѣлай что ты сдѣлалъ!

Витѣсляетъ его изъ коматы.

КЛЕШНИНЪ—поднимая печать надъ приказомъ.

Царь-батюшка, вели скрѣпить приказъ!

Не дай ему собрать войска! Царица —

Скажи ему, что участь государства

Въ приказѣ семъ!

ИРИНА.

Въ немъ нѣтъ уже нужды!

Гроза прошла, не врагъ намъ болѣ Шуйскій!

ФЕДОРЪ.

Петровичъ, слышишь? Слышалъ ты, Петровичъ?

Аринушка, ты ангелъ! Отъ тебя

Ничто не скроется, ты все замѣтишь

И все поймешь! Да, Шуйскій намъ не врагъ!

Шумъ за дверью.—Сѣнная дѣвушка вбѣгаетъ въ испугѣ.

СѢННАЯ ДѢВУШКА.

Царица, спрячься! Схоронись! Какой-то

Вломился въ теремъ сумасшедшій!

ГОЛОСЪ ШАХОВСКОГО—за стеной.

Прочь!

Прочь! Не держите! Я хочу къ царицѣ!

Въ дверяхъ показывается Шаховской, удерживаемый нѣсколькими слугами. Онъ къ отпавшему приказу и бросается Ирина въ ноги.

ШАХОВСКОЙ.

Прости меня, прости меня, царица!
Напрасно я отъ самого утра
Къ тебѣ прошусь!

ЕЕДОРЪ.

Да это Шаховской!

СЛУГИ—вбѣгаютъ со стрѣльцами.

Хватайте вора!

ЕЕДОРЪ.

Тише, тише, люди!

Здѣсь вора нѣтъ!

Къ Шаховскому.

Скажи мнѣ, растолкуй,

Чего ты хочешь?

ШАХОВСКОЙ.

Царь! Казни меня —

Казни меня, но выслушай! Тебя
Хотятъ съ твоей царицей развести!

ЕЕДОРЪ.

Ты бредишь, князь!

КЛЕШНИНЪ—про себя.

Такъ вотъ оно въ чемъ дѣло!

Къ Еедору.

Царь, выслушай его!

ШАХОВСКОЙ.

Мою невѣсту

Они хотятъ посватать за тебя!

ФЕДОРЪ.

Кто? Кто они?

ШАХОВСКОЙ.

Дядя моей невѣсты,
Княжны Мстиславской, Шуйскіе князья!

ФЕДОРЪ.

Да ты и впрямь помѣшанъ, князь!

ШАХОВСКОЙ—встаетъ и подаетъ бумагу.

Вотъ-вотъ

Ихъ челобитня! Матушка-царица!
Вели невѣсту мнѣ отдать! Вели,
Царь-государь, сегодня-же сейчасъ-же
Насъ обвинчать!

КЛЕШНИНЪ.

Объ этой челобитнѣ
Слышали мы. Повволь-ка поглядѣть!

Беретъ бумагу изъ руки и, посмотрѣвъ, обра-
щается къ Федору.

Вотъ, батюшка, ты говорилъ сейчасъ,
Твоя царица знаетъ князь-Ивана—
А на повѣрку вышло, что не знаетъ!
Ее, сердечную, ее, голубку,
Ее, которая сейчасъ, какъ ангель,
Стояла за него—ее онъ хочетъ,
Какъ грѣшную, преступную жену,
Какъ блудницу, съ тобою развести,
Тебѣ-жъ свою племянницу посватать!
Не вѣришь, батюшка? Смотри, читай!

Подаетъ Федору бумагу

ӨЕДОРЪ — читаетъ.

«Ты новый бракъ прійми, великій царь,
«Мстиславскую возьми себѣ въ царицы...
«Ирину-жъ Годунову отпусти
«Во иноческій чинъ...

КЛЕШНИНЪ.

Ты руку знаешь
Иванъ Петровича? Читай-же подписи!

ӨЕДОРЪ — читаетъ.

«И въ томъ тебѣ соборно бьемъ челомъ
И руки прилагаемъ: Діонисій
«Митрополитъ всея Руси... Крутицкій
Архіепископъ Варлаамъ... Князь...» Что?

Дрожащимъ голосомъ.

«Князь... Князь Иванъ... Иванъ Петровичъ Шуйскій!»
Его рука! Онъ также подписался!
Аринушка — онъ подписался!

Падаетъ въ кресла и закрываетъ лицо руками.

ИРИНА.

Өедоръ...

ӨЕДОРЪ.

Онъ! Онъ! Пускай-бы кто другой, но онъ!
Насъ разлучить съ тобой!

Плачетъ.

ИРИНА.

Опомнись, өедоръ!

ӨЕДОРЪ.

Тебя сослать!

ТРЕЛОГИЯ.

ИРИНА.

Мой царь и господинъ!

Не вѣдаю сама, что это значить—

Но ты подумай: если князь Иванъ

Сейчасъ хотѣлъ свести тебя съ престола,

Онъ могъ-ли мыслить выдать за тебя

Мстиславскую?

ЕЕДОРЪ.

Тебя—мою Ирину—

Тебя постричи!

ИРИНА.

Вѣдь этого не будетъ!

ЕЕДОРЪ—вскакивая.

Не будетъ! Нѣтъ! Не дамъ тебя въ обиду!

Пускай прійдутъ! Пусть съ пушками прійдутъ!

Пусть попытаются!

ИРИНА.

Свѣтъ-государь,

Напрасно ты тревожишься. Кто можетъ

Насъ разлучить! Ты царь вѣдь!

ЕЕДОРЪ.

Да, я царь!

Они забыли, что я царь! Петровичъ—

Гдѣ тотъ приказъ?

Вѣжливъ къ столу и прикалываетъ печать къ приказу.

На! На! Отдай Борису!

ИРИНА.

Что сдѣлалъ ты—

ЕДОРЪ.

Подъ стражу ихъ! Въ тюрьму!

ИРИНА.

Мой господинъ! Мой царь! Не торопись!

ЕДОРЪ.

Въ тюрьму! Въ тюрьму!

ШАХОВСКОЙ—выхода изъ оцѣненія.

Царь-государь, помилуй!

Я не того просилъ! Я о невѣстѣ

Тебя просилъ!

ЕДОРЪ.

Борись вась разбереть!

ШАХОВСКОЙ.

Онъ изведетъ ихъ! Онъ погубитъ Шуйскихъ!

ЕДОРЪ.

Всѣхъ разбереть онъ!

ШАХОВСКОЙ.

Я палачъ имъ буду!

Царь, смилуйся!

ЕДОРЪ.

Въ тюрьму! Въ тюрьму ихъ!

ШАХОВСКОЙ.

Боже!

Что сдѣлалъ я!

Убійца.

ПРИКА.

Свѣтъ-государь, послушай—
Верни его! Верни ты Клепнина!
Не торопись! Не посылай ты Шуйскихъ
Теперь въ тюрьму, теперь, когда они
Обвинены въ вѣмнѣ!

БЕДОРЪ.

Ни, ни, ни,

Аринушка! И не проси меня!
Ты этого не разумѣешь! Если
Я подожду, я ихъ прошу, пожалуй—
Я ихъ прошу—а имъ нужна наука!
Пусть посидятъ! Пусть вѣдаютъ, что значить
Насъ разлучать! Пусть посидятъ въ тюрьмѣ!

Уходить.

Берегъ Яузы.

Черезъ рѣку живая мостъ. — За рѣкой уголъ укрѣпленія съ воротами. Въ
сторонѣ — рощи, мельницы и монастыри. — По мосту проходятъ люди разныхъ
сословій. — Курюковъ идетъ съ бердышомъ въ рукахъ. — За нимъ Гюлаги.

КУРЮКОВЪ.

— Стой здѣсь, парень, налаживай гусли, а какъ соберется
народъ, зачинай пѣсню про князь-Иванъ Петровича! Господи,
благослови! Господи, помоги! Вотъ до чего дожить довелось!

Гусляръ строитъ гусли; Курюковъ осматриваетъ бердышъ.

— Ишь, старый пріятель! Отъ самаго отъ блаженной па-
мяти отъ Василь-Иваныча не сымалъ тебя со стѣны, ажъ
всею ржавчина съѣла. А вотъ сегодня еще послужишь. Ну,
перебирай лады, парень, вонъ народъ подходитъ!

ПОСАДСКІЙ—подходить къ Курюкову.

— Добраго здоровья дѣдушкѣ Богдану Семенычу! Что это у тебя за бердышъ?

КУРЮКОВЪ.

— Внуцій бердышъ, батюшка, внуцій бердышъ! Татары, слышно, оказались. Внуку-то, вишь, некогда, такъ я-то вотъ и взялся его бердышъ на справку снести, да вотъ парня послушать остановился.

ПОСАДСКІЙ.

— А близко, нѣшто, Татары?

КУРЮКОВЪ.

— Близко, слышно.

ДРУГОЙ ПОСАДСКІЙ.

— А кого на встрѣчу пошлютъ?

ТРЕТІЙ ПОСАДСКІЙ.

— Чай, опять князь-Иванъ Петровича?

КУРЮКОВЪ.

— Годунова пошлютъ!

ПЕРВЫЙ.

— Что ты, помилуй, Богданъ Семенычъ!

КУРЮКОВЪ—злѣбно.

А что? Чѣмъ Годуновъ вамъ не воевода?

ТРЕТІЙ.

— Гдѣ-жъ ему супротивъ Иванъ Петровича?

КУРЮКОВЪ.

— Ой-ли?—(Къ гусляру).—Ну, что-жъ пѣсня-то? Пѣсня?

ГУСЛЯРЬ—поетъ.

«Копилъ король, копилъ силушку,
 «Подходилъ онъ подъ Опсковъ-городъ,
 «Подошедши, похваляется:
 «— Ужъ собью городъ, собью турами;
 «Воеводу, князя Шуйскаго,
 «По рукамъ и по ногамъ скую,
 «Царство Русское насквозь пройду!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

— Царство русское насквозь пройду! Ха, ха! Малаго захотѣлъ!

ДРУГОЙ.

— Иванъ Петровича скую! Да, скуешь его! Попробуй!

КУРЮКОВЪ—къ гусляру.

— Ну, парень!

ГУСЛЯРЬ—продолжаетъ.

«То не Вожій громъ надъ Опсковомъ гремѣть,
 «Бьютъ о стѣны то ломы желѣзные,
 «Ядра то каменны сыплются!»

ЖЕНЩИНА.

— Пресвятая Богородица, какіе страхи!

ГУСЛЯРЬ—продолжаетъ.

«А не мядѣ-то свѣтѣль мѣсяцъ зарождается,
 «Государь-то Иванъ Петровичъ князь

«На стѣнѣ городской проявляется.
 «Онъ идетъ по стѣнѣ, не сторонится,
 «Ядрамъ сустрѣчь глядитъ, не морщится».

одинъ.

— Да, этотъ не морщился!

ГУСЛЯРЪ—продолжаетъ.

«Цѣловали мы крестъ сидѣть до-смерти —
 «Не сдадимъ по смерти Опскова-города!»

одинъ.

— И не сдали Пскова, не сдали!

другой.

— Святые угодники боронили его!

ЖЕНЩИНА.

— Матерь Божія покрывала!

КУРЮКОВЪ.

— А кто сидѣлъ-то въ немъ, православные? Кто сидѣлъ-то въ немъ?

одинъ.

— Одно слово: Иванъ Петровичъ!

КУРЮКОВЪ.

— То-то!

ГУСЛЯРЪ—продолжаетъ.

«И пять мѣсяцовъ король облегаеъ Псковъ,
 «На шестой повѣсилъ голову».

«А тѣмъ часомъ князь сдѣлалъ вылазку
 «И побилъ всю силу литовскую,
 «Насилу король самъ-третей убѣжалъ.
 «Бѣгучи, онъ, собака, заклиняется:
 «— Не дай Боже мнѣ на Руси бывать,
 «Ни дѣтямъ моимъ, ни внучатамъ,
 «Ни внучатамъ, ни правнучатамъ!»

одинъ.

— И по-дѣломъ ему! Знай нашихъ! Знай князь-Иванъ Петровича!

ГУСЛАРЬ — заканчиваетъ.

«Слава на небѣ солнцу высокому!
 «Слава на землѣ Иванъ Петровичу!
 «Слава всему народу христіанскому!»

одинъ.

— Слава, во истину слава! Вотъ утѣшилъ, добрый человекъ!

другой.

— Воздалъ честь, кому честь подобаетъ! (*Кладетъ ему деньги въ шапку*). На тебѣ, добрый человекъ!

всѣ.

— Прими-жѣ и отъ насъ! И отъ меня! И отъ меня!
 Всѣ бросаютъ деньги въ шапку гуслара.

одинъ.

— Братцы, смотри, кто это сюда скачетъ?

другой.

— Ишь какъ плетью жарить коня! Должно быть, гонецъ!

ГОНЕЦЪ—верхомъ.

— Мѣсто! Мѣсто! Раздайтесь на мосту!

ПОСАДСКІЙ.

— Эй, другъ, откуда? Съ чѣмъ ѣдешь?

ГОНЕЦЪ.

— Отъ Тѣшлова! Татары Оку перешли, на Москву идутъ!
Мѣсто! Мѣсто!

Всѣ раздаются.—Гонца скачутъ по-мосту въ городъ.

ОДИНЪ.

— Ишь, притча каная! Чай, скоро подступать!

ЖЕНЩИНА—голоситъ.

— Ой, Господи-свѣты! Ой, батюшки мои! Опять выжгутъ
наши слободы!

ТРЕТІЙ.

— Ну, расхныкалась! Нѣшто мы не видывали ихъ! А
князь-то Иванъ Петровичъ на что?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— Король-то, небось, почище татаръ, а и тотъ отъ Иванъ
Петровича, поджамши хвостъ, убѣжалъ!

ТРЕТІЙ.

— Не родился еще тотъ, кто-бы сломилъ Иванъ Петровича!

БУРЮКОВЪ—выступаетъ впередъ.

— Родился, православные, родился! Родился онъ окаанный!
Сломилъ онъ Иванъ Петровича! Сковалъ его, свѣта нашего!
По рукамъ и по ногамъ сковалъ!

НАРОДЪ.

— Что ты, дѣдушка, Господь съ тобой! Кто смѣловалъ обидѣть Иванъ Петровича?

КУРЮКОВЪ.

— Годуновъ, православные, Годуновъ! Годуновъ хочетъ извести его! Сейчасъ его, отца нашего, въ слободскую тюрьму поведутъ, здѣсь по-мѣсту поведутъ! (*Шумъ и говоръ въ народѣ.*) Вспомните, дѣтушки, кто всегда стоялъ за насъ! Кто насъ отъ лихихъ людей боронилъ? Отъ старостъ и воеводъ? Отъ приставовъ и отъ цѣловальниковъ? Кто не пустилъ короля на Москву? Кто татаръ столько разъ отгонялъ? Шуйскіе стояли за насъ, православные! Да есть-ли кто на цѣломъ свѣтѣ супротивъ Шуйскихъ? А къ кому новѣ примкнулись князья и бояре, нашему врагу, Годунову, отпоръ дать? Пропадемъ мы безъ Шуйскихъ, дѣтушки!

ГОЛОСА ВЪ НАРОДѢ.

— Не дадимъ въ обиду Шуйскихъ! Не дадимъ въ обиду отца нашего, князь-Иванъ Петровича!

КУРЮКОВЪ.

— Такъ отобьемъ-же его у Годунова, православные, да на рукахъ домой понесемъ!

НАРОДЪ.

— Отобьемъ!

КУРЮКОВЪ.

— Постойте за Шуйскихъ, какъ при Оленѣ Васильевичѣ стояли! Вотъ онъ, православные! Вотъ онъ, отецъ нашъ, Иванъ Петровичъ! Вотъ онъ, съ братьями, въ кандалахъ идетъ!

Изъ городскихъ воротъ слышатся бубенчики. За ними идетъ кн. Туренинъ. За Туренинымъ стрельцы ведутъ кн. Ивана Петровича и другихъ Шуйскихъ (кромѣ Василья) въ кандалахъ.

ТУРЕНИНЪ—къ народу.

— Раздайтесь на мосту! Что дорогу загородили!

КУРЮКОВЪ.

— Батюшка, князь-Иванъ Петровичъ! Говорить я тебѣ не мирись! Говорить, родимый, не мирись съ Годуновымъ!

НАРОДЪ.

— Правое твое дѣло, Иванъ Петровичъ, а мы за тебя!

ТУРЕНИНЪ.

— Раздайтесь, смерды! По царскому указу, Шуйскихъ въ тюрьму ведемъ!

НАРОДЪ.

— По царскому? Неправда! По Годунову указу!

ТУРЕНИНЪ—къ стрельцамъ.

— Разогнать народъ!

КУРЮКОВЪ.

— Стойте дружно, православные! Кричите: Шуйскіе живутъ!

НАРОДЪ.

— Шуйскіе живутъ! Выручимъ отца нашего!

КУРЮКОВЪ.

— Ну, теперь за мной, какъ при Олѣнѣ Васильевнѣ! Шуйскіе! Шуйскіе!

Бросается съ берданкомъ на стрельцовъ.

НАРОДЪ—бросаясь за нимъ.

— Шуйскіе! Шуйскіе!

ТУРЕНИНЪ—къ стрѣльцамъ.

— Руби воровъ! Кидай ихъ въ воду!

СВЯТАЯ.

КУРЮКОВЪ—падалъ съ моста.

— Шуйскіе!—Господи, прійми мою душу!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

— Смирно, дѣтушки! Слушайте меня!

НАРОДЪ.

— Отецъ ты нашъ! Не дадимъ тебя въ обиду!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

— Слушайте меня, дѣтушки, разоидитесь! То во истину царская воля! Не губите головъ вашихъ!

ТУРЕНИНЪ.

— Впереды!

КН. ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ.

— Погоди, князь, дай послѣднее слово къ народу сказать. Простите, московскіе люди, не поминайте лихомъ! Стояли мы за васъ до конца, да не далъ Богъ удачи; новые порядки начинаются. Покоритесь-же волѣ Божіей, слушайте царскихъ указовъ, не подымайтесь ѱна Годунова. Теперь не-съ-кѣмъ вамъ идти на него, и некому будетъ отстаивать васъ. А терплю я за вину мою, въ чемъ грѣшонъ, за то и терплю. Не въ томъ грѣшонъ, что съ Годуновымъ спорилъ, а въ томъ, что кривымъ путемъ пошелъ, хотѣлъ царицу съ царемъ развести. А потомъ и хуже того учинилъ, на самого царя поднялся! Онъ—святой царь, дѣтушки, ояъ—отъ Бога царь, и царица его святая. Дай имъ, Господи, много лѣтъ здравствовать!

Еъ Туренину.

Ну, теперь, князь, идемъ. Простите, московскіе люди!

НАРОДЪ.

— Батюшка! Отецъ нашъ! На кого ты насъ, сиротъ, покидаешь!

ТУРЕНИНЪ.

— Бейте въ бубны!

Бубенщики бьютъ въ бубны.—Народъ разступается.—Шуйскихъ проводить черезъ сцену.—Изъ городскихъ воротъ выбѣгаютъ Шаховской, безъ шапки, въ одной рукѣ сабля, въ другой пистолеть.—За нимъ Красильниковъ и Голубъ съ рогатинами.

ШАХОВСКОЙ—въ себя.

— Гдѣ князь Иванъ Петровичъ?

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

— А на что тебѣ? Выручать, что-ли? Опоздалъ, бояринъ!

ДРУГОЙ—указывая за сцену.

— Эвотъ, сейчасъ тюремныя ворота за нимъ захлопнулись!

ШАХОВСКОЙ.

— Таеъ за мной, люди! Раскидаемъ тюрьму по бревнамъ!

КРАСИЛЬНИКОВЪ.

— Чего, ребята, задумались? Аль не знаете насъ?

ГОЛУБЪ.

— Это князь Шаховской, а насъ вы знаете!

ГОВОРЪ ВЪ НАРОДЪ.

— А что-жъ, братцы! И въ самомъ дѣлѣ! Насъ-то много, насъ не выручить! Идемъ, что-ли, за княземъ?

ШАХОВСКОЙ.

— Въ тюрьмѣ, ребята! Шуйскіе живутъ!

НАРОДЪ.

— Шуйскіе! Шуйскіе!

Всѣ бѣгутъ за Шаховскими.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Покой въ царскомъ теремѣ.

Годуновъ и Клепкинъ.

Годуновъ.

Сторонники захвачены-ли Шуйскихъ?

Клепкинъ.

Быкасовы, Урусовы князя,
И Татевы, и Колычевы всѣ
Уже сидятъ. Не удалось накрыть лишь
Головина—пропалъ, какъ не бывало!
Мстиславскаго-жъ ты трогать не велѣлъ.

Слуга—докладываетъ Годунову.

По твоему боярскому указу,
Василь-Иванычъ Шуйскій приведенъ.

Годуновъ.

Впустить его.

Къ Клепкину.

Ты насъ однихъ оставишь.

Клепкинъ и слуга уходятъ. — Василій Шуй-
скій входитъ.

ГОДУНОВЪ.

Здорово, князь. Мнѣ вѣдомо, что дядю
Отъ заговора воровского ты
Удерживалъ. Хвалю тебя за это.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Царю быть вѣрнымъ крестъ я цѣловалъ.

ГОДУНОВЪ.

И доводить на вороговъ на царскихъ.
Но ты на князь-Ивана не довелъ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Я зналъ, бояринъ, что черезъ Старкова
Все вѣдомо тебѣ.

ГОДУНОВЪ.

А зналъ-ли ты,
Что этотъ листъ мнѣ также вѣдомъ?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Зналъ.

ГОДУНОВЪ—показывая ему бумагу.

Ты сознаешься въ подписи своей?

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Не въ ней одной. Я сознаюсь, бояринъ,
Что челобитна эта мной самимъ
Затѣяна. Зачѣмъ мнѣ заператься?
Тебѣ хотѣлъ я службу сослужить:
Когда дядя въ союзъ вошелъ съ владыкой,
А къ нимъ Москва пристала, каждый свой
Давалъ совѣтъ; нашлись и такіе,
Что въ Угличѣ признать царемъ хотѣли
Димитрія. Чтобъ отвратить бѣду,

Я предложилъ имъ эту челобитню.
 Зачѣмъ ее ты не далъ намъ подать?
 Ты зналъ о ней! Царя-бъ ты подготовилъ,
 Онъ насъ-бы выслушалъ, намъ отказать-бы,
 И все-бы кончилось тихо.

ГОДУНОВЪ.

Гладко

Ты рѣчь ведешь. Я вѣрю-ли тебѣ,
 Или не вѣрю—въ этомъ нѣтъ нужды.
 Ты человѣкъ смысленный: ты ужъ понялъ,
 Что провести меня не такъ легко,
 И что со мной довольно трудно спорить.
 Въ моихъ рукахъ ты. Но не буду трогать
 За прошлое тебя, и обѣщаній
 Не требую на будущее время.
 Какъ прибыльнѣй тебѣ: со мной-ли быть,
 Или на меня идти—объ этомъ ты
 Разсудишь самъ. Подумай на досугѣ.

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

Борись Феодорычъ! О чемъ мнѣ думать?
 Я твой слуга!

ГОДУНОВЪ.

Мы поняли другъ друга.
 Прости-жъ теперь, на дѣлѣ я увижу,
 Ты искренно-ли говорилъ.

Василій Шуйскій уходитъ.

СЛУГА—докладываетъ.

Бояринъ,

Царяца въ милости твоей идетъ!

Входитъ Ирина, въ сопровожденіи нѣсколь-
 ныхъ бояринъ. Годуновъ опускается передъ
 ней на колѣни.

ГОДУНОВЪ.

Великая царица—я не ждалъ
Прихода твоего—

ИРИНА—къ боярынямъ.

Оставьте насъ.

Боярinni уходятъ.

Братъ, не тебѣ—мнѣ на колѣняхъ быть
Передъ тобой приходится!

ГОДУНОВЪ—вставая.

Сестра,

Зачѣмъ ко мнѣ пришла ты безъ доклада?

ИРИНА.

Прости меня—мнѣ дорогъ каждый мигъ—
Тебя просить пришла я, братъ!

ГОДУНОВЪ.

О чемъ?

ИРИНА.

Ужели ты погубишь князь-Ивана?

ГОДУНОВЪ.

Въ своей измѣнѣ самъ совналъ онъ.

ИРИНА.

Онъ въ ней раскаялся! Его мы слову
Повѣрить можемъ. Благостью царевой
Онъ побѣжденъ. Чего боишься ты?
Ужели опять ко днямъ царя Ивана,
Еще днямъ ужаса, вернуться ты-бъ хотѣлъ?
Имъ срокъ прошель. Не благостью-ли Федоръ

Одной силёнъ? Не за нее-ли любить
Его народъ? А Ѳеодорова сила —
Она твоя! Для самого себя
Ее беречь ты долженъ! Ею нынѣ,
Лишь ей одной, мы съ Шуйскими достигли,
Чего достичь не смогъ-бы страхомъ казни
Самъ царь Иванъ!

годуновъ.

Высокая гора
Былъ царь Иванъ. Изъ нѣдръ ея удары
Подземные равнину потрясали,
Иль пламенный, вдругъ вырываясь, сношъ
Съ вершины смерть и гибель слалъ на землю.
Царь Ѳеодоръ не таковъ! Его-бы могъ я
Скорѣй сравнить съ проваломъ въ чистомъ полѣ.
Равѣлины и рыхлая окрестность
Цвѣтущею травой сокрыты, но—
Вблизи отъ нихъ бродя неосторожно—
Скользить въ обрывъ и стадо и пастухъ.

Повѣрье есть такое въ нашихъ селахъ,
Что церковь въ землю нѣкогда ушла,
На мѣстѣ-жъ томъ образовалась яма;
Церквищемъ народъ ее зоветъ,
И ходить слухъ, что, въ тихую погоду,
Во глубинѣ звонять колокола
И влirное въ ней пѣнье радается.
Такимъ святымъ, но ненадежнымъ мѣстомъ
Мнѣ Ѳеодоръ представляется. Въ душѣ,
Всегда открытой недругу и другу,
Живетъ любовь, и благость, и молитва,
И словно тихій слышится въ ней звонъ.
Но для чего вся благость и вся святость,
Болъ нѣтъ на нихъ опоры никакой!

Семь лѣтъ прошло, что надъ землею Русской,
 Какъ Божій гнѣвъ, пронесся царь Иванъ.
 Семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, кладя за камень камень,
 Съ трудомъ великимъ зданіе я строю,
 Тотъ свѣтлый храмъ, ту мощаую державу,
 Ту невою, разумную ту Русь, —
 Русь, о которой мысля непрестанно,
 Бессонныя я ночи провожу.
 Напрасно все! Я строю надъ проваломъ!
 Въ еданный мигъ все можетъ обратиться
 Въ развалины. Лишь стоятъ захотѣтъ
 Последнему, ничтожному врагу—
 И онъ къ себѣ царево склонитъ сердце,
 И мной въ него вложенное хотѣнье
 Онъ измѣнитъ. Враговъ-же у меня
 Не мало есть—не всѣ они ничтожны—
 Ты наглость знаешь дерзкую Нагихъ,
 Ты знаешь Шуйскихъ правъ неукротимый—
 Не прерывай меня—я Шуйскихъ чту—
 Но доблесть ихъ туна и близорука,
 Избитою тропой они идутъ,
 Оо стариной сковало ихъ преданье—
 И при такомъ царѣ, каковъ царь Ѳеодоръ,
 Имъ мѣста нѣтъ, быть мѣста не должно!

Ирина.

Ты правъ, Борисъ, тебѣ помѣхой долго
 Былъ князь Иванъ; но ты ужъ торжествуешь;
 Его вина, которой нынѣ самъ
 Стыдится онъ, порукой намъ, что нѣтъ
 У Ѳеодора слуги вѣрнѣе!

Годуновъ.

Вѣрю;

Онъ вновь уже не встанетъ мятежомъ,

Измѣной болѣ царскаго престола
 Не потрясетъ—во думаешь-ли ты
 Перечить мнѣ онъ также отказался?

ИРИНА.

Ты поборолъ его, тобой онъ сломанъ;
 Въ темницѣ онъ; ужели мщенья ты
 Послушаешь?

ГОДУНОВЪ.

Я мщенья не знаю;
 Не слушаю ни дружбы, ни вражды;
 Передъ собой мое дишь вижу дѣло,
 И не своихъ, но дѣла моего
 Гублю враговъ.

ИРИНА.

Подумай о его
 Заслугахъ, братъ!

ГОДУНОВЪ.

За нихъ пріялъ онъ честь.

ИРИНА.

Къ стѣнамъ Москвы съ ордою подступаешь
 Ногайскій ханъ. Кто дастъ ему отпоръ?

ГОДУНОВЪ.

Не въ первый разъ Москва увидитъ хана.

ИРИНА.

Отъ Шуйскаго отъ одного она
 Спасенья ждетъ.

ГОДУНОВЪ.

Она слѣпа сегодня

Какъ и всегда. Опаснѣе, чѣмъ ханъ,
Кто въ самомъ сердцѣ царства подрываетъ
Его покой; кто плевеломъ стариннымъ
Не устаешь упорно заглушать
Величья новаго поствъ. Ирина!
Въ тебѣ привыкъ я умъ высочій чтить,
И свѣтлый взглядъ, которому доступны
Дѣла правленья. Не давай его
Ты жалости не дѣльной помрачать!
Я на тебя рассчитывалъ, Ирина!
Доселѣ ты противницей моею
Скорѣе, чѣмъ опорою была;
Ты думала, что Федоръ государить
Самъ по себѣ научится; тебѣ
Внутри души казалось обиднымъ,
Что мною онъ руководимъ; но ты
Его безсилъе видишь. Будь-же нынѣ
Помощницей, а не помѣхой мнѣ.
Не даромъ ты приставлена отъ Бога
Ко слабому царю. Отвѣтъ тяжелый
Есть на тебѣ. Ты быть должна царицей —
Не женщиной! Ты Федора должна
Склонить теперь, чтобъ отказался онъ
Отъ всякаго вступательства за Шуйскихъ!

ИРИНА.

Когда-бъ могла я думать, что нужна
Погибель ихъ для блага государства,
Быть можетъ, я въ себѣ нашла бы силу
Рыданье сердца подавить; но я
Не вѣрю, братъ; не вѣрю, чтобы дѣло
Кровавое пошло для царства въ прокъ,

Не вѣрю я, чтобъ самъ ты этимъ дѣломъ
Сильнѣе сталъ. Нѣтъ, тяжкимъ на тебя
Оно укоромъ ляжетъ! Помогать
Избави Богъ тебѣ! Нѣтъ, я надѣюсь
На Федора!

ГОДУНОВЪ.

Со мною хочешь снова
Ты врозь идти?

ИРИНА.

Пути различны наши.

ГОДУНОВЪ.

Прійдетъ пора, и ты поймешь, Ирина,
Что намъ одинъ съ тобою путь.

Отворяетъ дверь и говорить за кулисы.

Царица

Зоветъ своихъ боярынь!

Боярыни входятъ.

ИРИНА.

Братъ, прости!

ГОДУНОВЪ—съ низкимъ поклономъ.

Прости меня, великая царица!

Площадь передъ Архангельскимъ соборомъ.

Няшіе толпятся у входа.—Въ глубинѣ сцены виденъ народъ.

одинъ нищій.

— Скоро-ль выйдетъ царь?

слѣпой.

— Слышишь, панихиду служатъ по покойномъ государѣ; ужъ вѣчную память пропѣли; должно быть, сейчасъ выйдетъ.

другой нищій.

— А кто служить панихиду-то?

слѣпой.

— Иовъ служитъ Ростовскій. Его, слышно, и въ митрополиты поставятъ, а владыку сведутъ.

первый нищій.

— Діонисія-то сведутъ?

слѣпой.

— Да, сведутъ. И Діонисія и Варлаама Крутицкаго сведутъ. Годунову, вишь, неугодны стали, за Шуйскихъ вступались!

ЧЕТВЕРТЫЙ—на костылахъ, протягивается
впередъ.

— Братіе! Слышали, что на Красной площади дѣется?

слѣпой.

— А чему тамъ дѣются?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— Купцамъ головы сѣкутъ!

ПЕРВЫЙ.

— Какимъ купцамъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— Ногаевымъ! Красилянникову! Голубю, отцу съ сыномъ! Еще другихъ повели!

ВСЪ.

— Господи, Твоя воля! Да за что-жь это?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— За то, что за Шуйскихъ стояли. Сами-то Шуйскіе ужъ въ тюрьмѣ сидятъ!

ПЕРВЫЙ.

— Боже ихъ помилуй! А царь-то что-же?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

— Государь обомель царя!

ВСЪ.

— Мѣсто! Мѣсто! Царяца идетъ!

Нѣдѣе сторонятся.—Ирина подходитъ со Мстиславской; за ней боярнии.—Стольнянѣ идетъ впереди и раздастъ милостыню.

ИРИНА.

— Стой здѣсь, княжна. Выйдетъ царь, поклонись ему въ ноги и попроси за дядю.

КНЯЖНА.

— Государыня-царяца, награди тебя Господь, что привела ты меня!

ИРИНА.

— Не бойся, дитятко, царь милостивъ. Что-же ты такъ дрожишь? Дай, я тебѣ подизни поправлю; и косу-то растрепала ты свою!

КНЯЖНА.

— Царица-матушка, сердце замираетъ; научи меня, какъ царю сказать?

ИРИНА.

— Какъ у тебя на-сердцѣ, такъ и скажи, дитятко. Гдѣ женихъ твой? Ему-бы теперь съ тобою быть!

КНЯЖНА.

— Не видала я его, царица, съ той самой ночи, съ того часа, какъ —

Заарываетъ лицо и рыдаетъ.

ИРИНА.

— Бѣдная ты! И ему-то каково! Чай, теперь умереть-бы радъ, чтобы свое дѣло поправить!

КНЯЖНА.

— Воздай тебѣ Матерь Божія, что жалѣешь ты насъ!

Тревожь во всѣ колокола. Бояре выходятъ изъ собора. Двое изъ нихъ раздаютъ милостыню. За ними идетъ Федоръ.

КНЯЖНА — вполголоса.

— Теперь, царица?

ИРИНА.

— Нѣтъ еще, подождемъ, дитятко; видишь, онъ поможитъ, хочешь.

ОЕДОРЪ—становится на колѣни, лицомъ
въ собору.

Царь-батюшка! Ты, столькимъ покаяньемъ,
Раскаяньемъ и мукой искупившій
Свои грѣхи! Ты, съ Богомъ нынѣ сущій!
Ты царствовать умѣлъ! Наставь меня!
Вдохни въ меня твоей частицу силы,
И быть царемъ меня ты научи!

Встаетъ и хочетъ идти.

ИРИНА—во Мстиславской.

Княжна, теперь!

КНЯЖНА—бросается въ ноги Оедору.

Царь-государь, помилуй!

ОЕДОРЪ.

Чего тебѣ, боярышня? Встань, встань!

КНЯЖНА.

Помилуй дядю моего!

ОЕДОРЪ.

Кто ты?

Кто дядя твой?

КНЯЖНА.

Иванъ Петровичъ Шуйскій!

ОЕДОРЪ.

Такъ ты княжна Мстиславская? Да, да,
Я узнаю тебя!

ИРИНА—становится на колѣни.

Свѣтъ-государь!

Она тебя со мною вмѣстѣ молить
За князь-Иванъ Петровича!

Евдоръ.

Арина,

Что ты, Арина? Встань! Вставайте обѣ!
Я князь-Иванъ Петровича прощу.
Но надобно, чтобы въ тюрьмѣ немного
Онъ посидѣлъ!

ИРИНА.

Свѣтъ-государь, прости
Его теперь! Пошли за нимъ сейчасъ-же!
Вели ему оборонять Москву,
Какъ нѣкогда онъ Псковъ оборонялъ!

Евдоръ.

Ну, хорошо, Арина, я и самъ
Хотѣлъ послать за нимъ—немного позже
Хотѣлъ послать—но для тебя, Арина,
Пошлю сейчасъ.

Къ Годунову.

Борись, пошли за нимъ!

ГОДУНОВЪ.

Великій царь, ты самъ-же намъ дозволилъ
Начать сперва надъ Шуйскими допросъ.
Онъ начался—

Евдоръ.

Онъ долженъ прекратиться.

ГОДУНОВЪ.

Но, государь —

ФЕДОРЪ.

Ты слышалъ мой приказъ?

ГОДУНОВЪ.

Великій царь —

ФЕДОРЪ.

Не во-время ты вздумалъ
Перечить мнѣ. Отъ нынѣшняго дня
Я буду царь. Совѣты всѣ и думы
Я слушать радъ, но только слушать ихъ —
Не слушаться! Гдѣ приставъ князь-Ивана?
Гдѣ князь Туренинъ?

КЛЕШНИНЪ.

Эвотъ, онъ идетъ!

Подходитъ Туренинъ.

ФЕДОРЪ — къ Туренину.

Сейчасъ всѣхъ Шуйскихъ свободить! Ивана-жъ
Петровича ко мнѣ прислать!

Туренинъ не трогается съ мѣста.

ФЕДОРЪ.

Ты слышишь?

Чего ты ждешь?

ТУРЕНИНЪ.

Великій царь —

ЕЕДОРЪ.

Какъ смѣешь

Еще стоять ты предо мной, когда
Тебя я шлю!

ТУРЕНИНЪ.

Великій государь —
Не властенъ я твою исполнить волю...
Иванъ Петровичъ —

ЕЕДОРЪ.

Ну?

ТУРЕНИНЪ.

Онъ сею ночью —

ЕЕДОРЪ.

Что — сею ночью? Говори! Ну, что?

ТУРЕНИНЪ.

Онъ сею ночью пѣтлей удавился!

КНЯЖНА.

Святая Матерь Божья!

ТУРЕНИНЪ.

Государь,
Въ томъ виноваты, что не досмотрѣли;
Мы береглися, какъ народъ его-бы
Не свободилъ; вчера толпу отбили;
Привелъ ее съ купцами Шаховской,
Да кабы я не вострѣдилъ его —
Влюмились-бы!

Княжна падаетъ въ обморокъ.

ЕЕДОРЪ—смотреть страшно на Туренина.

Князь Шуйскій удавился?

Иванъ Петровичъ? Лжешь! Не удавился—

Удавленъ онъ!

Хватаетъ Туренина обѣими руками за-воротъ.

Ты удавилъ его!

Убійца! Звѣры!

Къ Годунову.

Ты вѣдалъ это?

ГОДУНОВЪ.

Богъ

Свидѣтель мнѣ—не вѣдалъ.

ЕЕДОРЪ.

Палачей!

Поставить плаху вѣсь; передъ крыльцомъ!

Здѣсь, предо мной! Сейчасъ! Я слишкомъ долго

Мирволилъ вамъ! Пришла пора мнѣ вспомнить

Чья кровь во мнѣ! Не вдругъ отецъ покойный

Сталъ гробнымъ государемъ! Чрезъ окольныхъ

Онъ грозенъ сталъ—вы вспомните его!

Гонецъ весь запяленный, съ грамотой въ
рукахъ, жоспѣшно подходитъ къ Годунову.

ГОНЕЦЪ.

Изъ Углича, боярину Борису

Ееодорычу Годунову!

ЕЕДОРЪ—вырываетъ грамоту у гонца.

Дай!

Когда самъ царь стоитъ передъ тобой,

Такъ вѣту вѣсь боярина Бориса!

Гладитъ въ грамоту и начинаетъ дрожать.

Аринушка—мое неясно арѣнье—

Не вижу я—мнѣ кажется, я что-то

Не такъ прочелъ—въ глазахъ моихъ рябитъ—
Прочти ты лучше!

ИРИНА—взглянувъ въ грамоту.

Боже милосердый!

ӨЕДОРЪ.

Что тамъ, Арина? Что?

ИРИНА.

Царевичъ Дмитрій—

ӨЕДОРЪ.

Упалъ на ножъ? И закололся? Такъ-ли?

ИРИНА.

Такъ, Өедоръ, такъ!

ӨЕДОРЪ.

Въ падучемъ онъ недугъ

Упалъ на ножъ? Да точно-ль такъ, Арина?

Ты, можетъ быть, не такъ прочла—дай листъ!

Смотрять въ грамоту я роняетъ ее изъ рукъ.

До смерти—да—до смерти закололся!

Не вѣрится! Не сонъ-ли это все?

Братъ Дмитрій мнѣ замѣсто сына былъ—

У насъ съ тобой вѣдь нѣтъ дѣтей, Арина?

ИРИНА.

Всю Русь Господь бѣдою посѣтилъ!

ӨЕДОРЪ.

Его любилъ какъ сына я—его—

Хотѣлъ къ себѣ я взять, но тамъ оставилъ—

Тамъ, въ Угличѣ—Иванъ Петровичъ Шуйскій

Мнѣ говорилъ не оставлять его!
 Что скажетъ онъ теперь? Ахъ, да-бышь! Онъ
 Уже ничего не скажетъ—онъ удушенъ!

ГОДУНОВЪ—который, между тѣмъ, поднимъ
 и прочелъ грамоту.

Великій царь —

ЕЕДОРЪ.

Ты, кажется, сказалъ:
 Онъ удушенъ? Митя-жъ закололся?
 Арина—а? Что, если —

ГОДУНОВЪ.

Государь,
 Тебѣ сейчасъ отправить въ Угличъ надо
 Кого-нибудь...

ЕЕДОРЪ.

Зачѣмъ? Я самъ отправлюсь!
 Я самъ хочу увидѣть Митю! Самъ!
 Я никому не вѣрю!

Ратникъ подходитъ къ Годунову.

РАТНИКЪ.

По дорогѣ.
 Серпуховской маячные дымъ
 Виднѣются!

ГОДУНОВЪ.

Великій государь,
 То ханъ идетъ. Черезъ нѣсколько часовъ
 Его поляки Москву обложатъ. Вѣсть
 Не можешь ты теперь.

КЛЕШНИНЪ.

Царь-Государь,

Пошли меня, холопа твоего!

Я, батюшка, хоть прость, а что увижу,
То и скажу!

ГОДУНОВЪ.

А розыскъ учинить

Объ этомъ дѣлѣ могъ-бы князь Василій
Иванычъ Шуйскій! Пусть поѣдутъ оба
И разберутъ, чьей въ Угличѣ виной
Бѣда случилась!

ФЕДОРЪ—съ недоумѣніемъ.

Вправду? Вправду хочешь

Послать ты въ Угличъ Шуйскаго, Василья?
Послать племянника того, кого ты —
Кого они сегодня ночью —

Бросается Годунову на шею.

Шурины!

Прости меня! Я грѣшенъ предъ тобой!
Прости меня—мои смѣшались мысли —
Я путаюсь—я правду отъ неправды
Не отличу! Аринушка моя,
Поди ко мнѣ! Петровичъ, поѣзжай
Со князь-Васильемъ. Князь Василій—что-бишь
Тебѣ хотѣлъ сказать я? Повабылъ!
Да, вотъ что: я послалъ на той недѣлѣ
Игрушекъ Митѣ —

Рыдаетъ.

Я хотѣлъ-бы знать —

Хотѣлъ-бы знать, успѣлъ-ли онъ—успѣлъ-ли —

КНЯЖНА—которую подводитъ боярыня.

Все кончено! женихъ застрѣленъ мой —
Удавленъ дядя —

ИРИНА.

Дитятко, тебя
Къ себѣ возьму я, будешь ты отнынѣ
Мнѣ вмѣсто дочери!

КНЯЖНА.

Царица, я
Постричься-бы хотѣла...

ФЕДОРЪ.

Да, княжна,
Да, постригись! Уйди, уйди отъ міра!
Въ немъ правды нѣтъ! Я отъ него и самъ-бы
Хотѣлъ уйти—мнѣ страшно въ немъ—Арина—
Спаси меня, Арина!

Боярыни уводятъ княжну.

ИРИНА.

Свѣтъ мой, Федоръ,
Въ молитвѣ мы у Бога утѣшенья
Должны просить!

ФЕДОРЪ.

Въ молитвѣ? Да, Арина!
Я въ монастырь пойду, молиться буду —
Посхимлюсь тамъ —

ИРИНА.

Нельзя тебѣ, свѣтъ-Федоръ!
Вѣнецъ наслѣдний некому тебѣ
Твой передать.

ФЕДОРЪ.

Да, я послѣдній въ родѣ —
Послѣдній я, Что-жъ дѣлать мнѣ, Арина?

ИРИНА.

Свѣтъ-государь, нѣтъ выбора тебѣ;
 Одинъ Борисъ лишь царствомъ править можетъ,
 Лишь онъ одинъ. Оставь на немъ одномъ
 Правленія всю тягость и отвѣтъ!

ЕЕДОРЪ.

Такъ, такъ, Арина! не вѣщаюсь болѣ
 Я ни во что!

ГОДУНОВЪ—тихо къ Иринѣ.

Пути сошлись наши!

ИРИНА.

О, еслибъ имъ сойтись не довелось,
 Звонъ трубъ. Входить Мстиславскій въ бронѣ
 и въ шлемѣ. Оружій Годунова приносить
 ему вооруженіе.

МСТИСЛАВСКІЙ—къ Годунову.

Полки тебя, бояринъ, въ полѣ ждутъ!

ГОДУНОВЪ—вооружаясь.

Всѣ по мѣстамъ!

Бояре уходить.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Ты самъ-ли встрѣтить хана
 Насъ поведешь?

ГОДУНОВЪ.

Бояринъ князь Мстиславскій!
 Я мужъ совѣта, ты-же мужъ войны!
 Отнынѣ будь верховнымъ воеводой —

За честь Руси, какъ вождь, веди насъ въ бой —
Я-жъ слѣдую, какъ ратникъ за тобой!

Уходить со Мстиславскимъ. Народъ бѣжитъ
за ними. На сценѣ остается только Федоръ,
Арина и видѣе.

ФЕДОРЪ.

Бездѣтны мы съ тобой, Арина, стали!
Моей виной лишились брата мы!
Князей варяжскихъ царствующей вѣтви
Послѣдній я потомокъ. Родъ мой вмѣстѣ
Со мной умретъ. Когда-бы князь Иванъ
Петровичъ Шуйскій живъ былъ, я-бъ ему
Мой завѣщаль престола; теперь-же онъ
Богъ-вѣсть кому достанется! Моею,
Моей виной случилось все! А я —
Хотѣлъ добра, Арина! Я хотѣлъ
Всѣхъ согласить, все сгладить—Боже, Боже!
За что меня поставилъ Ты царемъ!

КОНЕЦЪ.

III.

Д А Р Ъ Б О Р И С Ъ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

[1870]

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Царь Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ.

Царица Марія Григорьевна, его жена, дочь Малюты Скуратова.

Царевичъ Ѳедоръ }
Царевна Ксепія } ихъ дѣти.

Царица Ирина Ѳедоровна, во иночествѣ Александра, сестра царя
Бориса, вдова царя Ѳедора Іоанновича.

Царица Марія Ѳедоровна Нагая, во иночествѣ Марѳа, вдова Іоанна
Грознаго.

Христіанъ, герцогъ датскій, женихъ царевны Ксепіи.

Голькъ }
Браге } его совѣтники.

Семень Годуновъ, ближній бояринъ.

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій.

Петръ Ѳедоровичъ Бабаковъ, бояринъ и воевода.

Ѳедоръ Никитичъ Романовъ

Александръ Никитичъ Романовъ

Князь Рязанскій

Князь Черкасскій

Князь Суздальскій

Князь Голыцинъ

Салтыковъ

} бояре.

Андрей Петровичъ Лулъ-Клишнинъ, во смирѣ братъ Левкій.

Василиса Волохова, боярыня.

Афанасій Власьевъ, думный дьякъ.

Войковъ, воевода Тарскій.

Димитриевна, барская барыня.

Ричардъ Де, посолъ англійскій.

Мирада, папскій нунцій.

Баронъ Логау, посолъ австрійскій.

Левъ Сапѣга, посолъ литовскій.

Эрикъ Гейдрихсонъ, посолъ шведскій.

Авраамій Лисъ, посолъ флорентійскій.

Гермерсъ, любскій бургомистръ, присланный отъ гавзейскихъ городовъ.

Архимандритъ Кирилъ, посолъ иверскій.

Лачинъ Бекъ, посолъ персидскій.

Чиливий, посолъ турецкій.

Хлопко-Косолапъ, атаманъ разбойниковъ.

Ряшето
Наковальня } его есаулы.

Митяка, разбойникъ.

Посадохъ.

Мисаилъ Повадиль }
Григорій Отрепьевъ } бѣглые монахи.

1-я }
2-я } часовые.

1-я }
2-я } сыщики.

1-я }
2-я }
3-я } бабы.
4-я }

Врачъ.

Стрѣлецкій голова.

Спальникъ.

Стольникъ.

Клирошанинъ.

Приставъ.

Бояре, боярыни, стольники, рынды, стрѣльцы, посольская свита, монахи,
бѣглые крестьяне, разбойники, нищіе, сыщики, слуги и народъ.

Дѣйствіе—въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, въ концѣ XVI-го
и началѣ XVII-го столѣтія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Престольная палата.

Салтыковъ и Воейковъ.

САЛТЫКОВЪ.

Ты во-время, бояринъ, съ доброй вѣстью
Вернулся изъ Сибири: угодилъ
Какъ разъ попасть въ тотъ день, какъ государь
Вѣнчается на царство!

ВОЕЙКОВЪ.

Богу слава!

Довольно онъ откладывалъ вѣнчанье
Со дня, какъ земской думою соборной
На царство былъ избранъ!

САЛТЫКОВЪ.

Да, да, въ шоломѣ,
А не въ вѣнцѣ, съ мечемъ вмѣсто скиптра,
Онъ ждалъ татаръ. Но ханъ, имъ уstraшенный,
Вѣжалъ назадъ! И то сказать: пятьсотъ
Насъ вышло тысячъ въ поле. Безъ удара

Казы-Гирей разсыпанъ—и ни капли
Не пролилося русской крови!

воейковъ.

Слава

Царю Борису!

салтыковъ.

Слава и хвала!

Подумаешь: какъ царь Иванъ Васильичъ
Оставилъ Русь Θεодору царю!
Война и моръ—въ предѣлахъ русскихъ ляхи—
Ханъ подъ Москвой—на брошенныхъ поляхъ
Ни колоса! А нынѣ, посмотри-ка!
Все благодать: амбары полны хлѣба—
Исправлены пути—въ приказахъ правда—
А къ рубежу попробуй подойти
Ляхъ или вѣмецъ!

воейковъ.

Что и говорить!

Воскресла вся земля! Царю не даромъ
Отъ всѣхъ любовь. Такого ликованья,
Я чай, Москва отъ роду не видала!
Насилу я проѣхалъ чрезъ толпу!
На двадцать верстъ кругомъ запружены
Дороги всѣ; народъ со всѣхъ концовъ
Валить къ Москвѣ; всѣ улицы полны,
И всѣ дома, отъ гребней до завалинъ,
Стоять въ цвѣтахъ и въ зелени! Я думалъ:
Авось къ царю до выхода проѣду!
Куды! я чай, отъ валу до Кремля
Часа четыре пробирался. Тамъ
Услышалъ я: въ соборѣ царь Борисъ—
Вѣнчается!

САЛТЫКОВЪ.

Сейчасъ вернется въ теремъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Ты что-жъ не тамъ?

САЛТЫКОВЪ.

Пословъ примать наряженъ.

ВОЕЙКОВЪ.

Какихъ пословъ?

САЛТЫКОВЪ.

Да мало-ль ихъ! Отъ папы,
Отъ цесаря, отъ Англіи, отъ Свей,
Отъ Персіи, Отъ Польши, отъ Ганзы —
Не перечесть!

ВОЕЙКОВЪ.

И всѣхъ ихъ приметъ царь?

САЛТЫКОВЪ.

Всѣхъ съ этого престола слушать будетъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Пора, пора возсѣсть ему на немъ!
Семь мѣсяцевъ вѣнчанія мы ждали!

САЛТЫКОВЪ.

А до того, чай, цѣлыхъ шесть недѣль,
Пріять вѣнецъ его молили!

ВОЕЙКОВЪ.

Да.

Смиренію такому вѣтъ примѣра.

До насъ дошло, какъ вашимъ онъ молениямъ
Внять не хотѣлъ!

САЛТЫКОВЪ.

И если бы владыка
Отъ церкви отлученіемъ ему
Не угрозилъ—быть можетъ, и доселѣ
Мы были-бъ безъ царя!

ВОЕЙКОВЪ.

А говорили:
Честолюбивъ!

САЛТЫКОВЪ.

Поди ты! Мало-ль что
О немъ толкуютъ! Говорили также:
Онъ Дмитрія царевича извелъ!

ВОЕЙКОВЪ.

Безбожники! безсовѣстные люди!
Когда-бъ извелъ Дмитрія Борисъ,
Онъ сталъ-ли бы отъ царства отречься!

САЛТЫКОВЪ.

Вѣстимо нѣтъ! когда скончался Федоръ,
Рыдали всѣ, но скорбь ничья сравниться
Со скорбію Бориса не могла.

ВОЕЙКОВЪ.

Я былъ уже въ походѣ; не сподобилъ
Меня Господь въ усоншаго рукѣ,
Съ другими приложиться. Говорять,
Быль чудно свѣтелъ ликъ его?

САЛТЫКОВЪ.

Тиха

Была его и благодѣя кончина.
 Онъ никому не позабыть сказать
 Прощальное, привѣтливое слово;
 Когда-жъ своей царицы скорбь увидѣлъ:
 «Аринушка, сказалъ онъ, ты не плачь,
 «Меня Господь простить, что государить
 «Я не умѣлъ!» И руку взявъ ея,
 Держалъ въ своей, и, кротко улыбаясь,
 Такъ погрузился словно въ тихій сонъ —
 И отошелъ. И на его лицѣ
 Улыбка та послѣдняя осталась.

ВОЕЙКОВЪ.

Царь благодушный!

САЛТЫКОВЪ.

Послѣ похоронъ

Постриглася царица.

ВОЕЙКОВЪ.

И тогда-же

Съ ней заперся правитель?

САЛТЫКОВЪ.

Въ тотъ-же день,

Моленіямъ боярскимъ не внимая,
 Онъ говорилъ: «Со смертію царя
 «Постыли мнѣ волненіе и пышность,
 «И блескъ и шумъ. Здѣсь, близъ моей сестры,
 «Останусь я; молиться съ ней хочу я,
 «И здѣсь умру!»

Вздохъ въ вой арміеюю догоняла.

ВОЕЙКОВЪ—похлопъ въ руку.

Идутъ, идутъ! Народъ
Волнуется! Вотъ ужъ несутъ хоругви!
А вотъ попы съ иконами, съ крестами!
Вотъ патріархъ! Вотъ стольники! Бояре!
Вотъ стряпчіе царевы! Вотъ онъ самъ!
Въ вѣнцѣ и въ бармахъ, въ золотой одеждѣ,
Съ державою и скипетромъ въ рукахъ!
Какъ онъ идетъ! Всѣ пали на колѣни —
Между рядовъ безмолвныхъ онъ проходитъ
Ко Красному крыльцу—остановился,
Стопились всѣ—онъ говорить къ народу..

Молчаніе; потомъ взрывъ радостныхъ криковъ.

Цѣлуетъ крестъ—вотъ на крыльцо вступаетъ —
Какъ свѣтель онъ! Сіяніе какое
Въ его очахъ! Нѣтъ, самъ Иванъ Васильичъ
Въ величій подобномъ не являлся —
Во истину то царь всея Руси!

Трубы и дворцовыя колокола. Ряды входятъ
и становятся у престола; потомъ бояре; потомъ
стряпчіе съ царской стражей; потомъ ближ-
ніе бояре; потомъ самъ царь Борисъ въ пол-
номъ облаченіи, съ державою и скипетромъ.
За нимъ царевичъ Федоръ. Борисъ всходитъ
на подвое престола.

БОРИСЪ—стоя на подножьи.

Созволеньемъ. Божіимъ и волей
Соборной думы—не моимъ хотѣньемъ —
Я на престолъ царей и самодержцевъ
Всея Руси вступаю днесь. Всевышній
Да укрѣпиль мой умъ и дасть мнѣ силы
На трудный долгъ! Да просвѣтитъ меня,
Чтобы бразды, мнѣ Русскою землею
Врученныя, достойно я держалъ,
Чтобы царилъ я праведно и мудро,

На тишину Руси, какъ царь Θεодоръ,
На страхъ врагамъ, какъ грозный Іоаннъ!

Садится на престолъ. Царевичъ Θεодоръ садится по его правую руку.

ВОЕЙКОВЪ — опускается на колѣна.

Великій царь! Господь тебя услышалъ:
Твои враги разбиты въ пухъ и прахъ,
Воейковъ я, твой Тарскій воевода,
Тебѣ привезшій радостную вѣсть,
Что ханъ Кучумъ, свирѣпый царь сибирскій,
На Русь возстать дерзнувши матажомъ,
Бѣжалъ отъ насъ въ кровопролитной битвѣ
И палъ отъ рукъ ногойскихъ мурзъ. Сибирь,
Твоей опять покорная державѣ,
Тебѣ на вѣкъ всецѣло бьетъ челомъ!

БОРИСЪ.

Благодаренье Господу! Да будетъ
Въ сей свѣтлый день намъ знаменіемъ добрымъ
Благая вѣсть! Встань, воевода Тарскій,
И цѣпь сію, въ знакъ милости великой,
Отъ насъ прими!

Снимаетъ съ себя цѣпь и надѣваетъ на Воейкова.

Мой сынъ, царевичъ Θεодоръ,

Вамъ здравствуетъ со мной, бояре! Онъ
Лѣтами младъ, но ко святой Руси
Его любовь равна моей. Въ немъ буду
Готовить мнѣ достойнаго на царство
Преемника. Любить его, бояре,
Я васъ прошу!

Θеодоръ кланяется.

БОЯРЕ.

Да здравствуетъ царевичъ!

Живетъ царевичъ!

ГЛАГОЛЮТЪ.

САЛТЫКОВЪ.

Государь, послы

Ждутъ позволенья милости твоей
На царствіи здоровать!

БОРИСЪ.

Пусть войдутъ!

Трубный тушъ и литавры. Входитъ посолъ
англійскій, предшествуемый двумя стольни-
ками; за нимъ идетъ его свита и останавли-
вается, не доходя престола. Посолъ прико-
ланъ къ престолу; стольники раздвигаются на-
право и нѣзво. При входѣ слѣдующихъ по-
словъ соблюдаются тѣ же обряды.

САЛТЫКОВЪ.

Посолъ Елисаветы, Ричардъ Ли!

РИЧАРДЪ ЛИ.

Британніи Великой королева
Царю Борису дружескій поклонъ
Усердно шлетъ, его на русскомъ тронѣ
Привѣтствуя какъ друга своего,
Какъ кровного возлюбленного брата.
Великій царь! Ей дорогъ несканно
Съ тобой союзъ, и еслибы избрать
Для сына ты межъ юными князьями
Британніи невѣсту захотѣлъ,
Твое свойство вмѣниша-бъ королева
Себѣ въ любовь, и видѣла-бы въ немъ
Залогъ союза нашихъ двухъ народовъ
И совершенье мысли Іоанна,
Который былъ ей другомъ... Графа Дарби
Младая дочь красою превышаетъ
Красавицъ всѣхъ, а кровь ея одна
Съ Елисаветы королевской кровью!

БОРИСЪ.

Благодарю сестру Елисавету,

Ея союзомъ болѣ дорожу,
 Чѣмъ всѣхъ другихъ высокихъ государей,
 Писавшихъ къ намъ о томъ-же. Но мой сынъ
 Феодоръ младъ еще о бракѣ думать —
 Мы подождемъ.

Ричардъ Да отходить, предшествуемый стольни-
 ками. Трубы и литавры. Входить папскій нунцій.

САЛТЫКОВЪ.

Миранда, нунцій папы!

МИРАНДА.

Великій царь всея земли московской!
 Святой отецъ Климентъ тебѣ свое
 Апостольское плетъ благословенье
 И здравствуетъ на государствѣ! Въ знакъ
 Особенной своей къ тебѣ любви,
 Онъ утвердить твой титулъ предлагаетъ,
 Какъ титулы божескихъ королей
 И польскихъ утвердилъ онъ. Если-жъ ты
 Своей душой, миролюбиво-мудрой,
 Столь вѣдомой намѣстнику Христа,
 Какъ онъ, о, царь, скорбишь о раздѣленьи
 Родныхъ церквей—онъ черезъ насъ готовъ
 Войти съ твоимъ священствомъ въ соглашенье,
 Да прекратится распря прежнихъ лѣтъ
 И будетъ вновь единый пастырь стаду
 Единому!

БОРИСЪ.

Святѣйшаго Климента

Благодарю. Мы чтимъ вѣчанныхъ римскихъ
 Епископовъ, и воздаемъ усердно
 Имъ долгъ и честь. Но Господу Христу
 Мы на землѣ намѣстника не знаемъ.
 Нашъ царскій санъ, по волѣ Божьей, мы

Отъ русской всей земли пріяли—болѣ-жъ
 Ни отъ кого не просимъ утвержденья.

Когда святой отецъ равнуеть къ вѣрѣ,
 Да согласить владыкъ онъ христіанскихъ
 Идти собщѣ на турскаго султана,
 О вѣрѣ братій нашихъ свободить!
 То сблизить насъ усердіемъ единымъ
 Къ единому кресту. О съединеньи-жъ
 Родныхъ церквей мы молимся всѣ дни,
 Когда святую слышимъ литургію.

Миранда отходить. Трубы и литавры. Входитъ
 посолъ австрійскій.

САЛТЫКОВЪ.

Баронъ Логанъ, цесарскій посолъ!

ЛОГАНЪ.

Великій царь! Рудольфусъ, римскій цесарь,
 Тебѣ на царствѣ братскій плетъ поклонъ,
 Моля тебя помочь ему войсками
 И деньгами, чтобы могли султану
 Мы дать отпоръ, бевбожному Махмету,
 Грозящему изъ Венгріи идти
 На Австрію!

ВОРИСЪ.

Не въ первый разъ султану
 Австрійскимъ мы обязаны посольствомъ.
 При Ѳеодорѣ, покойномъ государѣ,
 Мы учинили съ вами договоръ:
 Отъ турокъ вамъ помочь казною нашей,
 Съ тѣмъ, чтобы вы взвели Максимилиана,
 Рудольфа брата, на литовскій тронъ.
 Вы приняли исправно наши деньги,
 Но, подъ рукой, съ Литвою сговорились —

И Жигимонта свейскаго признали,
Врага Руся, литовскимъ королемъ!

ЛОГАУ.

Великій царь, мы не были вольны!
Нашъ претендентъ, Максимилянъ, Замойскимъ
Въ Силезіи былъ похоненъ.

БОРИСЪ.

И вѣсто,

Чтобы его оружіемъ свободить,
Съ Литвой скорѣй вы заключили миръ
И даромъ насъ поссорили съ султаномъ.

ЛОГАУ.

Не мы, о, царь! Султанъ твой давній врагъ
И на Москву онъ хана насылаетъ
Не въ первый разъ. Когда ты дашь ему
Насъ одолѣть, ты своего-жъ влодѣя
Усилишь, государь!

БОРИСЪ.

Походъ крестовый

Я на него Европѣ предлагаю.
Онъ врагъ намъ всѣмъ, не мой одинъ. Испаньи,
Сициліи и рыцарямъ Мальтійскимъ,
Венеціи и Генуи онъ врагъ,
Досадчикъ всѣмъ державамъ христіанскимъ!
Пускай-же всѣ подымутъ общій стягъ
На Турцію! Тогда не изъ послѣднихъ
Увидать насъ. Но до того мы будемъ
Лишь наши грани русскія беречь.
Мы не хотимъ для Австріи руками
Жаръ загребать. Казною, такъ и быть,

Мы учинимъ вамъ снова вспоможеніе,
Войска-жъ свои пока побережемъ.

Догау отходить. Трубы и литавры. Входятъ
посолъ литовскій.

САЛТЫКОВЪ.

Посолъ литовскій, канцлеръ Левъ Сапѣга!

САПѢГА.

Великій царь! Твой братъ король на Польшѣ,
Король на Свєи, и великій князь
Земли литовской, Третій Жигимонтъ,
Прислалъ тебѣ со мною, Львомъ Сапѣгой,
Его короны канцлеромъ, поклонъ
И гратуляцію на царствѣ! Наше
Къ концу приходитъ скоро перемирье,
Но Жигимонтъ, и мы, ланы, хотимъ
Уже забыть вражду съ Москвою. То
Король Батуръ съ царемъ Иваномъ прѣлись —
На души-жъ ихъ пускай тотъ ляжетъ споръ!
Ты-жъ новую вчинаешь династію,
И твоему величеству не нужно
Литигіумъ тотъ старый пильновать.
Коль Жигимонта свейскимъ королемъ
Признаешь ты, и титулъ общаешь
Ему давать, который у него
Его-жъ правитель, Карлусъ, отымаетъ,
Эстонію-жъ землей признаешь польской —
То мы тебѣ Ливонію уступимъ
И грамату согласны подписать
На вѣчный миръ съ Москвою!

БОРИСЪ.

Цанъ Сапѣга!

Ты шесть недѣль въ Москвѣ, кажися, ждешь.

Пока тебѣ передъ собой явиться
 Дозволилъ я. Ты времени довольно
 Имѣлъ узнать войска и силы наши.
 Сдается мнѣ, миръ будетъ Жигимонту
 Нужнѣй, чѣмъ намъ. Ливонская земля
 Съ Эстоніей есть вотчина Руси
 Отъ Ярослава перваго, отъ сына
 Владиміра Святого. Родъ мой новъ,
 Но я съ державой русскою приѣлъ
 Права, ея древнѣйшихъ государей.
 Доколѣ живъ, не уступлю изъ нихъ
 Ни одного. Я Жигимонта свейскимъ
 Не признаю владыкой. Герцогъ Карлусъ
 Владѣеть Свеей. Титуловъ пустыхъ
 Я не даю.

САПЪГА.

Тогда, великій царь,
 Осталось мнѣ, всёвъ на коня, до дому
 Скакать безъ мира?

БОРИСЪ.

Добраго пути!

САПЪГА.

Но, царь великій, я-жъ не за войною —
 За миромъ присланъ я!

БОРИСЪ.

Изъ уваженія

Ко брату Жигимонту, перемирье
 Я вамъ продлю. Въ моей боярской думѣ
 Ты можешь мой услышать уговоръ.

Сапѣга откланяетъ. Трубы и литавры. Входятъ
 посолъ шведскій.

САЛТЫКОВЪ.

Посолъ отъ Свен, Эрикъ Гендрихсонъ!

ГЕНДРИХСОНЪ.

Преславный царь! Правитель свейскій, Карлусъ,
Отъ всей души тебѣ на государствѣ
Свой шлетъ поклонъ и проситъ, чтобы въ спорѣ
Его чиновъ съ литовскимъ Жигимонтомъ,
Ты свейскую корону поддерживалъ!

БОРИСЪ.

Его зовутъ на королевство?

ГЕНДРИХСОНЪ.

Царь —

БОРИСЪ.

Да, да, я знаю! Свейскіе чины
Уже ему корону предлагали!

ГЕНДРИХСОНЪ.

Когда тебѣ земли желанье нашей
Ужъ вѣдомо —

БОРИСЪ.

Я знаю все,

ГЕНДРИХСОНЪ.

Но герцогъ
Чинамъ отвѣта не далъ, и короны
Еще не принялъ —

БОРИСЪ.

Онъ корону приметъ.

Езъ преславу Карлусъ призванъ всей землей —
Онъ отказаться отъ него не можетъ.
Привѣтствую отнынѣ королемъ

Его я свейскимъ, Карлусомъ Деятымъ!
 И если братъ нашъ Карлусъ съ нами хочетъ
 Пребыть въ любви—пусть продолжаетъ онъ
 Вести войну съ Литвою неуклонно,
 Ливонію-жъ съ Эстоніей признаетъ
 Землею русской. Мы ему на томъ
 Нашъ вѣчный миръ и дружбу обѣщаемъ!

Гейдрихсонъ отходить. Трубы и литавры.
 Входятъ посолъ флорентійскій.

САЛТЫКОВЪ.

Аврамій Люсъ, Флоренціи посолъ!

ЛЮСЪ.

Тебѣ, царю Московскія державы,
 Избранному любовью всей земли,
 Шлетъ Фердинандъ, изъ рода Медицеевъ,
 Привѣтствіе и дружескій поклонъ.
 Былъ дѣдъ его любовію народной,
 Равно какъ ты къ правленію призванъ —
 Достоинства сроднили оба рода:
 Какъ Козимо и какъ Лоренцо нашъ,
 Ты другъ наукъ и вольнаго искусства.
 То вѣдая, тебѣ великій вождь
 Флоренціи услуги предлагаетъ
 И радъ тебѣ художниковъ своихъ,
 Ваятелей прислать и живописцевъ,
 Литейщиковъ и зодчихъ, да цвѣтетъ
 Твоя земля не только славою бранной,
 Но и красой художества во вѣкъ!

БОРИСЪ.

Любезнаго я брата, Фердинанда,
 Благодарю душевно; принимаю
 Его любовь и добрую услугу

Признательно. Суровъ нашъ русскій край;
 Намъ не далъ Богъ, какъ вамъ, подъ вольнымъ небомъ —
 Красой искусства очи веселить;
 Но что надъ плотью высять человека,
 Что радуется его бессмертный духъ,
 Отъ Бога то ведетъ свое начало,
 И вѣрю я, оно на пользу будетъ
 И радость намъ!

люсь.

Прими-же, государь,
 Въ знакъ непремѣнной дружбы Фердинанда,
 Сей небольшой фіалъ. Изсѣченъ онъ
 Изъ горнаго кристалла, и оправленъ
 Искуснѣйшимъ изъ нашихъ мастеровъ:
 Ему Челлини имя.

ворись.

Будетъ мнѣ
 Двойко дорогъ этотъ даръ! Повѣдай
 Великому Флоренціи вождю,
 Что если есть въ землѣ моей русійской
 Что-бъ ни было пригодное ему —
 Оно его!

Люсь отходить. Трубы и литавры. Входятъ
 ганзейскіе купцы: Гермерсъ и два ратсгерра,
 и подходятъ вмѣстѣ къ престолу. За ними
 идутъ слуги съ дарами.

САЛТЫКОВЪ.

Любчанскій бургомистеръ,
 Отъ всѣхъ имперскихъ вольныхъ городовъ!

ГЕРМЕРСЪ.

Земли русійской свѣтлый императоръ
 И славный царь! Любчанскіе купцы,

Отъ имени Ганзы высокохвальной,
 На государствѣ вѣдываютъ тебѣ!
 Усердье наше вѣдомо Русіи:
 Когда еще голландцы и французы,
 И англичанъ пронырливый народъ,
 Въ твой славный край не знали и дороги,
 Уже Ганза исправно, аккуратно
 И дешево всѣ лучшіе ему
 Товары доставляла; и за то
 Она была русійскими князьями
 Избавлена отъ пошлинъ. Государь!
 Вели-жъ и ты, чтобъ неприличныхъ пошлинъ
 Не брали съ насъ! А мы, въ усердья нашемъ,
 Тебѣ дары посильные несемъ.
 Изъ серебра литого вотъ фигуры:
 Фортуна вотъ—въ ней двадцать фунтовъ слишкомъ —
 А это вотъ богиня Венусъ—въ ней
 Есть тридцать фунтовъ—эта птица струсь;
 А вотъ павлинъ—вотъ левъ—вотъ два елени —
 Вотъ два коня—пѣтухъ—и славный богъ
 Меркуріусъ—всего сто-десять фунтовъ
 И двадцать-три золотника!

БОРИСЪ.

Издавна

Намъ другомъ былъ почтенный городъ Любекъ.
 Благодарю Ганзу, за поздравленье
 И за дары. Имперскихъ городовъ
 Избавить мы отъ пошлины не можемъ.
 Зане у насъ купцы иныхъ земель
 Ее несутъ. Но въ уваженіе древней
 Съ любчанами пріяни, мы велимъ
 Съ нихъ пошлинъ брать отнынѣ половину,
 Товары-жъ ихъ избавимъ отъ осмотра,

Съ тѣмъ, чтобъ они, по совѣсти, ихъ сами
Намъ объявляли.

ГЕРМЕРСЪ И ПРОЧІЕ—махая шапками.

Вивать царь Борисъ!

Купцы уходятъ. Трубы играютъ тушь другого характера. Изъ другихъ дверей выходитъ посолъ персидскій; передъ нимъ идетъ Семенъ Годуновъ, которому Салтыковъ уступаетъ мѣсто. За посломъ слуги его несутъ драгоцѣнный престолъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государы! Отъ Шахъ-Аббаса
Къ тебѣ посолъ персидскій Лачинъ-Бекъ!

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Великій, грозный и прескѣтлый царь!
Твой другъ и братъ, Аббасъ, владыка перскій
Здороваетъ тебѣ на государствѣ
И братскій шлетъ поклонъ. Ты держишь Русь
Единою могучею рукою —
Простри, о, царь, съ любовію другую
На моего владыку и прими
Отъ Шахъ-Аббаса, въ знакъ его пріязни,
Сей кованный изъ золота престолъ,
Въ каменныхъ самоцвѣтныхъ и въ алмазахъ,
Наслѣдье древнихъ шаховъ—и во всѣхъ
Цѣняйшее Аббасовыхъ сокровищъ!

БОРИСЪ.

Благодарю великаго Аббаса.
Его пріязнь тѣмъ болѣе цѣню,
Что слышалъ я, быть можетъ ложно, будто
Онъ хочетъ миръ съ султаномъ заключить,
Иверію-жъ, подвластную намъ землю,
И Александра, подданнаго намъ
Ея цари, тѣснить.

ЛАЧИНЪ-БЕКЪ.

Великій царь,
То клевета! Тебѣ скавалъ неправду
Царь Александръ. Онъ самъ дружить султану,
Какъ твоему, такъ напѣму врагу!

БОРИСЪ.

Впустить сюда султанскаго посла!

Трубы латавры. Входить посолъ турецкій
и ставовится рядомъ съ персидскимъ. Слуги
его несутъ за нимъ дары.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Къ царю посолъ султанскій Челибей.

ЧЕЛИБЕЙ.

Всяя Руси могучій повелитель!
Султанъ Махметъ, твой другъ и братъ, тебѣ
Черезъ меня на водареньи шлетъ
Привѣтствіе и, въ знакъ своей пріязни,
Сѣдло и влатомъ кованную сбрую
Въ каменныхъ драгоценныхъ. Государы!
Султанъ Махметъ, добра тебѣ желая,
Предостеречь тебя велить, что твой
Невѣрный рабъ, царь Александръ, замыслилъ
Тебя предать, и къ перскому Аббасу
Въ подданство переходить!

БОРИСЪ.

Пусть войдетъ

Отъ Александра присланный посолъ!

Входить архимандритъ Кирилъ и падаетъ на
колѣни передъ Борисомъ.

АРХ. КИРИЛЪ.

Великій, благовѣрный государь!
Царь Александръ, твой ревностный слуга,

Тебѣ на царствѣ кланяется земно.
 Не попусти, о, царь всея Руси,
 Ему въ конецъ погибнуть! Шахъ-Аббасъ
 Безжалостно, безбожно разоряетъ
 Иверію! Султанъ Махметъ турецкій
 Обрекъ ее пожарамъ и мечу!
 Ограблены жилища наши—жены
 Поруганы—сѣмейства избѣенны—
 Монастыри въ развалинахъ—и церкви
 Христовы пылаютъ!

ЧЕЛИВЕЙ.

Славный царь,
 Не вѣрь тому—не мы, а персы грабятъ
 Иверію!

ЛАЧИНЪ-ВЕКЪ.

Великій государь,
 Не вѣрь послу сунитскаго султана!
 На языкѣ сунитовъ—клевета,
 Обманъ и ложь! Не разоряютъ персы
 Иверію—они лишь турокъ гонятъ
 Вонъ изъ нея и только лишь твоихъ
 Иамъбниковъ караютъ!

АРХ. ВІРИЛЪ.

Боже правый—
 Иверія моя!

ЧЕЛИВЕЙ—къ Лачинъ-Векъ.

Шептъ невѣрный!
 Султанъ тебѣ покажетъ въ Испаніи,
 Какъ гоните вы насъ!

ЛАЧИНЪ-ВЕКЪ

Сунитскій песъ!
 Въ Стамбулѣ мы съ тобою разочтемся!

АРХ. КИРИЛЛЪ.

О, государь, отъ злости ихъ обоихъ
Будь намъ залцатой!

БОРИСЪ.

Слушайте! Кто-бъ ни былъ

Подвластной намъ Иверіи тѣснитель —
Шахъ, или султанъ — клянусь, не поущу
Ничьей рукъ касаться русскихъ граней!
Дьякъ Аванасій! Ты напишешь нынѣ-жъ
Бутурлину съ Плещеевымъ приказъ
Вести полки на Терекъ. Лачинъ-Бекъ!
Тебѣ былъ путь не малый къ намъ отъ моря
Хвалынскаго. Ты видѣлъ нашимъ войскомъ
Покрытый край отъ Волги до Москвы.
Пятьсотъ и слишкомъ тысячъ поднялося
На мой призывъ. Когда я захочу,
Я вдвое ихъ могу поставить въ полѣ.
Съ Аббасомъ радъ я въ дружбѣ пребывать.
Но долженъ ты въ моей боярской думѣ
Дать за него намъ клятвенный обѣтъ:
Отъ перскихъ войскъ Иверію очистить.
А ты, султана турецкаго посолъ —
Неси ему дары его обратно!
Намъ вѣдомо, на насъ кѣмъ поднять, шоль
Казы-Гирей, кичаса силой ратной!
Но онъ бѣжалъ! Прошли тѣ времена,
Когда Русь шатавше и бѣды
Врагамъ надъ ней готовили побѣды!
Она стоитъ спокойна и сильна,
Законному внутри послушна строю,
Друзьямъ щитомъ, а недругамъ грозою!

Челибей ухилить. Звонъ дворцовыхъ колоколовъ.
Входятъ боярину, въ большомъ нарядѣ, по дѣлѣ
въ рядъ. За ними царица Марья Григорьевна
и царица Ксения. Всѣ кланяются имъ въ ноги.
Они садятся по обѣ стороны престола.

БОРИСЪ.

Нашъ царскій долгъ оконченъ. Вотъ царица
Съ царвною пришли принять, бояре,
Здорованіе ваше!

БОЯРЕ.

Бьемъ челомъ
Царицѣ и царевнѣ! Имъ на царскомъ
Здороваемъ вѣнчанья! Много лѣтъ
Вамъ, матушки вы наши!

ЦАРИЦА—СЪ ПОКЛОНОМЪ.

Государя,
Благодаримъ за ваше пожеланье!
Прошу любить и жаловать меня
Съ царвною!

БОЯРЕ.

Господь благослови
Тебя, царвна паша! Божья птичка!
Весенній цвѣтикъ нацъ!

КСЕНИЯ—СЪ ПОКЛОНОМЪ.

Не заслужила
Великой вашей ласки, я, бояре,
И не себѣ любовь примаю вашу,
Но батюшкѣ царю!

ГОЛОСА.

Касатка наша!
Кто за царя не радъ-бы умереть?
Но любимъ мы тебя не за него—
За разумъ твой! За ласковый обычай!
За тишину! За ангельскія очи!
Господь съ тобой!

Шумъ за дверями. Входятъ стражники и голова.

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Великій государь!

Народа мы не можемъ удержать!
Врываются насильно, голоса:
«Хотимъ царю Борису поклониться,
«Царя Бориса видѣть!»

БОРИСЪ.

Настежь двери!

Между народомъ русскимъ и царемъ
Преграды нѣтъ!

Толпа народа вваливается въ палату.

НАРОДЪ.

Отецъ родной! Поволь

Намъ свѣтлыя твои повидѣть очи!

БОРИСЪ.

Друзья мои, входите! Дорогіе
Вы гости мнѣ! Зови, царевна Ксеня,
Зови мірянъ къ почетному столу!

КСЕНИЯ—КЛАНЯЕТСЯ.

Пожалуйте, міряне! Просимъ всѣхъ
Къ намъ на-хлѣбъ на-соли!

НАРОДЪ.

Матушка-царевна!

Дай на тебя полюбоваться! Очи
Порадовать!

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА—у дверей.

Назадъ! не будетъ мѣста!

И нищѣ похвѣли!

ТѢЛОДѢЛЪ.

22

БОРИСЪ.

Всѣмъ сегодня
Свободный входъ! Кто нищимъ вступитъ въ теремъ,
Имущимъ тотъ воротится домой!

Входятъ новая толпа.

НИЩІЕ.

Царь праведный! Царь милостивый! Воздай тебѣ
Христось Богъ съ Богородицей! Святая Троица со
Варварой мученицей! Кувьма бо Демьяномъ!

БОРИСЪ.

Входите, божьи люди!—Вы-жъ, бояре,
Ведите всѣхъ къ почестному столу!

Сходя съ престола.

Царица и царевна—ты, Феодоръ—
Гостей моихъ идите угощать!
Вино и медъ чтобы лиясь рѣками!
Идите всѣ—я слѣдую за вами!

Толпа народа, провожаемая боярами, идетъ
во внутренние покои. Царевичъ Феодоръ, ца-
рица Ксенія и боярinni слѣдуютъ за ними.
Палата остается пуста.

БОРИСЪ.

Свершилося! Въ вѣнцѣ и въ бармахъ я
Держу бразды русійскія державы!
Четырнадцать я спорилъ долгихъ лѣтъ
Со слѣпотой, со слабостью, съ упорствомъ —
И побѣдилъ! Кто можетъ осудить
Меня теперь, что не прямой дорогой
Я къ цѣли шелъ? Кто упрекнетъ меня,
Что чистотой души не усумнился
Я за Руси величье заплатить?
Кто, вспомя Руть царя Ивана, нынѣ

Проклятiе за то-бы мнѣ нарекъ,
 Что для ея защиты и спасенья,
 Не пожалѣлъ ребенка я отдать
 Единаго? Мнѣ на-душу не разъ
 Ложилось камнемъ темное то дѣло,
 И думалъ я: Что если не достигну,
 Чего хочу! Что если грѣхъ тотъ даромъ
 Я совершилъ? Но нѣтъ! Судьба меня
 Не выдала! Я съ совѣстью счета
 Сегодня свелъ—и не боюсь поставить
 Моихъ заслугъ и виновенъ итогъ!
 Могу теперь идти стезею чистой!
 Прочь отъ меня притворство и обманъ!
 Черезъ пропасти и смрадные болота
 Къ престолу днесъ меня приведшій мостъ
 Ломаю я! Разорвана отнынѣ
 Съ прошедшимъ связь! Пережита пора
 Кромѣшной тьмы—сіяетъ солнце снова —
 И держать скиптръ для правды и добра
 Лишь царь Борисъ—нѣтъ болѣ Годунова!

Келья въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Клирошанка вводитъ Бориса. За нимъ входитъ Семенъ Годуновъ.

БОРИСЪ—къ клирошанкѣ.

Ты говоришь: царица на молитвѣ?
 Не смѣть ее тревожить. Въ этой кельѣ
 Мы подождемъ.

Клирошанка уходитъ.

Давно-ли здѣсь, въ печали,
 Съ сестрою я бесѣдовалъ вдовоемъ!
 Смотритъ въ окно.

Вотъ теремъ тотъ, гдѣ я хотѣлъ провести
Остатокъ дней! Судьба не такъ рѣшила:
Замѣсто рясъ, плечи багряницей
Мнѣ облекла. Чу! Радостные крики,
Сюда насъ провожающіе, опять
Послышались! Ты съ Шуйскимъ объѣзжалъ
Сейчасъ Москву. Что молвать? Всѣ-ль довольны?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Кому-жъ не быть довольнымъ, государы!
На перекресткахъ медъ и брага льются.
Все войско ты осыпалъ серебромъ;
Нѣтъ изъ бояръ ни одного, кому-бы
Ты не послалъ иль блюда золотого,
Иль цѣнной шубы съ своего плеча;
Всѣхъ должниковъ ты выкупилъ изъ тюремъ—
Кому-жъ не быть довольнымъ? Только, царь,
Не въ гнѣвъ тебѣ: ты безъ разбора началъ
Всѣхъ жаловать; ни на кого опалы
Не наложилъ; и даже самыхъ тѣхъ,
Которые при Ѳедорѣ хотѣли
Тебя сгубить, ты наградилъ сегодня.
Такъ, государь, нельзя. Обидно то
Покажется твоимъ усерднымъ слугамъ,
Что со врагами въ милости своей
Ты смѣшиваешь ихъ!

ВОРИСЪ.

Враговъ ужъ болѣ

Нѣтъ у меня. Прошла пора борьбы,
И безъ различья нынѣ пливаться
Должна на всѣхъ царя Русіи милость,
Какъ солнца свѣтъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

И волю языкамъ

Ты всѣмъ даешь: Романовы доселѣ
Мутятъ бояръ!

ВОРИСЪ.

Что говорить они?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Да то-же что и прежде говорили:
Не дѣльно-моль, при Федорѣ, крестьянъ
Ты прикрѣпилъ; боярамъ недочетъ-де
Въ работникахъ; пустуютъ-де ихъ земли
Отъ той поры, какъ некого къ себѣ
Имъ сманивать!

ВОРИСЪ.

Я жалобу ту знаю.

Дворяне мыслятъ какъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Въ огонь и въ воду

Готовы эти за тебя; не мало
Поправились съ тѣхъ поръ, какъ Юрьевъ день
Ты отмѣнилъ. А тоже бить челомъ
Собираются тебѣ, что въ лѣсъ отъ нихъ
Бѣгутъ крестьяне.

ВОРИСЪ.

Сами виноваты;

Сверхъ моготы съ нихъ требуютъ они;
Крестьяне не рабы, не въ кабалу
Я отдалъ ихъ. На днѣ указъ объявлять:
Что за какой надѣлъ кому нести;

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Владѣльцы, царь, роптать начнутъ.

БОРИСЪ.

Пусть ропщутъ.

Всѣмъ угодить не властенъ человѣкъ;
И если цѣлой выгода земля
Въ ущербъ приплася сторонѣ единой,
Ту сторону не вправѣ я беречь.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Начни-же, царь, съ Романовыхъ. Строптивъ
Ихъ больно родъ, Феодоръ вотъ Никитичъ
Ведетъ такіа рѣчи...

БОРИСЪ.

Онъ въ отца;

Не можетъ мысли утаить. Тѣмъ лучше!
Я не боюсь того, кто говоритъ
Что думаетъ. Охотно я прощаю
Ихъ рѣчи тѣмъ, чьи у меня въ рукахъ
Теперь дѣла. Уже не нужно мнѣ
И день и ночь, безъ отдыха, какъ прежде,
За каждымъ словомъ нашего слѣдить;
Къ инымъ теперь могу я начинаьямъ
Мысль обратить. Иванъ Васильичъ Третій
Русь отъ орды татарской свободилъ
И государству сильному начало
Поставилъ вновь. Но въ двѣсти лѣтъ насъ иго
Татарское отъ прочихъ христіанъ
Отрѣзало. Разорванную цѣпь
Я съ Западомъ связать намѣренъ снова:
Для Ксеніи изъ многихъ жениховъ

Не даромъ мною датскій королевичъ
Уже избранъ. Съ державами Европы
Земля должна, попрежнему, стать рядомъ,
А въ будущемъ ихъ, съ помощію Божьей,
Опередить.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государь,
Ты смотришь вдаль, и царственной высоко
Ты мыслию царишь, а между тѣмъ
Вокругъ тебя не все идетъ такъ гладко,
Какъ кажется. Романовыхъ за рѣчи
Ихъ дерзкія ты трогать не велишь;
Но есть другой, опасливый на рѣчи,
На видъ покорный, преданный слуга,
Который врядъ-ли милости твоей
Усердствуетъ въ душѣ: Василій Шуйскій.

ВОРИСТЪ.

Не мнишь-ли ты, усердію его
Я вѣру далъ? Онъ служить мнѣ исправно
Затѣмъ, что знаетъ выгоду свою;
Я-жъ въ немъ цѣню не преданность, а разумъ.
Не можетъ царь по сердцу избирать
Окольныхъ слугъ, и по любви къ себѣ
Ихъ жаловать. Оказывать онъ ласку
Обязанъ тѣмъ, кто всѣхъ разумнѣй волю
Его вершить, быть къ каждому привѣтливъ
И милостивъ, и слѣпо никому
Не довѣрять.

КЛИРОШАНКА — докладываешь.

Вояринъ князь Василій
Иванычъ Шуйскій!

БОРИСЪ.

Милости прошу.

Шуйскій входитъ.

Съ объѣзда ты заѣхалъ, князь Василій?

Что новаго?

Шуйскій.

Да что, царь-государь,
Не знаю какъ тебѣ и доложить;
На Балчугѣ двухъ смердовъ захватили,
Во кружечномъ дворѣ. Они тебя
Передъ толпой негодными словами
Осмѣлилися поносить.

БОРИСЪ.

За что?

Шуйскій.

За Юрьевъ день.

БОРИСЪ.

Что сдѣлала толпа?

Шуйскій.

Накинулась на нихъ; чуть-чуть на ключья
Не разнесла; стрѣльцы едва отбили.

БОРИСЪ.

Гдѣ-жъ эти люди?

Шуйскій.

Ввинуты пока

Обои въ яму.

ВОРИСЪ.

Выпустить обояхъ!

Растолковать имъ, что на время только
Прикрѣплены они, ватѣмъ, что всюду
Шаталися крестьяне, и скудѣла
Чрезъ то земля. Когда-же приобыкнутъ
Сидѣть на мѣстѣ, снимется запретъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Помилуй, цари!

ШУЙСКІЙ.

Помилуй, государи!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Дозволь пытать ихъ, государи! Должно быть,
Подъучены они; другіе могутъ
Найтись еще!

ВОРИСЪ.

Не трогать никого.

Хотѣли-бъ вы, чтобъ омрачилъ я день
Вѣнчанья моего? День этотъ долженъ
Началомъ быть поры для царства новой;
Свѣтитъ Руси какъ утро долженъ онъ
И возвѣщать ей времена яныя
И рядъ благихъ, безоблачныхъ годовъ!

ШУЙСКІЙ.

Царь-государь, дозволь по-правдѣ молвить,
По простотѣ: вѣдь страху-то ни въ комъ
Не будетъ такъ!

ВОРИСЪ.

Надѣюся не будетъ.

Не страхомъ я—любовію хочу

Держать людей. Прослыть боится слабымъ
 Лишь тотъ, кто слабъ; а я силенъ довольно,
 Чтобъ не бояться милостивымъ быть.
 Вернитесь къ народу, повѣстите
 Прощенье всѣмъ—не только кто словами
 Меня явилъ, но кто виновенъ дѣломъ
 Передо мной—хотя-бъ онъ умышлялъ
 На жизнь мою, или мое здоровье!

Семенъ Годуновъ и Шуйскій уходятъ. Дверь
 отворяется. Дѣѣ инокини становятся по обѣ
 ея стороны. За ними входятъ царица Ирина,
 во иночествѣ Александра.

ИРИНА.

Прости меня, великій государь,
 Я не ждала тебя сегодня. Въ церкви
 Въ день твоего вѣнчанья за тебя
 Молилась я.

Инокини уходятъ.

БОРИСЪ.

Царица и сестра!
 По твоему, ты знаешь, настоянью,
 Не безъ борьбы душевной, я рѣшился
 Исполнить волю земскую, и царскій
 Приять вѣнецъ. Но разъ его пріявъ,
 Почуялъ я, помазанный отъ Бога,
 Что отъ Него-жъ и сила мнѣ дана
 Владыкой быть, и что восторгъ народа
 Вокругъ себя не даромъ слышу я.
 Надеждой сердце полнится мое,
 Спокойное довѣріе и бодрость
 Вошли въ него—и ими подѣлиться
 Оно съ тобою хочетъ!

ИРИНА.

Миръ тебѣ!

БОРИСЪ.

Да, миренъ духъ мой. Въ бармы я облекся
 На тишину земли, на счастье всѣмъ;
 Мой свѣтель путь, и какъ ночной туманъ
 Лежитъ за мной пережитое время.
 Отраднѣе мнѣ сознанье это, но
 Еще полнѣй была-бъ моя отрада,
 Когда-бъ изъ устъ твоихъ услышалъ я,
 Что дѣлишь ты ее со мною!

ИРИНА.

Братъ,

Я радуюсь, что всей земли желанье
 Исполнилъ ты. Я никого не знаю,
 Опречь тебя, кто могъ вѣнецъ-бы царскій
 Достоинъ несть.

БОРИСЪ.

Въ годину тяжкихъ смуть,
 Когда, въ борьбѣ отчаянной съ врагами,
 Я не щадила ихъ, часто ты за то
 Меня винила. Но передъ собой
 Одной Руси всегда величье видя,
 Я шелъ впередъ, и не страшился всѣхъ
 Препяды опрокинуть. Предъ одной
 Въ сомнѣніи остановился я...
 Но мысль о царствѣ одержала верхъ
 Надъ колебаніемъ моимъ... Препграда
 Та рушилась... Не произнесено
 До дня сего о томъ межъ насъ ни слова.
 Но съ той поры какъ будто, бездны звѣвъ
 Насъ раздѣлили. Въ то время, можетъ быть,
 Ты не могла судить иначе, но
 Сегодня я передъ тобой, Ирина,

Очистился. Ты слышишь эти клики?
 Въ величїи, невиданномъ по-нынѣ,
 Ликуетъ Русь. Ея дивятся силѣ
 И другъ и врагъ. Сегодня я оправданъ
 Любовію народной и успѣхомъ
 Моихъ заботъ о царствѣ. Я хотѣлъ-бы
 Услышать оправданіе мое
 И отъ тебя, Ирина!

Ирина.

Оправданья

Ты ожидаешь, братъ? Въ тотъ страшный день,
 Когда твой грѣхъ я сердцемъ отгадала,
 Къ тебѣ глубокой жалости оно
 Исполнилось. Я поняла тогда,
 Что, схваченный неудержимой страстью,
 Изъ собственной природы ею ты
 Искищенъ былъ. Противникамъ такъ часто
 Желѣаную являя непреклонность,
 Круша ихъ силу разумомъ своимъ,
 Ты былъ дотоле согласенъ самъ съ собою.
 Но вѣдь, Борисъ, неожиданный, новый, страшный
 Въ тебѣ раздоръ свершился. Высоту
 Твоей души я вѣдала: твои
 Я поняла страданья. Не холодность —
 Нѣтъ, лишь боязнь твоей коснуться раны
 Меня вдали держала отъ тебя.
 Когда-бъ ты мнѣ открылся—утѣшенъ-бы,
 Любовію тебѣ-бъ я отвѣчала,
 Не поздними упреками. Но ты
 Молчалъ тогда—теперь-же хочешь мною
 Оправданъ быть? Вратъ, я за каждымъ днемъ
 Твоимъ слѣжу, моля всечасно Бога,
 Чтобъ каждый день твой искупленьемъ былъ
 Великаго, ужаснаго грѣха,

Неправды той, черезъ нее-же нынѣ
Ты сталъ царемъ!

ВОРИСЪ.

Отврати свой взоръ
Отъ прошлаго. Широкая рѣка,
Несущая отъ края и до края
Судовъ громады, меньше-ль свѣтла
Тѣмъ, что ая источники, быть можетъ,
Въ болотахъ дальнихъ кроются? Ирина,
Гляди впередъ! Гляди на свѣтлый путь
Передо мной! Чтò въ совѣсти моей
Схоронено, чтò для другихъ незримо —
Не можетъ то мнѣ помѣшать на славу
Руси царить!

ИРИНА.

Цари на славу ей!
Будь окруженъ любовью и почетомъ!
Будь праведенъ въ неправости своей —
Но не моги простить себѣ! Не лги
Передъ собой! Пусть будетъ только жизнь
Запятнана твоя—но духъ безсмертный
Пусть будетъ чистъ—не провинись предъ нимъ!
Не захоти отъ мысли отдохнуть,
Что искупать своимъ ты каждымъ мигомъ,
Дыханьемъ каждымъ, бьеньемъ каждымъ сердца,
Свой долженъ грѣхъ! И если изнеможешь,
Подъ бременемъ тяжелымъ—въ эту келью
Тогда приди.

ВОРИСЪ.

Твой приговоръ жестокъ.
Безвиннымъ я себя не мню. Безвиненъ

Не можетъ быть, кто съ жизнію ведетъ
 Всегда борьбу, кто хоть какую цѣль
 Передъ собой поставилъ; хоть какое
 Желаніе въ груди несетъ. Въ ущербъ
 Другому лишь желанья своего
 Достигнетъ онъ! То мѣсто, гдѣ я сталъ;
 Оно мое затѣмъ лишь, что другого
 Я вытѣснилъ! Неправъ передъ другими
 Всякъ, кто живетъ! Вся разниа межъ насъ:
 Кто для чего неправъ бываетъ. Если,
 Чтобъ тѣмъ людей счастливыми содѣлать,
 Я болѣшую неправость совершилъ,
 Чѣмъ тотъ, который блага никакого
 Имъ не принесъ—кто-жъ, онъ, иль я, виновнѣй
 Предъ Господомъ? Ирина, отъ тебя
 Мое принять пришелъ я оправданье—
 Я жду его—тебѣ до дна я душу
 Мою открылъ—еще-ли не оправданъ
 Я предъ тобой?

ИРИНА.

Все ту же на тебѣ
 Я вижу тѣнь. Куда-бы ни пошелъ ты,
 Вездѣ, всегда, зловѣщая она
 Идетъ съ тобой. Не властны мы уйти
 Отъ прошлаго, Борисъ!

БОРИСЪ.

Постричься долженъ,
 Кто мыслить такъ! Отъ дѣла отказаться!
 Отшельникомъ въ пустыню отойти!
 То не мое призваніе. Мой грѣхъ
 Я совною; но вѣдаю, что имъ лишь
 Русь велика! Оплакивать его

Я не могу! Миѣ некогда крушиться!
Не подъ ярмомъ раскаянья согбенъ,
Но полный силъ, съ поднятою главою,
Идти впередъ я долженъ, чтобъ Руси
Путь расчищать! Прости, сестра. Кто правъ —
Ты, или я—то времени теченье
Покажетъ намъ. Злодѣйство-ль совершилъ,
Иль заплатилъ Руси величью дань я —
Рѣшитъ земля въ годину испытанья!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Поночь во дворцѣ.

Царевичъ Ѳеодоръ, царевна Ксения и герцогъ Христіанъ Датскій.

ѲЕОДОРЪ.

Вотъ ужъ который день, братъ Христіанъ,
Мы сходимся съ тѣхъ поръ, какъ ты помолвленъ
Со Ксеніей, и каждый разъ тебя,
Мнѣ кажется, мы оба больше любимъ.
Могли-бъ тебя мы слушать безъ конца,
Но ты досель о родинѣ намъ только
Рассказывалъ своей —

КСЕНІЯ.

Да, королевичъ,

Пора, чтобъ ты намъ о себѣ повѣдалъ.
Уже давно спросить тебя хочу я:
Какъ выросъ ты? И какъ доселѣ жилъ?
И какъ во Фландріи сражался?

ѲЕОДОРЪ.

Все,

Все Расскажи намъ, Христіанъ. Мы стали

Теперь съ тобой родные; вмѣстѣ намъ
Пришлось жить, такъ надо знать другъ друга!

ВСЕНІА.

Начни сначала. Дѣтство намъ свое
Сперва скажи!

ХРИСТИАНЪ.

Не сложная то повѣсть,
Царевна, будетъ: мой отецъ, король,
Со мной простясь, услабъ меня, ребенкомъ,
Изъ города въ норвежскій дальній замокъ,
И указалъ тамъ жить—зачѣмъ? не знаю.
Мрачны картины первыхъ лѣтъ моихъ:
Среди тумановъ сѣверной природы,
Подъ шумъ валовъ и сосецъ вѣковыхъ,
Прошли мои младенческіе годы.
Мнѣ помнятся раскаты непогоды,
Громады горъ, что къ небу вознеслись,
Съ гранитныхъ скалъ струящіяся воды,
И крутизна, гдѣ замокъ нашъ повисъ.

Ребенкомъ тамъ, въ мечтаньи одинокомъ,
Прибою моря часто я внималъ,
Или слѣдилъ за нимъ веселымъ окомъ,
Когда въ грозу катилъ за валомъ валъ,
И, разбиваясь о крутыя стѣны,
Отпрядывалъ потокомъ бѣлой пѣны.
И съ раннихъ поръ сказанья старины,
Морскихъ бойцовъ походы и сраженья,
Отважные мнѣ навѣвали сны,
И вдалѣ меня манили приключенья.
Въ одинъ покой случайно я проникъ,
Висѣли латы тамъ подъ слоемъ пыли,
А на столѣ лежало много книгъ—

Тутъ...

Норвежскія то лѣтописи были.
 Я сталъ читать—и ими, какъ огнемъ,
 Охваченъ былъ сильнѣе съ каждымъ днѣмъ.
 И ярче все являлись мнѣ видѣнья:
 Богатыри, и схватки, и сраженья.

Такъ время шло. Четырнадцать лѣтъ,
 Я призванъ былъ въ столицу. Новый свѣтъ
 Открылся мнѣ. Я съ радостію дѣтской
 Предался жизни суетной и свѣтской—
 Но не надолго. Праздности моей
 Стыдиться сталъ я скоро. Прежнихъ дней
 Воскресли сны и прежнія видѣнья:
 Все тѣ-же сѣчи, схватки и сраженья.

И думалъ я: настанетъ-ли тотъ день,
 Когда мечта, которую съ любовью
 Я все ловлю, какъ вѣющую тѣнь,
 Одѣнется и плотію, и кровью?
 И онъ насталъ. Вскипѣлъ великій бой,
 Священный бой за вѣру и свободу:
 Испаніи владыка всталъ войной,
 Грозя цѣпями вольному народу.
 Во Фландрію тогда Европы всей
 Стекались единовѣрныхъ рати—
 И изъ тюрьмы я вырвался моей
 На выручку преслѣдуемыхъ братій.

ФЕДОРЪ.

Да, Христіанъ, мы слышали про то,
 Какъ ты съ Испанцомъ бился подъ Остендомъ.
 Счастливъ-же ты! Тебѣ ужъ двадцать лѣтъ!
 Ты могъ уже свои извѣдать силы,
 Ты самъ себя на дѣлѣ испыталъ—
 А я!

ХРИСТИАНЪ.

Тебѣ, царевичъ, суждена
Блистательнѣе доля. Ты стоишь
Вливъ своего отца, чтобъ у него
Державною учиться управлять.
Какъ тѣ князья, которые отсюду
Съѣзжались въ испанскій ставъ, учиться
У Спинолы, у пармекаго вождя,
Какъ управлять осадю.

ЕЕДОРЪ.

Ты правъ;
Отца примѣръ передъ собою видѣть,
Тѣ счастье для меня, и лучшей доли
Я-бъ не желалъ, какъ только научиться
Ему въ великомъ дѣлѣ помогать.
Но не легко дается та наука.
А празднымъ быть несносно. Ты-жъ успѣлъ
Узнать войну, ты отражалъ осаду,
Ты слышалъ пушекъ громъ, пищаей трескъ,
Вокругъ тебя летали ядра —

ХРИСТИАНЪ.

Да,

И я узналъ, что мужество и сила
Должны теперь искусству уступать;
Что не они уже рѣшаютъ битвы,
Какъ въ славныя, бывлыя времена,
И грустно мнѣ то стало. Но меня
Поддерживала мысль, что я служу
Святому дѣлу.

КСЕНИЯ.

И за это мнѣ

Ты, королевичъ...

ФЕДОРЪ.

Сразу полюбился?

Такъ, Ксенья?

КСЕНЯ.

Такъ. Но я-бы знать хотѣла,
Его спросить хотѣла-бъ я: какъ она
Чужую могъ вѣчно полюбить?

ХРИСТІАНЪ.

Легко мнѣ дать отвѣтъ тебѣ, царица:
Ты не была чужая для меня!
Царя Бориса чтить весь міръ. Далеко
О немъ молва въ Европѣ разнеслась;
Кому-жъ его въблизи случалось видѣть,
Обвороженный, возвращался тотъ
На родину; но прославлялъ онъ столь-же
Величіе правителя Руси,
Сколь совершенства дочери его.
Кто-бъ ни былъ то, посланникъ, или плѣнный...
Или купецъ ганзейскій—ни одинъ
Не забывалъ царицу Ксенью славить,
Ея красу и умъ превозносить,
И невинную, ангельскую кротость.
Разсказы тѣ въ мою запали душу,
А дальній твой, нескромный съ нашимъ, край,
Все, что молва о немъ къ намъ приносила:
Разливы рѣкъ, безбрежныя степи,
Снѣга и льды, обычай столь отличный
Отъ нашего; державы христіанской
Азіяскій блескъ, съ преданьями отцовъ
Намъ общими—все это, какъ нарочно,
Набросило волшебный и тайный свѣтъ
На образъ твой. Ты мнѣ предстала тою,

Съ кѣмъ связанъ я таинственной судьбою...
 Тебя добыть не мыслить я тогда,
 Но образъ твой свѣтилъ мнѣ какъ звѣзда,
 Приковывалъ мои невольны взоры —
 И въ шумѣ битвъ, въ пылу кипящихъ силъ
 Я, 'рыцаря заслуживая шпоры,
 Тебѣ, царевна, мысленно служилъ!

евдоръ.

Братъ Христіанъ, какъ странно и какъ ново
 Мнѣ рѣчь твоя звучить! Не думалъ я,
 Чтобъ можно было полюбить кого,
 Не знаячи, иль не выдавъ. Но правда
 Мнѣ слышится въ твоихъ словахъ, и вмѣстѣ
 Въ нихъ будто что-то чувствуется родное;
 И хорошо съ тобой мнѣ, Христіанъ,
 Такъ хорошо, какъ будто послѣ долгой
 Разлуки я на родину вернулся.
 И Ксеня воть задумалась, смотри!

ксенія.

Задумалась я вправду. Новый міръ
 Ты, королевичъ, мнѣ открылъ. У насъ
 Не любятъ такъ. У насъ отцы дѣтей
 Посватаютъ, не спрашивая ихъ,
 И безъ любви другъ къ другу подъ вѣнецъ
 Они идутъ. Я, признаюсь, всегда
 Дивилась тому.

евдоръ.

Обычай этотъ

Къ намъ отъ татаръ привился, а до нихъ
 Вольна была невѣста жениха
 Сама избирать.

ХРИСТИАНЪ.

Гаральдъ норвежскій нашъ,
 Дочь Ярославъ русскаго посваталъ.
 Но не былъ онъ въ ту пору знаменитъ
 И получилъ отказъ отъ Ярославны.
 Тогда, въ печали, бросился онъ въ сѣчи,
 Въ Сицилиі рубился много лѣтъ
 И въ Африкѣ, и наконецъ вернулся
 Въ градъ Кіевъ онъ, побѣдами богатъ.
 И несказанной славою, и Эльса
 Гаральда полюбила.

ЕЕДОРЪ.

Да, въ то время
 Стекалось въ Кіевъ много жениховъ.
 Другая Ярославна за Индрика
 Французскаго пошла, а третья дочь
 За короля венгерскаго Андрея.
 Всѣмъ тремъ отецъ далъ волю выбирать.
 Тогда у насъ свободнѣй, Христіанъ,
 И лучше было. Вѣщпоры у нѣмцевъ
 Былъ мракъ еще, а въ Кіевѣ считалось
 Ужъ сорокъ школъ. Татары все сгубили.

ХРИСТИАНЪ.

Отецъ твой тѣ, царевичъ, воскресить,
 Вознаградить потерянное время!

КСЕНІЯ.

Да, Христіанъ. Но, вѣрь мнѣ, ты не знаешь
 Еще отца! Доселѣ видѣлъ ты
 Его дѣла; но еслабъ видѣть могъ ты
 Его любовь къ землѣ, его заботу,
 Его печаль о томъ, чего свершить

Онъ не успѣлъ, его негодование
На тѣхъ людей, которые-бъ хотѣли
Опять идти по старому—и вмѣстѣ
Терпѣнье къ нимъ, и милость безъ конца —
Тогда-бы ты узналъ его!

ХРИСТІАНЪ.

Хотя-бы

Его не зналъ я вовсе—и тогда
Онъ за любовь великую твою
Мнѣ-бъ дорогъ сталъ!

КСЕНІЯ.

Не потому его
Люблю я, Христіанъ, что онъ отецъ мнѣ;
Нѣтъ, я за то люблю его, что онъ
Такъ мало мыслить о себѣ!

ФЕДОРЪ.

То правда;
Лишь объ одной землѣ его забота:
Татарщину у насъ онъ вывести хочетъ,
Въ родное хочетъ насъ вернуть русло.
Подумаешь: и сами вѣдь породой
Мы хвастаться не можемъ; отъ татаръ вѣдь
Начало мы ведемъ!

ХРИСТІАНЪ.

Но двѣсти лѣтъ
Вы русскіе. Татарской крови мало
Осталось въ васъ.

ФЕДОРЪ.

Ни капли не осталось!
И врядъ-ли-бы нашлся на Руси

Кто-бъ ненавидѣлъ болѣе татаръ,
Чѣмъ мы съ отцомъ?

ХРИСТІАНЪ.

Они наврядъ-ли также
Царя Бориса любятъ съ той поры,
Какъ онъ разбилъ, при Ѳеодорѣ, ихъ силу

ѲЕОДОРЪ.

Вѣдь вотъ теперь сидимъ мы здѣсь втроемъ
И говоримъ свободно, а въ народѣ
Вѣдь думаютъ, что Ксеньи и доселѣ
Ты не видалъ, что ты ее увидишь
Лишь подъ вѣнцомъ! А вмѣстѣ показаться
И думать вамъ нельзя, того обычай,
Вишь, не вѣзять! Хотѣлось-бы мнѣ знать,
Когда она не пряталась, пока
Невѣстой не была, зачѣмъ теперь
Ей прятаться?

КСЕНІЯ.

Нельзя, сказалъ отецъ,
Все разомъ передѣлать; глубоко
Пустилъ у насъ чужой обычай корни
И медленно выводится.

ѲЕОДОРЪ.

Къ прискорбью!
И матушка вотъ слѣдуетъ ему.
Ей нѣлюбо, что видѣться дозволятъ
Вамъ двумъ отецъ. Она-бы подѣ замкомъ
Тебя держать хотѣла!

КСЕНІЯ. >

Не вини
Ты нашу мать за это, королевичъ.

Не всякому дано такъ ясно видѣть
Какъ батюшекъ.

ЕЕДОРЪ.

Не то одно. Что грѣхъ
Ужъ намъ тайты! Еще за то, косятся
На Христіана наша мать, что онъ
Не нашей вѣры.

КСЕНІЯ—къ Христіану.

Но вѣдь нашу вѣру,
Не правда-ль, примешь ты?

ХРИСТІАНЪ.

Не торопи
Меня, царевна. Въ этомъ Богъ воленъ,
Учителей я вашихъ обѣщалъ
Съ благоговѣньемъ выслушать, но только
По убѣжденью откажусь отъ вѣры
Моиxъ отцовъ.

КСЕНІЯ.

Тогда спокойна я.
Не можешь, королевичъ, не принять
Ты нашей вѣры. Безъ грѣха могу я
Тебя любить.

ЕЕДОРЪ.

А я ужъ и подавно!
Дадимъ-же мы втроемъ обѣтъ другъ другу
Любить другъ друга, помогать другъ другу,
Не мыслить прощъ и вѣстѣ жить всегда!
Ты, Ксенія, согласна?

КСЕНІЯ.

Всей душой!

ӨЕДОРЪ.

Ты, Христіанъ?

ХРИСТІАНЪ.

И сердцемъ, и душою!

ӨЕДОРЪ.

Но втайнѣ пусть союзъ нашъ остается!
Тѣмъ крѣпче будетъ онъ. Подумай только,
Чего не сможемъ сдѣлать мы втроемъ!
Ты насъ учи всему, чѣмъ превосходна
Твоя земля, а мы со Ксеньей будемъ
Тебя знакомить съ Русью!

ХРИСТІАНЪ.

Дай мнѣ Богъ

Ей выѣсть съ вами послужить!

ӨЕДОРЪ.

Втроемъ

Мы воскресимъ то время, о которомъ
Въ старинныхъ книгахъ ты читаешь, когда
Такъ близки были наши дѣды! Боже!
Продли отцу его надолго дни,
Чтобъ Русью стала снова Русь!

КСЕНІЯ.

Господь

Услышь тебя, Ѳеодоръ.

СТОЛЬНИКЪ—отворяя дверь

Царь идетъ!

БОРИСЪ—входя.

Я перервалъ вашъ, дѣти, разговоръ.
Вы горячо о чемъ-то толковали.
Что, Христіанъ? Успѣлъ ты на Руси
Обжиться съ нами?

ЕЕДОРЪ.

Да, отецъ! Онъ русскій!
И русскій онъ обычай перенялъ:
Онъ на пути къ Москвѣ, себя въ забаву,
Смирять небаженныхъ коней!

БОРИСЪ.

Намъ Власьевъ.

И Салтыковъ такъ донесли. Ты любишь
Искать вездѣ опасность, Христіанъ,
То укрощать коней, то по волнамъ
Ладьею править въ бурю?

ХРИСТИАНЪ.

Государь,

Я датчанинъ. Намъ, какъ и русскимъ, любо,
Когда не трубить бранная труба,
Извѣдывать умѣнье, или силу
Надъ чѣмъ пришлось.

БОРИСЪ.

Но Ксенія моей

Твоя отвага даровая можетъ
Не по-сердцу придтись.

ХРИСТИАНЪ.

Царевна Ксеня!

Скажи сама, по-правдѣ: жениха
Ты робкаго могла-ли-бъ полюбить?

КСЕНИЯ.

Нѣтъ, королевичъ.

БОРИСЪ.

Еслибы у насъ
Была война, тогда-бы, Христіанъ,
Ты удалъ могъ свою намъ показать!

ХРИСТІАНЪ.

О, помяни-жъ ты это слово, царь!
И если кто войну тебѣ объявитъ,
Дай русскую вести мнѣ рать! Клянусь,
Я побѣдить враговъ твоихъ съумѣю,
Иль умереть, отецъ мой, за тебя!

ЕЕДОРЪ.

А мнѣ, отецъ, дозволю идти съ нимъ вмѣстѣ!
Обоимъ намъ дай кровью послужить
Родной землѣ!

БОРИСЪ.

Любезенъ мнѣ вашъ пылъ
И ваша доблесть, юноши, но Русь
Ограждена отъ войнъ теперь надолго.
Не чаемъ мы вторженія враговъ;
Сосѣднія наперерывъ державы
Намъ предлагаютъ дружбу и союзъ;
Совмѣстниковъ на царство мы не знаемъ;
Незыблемъ нашъ и твердъ стоитъ престолъ —
И мирными придется вамъ дѣлами
Довольнымъ быть.

СТОЛЬНИКЪ—входитъ.

Великій государь —

Вояринъ Годуновъ, Семенъ Никитичъ —

ВОРИСЪ.

Пускай войдетъ!

ФЕДОРЪ.

Пойдемъ, братъ Христіанъ,
Пойдемъ, сестра. У батюшки дѣла!
Всѣ трое уходятъ. Входитъ Семень Годуновъ.

ВОРИСЪ—смотритъ на него съ удивленіемъ.

Что сталося съ тобой? Чѣмъ такъ, Никитичъ,
Встревоженъ ты?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій государь,
Есть чѣмъ тревожиться! Возникнулъ слухъ:
Царевичъ живъ!

ВОРИСЪ.

Живъ—кто?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Царевичъ Дмитрій!

ВОРИСЪ.

Съ ума ты, что-ль, сошелъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

И самъ-бы радъ
Такъ думать, царь; но съ разныхъ въ намъ сторонъ
Все та-же вѣсть приходитъ: живъ Дмитрій!

ВОРИСЪ.

Кто слышалъ эту вѣсть?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

На площадяхъ,
Въ корчмахъ, вездѣ, гдѣ только два или три
Сойдутся человѣка, тотчасъ шепчуть
Они о томъ промежъ себя.

ВОРИСЪ.

И что-жъ
По ихнему? Какъ тотъ царевичъ Дмитрій
Воскреснуть могъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Все та-же басня, царь!

ВОРИСЪ.

Какая басня? Говори!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Ты помнишь—

Когда, падучимъ съиваченный недугомъ,
Упалъ на ножъ и закололся онъ —
Ты помнишь...

ВОРИСЪ.

Ну?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нагіе оболгали

Тебя, что будто...

ВОРИСЪ.

Помню басню ихъ.

Ну, что-жъ? Когда-бъ я вправду такъ случилось,
Какъ могъ воскреснуть онъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Убийцы-моль

Ошиблися — варъзали другого.

БОРИСЪ — вставая.

Кто смѣетъ это говорить? Его
Весь Угличъ мертвымъ видѣлъ! Ошибитесь
Не могъ никто! Клешнинъ и Шуйскій, оба
Его въ соборѣ видѣли! Нѣтъ, нѣтъ,
То слухъ пустой; разсѣется онъ скоро,
Какъ вѣтромъ дымъ. Но влостный на меня
Я вижу умыселъ. Опять въ томъ дѣлѣ
Меня винятъ. Забытую ту ложь
Изъ пыли кто-то выкопалъ, чтобъ ею
Ко мнѣ любовь Русіи подорвать!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Романовы Черкасскихъ угощали
Вчерашній день. За ужиномъ у нихъ
Шла рѣчь о томъ же. Слуги донесли.

БОРИСЪ.

Романовы? Которыхъ я щадилъ?
Они молву ту распускаютъ? Нѣтъ —
Нѣтъ, этого терпѣть нельзя!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Давно-бы

Такъ, государы!

БОРИСЪ.

Не будемъ торопиться —
Ихъ чтить народъ —

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Лишь развяжи мнѣ руки!

ВОРИСЬ—про себя.

Преступникомъ въ глазахъ народа царь
Не можетъ быть... Чистъ и безгрѣшенъ долженъ
Являться онъ, чтобы не только воля
Вершилася его безъ препинанья,
Но чтобъ въ сердцахъ послушныхъ какъ святыня
Она жила!

Къ Семену Годунову.

Съ Романовыми я
Повременю. Но если кто въ народѣ
Дерзнетъ о слухѣ томъ лишь заикнуться —
Въ тюрьму его! Ступай, развѣдай, какъ
И кѣмъ тотъ слухъ посянъ на Москвѣ?
До корня докопайся—и о всемъ
Мнѣ донеси!

Семенъ Годуновъ уходитъ.

ВОРИСЬ—одинъ.

Нѣтъ, этого нельзя,
Нельзя терпѣть! Хоть я не царь Иванъ,
Но я не Федоръ также. Противъ воли
Пришлось быть строгимъ. Человѣкъ не властенъ
Идти всегда избраннымъ имъ путемъ.
Не можемъ мы предвидѣть, что съ дороги
Отклонить насъ. Рѣшился твердо я
Одной любовью править; но когда
Держать людей мнѣ невозможно ею —
Имъ гнѣвъ явить и кару я сумѣю.

Поной царицы Маріи Григорьевны.

ЦАРИЦА И ДЯДЬКА ВЛАСЬЕВЪ.

ЦАРИЦА.

Скажи мнѣ все; не бойся молвить правду,
Твои слова не выйдутъ изъ покоя,
Изъ этого. Когда ты съ Салтыковымъ
Былъ въ датскую посыланъ землю, сватомъ,
Что ты узналъ о женихѣ?

ВЛАСЬЕВЪ.

Всѣ вѣсти

О немъ я, матушка царица, прямо,
Какъ слышалъ, такъ и отписалъ къ царю,
Не утаилъ ни слова.

ЦАРИЦА.

Не хитри

Со мной, голубчикъ. Ты, чай, болѣ знаешь,
Чѣмъ отписалъ. Зачѣмъ король покойный
Услалъ его ребенкомъ отъ себя?

ВЛАСЬЕВЪ.

Не вѣдаю, великая царица.

ЦАРИЦА.

Я вѣдаю. Король не почиталъ
Его за сына. Такъ-ли?

ВЛАСЬЕВЪ.

Видитъ Богъ,

О томъ не знаю

ТРИЛОГИЯ.

ЦАРИЦА.

Аввасій Власъичъ,

Тебѣ со мной ломаться не расчесть,
 Ты думный дякъ, да только вѣдь и мы
 Не изъ простыхъ. Инымъ словечкомъ нашимъ
 Тебѣ не слѣдъ-бы брезгать. Въ гору можетъ
 Оно поднять, да и съ горы содвинуть!
 Ну, говори-жъ, да не утай, дружокъ:
 Вѣдь до рожденья этого Хрестьяна,
 Въ совѣтъ быть король ужъ пересталъ
 Съ своею королевой?

ВЛАСЬЕВЪ.

Были толки.

ЦАРИЦА.

Ну, видишь-ли!

ВЛАСЬЕВЪ.

Великая царица,

Гдѣ-жъ толковъ не бываетъ? Мало-ль что
 Болтаетъ людъ! По смерти королевы,
 Король вернулъ его къ себѣ; и жилъ-же
 Онъ при дворѣ съ своимъ со старшимъ братомъ,
 Какъ королевскій сынъ!

ЦАРИЦА.

Не заурядъ-ли?

И старшій братъ, теперешній король,
 Кажись, не больно жаловалъ его.
 Такъ, что-ли?

ВЛАСЬЕВЪ.

Всяко люди говорятъ;

Языкъ-то, благо, безъ костей. Не знаю

Какъ было прежде; новѣ-же они
Въ согласіи; король его зоветъ
Своимъ любовнымъ братомъ.

ЦАРИЦА.

А когда
Захочетъ царь, какъ онъ уже задумалъ,
Его эстонскимъ сдѣлать королемъ,
Тогда его какъ братецъ будетъ звать?
Дороже, чай, Эстонская земля
Ему родства покажется съ царемъ!
Найдутся и улики. Ксенья-жъ наша
Очутится за нѣкимъ басурманомъ
Безъ племени и роду!

ВЛАСЬЕВЪ.

Экъ, царица!
Бояться волка—не ходить и въ дѣсы!
Что толковать, когда царевна Ксенья
Помолвлена!

ЦАРИЦА.

Помолвка не вѣнецъ.
Когда-бы ты, голубчикъ, согласился
Сказать царю, что мнѣ ты повѣстить...

ВЛАСЬЕВЪ.

Побойся Бога, матушка царица,
Я ничего не говорилъ тебѣ!

ЦАРИЦА.

Ну, ну, добро! Мы знаемъ то, что знаемъ;
Ступай, дружокъ, не бойся ничего!

Власъ уходитъ.

ЦАРИЦА—обращаясь къ двери.

Дементьевна!

ДЕМЕНТЬЕВНА—входя.

Здѣсь, матушка царица!

ЦАРИЦА.

Ну, что ты тамъ про нихъ узнала?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Встали

Ранѣхонько; на Воробьевы горы
Побѣжали; съ царевичемъ женихъ
Все ѣхалъ рядомъ; много говорили
Промежъ собой; смѣялись; потомъ
Скакались вмѣстѣ; обскакалъ женихъ
Царевича; но этотъ ничего,
Самъ будто радъ; души, вишь, въ нареченномъ
Не часть зятѣ!

ЦАРИЦА.

Съ толку вовсе нѣмчинъ
Его ужъ сбилъ.

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Вернулись къ закускѣ;
Откушавши съ царвною втроемъ,
Въ покоѣ царскомъ вмѣстѣ оставались,
Какъ царь поводилъ!

ЦАРИЦА.

Новые порядки
Заводить царь. Онъ съ ними, что-ль, сидѣлъ?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Нѣтъ, матушка; спустя часокъ, изволилъ
Войти въ покой; пришелъ Семенъ Никитичъ,

Они-жъ ушли: царевичъ съ женихомъ,
Царевна во свѣтлицу.

ЦАРИЦА.

А часокъ

Таки-сидѣли вмѣстѣ? Ну, конечно,
Коль выдають за нѣмчина ее,
Такъ и обычай надо ей нѣмецкій
Перенимать. Чтѣ слышала еще?

ДЕМЕНТЬЕВНА.

Боярыня вернулась Василица
Изъ Кіева. Твои повидѣть очи
Ждетъ позволенья.

ЦАРИЦА.

Милости прошу,

Пускай войдетъ.

Дементьевна уходитъ. Входитъ Волохова и
падаетъ на землю.

Здорово, Василица!

Вернулась съ богомолья своего?
Ну чтѣ, голубушка? Какъ можешь?

ВОЛОХОВА.

Терпѣть

Господь грѣхамъ, великая царица!

ЦАРИЦА.

Чтѣ-жъ? Видѣла Печерскую ты лавру?
Чай, хорошо?

ВОЛОХОВА.

Охъ, матушка царица,
Какъ хорошо! Охъ, охъ, какъ хорошо!

Просвирку вотъ тамъ вынула во вдравье
 Твое, царица; а вотъ эту вотъ
 За упокой родителя твоего,
 Григорія Лукьяныча!

ЦАРИЦА.

Спасибо,

Голубушка. Ну, что путемъ-дорогой
 Узнала ты?

ВОЛОХОВА.

Чудесное настало,
 Царица, время. Знаменье являетъ
 Вездѣ Господь: всходили три луны
 Намедни въ разъ; теленкомъ двуголовымъ
 Корова отелилась; колокольни
 Отъ вѣтра падаютъ. И все то мнѣ
 Печерскій нѣкій старецъ толковалъ:
 Великія настанутъ переиѣны
 И скоро-де совсѣмъ не будетъ можно
 Узнать Русь!

ЦАРИЦА.

Да. И теперь ее,
 Пожалуй, не узнаешь. Чай, слыхала?
 Посватали царевну!

ВОЛОХОВА.

Какъ не слышать!
 Отъ радости, повѣришь-ли, царица,
 И ноги подкосились.

ЦАРИЦА.

Ну, немного
 Тутъ радости.

ВОЛОХОВА.

Какъ, матушка?

ЦАРИЦА.

Да развѣ

Своихъ князей-то нѣ-было? Не то,
Въ Литвѣ князей довольно православныхъ!
Чай каждый радъ бы выѣхать къ царю,
Аксиньюшку посватать!

ВОЛОХОВА.

А еще-бы!

Еще-бъ не рады!

ЦАРИЦА.

Чѣмъ нѣмчина, Богъ вѣсть
Откуда выписывать.

ВОЛОХОВА.

Ахъ, свѣтъ-царица!

Сказать-ли правду! Какъ узнала я,
Что нѣмчина онъ, такъ и кольнуло въ сердце!
Ей Богу, право!

ЦАРИЦА.

Слушай, Василиса:
Вѣдь не спроста оно могло случиться!

ВОЛОХОВА.

А именно, что не спроста, царица!
Не съ вѣтру, матушка!

ЦАРИЦА.

Онъ, окаянный,
Приворожилъ царевну. И царя

Съ царевичемъ, должно быть, обошелъ,
Я Ѳедора не узнаю съ тѣхъ поръ,
Какъ на Мосеву женихъ пріѣхалъ. Смотрить
Ему въ глаза, и только!

ВОЛОХОВА.

Право дѣло,
Царица матушка! Вѣстимо такъ!
Признаться, я о томъ лишь услыхала,
И говорю: Владычица святая!
Тутъ привороты!

ЦАРИЦА.

А какъ по-твоему?
Помочь нельзя?

ВОЛОХОВА.

Какъ, матушка царица,
Какъ не помочь! Развѣдать только надо:
Въ немъ сила-то его? Да эту силу
И сокрушить. Слѣдовъ его, царица,
Дай вынуть мнѣ и погадать на немъ.

ЦАРИЦА.

Ну, а потомъ?

ВОЛОХОВА.

Потомъ его и силу
Мы сокрушимъ. Есть корешокъ такой.

ЦАРИЦА.

Спасибо, мать. Прости-жь теперь. Объ этомъ
Съ тобою послѣ потолкуемъ мы.

Волохова уходитъ.

ЦАРИЦА—одна.

Спѣсивъ ужъ больно сталъ со мной Борясъ.
 Θεодорычъ. Дочь вадумалъ, не спросясь
 У матери, за басурмана выдать!
 Нѣтъ, погоди! Еще поспоримъ вмѣстѣ!

Лѣсъ. Разбойничій станъ.

Атаманъ Хлопко-Косолапъ сидитъ на колодѣ. Передъ нимъ эсaulъ Рѣшето.
 Другіе разбойники стоятъ, или сидятъ отдельными кружками.

ХЛОПКО.

Хорошъ бы день, да некого бить. Кто сегодня на калуж-
 ской заѣхалъ?

РѢШЕТО.

Саранча съ десятью молодцами.

ХЛОПКО.

А у Краснаго столба?

РѢШЕТО.

Шестоперъ съ Поддубнымъ. Митька сидитъ около москов-
 ской дороги.

ХЛОПКО.

Одинъ, что-ли?

РѢШЕТО.

Кого ему еще? Онъ и одинъ десятерыхъ стбитъ!

Подходить эсaulъ Намозвалыи.

НАКОВАЛЬНЯ.

Атаманъ! Обходчики еще пять человѣкъ крестьянъ привели; къ тебѣ просятъ. Вотъ ужъ третья артель на этой недѣлѣ.

ХЛОПКО.

Экъ ихъ подваливаетъ! Каждый день новые! Давай сюда.

Наковальня уходитъ.

ХЛОПКО—къ РѢШЕТУ.

А повѣсили тѣхъ молодцовъ, что къ намъ воевода вчера подослалъ?

РѢШЕТО.

Чѣмъ свѣтъ обоихъ вадернули.

ХЛОПКО.

Ладно.

Наковальня возвращается съ пятью крестьянами.
Она плачется Хлопу въ пось.

ГОЛОСА.

Въ ноги! Въ ноги!

Крестьяне плачутся въ ноги.

ХЛОПКО.

Зачѣмъ пришла?

КРЕСТЬЯНЕ.

Къ твоей милости!

ХЛОПКО.

Чего просите?

ОДИНЪ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Защити, отецъ родной. Отъ вотчинниковъ своихъ утѣли.
Хотимъ служить тебѣ вольными людьми!

хлопко.

Что, солово, чай, на привязи пришлось?

ДРУГОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Не въ могу, родимый. Работы ну-тебѣ, а уходить не смѣй. Напредъ того, бывало, нѣлюбю тебѣ у кого—иди куда хошь! Который вотчѣнникъ будетъ пощедливѣй, къ тому и иди! А нонѣ, каковъ ни будь, гдѣ тебя увавъ тотъ всталъ, тамъ и сиди; хошь волкомъ вой, а сиди.

хлопко.

Спасибо царю: о насъ постарался; нашего полку прибыло.

ВСѢ КРЕСТЬЯНЕ.

Защити, отецъ! прими къ себѣ!

хлопко.

Много васъ приходитъ; да такъ ужъ быть, приму. А уговоръ такой: что прикажу—то, не разговаривая, дѣлать. А кто что не такъ—одна расправа: петля на шею. Согласны?

КРЕСТЬЯНЕ.

Согласны, батюшка! Будемъ служить тебѣ!

хлопко.

Ну, ступайте въ курень!

Крестьяне уходятъ. Является посадскій.

ПОСАДСКІЙ.

Кто здѣсь, Хлопко?

РАЗВОЙНИКИ.

Этотъ откуда выскочилъ?—Кто онъ такой? Съ неба свалился?—Да ты знаешь-ли куда попалъ? Смотри, и шапки не ломаетъ!

ПОСАДСКІЙ.

Глухи вы, что-ли? Гдѣ атаманъ вашъ?

ОДИНЪ РАЗБОЙНИКЪ.

Вишь, какой шустрый! Да ты развѣ о двухъ головахъ?

ПОСАДСКІЙ.

А вы, чай, съ придурью? Да я и безъ васъ найду его.

Осматривается и идетъ прямо на атамана.

Ты Хлопко-Косолапъ!

ХЛОПКО.

Косолапъ и есть. Не ладно скроенъ, да крѣпко спитъ. Побываешь въ моихъ лапахъ—узнаешь меня!

ПОСАДСКІЙ.

Хаживали на медвѣдя, не въ диковину намъ.

Ропотъ.

А коли ты атаманъ, такъ чего смотришь? За полъ-версты отсель меня съ двумя товарищами остановилъ тюлень какой-то. здоровѣ тебя будетъ. Я ему толкую: мы къ тебѣ, а онъ, увалень, не говори ни слова, сгребъ ихъ двухъ да и потащилъ.

РАЗБОЙНИКИ.

Ха, ха, ха! Да это они на Митьку наткнулись!

ПОСАДСКІЙ.

Я-бы разбилъ ему черепъ, да съ тобою ссориться не хотѣлъ.

ХЛОПКО.

Эй, милый человѣкъ! Да ты, я вижу, безъ чивовъ!

ПОСАДСКІЙ.

Не въ моемъ обычаѣ.

хлопко.

А вотъ я тебя, душа моя, сперва на сучъ вздерну, а потомъ спрошу объ имени-прозвищѣ.

посадскій.

Ну, вѣтъ, шутишь. Раздумаетъ вздернуть!

хлопко.

Да кто-жъ ты такой?

посадскій.

Сперва пошли свободить товарищей, а пока дай горло промочить.

Къ разбойникамъ.

Эй! вина!

Садятся рядомъ съ Хлопкомъ.

Я къ тебѣ за дѣломъ, дядя; ты нуженъ мнѣ. Какъ по-твоему, кто у насъ царь на Руси?

хлопко.

Да ты и вправду не шутишь-ли со мной?

посадскій.

Я не шучу. А ты не отлынивай; говори: кто царь на Руси?

хлопко.

Какъ кто? Борисъ Федорычъ!

посадскій.

Неправда! Не отгадалъ! Дмитрій Ивановичъ

хлопко.

Какой, шутъ, Дмитрій Ивановичъ?

ПОСАДСКІЙ.

Да развѣ ихъ два? Вѣстимо какой! Сынъ царя Ивана! Тотъ, кого воръ Годуновъ хотѣлъ извести, да не извелъ! Тотъ, кто собираетъ рать удалцовъ на Москву вернуться, свой отцовскій столъ завоевать! Не вѣришь? Я отъ него къ тебѣ присланъ. Онъ жалѣетъ васъ; зоветъ тебя, со всѣми людьми, къ литовскому рубежу!

Разбойники столпятся вонругъ Посадскаго.

ГОВОРЪ.

Слышь, слышь! Царевичъ зоветъ! Не даромъ шла молва, что живъ царевичъ!

ХЛОПКО.

Молву-то мы знаемъ, да кто-жъ мнѣ порукой, что этотъ къ намъ не подосланъ?

ПОСАДСКІЙ.

Какой тебѣ поруки? Черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, услышишь о Дмитріѣ. Чѣмъ тебѣ здѣсь отъ Борисовыхъ воеводъ отстрѣливаться, иди ко Брянску лѣсными путями, становись подъ царскій стягъ! Великій государь пожалуетъ тебя; у него съ тобой одинъ супостатъ — воръ Годуновъ!

ХЛОПКО.

А, чортъ возьми, пожалуй и правда!

Шумъ за сценой. Является Митька, таща за шиворотъ одной рукой Мисаила Повадина, другой Григорія Отрепьева.

РАЗБОЙНИКИ.

Вотъ онъ и Митька! Ай-да Митька! Ай-да тюлень! Тащи, тащи! Не давай имъ упираться! Тащи ихъ сюда! посмотримъ что они за люди!

МИТЬКА — подтащивъ обонхъ къ Хлопку.

Пущать, что-ли?

ХЛОПКО.

Погоди пущать; допросимъ ихъ сперва. Кто вы такіе?
Ты кто?

МИСАИЛЪ.

Смиранный инокъ Мисаилъ!

ХЛОПКО.

А ты?

ГРИГОРІЙ.

Смиранный инокъ Григорій!

ХЛОПКО.

Зачѣмъ пришли?

МИСАИЛЪ.

Не сами пришли, пресвѣтлый и многославный воевода!
Влекомы есмь силою хищника сего!

ХЛОПКО.

Да въ лѣсъ-то мой какъ вы попали?

ГРИГОРІЙ

Отъ немощи человѣческія плотскими боримые похоти,
изъ монастыря пречестнаго Чуда, что на Москвѣ-рѣцѣ, бѣ-
жахомъ!

МИСАИЛЪ.

А простыми словами: изъ-подъ начала ушли; яви намъ
милость, повелитель, дай у себя пристанище!

ХЛОПКО.

Биться дубинами умѣете?

МИСАИЛЬ.

Не сподобилъ Господь.

ХЛОПКО.

А на кулакахъ деретесь?

ГРИГОРІЙ.

И сей не вразумлены мудрости.

ХЛОПКО.

Такъ на кой вы мнѣ прахъ?

МИСАИЛЬ.

Прими насъ, славный витязь, душеспасенія ради!

ГРИГОРІЙ.

Насыти насъ, гладныхъ, паче-же утоли жажду нашу со-
комъ гроздія винограднаго, сирѣчь: вели пѣвнику поднести!

ХЛОПКО.

Пѣвнику вамъ поднесутъ; только у меня такой обычай:
кого къ себѣ примаю, тотъ, сперва долженъ свою удалъ по-
казать. Выходите оба съ Митькой на кулачки. Коли вдвоемъ
побьете его, будетъ вамъ и пристанище.

Хохотъ между разбойниками.

МИТЬКА.

Пущать, что-ли?

ХЛОПКО

Пущай!

МИСАИЛЪ.

Умилосердись, повелитель!

ГРИГОРІЙ.

Не обреки, воевода, членовъ нашихъ сокращенію!

ХЛОПКО.

Да развѣ онъ одинъ вамъ двоимъ не подь-силу?

МИСАИЛЪ.

Свирѣпъ и страховиденъ!

ГРИГОРІЙ.

Дикообразенъ и скотоподобенъ!

ПОСАДСКІЙ—вставая.

Оставь ихъ, дядя Косолапъ! Гдѣ инокамъ смиреннымъ кулачиться? Вотъ я, пожалуй, выйду замѣсто ихъ!

ХЛОПКО.

Ты?

ПОСАДСКІЙ.

Ну, да, я.

ХЛОПКО.

На Митьку?

ПОСАДСКІЙ.

На Митьку, коли онъ Митька.

ХЛОПКО.

Одинъ?

ПОСАДСКІЙ.

А то какъ-же еще?

ТРИЛОГІЯ.

хлопко.

Да ты знаешь-ли Митьку? Вѣдь коли ты подосланъ, я успѣю повѣсить тебя, а коли ты вправду отъ царевича, такъ не слѣдъ тебѣ убиту быть.

ПОСАДСКІЙ.

За меня не бойся!

хлопко.

Ой-ли? Ну, какъ знаешь, посмотримъ. Становись, Митька!

МИТЬКА.

Чаво становиться-то?

хлопко.

Ну, собачій попъ, не разговаривай, становись!

ПОСАДСКІЙ.

Помѣраемся, тѣвка! Побей меня.

МИТЬКА.

А что ты мнѣ сдѣлалъ?

ПОСАДСКІЙ.

Такъ тебѣ надо что сдѣлать сперва? Изволь!

Спабасть съ него шапку.

МИТЬКА.

Что-жъ ты это?

ПОСАДСКІЙ.

Мало съ тебя?

Торкаетъ его въ бокъ.

МИТЬКА.

Не вамай—тресну!

ПОСАДСКІЙ.

А я тебя!

МИТЬКА.

А ну, подойди!

Разбойники хохочутъ. Бой начинается. Митька и посадскій, ставъ другъ противъ друга, колоть кругомъ, лѣвая рука на тѣту, правая на маку. Мисаилъ и Григорій садятся на землю и смотрятъ.

ПОСАДСКІЙ.

Что-жъ не бьешь?

МИТЬКА.

А вотъ постой!

Хочетъ уларить посадскаго; тотъ упертывается и бьетъ его въ плечо.

МИСАИЛЪ.

Эхъ!

ГРИГОРІЙ.

Разъ!

Разбойники хохочутъ.

МИТЬКА.

Ты чаво вертишься?

ПОСАДСКІЙ.

Не буду, тѣзка. Изловчись, я подожду.

МИТЬКА—размахнувшись.

Танъ на-жъ тебѣ!

Бьетъ плеча. Посадскій сторонится. Митька, сразмаку, падаетъ о-земь.

ПОСАДСКІЙ—притиснувъ его коленомъ.

Убить, аль жива оставить?

РАЗВОЙНИКЪ.

Ай-да, молодецъ!—Вотъ лихо было!—Невиданное дѣло!—
Митьку осѣдлалъ!

ПОСАДСКІЙ—отпуская Митьку.

Кого люблю, того и бью. Вставай, тѣзка, помиримся! При-
ходи въ Сѣверскую землю, подъ царскій стягъ! Царевичъ
Дмитрій пошлуетъ тебя!

ХЛОПКО.

Такъ ты, что-ли, вправду отъ царевича? Побожись!

ПОСАДСКІЙ.

Какъ Богъ святъ, самъ Дмитрій воветъ васъ! Много-ль
у тебя бѣглыхъ крестьянъ, дядя Косолапъ?

ХЛОПКО.

Довольно есть, да мнѣ все не вѣрится...

ПОСАДСКІЙ—въ толпѣ.

Православные! Когда сядетъ Дмитрій на свой отцовскій
столъ, всѣмъ Юрьевъ день отдастъ, всѣ кабалы порѣшить,
всѣмъ свобода по старому!

КРИКИ.

Воздай ему Господь! Помоги ему на престолъ!

ПОСАДСКІЙ.

Казну Борисову между васъ раздѣлить!

КРИКИ.

Живетъ Дмитрій Ивановичъ!

ПОСАДСКІЙ.

А теперь, ребята, атаманъ велитъ про его царское здоровье до-пьяна напиться! Выставляйте чаны! Выкачивайте какія тамъ у васъ бочки! Дядя Николанъ угощаетъ!

Общее смѣтеніе, шумъ и крики. Посадскій незамѣтно спрывается.

ХЛОПКО.

Эй ты, пострѣлы! Да гдѣ-жъ это онъ?

ОДИНЪ РАЗВОЙНИКЪ.

Кто?

ХЛОПКО.

Какъ кто? Тотъ, что забударажилъ насъ!

РАЗВОЙНИКЪ.

Онъ сейчасъ тутъ стоялъ.

ХЛОПКО.

Куда-жъ онъ пропалъ? Насатанилъ да и провалился! Ей вы, отцы святые, кто это былъ?

МИСАИЛЪ.

Не вѣмъ.

ГРИГОРІЙ.

Не сказався ми.

ХЛОПКО.

Какъ, черти, не сказався? Вѣдь вы съ нимъ пришли, на-
пѣвники?

МИСАИЛЪ.

На исходящѣ путѣй стеклися, повелитель! Сладкорѣченію
мужа сего прельщенны есмы!

ГРИГОРІЙ.

Онъ-же убѣди насъ купно съ нимъ предъ очеса предстать
твоя, имени-же своего не объяви!

хлопко.

Ну, диковина!

крики.

Эхма! Царевичъ въ Сѣверскую землю зоветъ! На Москву
хочетъ вести!—Намъ Борисову казну отдаетъ!—Къ царевичу!
Къ царевичу! Веди насъ, атаманъ!—Когда къ царевичу пове-
дешь?

хлопко.

Ну, добро, добро, дьяволы! Завтра тронемся!

Шумъ и смятеніе.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Покой во дворцѣ.

Борисъ сидитъ передъ столомъ, покрытымъ бумагами.

БОРИСЪ.

Нелѣпая, безумная та вѣсть —
Не выдумка! Невѣдомый обманщикъ,
Подъ именемъ Дмитрія, на насъ
Идетъ войной; литовскую онъ пляхту
Съ собой ведетъ, и воеводы наши
Передаются въ ужасъ ему!
Кто этотъ воръ, неслыханный и дерзкій?
Селенія къ нему перебѣгаютъ —
Молвой Москва встревожена—его
Намъ презирать нелзя! Доволь не сможемъ
Назвать его по имени, онъ будетъ
Дмитріемъ въ глазахъ толпы! Возможно-ль?
Меня бродяга замѣнить заставить
Исконное рѣшеніе мое!
Не благостью, но страхомъ уже началъ
Я царствовать. Гдѣ-жъ свѣтъ тотъ лучезарный,
Въ которомъ мнѣ являлся мой престолъ,

Когда къ нему я темной шелъ стезею?
 Гдѣ свѣтлый міръ, цѣною преступленья
 Мною купленный? Вступить на путь кровавый
 Я долженъ былъ, или признать, что даромъ
 Прошедшее свершилось. Колебаться
 Теперь нельзя. Чѣмъ это зло скорѣй
 Я пресѣку, тѣмъ мнѣ скорѣе можно
 Вернуться будетъ къ милости.

Входитъ Семень Годуновъ.

Ну, что?

Что ты узналъ? Кто этотъ человѣкъ?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Самъ сатана, я думаю! Нигдѣ
 Я до слѣдовъ его не могъ добратся.
 Подъ стражу мы людей довольно ввели,
 Пытали всѣхъ; но ни съ огня, ни съ дыба,
 Намъ показаній не-далъ ни одинъ.

ВОРИСЪ.

Мы вѣтъ должны, ктѣ онъ! Во что-бъ ни стало,
 Его назвать—хотя пришло-бы имя
 Намъ выдумать!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Найти такое можно.

Былъ въ Чудовѣ монахъ, Григорьемъ звали,
 Стрѣлецкій сынъ, изъ Галича. Бѣжалъ
 Недавно онъ, и, пьяный, похвалялся:
 Царемъ-де буду на Москвѣ!

ВОРИСЪ.

Зачѣмъ

Меня не извѣстили?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Государы!

То былъ пустой, безпутный побродяга.
Хвастунъ и враль; монахи всё ему
Въ глаза смѣялися.

ВОРИСЪ.

Но, можете быть,

Тѣ онъ и есть?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь, не онъ.

Тотъ воръ уменъ, мечомъ владѣть умѣть,
А этотъ только бражничалъ да лгалъ.

ВОРИСЪ.

Какихъ онъ лѣтъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Лѣтъ двадцати, или болѣ.

ВОРИСЪ.

Куда бѣжалъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

На Стародубъ. Оттолъ

Ушолъ въ Литву.

ВОРИСЪ.

Какъ прозывался онъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Отрепьевымъ.

БОРИСЪ.

Онъ намъ пригоденъ. Имъ
 Того пока мы вора назовемъ.
 Лашь то, что намъ является въ туманѣ,
 Смущаетъ насъ; что осязать мы можемъ,
 Или назвать—свою теряетъ силу.
 Гонца въ Литву отправить къ королю:
 Чтобы скорѣй свою унять онъ шляхту;
 Что стыдно-де пособіе чинить
 Негодному, безпутному бродягѣ;
 Что Гришка-де Отрепьевъ, бѣглый внокъ,
 Морочить ихъ; что если въ мирѣ быть
 Со мной хотять—чтобъ выдали его!
 Развѣдчиковъ умножить. Звать я долженъ,
 Что говорить, что думаютъ бояре,
 Имъ на-руку приплася эта вѣсть! •
 Романовымъ избраніе мое
 Досель какъ ножъ; ближайшею роднею
 Они себя Теодору считаютъ;
 А Шуйскіе мнѣ рады-бъ отомстить
 За князь-Иванъ Петровича; всѣ-жъ вмѣстѣ
 Мнѣ Юрьевъ день простить они не могутъ!
 Что слышно въ городѣ?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

По вечерамъ

Къ Романовымъ съѣзжаются бояре
 И шепчутъ много, но отъ слугъ они
 Хоронятся. И чью-то чашу пили
 Въ молчаніи.

БОРИСЪ.

Измѣнниче гнѣздо!

Я знаю чью! Награду обѣщать
 Тому, кто мнѣ на нихъ найдетъ улику!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Улика будетъ.

ВОРИСЪ.

Голодь, между тѣмъ,
Досель еще свирѣпствуетъ. Напрасно
Народу я всѣ житницы открылъ.
Истощены мои запасы. Въ день,
Когда вѣнецъ я царскій мой пріялъ,
Я обѣщаль: послѣднюю рубаху
Скорѣй отдать, чѣмъ допустить, чтобъ былъ
Кто-либо нищъ, иль бѣденъ. Слово я
Теперь сдержу. Открыть мою казну
И раздавать народу: царь-де помнить
Что обѣщаль. Когда казны не станетъ,
Онъ серебро и золото отдастъ,
Послѣднюю голоднымъ онъ одежду
Свою отдастъ—но чтобъ лихихъ людей
Не слушали; чтобы ловили всѣхъ,
Кто Дмитрія осмѣлится лишь имя
Произнессти!

Входитъ царевичъ Федоръ.

Мстиславскому сказать,
Чтобъ воеводство надъ войсками принялъ.
Украинскимъ ужъ болѣ воеводамъ
Не вѣрю я. Ступай, исполни все
Какъ я велѣлъ.

Семень Годуновъ уходитъ.

ФЕДОРЪ.

Отецъ, такъ это правда?
Землѣ грозить опасность? Этотъ дерзкій,
Безумный самозванецъ въ самомъ дѣлѣ
Могъ обмануть украины? Могъ рубежъ
Переступить? и на тебя войною
Теперь идетъ?

БОРИСЪ.

Не долго будетъ онъ,
Надѣюсь я, торжествовать. Улики
У насъ въ рукахъ.

ФЕДОРЪ.

Но, между тѣмъ, у насъ
Онъ города беретъ? Отецъ, пошли,
Пошли меня и брата Христіана
Къ твоимъ войскамъ! Вали, чтобъ подъ начало
Онъ ввѣлъ меня!

БОРИСЪ.

Сынъ Федоръ, еслибъ врагъ
Достойный шелъ на Русь, быть можетъ, я
Послалъ-бы васъ; но съ этимъ темнымъ воромъ
Царевичу всей Руси сравиться
Не есть хвала. Кто плахъ обреченъ —
Не царскими тотъ имется руками

ФЕДОРЪ.

Не княжескими также. Ты однако
Мстиславскаго на этого врага
Сейчасъ послалъ. Его ты, стало быть,
Ничтожнымъ не считаешь. Ты велишь
Хватать всѣхъ тѣхъ, кто приноситъ имя
Покойнаго царевича—отца,
Намъ правосудье вѣдомо твое —
Ты могъ-ли-бы то сдѣлать, еслибъ ты
Опасности не чаялъ? Мы со Ксеньей
Объ этомъ долго толковали; горько
Казалось и непонятно намъ,
Что ты, отецъ, который столько разъ
Намъ говорилъ: «я лишь дѣла вараю»

Но ни во чью не выѣшиваюсь мысльъ —
 Что началъ ты доискиваться мыслей,
 Что ты за мысль, за слово посылаешь
 Людей на казнь! Но мы рѣшили такъ:
 Наслауешь свое, отецъ, ты сердце
 Затѣмъ, что Русь въ опасности. И если
 Оно такъ есть—и если въ самомъ дѣлѣ
 Опасность ей грозить—кому-жъ, отецъ,
 Встрѣчать ее, кому коли не мнѣ?

БОРИСЪ.

Кипить въ насъ быстро молодости кровь;
 Хотѣлъ-бы ты, во что-бъ ни стало, доблесть
 Свою скорѣе показать; но разумъ
 Иного требуетъ. Ты приванъ, сынъ,
 Русійскимъ царствомъ править. Намъ не даромъ
 Величіе дается. Отказаться
 Отъ многого должны мы. Обо мнѣ
 Со Ксеніей вы вмѣстѣ толковали —
 Въ одномъ вы не ошиблись: неохотно
 Ко строгости я прибѣгаю. Сердце
 Меня склоняетъ милостивымъ быть.
 Но если влаетъ мнѣ необходимость
 Велить карать—я жалость подавляю
 И не боюсь прослыть жестокимъ.

ЕВДОРЪ.

Видишь!

Ты говоришь: необходимость—стало,
 Опасность есть!

БОРИСЪ.

Она явиться можетъ —
 И чтобъ ее предупредить, я долженъ
 Теперь быть строгъ. Когда придетъ пора,

Я къ милости вернусь. Гдѣ Ксенія? Мы
Не видѣлись сегодня. Пусть она
Ко мнѣ придетъ.

Гедоръ уходитъ.

Мнѣ кажется, когда

Ея услышу голосъ, легче будетъ
Мнѣ на душѣ. Царенья моего
Безоблачна вошла заря. Какую
Она, всходя, мнѣ славу обѣщала!
Ее не можетъ привракъ помрачить!
Съ минувшимъ я покончилъ. Что свершилось,
То кануло въ ничто! Какое право
Имѣеть прахъ? Земля меня вѣнчала,
А хочетъ тѣнь войти въ мои права!
Я съ именемъ, со звукомъ, спорить долженъ!

Гедоръ возвращается со Ксеніей.

Поди ко мнѣ, дитя мое, садись —
Но что съ тобой? Ты плакала?

КСЕНІЯ.

Отецъ —

БОРИСЪ.

Ты такъ глядишь, какъ будто ты какую
Утрату понесла?

КСЕНІЯ.

Да, мой отецъ,
Ты молвилъ правду—понесла утрату
Я страшную! Не я одна—мы всѣ —
Всѣ понесли ее! Тебя, отецъ мой,
Утратили мы всѣ—ты сталъ не тотъ!
Куда твоя дѣвалась благость? Ты-ли,
Ты-ль это предо мной? Когда, бывало,
Народу ты показывался—радость

Во всѣхъ очахъ сіяла; на тебя
 Съ любовію смотрѣли и съ довѣрьемъ —
 Теперь же—о, какая перемена!
 Теперь со страхомъ смотреть на тебя!
 Вагліни вокругъ: вездѣ боязнь и трепеть —
 Ужъ были казни—о доносахъ шепчуть,
 Которые ты награждать велѣшь —
 Москва дрожить—такъ было, говорить,
 Во времена царя Ивана —

БОРИСЪ.

Ксеня —

КСЕНІЯ.

Ты сталъ жестокъ —

БОРИСЪ.

Опомнись, Ксеня. Ты,

Меня довольно знаешь. Если я,
 Котораго терпѣніе тебѣ
 Такъ вѣдомо, рѣшаюся карать —
 То, стало быть, я не могу иначе!
 Ты то пойми.

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, этого понять

Я не могу, нѣтъ, не могу, отецъ!
 Зачѣмъ твой гнѣвъ? Чего боишься ты?
 Тебя въ убійствѣ гнусномъ обвиняютъ?
 Ты чистъ какъ день! Презрѣніемъ лишь долженъ
 Ты отвѣчать на эту клевету!

БОРИСЪ.

Такъ на нее доселѣ отвѣчалъ я.
 Но, Ксеня, презрѣніе мое
 Почти за страхъ. Ты слышала, какую

Они сплели объ этомъ дѣлѣ басню —
 Невѣдомый воспользовался воръ
 Молвою той, и нынѣ —

ХРИСТІАНЪ — отворяя дверь.

Государь,

Могу-ли я?..

Ворись.

Войди.

ХРИСТІАНЪ.

Великій царь —

Доволишь-ли мнѣ молвить?

Ворись.

Говори.

ХРИСТІАНЪ.

Отецъ и царь! Увѣренъ-ли ты въ томъ,
 Что человѣкъ, который на тебя
 Идетъ войной — не истинный Дмитрій?

Ворись.

Въ умѣ-ль ты, королевичъ? Кто въ тебя
 Вселить ту мысль?

ХРИСТІАНЪ.

Молва такая ходитъ —

За тайну мой совѣтникъ Голькъ сегодня
 Мнѣ повѣстять, что слышалъ гдѣ-то онъ:
 Не самъ царевичъ Дмитрій заколося,
 Но былъ убитъ. Иные-жъ говорятъ,

Что не его убили, но другого,
 Ошибкою. Одинъ противорѣчить.
 Другому слухъ. Кто знаетъ, государь,
 Не скрыто-ль что въ семь дѣлъ отъ тебя?
 И всѣ-ль тебѣ подробности извѣстны
 Дмитріевой смерти? Можетъ быть,
 Въ тѣ дни и вправду было покушенье
 На живанъ его, и спасся онъ? Я тотчасъ
 Подумалъ, царь, что если въ самомъ дѣлѣ
 Дмитрій живъ—ты первый поспѣшишь
 Его признать!

ВОРИСЬ.

И ты не обманулся,
 Когда-бъ неожиданно истинный Дмитрій
 Явился намъ—я первый-бы на встрѣчу
 Ему пошелъ и передъ нимъ сложилъ-бы
 Я власть мою и царскій мой вѣнецъ,
 Но Дмитрій мертвъ! Онъ прахъ! Сомнѣній нѣтъ!
 И лишь одни враги Руси, одни
 Измѣнники тотъ распускають слухъ!
 Забудь о немъ. Въ Дмитріевой смерти
 Увѣренъ я.

ЕВДОРЪ.

Но такъ-ли онъ погибъ,
 Какъ донесли тебѣ, отецъ? Въ томъ слухъ
 Объ углицкомъ убійствѣ часто правда
 Мнѣ чулась. Со дня-жъ какъ мамку ту
 Увидѣлъ я—

ВОРИСЬ.

Гдѣ встрѣтился ты съ ней?

ЕВДОРЪ.

У матушки.

ПРИСТАВЪ.

БОРИСЪ.

Ей во дворцѣ не мѣсто:
За клевету Нагихъ ее вступору
Я щедро наградилъ; съ нею довольно —
Ей здѣсь не мѣсто!

ФЕДОРЪ.

Стало быть, и ты,
Отецъ, ее подозрѣваешь?

БОРИСЪ.

Нѣтъ!

Нѣтъ, никого подозрѣть не могу.
Доказано мнѣ вѣрно: закололся
Въ недугъ оны!

СТОЛЬНИКЪ — входитъ.

Великій государь,
Царица къ милости твоей идетъ!

БОРИСЪ.

Что надо ей? Миѣ некогда!

СТОЛЬНИКЪ.

Она

Ужъ у дверей.

БОРИСЪ.

Оставьте, дѣти, насъ!

Федоръ, Ксенія и Христіанъ уходять. Входятъ
боярину, а за ними царица.

ЦАРИЦА — съ поклономъ.

Не прогнѣвись, свѣтъ-государь Борисъ
Феодорычъ, и на свою рабу
Не наложи опалы аз доведу!

Къ боярину.

А вы, голубушки, ступайте въ сѣни,
Пождите тамъ.

Воспрянь уходитъ.

ВОРИСЪ.

Какой тебя, царица,
Приводить спѣхъ?

ЦАРИЦА.

Охъ, свѣтъ мой, государь,
Мы все спѣшимъ! Ты Ксеньюшку посватать
Вотъ послѣшилъ, а королевичъ твой
Спѣшить провѣдать какъ пропалъ царенокъ
Тамъ въ Угличѣ. И нѣмчины его
Промежъ себя толкуютъ: ужъ не вправду-ль
Зарѣзанъ былъ царенокъ? Какъ оно
По-твоему? По-моему, негоже;
Имъ толковать не слѣдъ.

ВОРИСЪ.

Ихъ толкамъ я
Не властенъ помѣшать; все-жъ рѣчи ихъ
Мнѣ вѣдомы.

ЦАРИЦА.

Все-ль, свѣтъ мой? А вотъ мнѣ
Оно не такъ сдается. Не смекнулъ-ли
Чего женихъ? Онъ эти дни съ чего-то
Сталъ пасмуренъ.

ВОРИСЪ.

Не мнишь-ли ты, онъ слукамъ
Повѣрилъ тѣмъ?

ЦАРИЦА.

Гдѣ мнѣ мнѣ, государь!

Ты лучше знаешь. Не хотѣлъ ты слушать
Что про его рожденіе тебѣ
Сказала я. Когда ты положилъ,
Чтобъ этотъ безотецкій сынъ дѣтей
Сбилъ съ разума—твоя святая воля!
Такъ, значитъ, быть должно!

БОРИСЪ.

Царица Марья —

Куда ты гнешь? Коли что знаешь ты,
Скажи мнѣ прямо!

ЦАРИЦА.

Батюшка мой!

Что-жъ я скажу? Ты разве самъ не видишь?
Женихъ съ дѣтми толкуетъ цѣлый день;
Тѣ слушаютъ; сомнѣніе на нихъ
Ужъ онъ навелъ. Пожди еще немного,
И скоро все они узнаютъ.

БОРИСЪ.

Марья!

Я запретишь тебѣ напоминать
Объ этомъ мнѣ!

ЦАРИЦА.

Я, батюшка, молчу;

Четырнадцать вотъ скоро лѣтъ молчала,
Да не пришла-ль пора заговорить?
Не поздно-ль будетъ, если нѣмчина твоя
Доидется уликъ на тебя?

БОРИСЪ.

Чего-жъ ты хочешь?

ЦАРИЦА.

Мнѣ-ль чего хотѣть,
 Свѣтъ-государы! Свое и мѣсто знаю,
 Мнѣ, безтолковой бабѣ, и негоже
 Совѣтовать тебѣ. Ты дочь посваталъ
 Безъ моего совѣта; безъ меня-же
 Ты самъ найдешь что сдѣлать!

БОРИСЪ.

Въ Христіанѣ

Увѣренъ я.

ЦАРИЦА.

Увѣренъ, такъ и ладно.
 По моему-жъ, по бабьему уму,
 Не отъ народа ждать бѣды намъ надо,
 Не отъ бояръ—не въ городѣ для насъ
 Опасность есть, а въ теремѣ твоємъ.
 Доколѣ въ немъ останется твой нѣмчинъ —
 Спокойно спать не можемъ мы!

БОРИСЪ.

Довольно!

Молчи о томъ. Царю Руси нѣтъ дѣла,
 Что дочери Скуратова Малюты
 Не по-сердцу женихъ, избранный имъ.
 Не твоему то племени понять,
 Что для Руси величія пригоднѣ!

ЦАРИЦА.

Гдѣ, батюшка, намъ это понимать!
 Родитель мой служилъ царю Ивану
 По простотѣ. Усердіе его
 Царь жаловалъ. А ты меня посваталъ,

Чтобы къ царю Ивану ближе стать.
 Что-жь? Удалось! Ты царскимъ своимъ,
 Ты шуриномъ сталъ царскимъ, а потомъ
 Правителемъ, а нынѣ государемъ.
 Гдѣ-жь дочери Скуратова Машуты
 Указывать тебѣ! Передъ тобой
 Поклонную я голову держать
 Всегда должна. Прости-же, государь,
 Прости меня за глупую мою,
 За бабью рѣчь. Впередъ, отецъ, не буду!

Уходитъ. Входитъ Семенъ Годуновъ.

БОРИСЪ.

Какія вѣсти? Ну?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Черниговъ взяли!

БОРИСЪ.

Не можетъ быть!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Измѣнники связали

Въ немъ воеводъ и къ вору привели.
 Путивль, Валуйки, Бѣлгородъ, Воронежъ,
 Ему сдались—Елецъ и Кромъ также.
 Одинъ Лишь Сѣверскъ держится. Басмановъ
 Засѣлъ въ немъ на-смерть. Лаской и угрозою
 Старался воръ склонить его, но онъ
 На увѣщанья отвѣчалъ ему
 Картечью.

БОРИСЪ.

Я не ошибся въ немъ!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Я говорилъ тебѣ: не вѣрь боярамъ!
Вѣрь только тѣмъ, кто, какъ и мы*сь тобой,
Не древней крови!

БОРИСЪ.

Что еще принесъ ты?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Мятежный духъ какъ будто обуялъ
Не только край, но самыя войска.
Что день, въ врагу они перебѣгаютъ,
Скучѣеть рать —

БОРИСЪ.

О чемъ-же воеводы
Тамъ думаютъ? Отъ страху-ль потеряли
Разсудокъ свой? Наказъ послать имъ строгій,
Чтобъ вѣшали измѣнниковъ! Чтобъ всѣхъ,
Кто лишь помыслить въ вору перейти,
Всѣхъ, безъ пощады, смертію казнили!
Не то — я самъ явлюся между нихъ!

СТОЛБНИКЪ — входитъ.

Бояринъ князь Василь Ивановичъ Шуйскій!

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Съ чѣмъ старая лисица приплелась?

БОРИСЪ.

Пускай войдетъ!

Шуйскій входитъ. Борисъ смотритъ на него пристально.

Ты слышала вѣсти?

шуйскій.

Слышалъ,

Царь-государь.

Ворисъ.

Что скажешь ты на это?

шуйскій.

Не ладно, царь.

Ворисъ.

Не ладно—вижу я!

А кто виной? Бояре продаютъ—

Да, продаютъ меня!

шуйскій.

Суди ихъ Богъ!

Ворисъ.

Имъ Божьяго суда не миновать.

Но до того я въ скорыхъ числахъ буду

Ихъ самъ судить. Мстиславскаго межъ тѣмъ

Я къ рати шлю.

шуйскій.

Ему и книги въ руки.

Онъ старше всѣхъ. Головъ тамъ больно много.

Не прогнѣвись, великій государь,

За простоту, дозволю мнѣ слово молвить.

Ворисъ.

Скажи.

шуйскій.

Когда-бъ ты захотѣлъ туда

Пойхать самъ—все снялъ-бы какъ рукою.

БОРИСЪ.

А вамъ Москву оставить? Знаемъ это.
Нѣтъ, оставлять Москву царю не часъ.
Придумай лучше.

ШУЙСКІЙ.

А не то, еще
Вотъ что, пожалуй: вдовая царица,
Димитріева мать, теперь на Выксѣ
Пострижена сидитъ. Ея-бы, царь,
Ты выписалъ. Пускай передъ народомъ
Свидѣтельствуеть крестно, что Димитрій
Во гробѣ спитъ.

БОРИСЪ.

Послать за ней! Но дологъ
До Выксы путь. Возстановить покорность
Мы здѣсь должны. Примѣръ я надъ иными
Ужъ показавъ. Что? Утихаютъ толки?

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, государь. Ужъ и не знаешь право,
Кого хватать, кого не трогать? Всѣ
Одно наладили. Куда ни-сунься,
Все та-же пѣсня: царь Борисъ хотѣлъ-де
Димитрія царевича извести,
Но Божиимъ онъ спасся нѣкимъ чудомъ
И будетъ скоро...

БОРИСЪ.

Рвать имъ языки!

Иль устрашить тѣмъ думаютъ меня,
Что много ихъ? Но еслибъ сотни тысячъ
Меня въ глаза убійцей называли—
Ихъ всѣхъ молчать и предо мной смиряться

Заставлю я! Меня царемъ Иваномъ
Они зовутъ? Такъ я-жъ его не въ шутку
Напомню имъ! Меня винять упорно—
Такъ я-жъ упорно буду ихъ казнить!
Увидимъ, кто изъ насъ устанетъ прежде!

Домъ Федора Никитича Романова.

Федоръ Никитичъ, Александръ Никитичъ, князь Сицкій, князь Раднинъ
и князь Черкасскій за столомъ.

ФЕДОРЪ НИКИТИЧЪ—наливая имъ вино.

Ну, гости дорогіе, передъ сномъ—
По чарочкѣ! Во здравье государя!

ЧЕРКАССКІЙ.

Котораго?

ФЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ну, вотъ еще! Вѣстимо
Законнаго!

ЧЕРКАССКІЙ.

Не осуди, бояринъ,
Не разберешь. Разымчиво ужъ больно
Твое вино.

СИЦКІЙ.

Законному царю
Мы служимъ всѣ, да только не умѣемъ
По имени назвать.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А боли такъ —

И называть не нужно. Про себя
Его пусть каждый разумеетъ. Путь-жъ:
Во здравіе царя и государя
Вся Русь!

ЧЕРКАССКІЙ.

Храни его Господь!

РЕШНИНЪ.

Дай всякаго врага и супостата
Подъ нога покорить!

СИДКІЙ.

А ужъ не мало

Онъ покорилъ.

ЧЕРКАССКІЙ.

Ты о татарахъ, что-ли?

РЕШНИНЪ.

Аль, можетъ, о татаринѣ?

СИДКІЙ.

Нѣтъ, этотъ

Еще крѣпче.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

Черниговъ, слышно, взять.

ОВДОУЪ НИКИТИЧЪ.

Еще по чарочкѣ!

ВСѢ.

Про государя!

Входятъ Шуйскій.

шуйскій.

Челомъ, бояре, вамъ! Чько пьете чару?

Федоръ Никитичъ.

Царя и государя, князь Василій
Ивановичъ. На, выпей!

шуйскій.

Эхъ, Феодоръ
Никитичъ, чай, указъ-то государевъ
Ты позабылъ? Не такъ, бояре, пьете:

Поднимаетъ чару.

«Великому, избранному отъ Бога,
«Имъ чтимому и имъ превознесенну,
«И скифетры полночныхъ страны
«Самодержащему царю Борису,
«Съ царицею, съ царевичемъ его,
«И всѣми дома царскаго вѣтвями,
«Мы, сущіе въ палатѣ сей, воздвигли,
«Въ душевное спасеніе и во здравье
«Тѣлесное, сію съ молитвой чашу.
«Чтобъ славилось отъ моря и до моря,
«И до конецъ вселенныя, его
«Пресвѣтлое, царя Бориса, имя,
«На честь ему, а русскимъ славнымъ царствамъ
«На прибавленіе; чтобы государи
«Послушливо ему служили всѣ,
«И всѣ-бы трепетали поспѣшенья
«Его меча; на насъ-же, на рабѣхъ
«Величества его, чтобъ безъ урывау
«Щедротъ лилися рѣки неоскудно
«Отъ милосердія его пучины
«И разумалъ!—Ухъ, утомился. Вотъ,
Бояре, какъ указано намъ пить.

Не пьетъ, а ставитъ чару на столъ.

ЕЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ужъ больно кудревато; не запомнишь.

ШУЙСКІЙ.

Я выдолбилъ.

РЕПНИНЪ.

Не всѣ его меча,
Кажись, трепещуть.

СИЦКІЙ.

Да и не на всѣхъ
Его щедроты льются.

ЧЕРКАССКІЙ.

Исчерпалъ
Пучину милосердія.

ЕЕДОРЪ НИКИТИЧЪ — къ Шуйскому.

Ты съ Верьху?

ШУЙСКІЙ.

Былъ на Верьху.

ЕЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Ну, что-жь?

ШУЙСКІЙ.

Все слава Богу.

Рвать языки велѣлъ.

ЧЕРКАССКІЙ.

Что ты? Кому?

СИЦКІЙ.

Помилуй Богъ, кому?

ШУЙСКИЙ.

Да веѣмъ, кто скажетъ,
Что Дмитрія извѣлъ онъ, аль что Дмитрій
Не изведенъ, а живъ.

РЕПНИНЪ.

Такъ какъ-же быть?

ЧЕРКАССКИЙ.

Что-жъ надо говорить?

ШУЙСКИЙ.

А то, что было
При Федорѣ приказано: что Дмитрій
Въ недугѣ заѣололся.

РЕПНИНЪ.

Вотъ какъ! Видно,
Ужъ онъ чиниться пересталъ. Да развѣ
Онъ казнями кого переувѣрить?

ШУЙСКИЙ.

Пускай казнить; мѣшать ему не надо.

СИЦКИЙ.

Какъ не смекнетъ онъ, что когда къ Москвѣ
Подступитъ *тотъ*, ему не одобровать?

ШУЙСКИЙ.

На каждаго на мудреца довольно
Есть простоты. Когда-жъ мудрецъ считалъ,
Да все считалъ, да видитъ, что обчелся,
Тутъ и пошелъ плутать.

ЧЕРКАССКИЙ.

Ты, князь Василій
Ивановичъ, ты въ Угличъ былъ посланъ

На розыскъ тотъ. Скажи, хоть разъ, по-правдѣ,
По совѣсти: убить, аль нѣтъ царевичъ?

ШУЙСКІЙ.

Убитого ребенка видѣлъ я.

ЧЕРКАССКІЙ.

Да Дмитрія-ль?

ШУЙСКІЙ.

Сказали мнѣ, что Дмитрій.

ЧЕРКАССКІЙ.

Да самъ-то ты?

ШУЙСКІЙ.

А гдѣ-жъ его мнѣ знать?

ЧЕРКАССКІЙ.

Что-жъ мыслишь ты о томъ, который нынѣ
На насъ идетъ?

ШУЙСКІЙ.

А то-же, что и вы.

Языкъ намъ врагъ. И батюшка Борисъ
Феодорычъ, должно быть, это знаетъ;
Насъ отъ врага онъ избавлять велитъ.

РЕПНИНЪ — къ Федору Никитичу.

Хозяинъ ласковый, да таеъ, пожалуй,
И до тебя онъ доберется?

ФЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Трудно.

Что скажетъ онъ? Романовы признали
Дмитрія царемъ? Да вся Москва

Того лишь ждеть, чтобъ мы его признали.
 Аль что его убійцей мы зовемъ?
 Да пусть о томъ лишь слухъ пройдетъ въ народъ —
 Его каменьями побьютъ!

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А мы

Пока молчимъ. Народъ-же говорить:
 Романовы поближе Годунова
 Къ Феодору царю стояли. Еслибъ
 Романовъ сѣлъ на царство—Юрьевъ день
 Намъ отдать-бы!

ФЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Романовымъ не нужно-бъ
 Заяскивать у мѣньшихъ у дворянъ;
 Народъ боярство любить родовое
 За то, что выгоды у нихъ одни.

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

А мелкии онъ не терпитъ. Нѣтъ, до насъ
 Добраться трудно.

Входить Семень Годуновъ со стрѣльцами.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Бьемъ челомъ, бояре!
 Вы, государи, Федоръ съ Александромъ
 Никитичи, по царскому указу
 Подъ стражу взяты!

ФЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Мы? Подъ стражу взяты?

За что?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

За то, что извести хотѣли
Царя и государя козловствомъ.
Довелъ на васъ вашъ казначей Бортеневъ.
Коренья тѣ, что вы ужъ припасли,
Онъ предъявилъ. У патріарха вамъ
Допросъ, немедля, учинять. Вы также,
Князья Черкасскій, Сицкій и Репнинъ,
Обвинены.

СИЦКІЙ.

Мы въ чемъ-же?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

За одно
Съ Романовыми были. Васъ подъ стражу
Веру я съ ними.

Къ Шуйскому.

Князь Василь Ивановичъ!
Тебѣ велить великій государь
Вести допросъ надъ ними.

СЕДОРЪ НИКИТИЧЪ.

Видитъ Богъ,
Насиліе и клевета!

АЛЕКСАНДРЪ НИКИТИЧЪ.

Возможно-ль?
По одному извѣсту казначея,
Котораго за кражу я прогналъ
Тому три дня?

ЧЕРКАССКІЙ.

Вотъ онъ тебѣ и платитъ!

ПРИЛОЖЕНІЕ

сицкій.

А царь ему, должно быть? Боже правый!
Да это вточь какъ при царѣ Иванѣ!

шуйскій.

Негоже такъ, бояре, говорить!
Царь милостивъ. А мнѣ Господь свидѣтель,
Я вашего не вѣдалъ воровства!
Помыслить смѣть на батюшку царя!
Ахъ, грѣхъ какой! Пойдемъ, Семенъ Никитичъ,
Пойдемъ къ владыкѣ, начинать допросъ.
Помилуй Богъ царя и государя!
Уводять бояръ, окруженныхъ стрѣльцами.

Поной во дворцѣ.

БОРИСЪ—одинъ.

«Убить, но живъ!» Свершилось предсказанье!
Загадка разъяснилася: мой врагъ
Всталъ на меня изъ гроба грозной тѣнью!
Я ждалъ невзгодъ; возможны всѣ бѣды
Предусмотрѣлъ: войну, и морь, и голодъ,
И мятежи—и всѣмъ имъ дать отпоръ
Я былъ готовъ. Но чтобъ воскресъ убитый —
Я ждать не могъ! Меня безъ обороны
Засталъ ударъ. Державнымъ кораблемъ
Въ моей спокойной управляя силѣ,
Я въ ясный день на бѣгъ его глядѣлъ.
Вдругъ грянуль громъ. Съ надету вырвала буря
Морскую гладь—крутить и ломить древо,
И парусъ рветъ... Не время разбирать,

Чей небо грѣхъ крушеніемъ караетъ —
 Долгъ кормчаго скорѣй спасти корабли!
 Бѣда грозить — рубить я долженъ снасти!
 Нѣтъ выбора — прошла порѣ медленій
 И кротости! Кто врагъ царю Борису —
 Тотъ царству врагъ! Пощады никому!
 Казнь кличетъ казнь — власть требовала жертвъ —
 И первыхъ кровь чтобъ не лилася даромъ,
 Топоръ все вновь подымется къ ударамъ!

Входятъ Шуйскій.

шуйскій.

По твоему, великій государь,
 Являюся указу.

БОРИСЪ.

Князь Василій,

Ты избранъ мной быть старшимъ у вопроса
 Романовыхъ. Мнѣ вѣрность показать
 Даю тебѣ я случай.

шуйскій.

Заслужу,

Царь-государь, великое твое
 Довѣріе!

БОРИСЪ.

Издавна влоба ихъ

Мнѣ вѣдома. Но за мое терпѣнье
 Я ожидалъ раскаянья отъ нихъ;
 Они-жъ бояръ съ собою на меня
 Замыслили поднять, а мнѣ погибель
 Готовили.

шуйскій.

Не даромъ отъ меня
Таялися они!

ворись.

Твой розыскъ нынѣ
Явить: какъ мыслишь ты ко мнѣ.

шуйскій.

Помилуй,
Царь-государь! Ужъ на мое радѣнье,
Кажись, ты можешь положиться...

ворись.

Прежде-жъ,
Чѣмъ Дмитріева мать, царица Марѳа,
Свидѣтельствовать будетъ на Москвѣ,
Что сынъ ея до смерти заколося
И погребенъ, ты выѣдешь на площадь
И съ лобнаго объявишь мѣста: самъ-де,
Своими-де очами видѣлъ ты
Трупъ Дмитрія—и крестнымъ цѣлованьемъ
То утвердишь. Межъ тѣмъ, я со владыкой
Велѣлъ вездѣ Отрепьеву гласить
Анагему; въ церквахъ, въ монастыряхъ,
На перекресткахъ всѣхъ, его съ амвоновъ
Велѣлъ клясти! Быть можетъ, вразумится
Черезъ то народъ.

шуйскій.

Наврядъ-ли, государь.
Не въ гнѣвъ тебѣ, а диву я даюся,
Какъ мало страху на Москвѣ!

ворись.

Досаль?

ШУЙСКИЙ.

Ты кой-кого и пристрастилъ, пожалуй,
А все же —

БОРИСЪ.

Ну?

ШУЙСКИЙ.

Да что, царь-государы!
Хоть-бы теперь: Романовыхъ подь стражу
Ты взять велѣлъ. И по дѣломъ. Да развѣ
Они одни?

БОРИСЪ.

Другіе также взяты.

ШУЙСКИЙ.

Кто, государь? Черкасскій съ Репнинымъ?
Да Сицкій князь? Всего три человека!
А мало-ль ихъ? И думаютъ они:
Всѣхъ не забрать!

БОРИСЪ.

Такъ думаютъ у васъ?
Такъ вѣдайте-жъ: что сдѣлано досель —
Одно лишь вамъ остереженіе было,
Острастка то лишь малая была —
Гнѣвъ вперед!

Уходить.

ШУЙСКИЙ — одинъ.

Святая простота!

Даетъ понять: «тебя насквозь я вижу,
Ты ва одно съ другими!» А, межъ тѣмъ,
Что ни скажу, ва правду все принимаетъ.
Вонъ насъ, а намъ грозить. Борисъ

Оеодорычъ, ты-ль это? Я тебя
 Не узнаю. Куда дѣвалась лопкость
 Твоя, отецъ? И нравомъ сталъ не тотъ,
 Ей Богу! То ужъ черезчуръ опасливъ,
 То вдругъ вспылишь и ломишь напрямикъ,
 Ни дать, ни взять, какъ мой покойный дядя,
 Котораго въ тюрьмѣ ты удавилъ.
 Когда кто такъ становится неровень,
 То знавъ плохой!

Уходитъ. Входитъ Христіанъ; за нимъ Голькъ
 и Браге.

ГОЛЬКЪ.

Высочество! Подумай:
 Сомнѣній нѣтъ, исходъ въ семь дѣлъ ясенъ:
 Царемъ Дмитрій будетъ; а Борису
 Погибели не миновать. Чтѣ нужды,
 Что ложный то Дмитрій? Онъ побѣдно
 Идетъ къ Москвѣ—и Русь его встрѣчаетъ!

БРАГЕ.

А въ преступленіи Бориса, принцъ,
 Достаточно теперь ты убѣжденъ;
 Намъ присланныя тайно показанья
 Тѣхъ въ Данію бѣжавшихъ угличанъ,
 Все, чтѣ мы здѣсь узнали стороною,
 Чего не могъ ты не замѣтить самъ —
 А сверхъ всего, народный громкій голосъ
 И казни тѣ жестоки—все, все,
 Его винить, ему уликой служить!

ГОЛЬКЪ.

Да короля-жъ дошла молва, что царь
 Эстонію, короны датской лenu,
 Не Даніи намѣренъ возвратить,
 Но дать тебѣ. Король за это гнѣвенъ.

Спѣши его умиловить, принцъ!
 Ждать отъ Бориса нечего намъ болѣ —
 Его вѣзда зашла!

БРАТЕ.

Земли русіѣйской
 Царевну ты, высочество, посваталъ,
 Не дочь слуги, злодѣйствомъ на престолъ
 Вопедшаго. Когда законный царь,
 Иль тотъ, кого земля такимъ признала,
 Съ него вѣнецъ срываетъ — обѣщаньемъ
 Не связанъ ты. Отъ брака отказаться
 Ты долженъ, принцъ!

ХРИСТІАНЪ.

Довольно! Все, что вы
 О немъ сказали, самъ себѣ сказалъ я —
 Но я не въ силахъ слушать васъ... моя
 Кружится голова...

ГОЛЬЕЪ.

Ты блѣденъ, принцъ —
 Ты нездоровъ —

ХРИСТІАНЪ.

Да, да, я нездоровъ...
 Вы совершенно правы — точно такъ —
 Убійца онъ... мнѣ холодно сегодня...
 Она не знаетъ ни о чемъ.

БРАТЕ.

Дозволь
 Позвать врача, высочество!

ХРИСТИАНЪ.

Не надо.

Оно пройдетъ. Но отчего сегодня
Зеленое такое небо?

ГОЛЬКЪ.

Принцъ,

Ты вправду боленъ...

ХРИСТИАНЪ.

Вы сказать хотите,
Что брежу я? Нѣтъ, я здоровъ. Оставьте
Меня теперь—я дамъ отвѣтъ вамъ скоро.

Голькъ и Браге уходятъ.

ХРИСТИАНЪ—одинъ.

Подъ этимъ кровомъ долѣ оставаться
Не долженъ я. Мнѣ дѣтскій крикъ предсмертный
Здѣсь слышится—я вижу пятна крови
На этихъ тканяхъ... я ее люблю!
Да, я люблю ее! Теперь межъ нами
Все кончено.

Входитъ Ксенія и останавливается въ дверяхъ.

КСЕНІЯ.

Одинъ ты, Христіанъ?

Съ кѣмъ говорилъ ты?

ХРИСТИАНЪ.

Ксенія, постой —

Не уходи—тебѣ сказать мнѣ надо—
Вѣдь ты еще не знаешь? Мы должны
Разстаться, Ксеня!

КСЕНІЯ.

Что съ тобой? Зачѣмъ

Разстаться намъ?

ХРИСТИАНЪ.

Да, да, зачѣмъ равстаться?

Кто хочетъ насъ съ тобою разлучить?
Ты не моя-ль? Кто говоритъ, чтобъ душу
Я разорвалъ? Нѣтъ, требовать того
Не можетъ честь!

КСЕНІЯ.

Опомнись, Христіанъ;
Твои слова безъ смысла. Чтѣ случилось?

ХРИСТИАНЪ.

Бѣги со мной!

КСЕНІЯ.

Святая Матерь Божья!
Ужель я отгадала? Христіанъ —
Кто видѣлся съ тобой? Чѣй клеветѣ
Ты на отца повѣрилъ?

ХРИСТИАНЪ.

Ксенья, Ксенья!
И жизнь, и душу я-бъ хотѣлъ отдать,
Чтобъ эту скорбь, чтобъ эту влую боль
Взять отъ тебя!

КСЕНІЯ.

И ты повѣрилъ? Ты?
Ты, Христіанъ?

ХРИСТИАНЪ.

Нельзя остаться мнѣ —
Нельзя — ты видишь!

КСЕНИЯ.

Выброси скорѣй

Изъ сердца эту мысль! Она тебя,
Тебя чернить, а не отца! Какъ могъ ты
Повѣрить ей!

ХРИСТИАНЪ.

Не правда-ль? Ей повѣрить

Я самъ не могъ? Она вошла насильно!
Отъ лобныхъ мѣстъ кровавыми ручьями
Въ меня влилась!

КСЕНИЯ.

Да, онъ жестокъ во гнѣвѣ!

Я не хочу—я не могу его
Оправдывать! Но развѣ ты не видишь?
Негодованьемъ гнѣвъ его рожденъ
На клевету! Такимъ онъ не былъ прежде!
Ты зналъ его! Ужели ты забылъ
Какъ былъ высокъ, какъ милостивъ душою
Онъ былъ всегда! Какъ могъ—какъ могъ—какъ могъ
Повѣрить ты! О, Христіанъ, какую
Ты пропасть вырылъ между нами!

ХРИСТИАНЪ.

Нѣтъ!

Разъединить чужое преступленье
Насъ не должно! Душа моя съ твоею
Въ одно слилась! Когда-бъ земля подъ нами
Разсѣлася—когда-бы это небо
Обрушилось на насъ—не врозь, а вмѣстѣ
Погибли-бъ мы!

КСЕНІЯ.

Ужъ мы разлучены!

Да, Христіанъ! Иль мнишь ты, не должна я
Мою любовь изъ сердца вырвать вонъ?
Когда отца кругомъ тѣснятъ враги,
Друзья-жъ бѣгутъ—ты также переходишь
Къ его врагамъ!

Входитъ царевичъ Ѳеодоръ, ими не замѣчаемый.

Но еслибъ отъ него

И всѣ ушли—и еслибъ цѣлый міръ
Его винилъ—одна-бы я сказала:
Неправда то! Одна-бы я осталась
Съ моимъ отцомъ!

ХРИСТІАНЪ.

Нѣтъ у тебя отца!

Твоимъ отцомъ убійца быть не можетъ!
Ты сирота! Какъ я, ты сирота!
Бѣги со мной! Я не на счастье, Ксенья,
Тебя зову, не на престолъ! Быть можетъ,
Я осужденъ къ лишеніямъ и къ нуждѣ—
Быть можетъ, я счтаться буду—но
Гдѣ-бъ я ни сталъ, то мѣсто, гдѣ я стану,
Оно всегда достойно будетъ насъ!
А этотъ теремъ, Ксенья...

ѲЕОДОРЪ—выступаетъ впередъ.

Королевичъ!

ХРИСТІАНЪ.

А, ты былъ здѣсь? Ты слышалъ все? Тѣмъ лучше!
Я не скрываюсь отъ тебя—ты долженъ
Меня познать!

ФЕДОРЪ.

Тебя я появля. Ты
Царя Бориса оскорбилъ смертельно —
Ты наглый лжецъ!

ХРИСТИАНЪ.

Братъ Федоръ —

ФЕДОРЪ.

Гнусный ты
Безстыдный лжецъ и клеветникъ!

ХРИСТИАНЪ.

Царевичъ!

Войди въ себя!

ФЕДОРЪ.

Предатель! Переметчикъ!

Иуда ты!

ХРИСТИАНЪ.

Войди въ себя, царевичъ!
Опомнися! Когда ты оскорбленъ —
Не бранью мстить ты долженъ! На Руси
Такъ встарину не дѣлали!

ФЕДОРЪ.

Ты правъ —

Спасибо, что напомнилъ —

Срываетъ со стѣны мѣхъ сабли и подаетъ
одну Христіану.

Бейся на-смерть!

КСЕНИЯ.

Побойтесь Бога! Что вы, что вы? Стойте!
Какъ? Братъ на брата!

ХРИСТИАНЪ—бросая саблю.

Нѣтъ, не стану биться!

Ты братъ ея!

КСЕНИЯ.

О, до чего дошли мы!

Давно-ли мы втроемъ, въ покоѣ этомъ,

Такъ мирно говорили, такъ хотѣли

Служить Руси—а нынѣ!

ХРИСТИАНЪ.

Что со мной?

Кругомъ меня все потемнѣло вдругъ.—

Меня не держать ноги —

Садится.

ЕЕДОРЪ—бросая саблю.

Христианъ,

Ты невдоровъ?

ХРИСТИАНЪ—ссырывается.

Вы оба здѣсь? Со мною?

Какъ счастливъ я! Друзья, скажите, что
Случилось?

КСЕНИЯ.

Онъ боженъ!

ЕЕДОРЪ.

Слава Богу,

То былъ лишь бредъ! Сестра, останься съ нимъ,
Я за врачомъ пойду!

ХРИСТИАНЪ.

Не уходи —

Мнѣ хорошо. Но что-то надо мною

Какъ облако внезапно пронеслось —
 Былъ шумъ въ ушахъ—такъ, говорятъ, бываетъ
 Когда дурману выпьешь... я припомнить
 Стараюсь что-то... самъ не знаю что...
 Ловлю, ловлю... и все теряю...

Вспомнивая.

Вспомнилъ!

Вѣжнимъ отсѣлъ!

Падаетъ въ кресло.

У пристани корабль
 Норвежскій ждетъ—ужъ якорь поднимаютъ —
 Скорѣй на палубу, скорѣй!

КСЕНІЯ.

Онъ бредить!

ХРИСТИАНЪ.

Я говорю вамъ всѣмъ: неправда то!
 Всѣхъ, кто дерзаетъ подумать, что царевна
 Убійцы дочь, на бой я вызываю!
 Прижмись ко мнѣ—не бойся, Ксенья, этихъ
 Зеленыхъ волкъ!—Я слушать васъ усталъ —
 Я знаю самъ—прибавьте парусовъ!
 Какое дѣло намъ, что на Руси
 Убійца царь! Вонъ берегъ, берегъ! Ксенья —
 Мы спасены!

КСЕНІЯ.

Братъ, братъ, что случилось съ нимъ?

ХРИСТИАНЪ.

Друзья мои, мнѣ кажется, я бредилъ?
 Мнѣ очень дурно... Голова моя
 Такъ кружится, сердце то забьется,
 То вдругъ замретъ...

КСЕНИЯ.

Ты боленъ, Христіанъ!

Встань, обоприся на-руку мою—

ФЕДОРЪ.

Я поведу его!

ХРИСТИАНЪ.

Спасибо, братъ!

Спасибо, Ксенья—это все пройдетъ —

Какъ хорошо мнѣ между васъ обоихъ!

Уходятъ поддерживаемый Федоромъ и Ксенией.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Красная площадь съ Лобнымъ мѣстомъ.

Нѣсколько переодѣтыхъ сыщиковъ.

ГЛАВНЫЙ СЫЩИКЪ—наряженный дьячкомъ.

Сейчасъ народъ повалитъ изъ церквей!
Выѣшайтесь въ толпу: глаза и уши
Насторожить! Сегодня панихида
Царевичу Дмитрію идетъ,
Отрепьева-жъ влѣнуть; такъ будутъ толки!

ВТОРОЙ СЫЩИКЪ—въ одеждѣ кулака.

Какіе толки! Всякъ теперь боится
Промолвиться.

ПЕРВЫЙ.

А мы на что? Зачѣмъ

Двойную намъ награду обѣщаль
Семенъ Никитичъ? Зачинайте смѣло,
Тотъ съ тѣмъ, тотъ съ этимъ разговоръ, прикиньтесь,
Что вы къ Москвѣ Отрепьевымъ тѣмъ тайно
Подосланы; когда-жъ кто проболтается —

Хвать за-воротъ его! А если будетъ
Кому изъ васъ нужна подмога—свистомъ
Подать маякъ! Ну, живо, разсыпайтесь!
Идетъ народъ!

Толпа выходитъ изъ церкви.

одинъ посадскій.

Великій грѣхъ служить
Живому челоуѣку панихиду!

другой.

Тяжелый грѣхъ!

третій.

А кто-же тотъ Отрепьевъ,
Кому они анагему гласили?

первый.

Монахъ какой-то подвернулся.

второй.

Что-жъ,

Какое дѣло до того монаха
Царевичу Димитрію?

первый.

Молчи!

Насъ слушаютъ.

сыщикъ.

О чемъ вы, государи,
Ведете рѣчь?

первый.

Да говоримъ: дай Богъ
Измѣнщика, Отрепьева того,
Что Димитріемъ осмѣлился назваться,
Поймать скорѣя!

третій.

сыщикъ—про себя.

Гмъ! Эти-то съ чутьемъ!

Подходить нѣсколько другихъ.

ОДИНЪ.

Видь, изворотъ затѣяли какой!

Безбожники!

ДРУГОЙ.

Знать, плохо имъ пришлось,

Губителямъ!

ТРЕТІЙ.

Романовы въ тюрьму

Посажены.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Помилуй Богъ, за что?

ПЯТЫЙ.

Боятся ихъ за то, что много знаютъ!

Проходить.

ОДНА БАБА—ДОГОВАРИТЬ ДРУГУЮ.

Да постой, голубушка, куда-жъ ты спѣшишь?

ВТОРАЯ.

Въ соборъ, въ соборъ, матушка! Панафяду, вишь, служить,
и большую апазему поютъ!

ПЕРВАЯ.

Да кто-жъ это скончался?

ВТОРАЯ.

Никакъ Гришка Отрепьевъ какой-то! Охъ, боюсь оновдать.

ТРЕТЬЯ БАБА—пристаетъ въ нимъ.

Не Гришка, да Гришка, матушка! царевича Дмитриемъ зовутъ!

ПЕРВАЯ.

Такъ ему, стало, анаему служить? А панафида по комъ-же?

ВТОРАЯ.

По Гришкѣ, должно быть!

ЧЕТВЕРТАЯ БАБА—договариваетъ имъ.

Постойте, кормилицы, и я съ вами! По какому Гришкѣ царевичъ панафиду служить?

ВСѢ ЧЕТВЕРО ВМѢСТѢ.

Да пойми ты, мать—я въ толкѣ не возьму.—Ахти, оповдаемъ!—Да побойтесь Бога—кто-же скончался-то?—Пойдемъ, пойдемъ! Анаема скончался, Гришка—царевичъ служить панафиду!

Уходить.

СЫЩИКЪ—гидла имъ вслѣдъ.

Проваливай, бабье! отъ васъ ни шерсти,
Ни молока!

Подходить два мужика.

ПЕРВЫЙ—указывая на сыщика.

Өедюха! А Өедюха!

Смотри, у этого какая сзади
Коса болтается! Чай изъ духовныхъ?

ВТОРОЙ.

Божественный, должно быть, человекъ.
Покажемъ листъ ему!

ПЕРВЫЙ.

Нешто, покажемъ!

Къ сыщикъ.

Отецъ родной, поволь тебя спросить:
Ты грамотный никакъ?

СЫЩИКЪ.

Господь сподобилъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ сдѣлай божескую милость: вотъ
Какой-то листъ нашли у подворотни;
Прочти его, родимый!

СЫЩИКЪ.

Предъяви!

Читаеъ.

«Мы Божією милостію, Димитрій Ивановичъ,
«Царь и великій князь
«Всея Руси, ко всѣмъ русійскимъ людямъ:
«Господнимъ вѣкимъ превеликимъ чудомъ
«Сохранены и спасены»... Гмъ, гмъ!

Читаеъ про себя, потокъ троню.

«И первыхъ тѣхъ, которые на встрѣчу
«Со хлѣбомъ-солью къ намъ придуть, тѣхъ первыхъ
«Пожалуемъ». Эй, люди, говорите:
Кто далъ вамъ листъ?

ПЕРВЫЙ.

Нашли подъ воротами,

Ей-Богу-ну!

ВТОРОЙ.

Подъ самой подворотней!

СЫЩИКЪ.

А это поденнуй?

ПЕРВЫЙ.

Видить Богъ, не знаемъ!

СЫЩИКЪ.

Не знаете?

Свести. Нѣсколько сыщиковъ подбѣгаютъ.

Хватайте этихъ двухъ!

Въ застѣнокъ ихъ!

ПЕРВЫЙ.

Отецъ родной, за что?

ВТОРОЙ.

За что, помилуй?

СЫЩИКЪ.

Вамъ въ застѣнкѣ скажутъ!

Мужиковъ уводить среди общаго ропота. Подходятъ купецъ въ разговоръ со вторымъ сыщикомъ.

СЫЩИКЪ.

Да что, почтенный, что за торгъ у насъ?

Себѣ въ накладъ вѣдь продаетъ сегодня.

А съ вѣмцовъ пошлинъ половину снялъ!

Какой тутъ торгъ!

КУПЕЦЪ.

Такъ, такъ, родимый; сами

Концовъ свести не можемъ. Разоренье

Пришло на насъ!

СЫЩИКЪ—таинственно.

Одна надежда новѣ —

Царь Дмитрій Іоанновичъ. Не терпѣть
Ни нѣмцовъ онѣ, ни англичанѣ. Пусть только
Пожалуетъ!

КУПЕЦЪ.

А что?

СЫЩИКЪ.

Подметный листъ

Попался мнѣ: всѣхъ, говорить, купцовъ
Отъ пошлины свободжу!

КУПЕЦЪ.

Подай-то Богъ!

СЫЩИКЪ—хватаетъ его за-воротъ.

Такъ вотъ ты какъ! Такъ ты стоишь за вора?
Эй, наши! Эй!

Сыщики бросаются на купца.

ПОСАДСКІЕ И НАРОДЪ.

Да что вы! Бойтесь Бога!

За что его?

1-й СЫЩИКЪ.

А вы чего вступились?

Хватай ихъ всѣхъ!

НАРОДЪ.

Нѣтъ, всѣхъ-то не перехватаетъ! Бей ихъ, ребята! Довольно
намъ терпѣть отъ сыщиковъ!

Звонъ бубенъ. Пѣшіе бубенщики. Передъ ними
приставъ.

ПРИСТАВЪ.

Радайтесь! Мѣсто! Мѣсто!

Бояринъ князь Василь Ивановичъ Шуйскій!

ШУЙСКІЙ—въ сопровожденіи двухъ дьяковъ.

Съ чего, міряне, подняли вы шумъ!

Грѣхъ вамъ мутиться!

НАРОДЪ.

Батюшка, Василій Ивановичъ! Вступишь, отецъ родной! Твой родъ вѣдь всегда за насъ стоялъ, а ногѣ намъ отъ сыщиковъ житья нѣтъ! Вступишь, батюшка!

ШУЙСКІЙ.

Опомнитесь, міряне. Царь Борисъ
 Феодорычъ такъ приказалъ. Онъ знаетъ
 Кого хватать! А вы пройти мнѣ дайте
 До Лобнаго до мѣста; по указу,
 По царскому я рѣчь скажу.

Идетъ къ Лобному мѣсту.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Нѣтъ, этотъ

Не вступится!

ДРУГОЙ.

Да, не чета Иванъ

Петровичу!

ТРЕТІЙ.

Какую-жъ рѣчь онъ скажетъ?

ПЕРВЫЙ.

А вотъ послушаемъ.

ШУЙСКИЙ—съ Лобнаго мѣста.

Народъ московскій!

Вамъ всѣмъ: гостямъ, и всѣмъ торговымъ людямъ,
Всѣмъ воинскимъ, посадскимъ, и слободскимъ,
Митрополичьимъ всѣмъ, и монастырскимъ,
И вольнымъ и кабальнымъ всякимъ людямъ,
Я, князь Василь Ивановичъ Шуйскій, быю
Напредъ челомъ!

Кланяется на всѣ стороны.

Вамъ вѣдомо, что нѣкій

Еретикъ влои, разстрига, чернокушникъ
И явный воръ, Отрепьевъ Гришка, Бога
Не убоясь, діаволу въ угоду,
Дерзнулъ себя царевичемъ покойнымъ,
Димитріемъ Ивановичемъ назвать...

Ропотъ.

И, съ помощью литовской рати, нынѣ
Идетъ къ Москвѣ, а съ нимъ не мало нашихъ...
Изъ Сѣверской земли...

одинъ.

Слышь, съ нимъ и наши!

шуйскій.

Измѣнниковъ. И хочетъ онъ, разстрига,
Великаго, почтеннаго отъ Бога
Царя Бориса Федорыча свергнуть,
И церковь православную погрять,
И вовлечь въ латинскую насъ ересь.
Что вѣдая, великій государь
Мнѣ повелѣлъ вамъ повѣстять сегодня
Все, что своими видѣлъ я очами,
Когда, при Федорѣ царѣ, посланъ
Я въ Угличъ былъ, чтобъ розыскъ учинить:
Какъ тамъ царевичъ Дмитрій Іоанновичъ
Упалъ на ножъ и закололся.

ДРУГОЙ.

Знаемъ!

ТРЕТІЙ.

Слышали то!

шуйскій.

И по прѣвдѣ, мы,
Съ Андреемъ со Петровичемъ, въ соборъ
Отправились, съ Лупъ-Клешиннымъ, и тамъ
Увидѣли младенца бездыханна,
Предъ алтаремъ лежаща, и его
Пресѣчена была гортань.

ТРЕТІЙ—вполголоса.

Да кто-же

Младенецъ былъ?

шуйскій.

Что Гришка-же Отрепьевъ
Не Дмитрій есть, а нѣкій бѣглый воръ,
Отъ церкви отлученный и проклятый—
Въ томъ я клянусь, и крестъ на томъ цѣлую.
И не видать мнѣ царствія небесна,
И быть на страшномъ Божіемъ судѣ
Мнѣ прокляту, и въ огонь идти мнѣ вѣчный,
Когда солгалъ!

Цѣлуетъ свой тѣльный крестъ.

ПЕРВЫЙ.

Да въ чемъ-же онъ клянется?

ВТОРОЙ.

Что Дмитрій не Отрепьевъ.

ТРЕТІЙ.

Безъ него

Мы знаемъ то!

ПЕРВЫЙ.

Постой, онъ говоритъ!

ШУЙСКИЙ.

И вѣдомый ерѣвикъ тотъ и воръ
Великаго, почтеннаго отъ Бога,
И милосердаго царя Бориса
Кусательно явить, а отъ себя
Вамъ милостей не мало общаетъ;
И Юрьевъ день обратно вамъ сулить.
И вамъ велитъ великій государь
Тому разстригъ вѣры не давать;
А кто повѣрить, или кто посмѣетъ
Сказать, что онъ есть истинный Димитрій —
Великій царь тому, не медля, вырвать
Велитъ языкъ. Я все сказалъ—простите!

Кланется и сходитъ съ Лобнаго мѣста.
Молчаніе въ народѣ.

ОДИНЪ.

Вотъ-те и рѣчь!

ДРУГОЙ.

Къ чему онъ велъ ее?

ТРЕТІЙ.

Знать, близко тотъ.

ПЕРВЫЙ.

И нашихъ съ нимъ довольно.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

И милости, слышь, общаетъ намъ.

ВТОРОЙ.

Да, Юрьевъ день, слышь, отдаетъ.

ПЯТЫЙ.

Такъ что-же?

ПЕРВЫЙ.

А то, что, слышь, языкъ свой береги.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Побережемъ.

ПЯТЫЙ.

А не идти-ль туда?

ВТОРОЙ.

Куда туда?

ПЯТЫЙ.

На встрѣчу-то?

ТРЕТИЙ.

Ну, ну,

Чай, подождемъ.

ПЯТЫЙ.

Да долго-ль ждать?

ВТОРОЙ.

А здѣсь-то

Спужаясь, чай!

ТРЕТІЙ.

Да, есть съ чего спужаться;
Вѣдь тотъ-то прирощенный!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Подождемъ!

ВТОРОЙ.

Ну, подождемъ.

ПЕРВЫЙ.

И вправду подождемъ.

Народъ расходится, разговаривая вполголоса.

Покой во дворцѣ съ низинимъ сводомъ и рѣшетчатымъ онномъ.

Вдова царяца Марія Нага я, во иночествѣ Марѣа, одна.

МАРѢА.

Четырнадцать минуло долгихъ лѣтъ
Со дня какъ ты, мой сынъ, мой ангелъ Божій,
Димитрій мой, упалъ, окровавленный,
И на моихъ рукахъ послѣдній вздохъ
Свой испустилъ, какъ голубь трепещи!
Четырнадцать я лѣтъ все плачу, плачу,
И выплакать горючихъ слезъ моихъ
Я не могу. Дитя мое, Димитрій!
Доколь дышу, все плакать, плакать буду
И власть убійцу твоего! Онъ ждетъ,
Чтобъ крестнымъ цѣлованьемъ смерть твою

Я предъ народомъ русскимъ утвердила —
 Но кто-бъ ни-былъ невѣдомый твой мститель,
 Идущій на Бориса — да хранить
 Его Господь! Я ни единымъ словомъ
 Не обличу его! Драть буду я!
 Моимъ его я сыномъ буду звать!
 Кто-бъ ни-былъ онъ — онъ врагъ тебѣ, убійца —
 Онъ мнѣ союзникъ будетъ! Торжество
 Небесныя ему пошлите силы,
 Его полки ведите на Москву!
 Иди, иди, каратель Годунова!
 Сорви съ него украденный вѣнецъ!
 Низринь его! Попри его ногами!
 Чтобъ онъ, какъ звѣрь во прахѣ издыхая,
 Тотъ вспомнилъ день, когда въ мое дитя
 Онъ ножъ вонзилъ! Но слышатся шаги —
 Идутъ! Меня забила дрожь — и холодъ
 Проникнулъ въ мозгъ моихъ костей — то онъ!
 Убійца тутъ — онъ близко — Матерь Божья!
 Дай мнѣ владѣть собой! Притворствомъ сердца
 Исполни мнѣ — взгляды печаль съ лица —
 Перероди меня — содѣлай схожей
 Коварствомъ съ нимъ, чтобъ на моихъ чертахъ
 Изобразить съумѣла-бы и радость
 О мнимомъ сынѣ, возвращенномъ мнѣ!

Входить Борисъ со свѣчей, которую ставить на
 столъ.

БОРИСЪ — съ поклономъ.

Царица Марья Федоровна, бѣю
 Тебѣ челомъ!

МАРѢА.

Пострижена царица
 По твоему указу. Предъ тобой
 Лишь явочкия МарѢа.

БОРИСЪ.

Твой обѣтъ

Не умаляетъ вѣянья твоего.
Я предъ тобой благоговѣю нынѣ,
Какъ нѣкогда благоговѣлъ, когда
Сидѣла ты съ царемъ Иваномъ рядомъ.

МАРГА.

Благодарю.

БОРИСЪ.

Царица, до тебя

Ужъ вѣсть дошла —

МАРГА.

Что сынъ мой отыскался?

Дошла, дошла! Благословенъ Господь!
Когда его увижу я?

БОРИСЪ.

Царица,

Въ умѣ-ли ты? Твой сынъ, сама ты знаешь,
Четырнадцать ужъ лѣтъ тому, въ недугѣ
Упалъ на ножъ —

МАРГА.

Зарѣзанъ былъ. Ты то-ли
Хотѣлъ сказать? Но я лишилась чувствъ,
Когда та вѣсть достигла до меня —
Его я мертвымъ не видала!

БОРИСЪ.

Но

Онъ мертвъ, царица—онъ убитъ—въ томъ
Сомнѣній нѣтъ —

МАРФА.

Такъ мила я сама...

БОРИСЪ.

Его несъ Угличъ мертвымъ видѣлъ —

МАРФА.

Я

Не видѣла его!

БОРИСЪ.

На панихидѣ

Ты у его молилась трупъ —

МАРФА.

Слезы

Мои глаза мрачили; я другого
За сына приняла. Теперь я знаю,
Димитрій живъ! Примѣты мнѣ его
Всѣ сказаны—онъ живъ, онъ живъ, мой Димитрій!
Онъ живъ, мой сынъ!

БОРИСЪ.

Возможно-ль! Радость блещетъ
Въ твоихъ очахъ? Ужель ты вправду вѣришь,
Что живъ твой сынъ? Ужель мнѣ сомнѣваться?
Ужели былъ и Клепкинъ, и Шуйскій,
Обмануть я?

Входитъ царица Марія Григорьевна.

ЦАРИЦА.

Не прогнѣвъсь, Борисъ
Теодорычъ, Твой разговоръ съ царицей

Я слышала за дверью. Не втерпѣжъ,
Свѣтъ-государь, мнѣ стало: поклониться
Царицѣ Марѣѣ захотѣлось.

Кланяется.

Земно

Тебѣ я, матушка царица Марѣя
Оеодоровна, кланяюсь. Слышу:
Царевича ты мертвымъ не считаешь?
Такъ, стало, тотъ, кто въ Угличѣ убитъ,
Тебѣ не сынъ?

МАРѢЯ.

Не знаю, кто убитъ —
Димитрій живъ! Отъ вашихъ рукъ онъ Божиимъ
Невѣдомо былъ промысломъ спасенъ!
Хвала Творцу и Матери Пречистой,
Мой сынъ спасенъ!

ВОРИСЪ.

Царица—если вѣришь
Ты истинно тому, что говоришь —
Повѣдай мнѣ: кто подмѣнилъ его?
Кѣмъ онъ и какъ изъ Углича похищенъ?
Гдѣ онъ досель скрывался? Чтобы вѣру
Тебѣ я дать, я долженъ вѣдать все!

МАРѢЯ.

Какое дѣло мнѣ, ты вѣришь, нѣтъ-ли?
Вѣрь, или нѣтъ—довольно: живъ мой сынъ —
Не удалось твое злодѣйство!

ВОРИСЪ.

Нѣтъ!

Не можетъ быть! Неправда! Быть не можетъ!
Какъ спастись онъ?

МАРӨА.

Дрожишь ты наконецъ!

БОРИСЪ.

Какъ спасся онъ? Царица, берегися —
Тебя могу заставить я сказать
Всю правду мнѣ!

ЦАРИЦА.

Свѣтъ-государь Борисъ
Теодорычъ, быть можетъ, обойдемся
Безъ пытки ны! Ты, матушка-царица,
Его убитымъ не видала?

МАРӨА.

Нѣтъ!

ЦАРИЦА.

А полно такъ-ли, матушка? Подумай.

МАРӨА.

Могла-ль его убитымъ видѣть я,
Когда убить онъ нѣ-быль?

ЦАРИЦА.

А посмотримъ,

Отворяя дверь.

Войди, голубка!

Входятъ Волохова.

ЦАРИЦА—къ Марѣ.

Знаешь-ты ее?

МАРӨА.

Она! Она! Прочь, прочь ее возьмите!
Возьмите прочь!

тридцать.

ЦАРИЦА.

Что, матушка, съ тобой?
Что ввеволновалася ты такъ? Зачѣмъ
Тебя приводить въ ужасъ Василиса?

МАРЕА.

Прочь! Прочь ея! Кровь на ея рукахъ!
Кровь Дмитрія! Будь проклята во-вѣки!
Будь проклята!

ЦАРИЦА—къ Волоховой.

Довольно, Василиса.

Ступай себѣ.

Волоховъ уходитъ.

Ну, батюшка Борисъ
Θеодорычъ? Увѣрился теперь,
Что нѣтъ въ живыхъ ея царенка? То-то!
Ужъ ты на пытку-было! Ты уменъ,
А я простая баба, дочь Малюты,
Да знаю то, что пытки есть иныя
Чувствительнѣй и дыба и когтей.
Чего-жъ ты, свѣтъ, задумался? Забылъ-ли
Зачѣмъ пришелъ?

Дергаетъ Марю за-руки.

Опомнися, царица!

Оправься, мать. Ну, государь?

БОРИСЪ.

Царица,

Ты выдала себя. Теперь мы знаемъ,
Не можешь ты за сына почитать.
Обманщика, дерзнувшего назваться
Дмитріемъ. Какъ ни погибъ царевичъ —
Хотя-бъ о томъ мнѣ ложно донесли —
Но онъ погибъ. Твоя печаль, повѣрь,

Почтенна для меня, и тяжело
 Мнѣ на душу твою ложится горе.
 Я-бъ много далъ, чтобъ прошлое вернуть —
 Но прошлое не въ нашей власти. Мы
 Должны теперь 'о настоящемъ думать.
 Великую, царица, можешь ты
 Вѣду отъ царства отворить: лишь стоять
 Передъ народомъ влягну дать тебѣ,
 Что Дмитрій мертвъ и погребенъ. Согласна-ль
 На это ты?

МАРГА.

Я выдала себя —
 Мой сынъ убить. Но какъ о томъ народу
 Я повѣщу? Ты въ томъ-ли мнѣ велишь
 Крестъ цѣловать, что на моихъ глазахъ
 Тобою купленная мамна сына
 Убійцамъ въ руки передала?

ВОРИСЪ.

Клянусь,
 Я не приказывалъ того!

МАРГА.

Мой сынъ
 Тобой убить. Судьба другого сына
 Послала мнѣ—его я принимаю!
 Димитріемъ его зову! Приди,
 Приди ко мнѣ, воскресшій мой Димитрій!
 Приди убійцу свергнуть твоего!
 Да, онъ придетъ! Онъ близко, близко—вижу
 Побѣдные его ужъ блещутъ стяги —
 Онъ подъ Москвой—предъ именемъ его
 Отвералися кремлевскія ворота —
 Безъ бою онъ вступаетъ въ городъ свой —

Народный плескъ я слышу — льются слезы —
 Дмитрій царь! И къ конскому хвосту
 Примкнутого тебя, его убійцу,
 Влекутъ на казнь!

ЦАРИЦА.

Пророчить гибель намъ
 Твоя гортань?

Схватываетъ замкнутую свѣчу и бросается съ
 нею на Марю.

Такъ подавись-же, сука!

БОРИСЪ — удерживая ее, къ Марѣ.

Отчаянню прощаю твоему.
 Размыслишь ты, что месть твоя не можетъ
 Царевича вернуть, но что въ твоей,
 Царица, власти помѣшать потокамъ
 Кровавымъ течь, и брату встать на брата.
 Не мысли ты, что до Москвы безъ боя
 Дойдетъ тотъ воръ! Нѣтъ, онъ лишь чужеземцевъ
 Къ намъ приведетъ! Раздоръ лишь воспалитъ онъ!
 Утраченный тебѣ твой дорогъ сынъ;
 Но меньше-ль тебѣ, царица, дорогъ
 Покой земли? Молчаніемъ своимъ
 Усобищѣ отворишь ты затворы;
 Тьма бѣдъ, царица, по твоей винѣ,
 Падетъ на Русь! За нихъ предъ Богомъ будешь
 Ты отвѣчать. О томъ раздумать время
 Даю тебѣ — прости! Свѣти мнѣ, Марья!

Уходить съ царицей.

МАРЯ — одна.

Ушли — жало жгучее уносить
 Въ своихъ сердцахъ! Я равняла ихъ на-смерть,
 Я, Дмитріева мать! Теперь ихъ дни

Отравлены! Безъ сна ихъ будутъ ночи!
 Лишь отъ меня спасенія онъ ждалъ —
 Я не спасу его! Пусть занесенный
 Топоръ падетъ на голову ему!
 Прости, мой сынъ, что именемъ твоимъ
 Я буду звать безвѣстнаго бродягу,
 Чтобъ отомстить злодѣю твоему,
 На твой престолъ онъ долженъ сѣсть; вѣнецъ твой
 Надѣнетъ онъ; въ твой теремъ онъ войдетъ;
 Нарядится онъ въ золото и въ жемчугъ —
 А ты, мой сынъ, мое дитя, межъ тѣмъ,
 Въ сырой землѣ ждать будешь воскресенья,
 Во гробикѣ! О, Господи! Послѣдній
 Ребенокъ нищаго на божьемъ солнцѣ
 Волѣнъ играть—ты-жъ, для вѣнца рожденный,
 Лежишь во тѣмѣ и въ холодѣ! Не время
 Твои пресѣкло дни! Ты могъ-бы жить!
 Ты выросъ-бы! На славу всей землѣ
 Ты-бъ царствовалъ теперь! Но ты убить!
 Убить мой сынъ! Убить, убить, мой Дмитрій!
 Падаетъ на-земь и рыдаетъ.

Покой во дворцѣ.

Борисъ сидитъ въ креслахъ. Передъ нимъ стоитъ врачъ.

БОРИСЪ.

Не легче королевичу?

ВРАЧЪ.

Увы,

Великій царь, припадки стала чаще!

ВОРИСЪ.

Надежда есть?

ВРАЧЪ.

Не много, государь.

ВОРИСЪ.

Но чѣмъ онъ такъ внезапно заболѣлъ?

ВРАЧЪ.

Невѣдомые признаки сбиваютъ

Насъ съ толку, царь.

ВОРИСЪ.

Послушай! Жизнь его

Мнѣ собственной моей дорожке жизни!

Сокровища не знаю я такого,

Котораго-бъ не отдалъ за него!

Скажи своимъ товарищамъ, скажи имъ —

И помни самъ — цѣтъ почестей такихъ,

Какими-бы я щедро не осыпалъ

Спасителя его!

ВРАЧЪ.

Великій царь,

Не почести намъ званья придадутъ.

По долгу мы служить тебѣ готовы;

Награда намъ не деньги, а успѣхъ.

Но случая подобнаго ни разу

Никто изъ насъ не встрѣтилъ.

ВОРИСЪ.

Воротись

Къ нему скорѣй. Блюди его; науку

Всю истощи свою! Во что-бъ ни стало,

Спаси его! Скажи другимъ: предвѣсти
 Не будетъ благодарности моей!
 Ступай, ступай!

Врагъ уходитъ.

ВОРИСЪ—одень.

Ужали насъ, Господь

Еще накажетъ этою потерей!
 Онъ то звено, которымъ вновь снызвалъ-бы
 Я древнюю расторгнутую цѣпь
 Межъ западомъ и русскою державой!
 Черезъ него ей возвратилъ-бы море
 Варяжское! Что Ярославъ стяжалъ,
 Что подъ чужимъ мы нѣмъ потеряли —
 Безъ боя то, безъ спора возвратилъ бы
 Я вновь Руси! Со смертію его
 Все рушится. А Ксенія моя!
 Чѣмъ чистая душа ея виновна,
 Что преступленіе нѣкогда свершилъ
 Ея отецъ! Ты, бѣдная! Легко
 Жилось тебѣ, и по наслышкѣ только
 Ты вѣдала о горестяхъ людскихъ.
 Ужали ихъ на дѣлѣ испытать
 Такъ рано ты осуждена? Ужали
 Всѣ бѣды соединятся, чтобы разомъ
 На насъ упасть? Здѣсь умираетъ зять,
 А тамъ растетъ тотъ врагъ непостижимый —
 Моя вина, которой утвердить
 На вѣки я хотѣлъ работу жизни;
 Она-жъ тяжелой рушится скалой
 На зданіе мое!

Входитъ Семенъ Годуновъ со сверткомъ въ рукахъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Великій царь —

БОРИСЪ.

Какую новую бѣду еще
Ты мнѣ принесъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

То не бѣда, а дерзость,
Великій государь; къ тебѣ писать
Осмѣлился тотъ воръ...

БОРИСЪ.

Подай сюда,
Видь царской грамоты имѣть свертокъ,
И царская привѣшена печать...
Искусно все поддѣлано. Прочти!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ — читаетъ.

«Великій князь и царь всея Русіи
«Димитрій Іоанновичъ, тебѣ,
«Борису Годунову! Отъ ножа
«Бывъ твоего избавлены чудесно,
«Идемъ возсѣсть на царскій нашъ престолъ
«И судъ держать великій надъ тобою.
«И казни злой тебѣ не миновать,
«Когда примемъ наши государства.
«Но если ты, свою повнавши мѣраость,
«До нашего прихода съ головы,
«Со скверныя со своея, самъ сложиши
«Нашъ воровски похищенный вѣнецъ,
«И въ схиму облечешься, и смиренно
«Въ монастырь оплакивать свой грѣхъ
«Затворишься—мы, въ жалости души,
«Тебя на казнь не обречемъ, но милость
«Тебѣ, Борису, царскую мы нашу
«Тогда явимъ. Путявъ, осьмого марта».

Воръ измѣняетъ лицо ругая.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Тебя кручинить этотъ деревкй листь?

БОРИСЪ.

Не оттого, что послѣ всѣхъ трудовъ
И напряженья цѣлой жизни, тяжело
Лишиться было-бъ мнѣ вѣнца! Всегда
Я былъ готовъ судьбы удары встрѣтить.
Но если онъ мнѣ *милость* предлагаетъ,
Рассчитывать онъ долженъ, что вся Русь
Отпасть готова отъ меня! И онъ,
Быть можетъ, правъ. Тѣ самые, кто слезно
Меня взоити молили на перстоль,
Они-жъ теперь, безъ нуды и безъ боя,
Ему предать меня спѣшатъ! И здѣсь,
Здѣсь, на Москвѣ, покорные наружно,
Въ душѣ врагу усердствуютъ они!
А что я сдѣлалъ для земли, что я
Для государства сдѣлалъ—то забыто!
Мнѣ это горько.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Государь, что можетъ

Тотъ наглый воръ?

БОРИСЪ.

Такимъ его считалъ я,

Такимъ считать велить его разсудокъ —
Но послѣ всѣхъ невзгодъ моихъ, неволью
Сомнѣнія рождаются во мнѣ.
Свидѣтеля мнѣ надо, кто-бы видѣлъ
Димитрія умершимъ!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Но царица

Созналася....

БОРИСЪ.

Сознаніе ея

Могло испугомъ вынуждено быть.
Я вѣдаю, что было покушеніе,
Но знать хочу: была-ли смерть?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Его

Василій Шуйскій мертвымъ видѣлъ.

БОРИСЪ.

Шуйскій!

Могутъ-ли вѣрить я ему?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Тогда

Вели призвать Андрея Клепнина.
Онъ схиму принялъ, Богу отдался,
Онъ не солжетъ.

БОРИСЪ.

Послать за нимъ! Но тайно
Пусть онъ придетъ. И говорить ни съ кѣмъ
Чтобы не смѣлъ!

СТОЛЬНИКЪ—отворяетъ дверь.

Великій государь,

Врачи тебѣ прислали повѣстять:
Отходить королевичъ!

БОРИСЪ.

Боже правый!

Уходитъ съ Годуновымъ. Царевичъ Федоръ
отворяетъ дверь, осматривается и говоритъ
за кулисы.

ФЕДОРЪ.

Нѣтъ никого — войди, сестра!

КСЕНИЯ — входитъ.

Какъ мнѣ

Наединѣ съ тобою быть хотѣлось!

Что ты узналъ о немъ?

ФЕДОРЪ.

Не допустили

Меня къ нему; но я у двери слушалъ:

Тебя зоветь съ собою громко онъ

Въ Норвегію, и то же обвиненье

Твердить о нашемъ обѣ отцѣ...

КСЕНИЯ.

Ужасный,

Ужасный бредъ!

ФЕДОРЪ.

Бредъ, говоришь ты?

КСЕНИЯ.

Какъ?

Ты думаешь онъ вправду вѣрить?

ФЕДОРЪ.

Ксения —

Когда-бъ одно лишь это могъ я думать?

КСЕНИЯ.

Но что-жъ еще?

ФЕДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ знать
Ты не должна! Не спрашивай меня!

КСЕНІЯ—завъ его за руку.

Братъ, слышишь?

ФЕДОРЪ.

Что

КСЕНІЯ.

На половинѣ той
Забѣгали!..

ФЕДОРЪ.

Отецъ идетъ сюда —

КСЕНІЯ.

Мнѣ страшно, Федоръ!

БОРИСЪ—входя.

Ксенія моя —

КСЕНІЯ.

Отецъ, что тамъ случилось?

БОРИСЪ.

Будь тверда —

Крѣпись, Ксенія!

ФЕДОРЪ—къ Борису.

Пощади ее!

КСЕНИЯ.

Да, я тверда! Я все могу услышать —
Надежды нѣтъ? Нѣтъ никакой? Скажи!

БОРИСЪ.

Все кончено!

Ксения шатается и падаетъ.

БОРИСЪ—поддерживая ее.

Господь съ тобою, Ксения!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Престольная палата.

Ночь. Луна играетъ на стѣнахъ и на полу.

Двое часовыхъ.

ПЕРВЫЙ.

Что, долго-ли до смѣны?

ВТОРОЙ.

Чай, усталъ?

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, жутко какъ-то.

ВТОРОЙ.

Да и мнѣ, признаться,

Не по-сердцу въ палатѣ этой. Все

Какъ будто ходить кто-то. Поглядишь —

Нѣтъ никого!

первый.

Ну, Богъ съ тобой! Не къ ночи
Объ этомъ рѣчь.

второй.

Часокъ еще, пожалуй,
Стоять придется.

первый.

То-то. А, ей-Богу,
Двойную сѣну на дворъ-бы лучше
Я простоялъ!

второй.

Вишь, самъ заводишь рѣчь!

первый.

Нѣтъ, чуръ меня! О чемъ-нибудь другомъ
Заговоримъ. Замѣтилъ ты сегодня,
Какъ пасмуренъ былъ царь?

второй.

И впрямь, онъ былъ
Еще мрачнѣй, чѣмъ эти дни.

первый.

Кручина...

второй.

Да, есть о чемъ. А, говорить, Басмановъ
Того разбилъ недавно вора.

первый.

Что же

Все мраченъ царь? Не вѣрить, что-ли?

ВТОРОЙ.

Ликъ-то

Какъ страшень сталъ!

ПЕРВЫЙ.

Глядить и не глядить—

ВТОРОЙ.

Я-бъ не хотѣлъ теперь его увидѣть!

ПЕРВЫЙ.

Избави Богъ!

ВТОРОЙ.

Постой—ты слышалъ?

ПЕРВЫЙ.

Что?

ВТОРОЙ.

Дверь скрипнула!..

ПЕРВЫЙ.

Ну, ври себѣ!

ВТОРОЙ.

Шаги!..

ПЕРВЫЙ.

И впрямь шаги...

ВТОРОЙ.

То изъ покоевъ царскихъ
Сюда идутъ... все ближе...

ПЕРВЫЙ—съ испугомъ.

Кто идетъ?

ВТОРОЙ.

Молчи, молчи! Онъ самъ!

Борись, въ рубашѣ, померкнѣвъ, замануть
опашенъ, входить, нѣтъ не замѣтъ.

БОРИСЪ — про себя.

«Убить, но живъ!»

Меня съ одра все тотъ-же призракъ гонить.
Даны часы покоя всякой твари;
Растеніе, и то покой находитъ,
Въ росѣ купая пыльные листы!
Такъ быть нельзя. Чтобы вести борьбу,
Я разумомъ владѣть свободнымъ долженъ.
Мнѣ нуженъ сонъ. Не можетъ безъ накла-
Никто вращать въ себѣ, и день и ночь,
Все ту-же мысль. И жерновъ изотрется,
Кружась безъ отдыха... «Убить, но живъ!»
Я совершилъ безъ пользы преступленіе!
Проклятъ даромъ на себя навлекъ!
Когда судьбой такъ былъ обманутъ я —
Когда онъ — живъ зачѣмъ-же я, какъ Каинъ,
Брожу теперь? Безвинностью моей
Я заплатилъ за эту смерть — душою
Ее купилъ! Я требую, чтобъ торгъ
Исполненъ былъ! Я честно отдалъ плату —
Такъ пусть-же мой противникъ вправду сгинетъ,
Иль пусть опять безвиновенъ буду я!

Осматривается.

Куда зашелъ я? Это тотъ престолъ,
Гдѣ, въ день вѣнчанья моего, я въ блескѣ
Невиданномъ дотолъ возсѣдалъ!
Онъ мой еще! Съ помазанной главы
Тѣнь не сорветъ вѣнца!

Подходить и отступаетъ въ ужасѣ.

Престолъ мой ваять!

Приходить въ себя.

Нѣтъ, это, тамъ играетъ лунный лучъ!..
 Безумный бредъ! Все та-же мысль! Рожденье
 Безсонницы! Но нѣтъ—я точно вижу—
 Вновь что-то тамъ колеблется какъ дымъ—
 Сгущается—и образомъ стать хочеть!
 Ты—ты! Я знаю чѣмъ ты хочешь стать—
 Сгинь! Пропади!

ПЕРВЫЙ ЧАСОВОЙ.

Святая сила съ нами!

ВТОРОЙ.

Помилуй Богъ насъ!

ВОРИСЪ.

Кто здѣсь говорить?

Увидѣть часовыхъ.

Кто вы? Зачѣмъ вы здѣсь? Какъ смѣли вы
 Подслушивать?

ВТОРОЙ.

Великій государь—

Наряжены мы теремъ караулить!..

ВОРИСЪ.

Вы на часахъ? Такъ гдѣ-же ваши очи?
 Смотри туда! Что на престолахъ тамъ?

ВТОРОЙ.

Царь-государь... я ничего не вижу!..

ВОРИСЪ.

Такъ подойди-жь и бердышомъ своимъ
 Ударь въ престолъ! Чего дрожишь? Иди—
 Ударь въ престолъ!

Часовой подходит къ престолу.

Стой! Веротись—не надо!
 Я надъ тобой смѣялся! Развѣ ты
 Не видишь, трусь, что это мѣсяцъ свѣтаетъ
 Такъ отъ окна? Тебѣ и вѣвѣсть что
 Почудилось?.. Смотрите-же, вы оба:
 О томъ, что здѣсь вы слышали сейчасъ,
 Иль видѣли—молчать подь смертной казнью!
 Вы знаете меня!

Вадрогануъ.

Кто тамъ?

Входить Семенъ Годуновъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

То я,
 Великій государь! Тебя ищу я...

БОРИСЪ.

Кто право далъ тебѣ за мной слѣдить?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ—тихо.

Андрей Клешняинъ, по твоему велѣнью,
 Къ тебѣ пришелъ.

БОРИСЪ—къ часовымъ.

Ступайте оба прочь!

Часовые уходятъ.

БОРИСЪ.

Никто не видѣлъ Клешняина?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Никто.

По тайному крыльцу его я въ теремъ
 Самъ проводилъ.

БОРИСЪ.

Впусти его!

Семень Годуновъ уходитъ.

Подъ схимой

Онъ отъ мірскихъ укрылся тревоженій,
 А я, какъ грозный нѣкогда Иванъ,
 Безъ отдыха метусь. Какъ онъ, средь ночи
 Жду схимника, чтобы сомѣнье мнѣ
 Онъ разрѣшилъ. И какъ при немъ, такъ нынѣ
 При мнѣ грозить Руси распаденье!
 Ужель судьба минувшіе тѣ дни
 Надъ нею повторяетъ? Иль въ двадцать
 Протекшихъ лѣтъ не двинулся я съ мѣста?
 И чтó я прожилъ, былъ пустой лишь сонъ?
 Сдается мнѣ, я шелъ, все шелъ впередъ,
 И мнилъ пройти великое пространство,
 Но только кругъ огромный очертилъ,
 И, утомлёнъ, на то-жъ вернулся мѣсто,
 Откуда шелъ. Лишь имена смѣнились,
 Препграда та-жъ осталась предо мной —
 Противникъ живъ—вѣнецъ мой лишь насмѣшка,
 А истина—алодѣйство есть мое —
 И за него проклятыя!

Входитъ Клешнинъ въ схи́мъ и изъ веригахъ.

БОРИСЪ.

Это ты?

КЛЕШНИНЪ.

Я самъ. Зачѣмъ меня ты потревожилъ?
 Спокойно не далъ умереть? Въ чемъ дѣло?

БОРИСЪ.

Давно съ тобою не видались мы.

КЛЕШНИНЪ.

И лучше-бы намъ вовсе не видаться.

БОРИСЪ.

Ты нуженъ мнѣ.

КЛЕШНИНЪ.

Еще? Кого зарѣзать

Задумать ты?

БОРИСЪ.

Твоя не впору дерзость,

Ее терпѣть я не хочу!

КЛЕШНИНЪ.

А я

Хочу быть дерзокъ. Или, мнишь ты, послѣ

Того, что я выдаю по ночамъ,

Ты страшенъ мнѣ?

БОРИСЪ.

Оставь обычай свой.

Дай мнѣ отвѣтъ по-правдѣ: въ Угличѣ ты

На ровыскъ тотъ посыланъ съ Шуйскимъ былъ,

Дай мнѣ отвѣтъ—и царствіемъ небеснымъ

Мнѣ поклонись: убить, иль вѣтъ Дмитрій?

КЛЕШНИНЪ.

Убить-ли онъ? Дивлюся я тебѣ,

Или мою не разглядѣлъ ты схиму?

Такъ посмотри-же на мое лицо!

Зачѣмъ-бы я постился столько лѣтъ?

Зачѣмъ-бы я носилъ вериги эти?

Зачѣмъ живой зарылся-бъ въ землю я,

Когда-бъ убить онъ не былъ?

БОРИСЪ.

Ты его

Самъ видѣлъ мертвымъ?

КЛЕШНИНЪ.

Будь спокоенъ. Мы

Его убійцъ названье не украли —

Оно, по праву, наше: на гортани

Зияетъ рана въ цѣлую ладонь!

БОРИСЪ.

И не было подмѣна?

КЛЕШНИНЪ.

Нѣтъ. Когда-бы

Его черты забыть я могъ — мнѣ ихъ

Мои бы сны напомнили...

БОРИСЪ.

Кто-жъ тотъ,

Кто называетъ Дмитріемъ себя?

КЛЕШНИНЪ.

Почемъ мнѣ знать! Духъ, можетъ быть, иль хуже;

Но говорить съ тобой объ этомъ ночью

Я не хочу. Объ эту пору чутокъ

Бываетъ тотъ!

БОРИСЪ.

Андрей —

КЛЕШНИНЪ.

Забудь Андрея!

Четырнадцать ужъ лѣтъ въ болотѣ черти

Играютъ имъ. Братъ Левкій предъ тобой.

ВОРИСЪ.

Постригся ты, но схи́ма не смирила
Твоей злѣбный духъ. Не кротостію рѣчь
Твоя авучить...

КЛЕШНИНЪ.

Не въ кротости спасенье.
Ты мягко сталъ, но не помогъ себѣ
Медовой рѣчью въ горькую годину.
Не помогли и казни. Надъ тобой
Проклятье Божье. Мервость ты свою
Познай, какъ я! прими такую-жъ схиму;
Сложи вѣнецъ, молися и постись;
Заприся въ кельѣ—

ВОРИСЪ.

Русскою землею

Блюсти ее, на царство я избранъ!
Въ невагоды часъ съ престола моего
Я не сойду какъ скоморохъ съ подмостокъ!
Съ мечомъ въ рукахъ, не съ четками я встрѣчу
Врага земли!

КЛЕШНИНЪ.

Земля тебя клянеть!

А врагъ у насъ съ тобой одинъ: оружье
Онъ твоему смѣется! Съ нимъ сразиться
Ты можешь только, павши ницъ во прахъ
Передъ крестомъ!

ВОРИСЪ.

Когда придетъ мой часъ,

Я принесу за грѣхъ мой покаянье.
Теперь грозу я долженъ встрѣтить. Если
Тебѣ еще что вѣдомо въ самъ дѣлъ,
Скажи мнѣ все!

КЛЕШНИНЪ.

Я все тебѣ сказалъ.
Убійца ты. Волхвы тебѣ когда-то
Семь лѣтъ цареня предсказали. Близокъ
Твой смертный часъ. Прости—я уйду.
Отъ инока, отъ Левкія прими
Благословенье днесъ.

БОРИСЪ.

Передъ твоей
Священною склоняюсь я схиной—
Не предъ тобой, монахъ!

КЛЕШНИНЪ.

Лобвай-же руку,
Благословляющую тя!

БОРИСЪ.

Твою?

КЛЕШНИНЪ.

Она въ крови? Такъ что жъ? Ты развѣ чаще?
Сложи вѣнецъ!

БОРИСЪ.

Съ судьбой бороться буду
Я до конца!

КЛЕШНИНЪ.

Такъ умирай какъ песь!

Уходить.

Утро. Покой передъ царской опочивальней.

Спальникъ слушаетъ у дверей. Входитъ Семенъ Годуновъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Что государь? Каковъ онъ?

СПАЛЬНИКЪ.

До разсвѣта
Въ постелю не ложился. Все ходилъ,
Попрежнему, и самъ съ собою все
Какъ будто разговаривалъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Васмановъ
Сей ночью прибылъ; о своей побѣдѣ
Царю отчетъ привезъ онъ. Царь его
Не принималъ?

СПАЛЬНИКЪ.

Нѣтъ. Грамоту къ себѣ
Потребовалъ; прочтя, перекрестился,
Ему-жъ велѣлъ быть къ лобному столу.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

И легъ въ постель?

СПАЛЬНИКЪ.

Легъ, только не надолго;
Черезъ краткій часъ всталъ снова, и велѣлъ
Царевича поввать; а намъ далъ строгій
Запретъ за два покоя никого
Еъ нимъ не пускать.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Они досель вмѣстѣ?

СПАЛЬНИКЪ.

Досель... но вотъ, кажись, идутъ!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Уйдемъ!

Оба уходить. Борись входитъ въ разговоръ съ царевичемъ Федоромъ.

БОРИСЪ.

Мы трудныя съ тобою времена
Проходимъ, сынъ. Предвидѣть мы не можемъ,
Какой борьба приметъ оборотъ
Съ врагомъ Руси. Мои слабѣютъ силы;
Престоль мой новъ; опасна смерть моя
Для нашего теперь была-бы рода;
Предупредить волненія мы должны.
Я положилъ: торжественною вѣстивою
Связать бояръ въ ихъ вѣрности тебѣ.
Сегодня, сынъ, тебя вѣнчать на царство
Я положилъ!

ФЕДОРЪ.

Отецъ, помилуй! Какъ?

Въ тотъ самый день, когда ты честь воздашь
Басманову за славную побѣду
Готовишься!

БОРИСЪ.

Измѣнчива судьба,

Мы на лету ея всечасно ласку
Ловить должны. Усердье къ намъ людей

Съ ней за-одно. Сегодня прежнимъ блескомъ
 Мой свѣтитъ скиптръ. Въ Бориса счастье снова
 Повѣрили. Сегодня уклониться
 Отъ царской воли никому не можетъ
 И въ мысль войти. Но знаемъ-ли мы, что
 Насъ завтра ждетъ? Я на обѣдъ царскомъ
 Отъ всѣхъ бояръ хочу тебѣ присяги
 Потребовать.

Ѳеодоръ.

Прошу тебя, отецъ,
 Уволь меня!

Ворисъ.

Пріять вѣнецъ русійскій
 Назначенъ ты въ тотъ самый день, когда
 На царство я введенъ былъ земской думой.
 Себѣ и роду своему престолъ
 Упрочить ты обязанъ.

Ѳеодоръ.

Нѣтъ, отецъ!
 Я не могу—уволь меня!

Ворисъ.

Сынъ Ѳеодоръ —
 Что значить это?

Ѳеодоръ.

Не гнѣвись, отецъ —
 Вѣнчаться не могу я! На престолъ —
 Я не имѣю права!

Ворисъ.

Какъ?

ФЕДОРЪ.

Отецъ,

Прости меня! Ты борешься упорно —
Я-жъ не увѣренъ, что противникъ твой —
Не истинный Димитрій!

БОРИСЪ.

Не увѣренъ?

Ты, Федоръ—ты?

ФЕДОРЪ.

Я углицкое дѣло
Читалъ, отецъ, и Шуйскаго тотъ розыскъ.
Безсовѣстно допросъ былъ учиненъ!
Отыскивать не такъ-бы долженъ правду
Кто-бъ искренно хотѣлъ ее уваты!

БОРИСЪ.

Но правда та мнѣ вѣдома!

ФЕДОРЪ.

Ты могъ

Обмануть быть!

БОРИСЪ.

Нѣтъ, не былъ я обманутъ!

ФЕДОРЪ.

Отъ Шуйскаго лишь углицкое дѣло
Ты то узналъ!

БОРИСЪ.

И прежде зналъ его!

ФЕДОРЪ.

Ты?

БОРИСЪ.

Я!

ФЕДОРЪ.

Отецъ! Какъ могъ его ты знать?

БОРИСЪ.

Когда тебѣ улики дамъ я въ руки,
Что Дмитрій мертвъ —

ФЕДОРЪ.

Какъ? У тебя инныя
Улики есть, чѣмъ тѣ, что собралъ Шуйскій?

БОРИСЪ.

Инныя — да!

ФЕДОРЪ.

И ты доселѣ ихъ
Не предъявиль?

БОРИСЪ.

Я ихъ не предъявлю!
Мнѣ на слово повѣрить долженъ ты!
Дмитрій мертвъ!

ФЕДОРЪ.

Нѣтъ, прежде не повѣрю,
Чѣмъ самъ увижу тѣ улики!

БОРИСЪ.

ТЫ —

Ихъ требуешь? Ты хочешь ихъ, сынъ Ѳеодоръ?
Такъ знай-же все!

ѲЕОДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, отецъ! Молчи!
Повѣрилъ я! Не говори ни слова —
Повѣрилъ я!

Молчаніе.

БОРИСЪ.

Не долго мнѣ осталось
На свѣтѣ жить. Земли мнѣ русской слава,
Свидѣтель Богъ, была дороже власти.
Но, вижу я, на мнѣ благословенья
Быть не могло.

ѲЕОДОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Оно не можетъ
Быть на тебѣ!

БОРИСЪ.

Ты чистъ и бѣлъ. Тебя
Отъ прикasanья зла предохранить
Мнѣ удалось. Господь твою державу
Благословить.

ѲЕОДОРЪ.

О, если-бъ не пришлось мнѣ
Ее принять!

БОРИСЪ.

Незалечимъ недугъ
Душевный мой. Онъ разрушаетъ тѣло —

И быстро я, усиляя вопреки,
Иду къ концу. Въ страданіи человѣкъ
Бываетъ слабъ. Мнѣ вѣдать тяжело,
Что всѣ меня клануться. Услышать слово
Привѣтное я былъ-бы радъ...

Молчаніе.

ЕЕДОРЪ.

Прости!

Уходить.

Столовая палата.

Великолепно убранные столы въ нѣсколько рядовъ. За ними, въ ожиданіи, сидятъ бояре. На правой сторонѣ проспектіума царскій столъ, съ пятью приборами. Нѣсколько лицъ разговариваютъ на проспектіумѣ.

САЛТЫКОВЪ.

Намъ не везетъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Побѣду надъ собою

Мы правднуемъ!

САЛТЫКОВЪ.

Насъ-лей торжествуемъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Да полно такъ-ли плохо? Вѣдь виной
Въ побѣдѣ этой лишь одинъ Басмазовъ;
Не будь его, Димитрій смѣлъ-бы насъ!

САЛТЫКОВЪ.

Онъ насъ и смѣлъ. Ужъ наши отступали,
Какъ врагъ того Васмазова принесъ.

Окрысился, упёрся—а къ нему
Какъ разъ на помощь еѣмцы подоспѣли.

ГОЛИЦЫНЪ.

Проклятые!

САЛТЫКОВЪ.

Какое горе имъ!
Борису присягали, за Бориса
Кладутъ животы!

ГОЛИЦЫНЪ.

Басмановъ за него-же!

САЛТЫКОВЪ.

А то, небось, за насъ? Собака знаетъ,
Чей ѣла поризъ!

ШУЙСКІЙ—подходить.

О чемъ, бояре, вы?

САЛТЫКОВЪ.

Да все о томъ-же, князь Василь Иванычъ,
О радости великой.

ШУЙСКІЙ.

Какъ-бы только

Не горевать пришлось намъ! Мнѣ пишутъ:
Онъ вновь собрать успѣлъ свой дружины,
Къ нему идетъ подмога отъ Литвы,
А Роща-Долгорукій, со Змѣевымъ,
Передались ему; Мосальскій также,
И Татевъ то-жъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Ты шутишь, князь?

шуйскій.

Ей-Богу.

САЛТЫКОВЪ.

Царь вѣдаетъ?

шуйскій.

Зачѣмъ его тревожить?

Пожалуй, пиръ сегодняшній та вѣсть
Испортила-бъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Ну, слава Богу! Лишь-бы
Басманова царь не послалъ опять!

шуйскій.

Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ! Нельзя намъ на Москвѣ
Быть безъ него!

САЛТЫКОВЪ.

Признайся, князь Василій,
Вѣдь это *ты* царя-то надоумилъ
Басманова призвать?

шуйскій — смѣясь.

А кто-жъ еще?

Вѣдь онъ себѣ награду заслужилъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Хитѣрь-же ты!

шуйскій.

Ну, гдѣ ужъ намъ хитреть!

ТРИЗЮМЪ.

САЛТЫКОВЪ.

А вотъ и онъ!

Входитъ Басмановъ, всѣ раздаются.

ШУЙСКІЙ—идетъ ему на встрѣчу.

Челомъ, бояринъ Петръ
 Феодорычъ, табѣ отъ всей отъ думы!
 Утѣшилъ насъ, ей-Богу-ну! А то,
 И батюшкѣ царю кручинно стало;
 Какъ съ воромъ-могъ не справиться-то съ тѣмъ
 Съ разстригою!

БАСМАНОВЪ.

Наврядъ-ли онъ разстрига.

ШУЙСКІЙ.

Разстрига, нѣтъ-ли—тотъ-же воръ. Теперь,
 Чай не начнетъ!

БАСМАНОВЪ.

Нѣтъ, князь Василь Ивановичъ,
 Боюсь, начнетъ. Хоть онъ и воръ, а удалъ
 Намъ показавъ свою. И любо видѣть
 Какъ рубится! Въ бѣдѣ не унываетъ:
 Когда его войска погнали мы,
 Послѣдній онъ, и шагъ за шагомъ только,
 Намъ уступилъ. Такъ, говорятъ, косматый,
 Осиленный ловцами, покидаетъ
 Добычу левъ!

ШУЙСКІЙ—смѣясь.

Да ты, никакъ, бояринъ,
 Не въ шутку хвалишь вора!

ВАСМАНОВЪ.

Не таюся,
Мнѣ по-сердцу и вражая отага!

ШУЙСКІЙ.

А за твою тебѣ сегодня царь
Воздасть почеты!

ВАСМАНОВЪ.

Храни его Господь!
Но лучше бы меня теперь у войска
Оставилъ онъ. Не надо-бъ дать врагу
Опомниться.

ШУЙСКІЙ.

И безъ тебя, бояринъ,
Его добьютъ. Ты-жъ для совѣта намъ
Здѣсь надобенъ.

САЛТЫКОВЪ.

Не даромъ государь
Пожаловалъ тебя въ бояре. Будешь
Насъ разуму учить!

ГОЛИЦЫНЪ.

Намъ будешь въ думѣ
Указывать!

ВАСМАНОВЪ.

Боюся, не съумѣю
Вамъ быть подъ стать.

ГОЛИЦЫНЪ.

Мы славимся породой,
А ты умомъ!

БАСМАНОВЪ.

Кто чѣмъ богатъ!

Входятъ Семень Годуновъ. Всѣ ему кланяются.
За нимъ два стольника несутъ богатую шубу.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ—къ Басманову.

Бояринъ

Петръ Ѳедорычъ! Великій государь,
До своего до царскаго прихода,
Мнѣ приказалъ привѣтствовать тебя,
И эту шубу, съ своего плеча,
Прислалъ тебѣ въ подарокъ!

Всѣ—кланяясь Басманову.

Съ царской лаской!

Стольники надѣваютъ на него шубу.

БАСМАНОВЪ.

Не заслужилъ я милости великой!

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Тѣ лишь починъ. Угодно государю
Тебѣ такіа почести воздать,
Какихъ еще онъ никому доселѣ
Не воздавалъ!

ШУЙСКІЙ.

Мое выиграло сердце!
Кому-жъ и честь, когда не воеводѣ,
Что отъ врага лютейшаго въ конецъ
Избавилъ насъ!

Къ Семену Годунову.

Но успокой, родимый,
Скажи, Семень Никитичъ, правда-ль: ночью
Недужалъ царь?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, миловаль Господь,

Одна была усталость.

шуйскій.

Богу слава!

И то сказать: ни день, ни ночь, покоя

Нѣтъ милости его. Зато теперь

Онъ отъ хлопотъ ужъ можетъ отдохнуть!

Звонъ дворцовыхъ колоколовъ. Входитъ Борисъ, въ царскомъ облаченіи; за нимъ царевичъ Федоръ, царица и Ксения.

САЛТЫКОВЪ—къ Голицыну.

Какъ блѣденъ онъ!

ГОЛИЦЫНЪ.

Мертвецъ!

БОРИСЪ—къ Басманову.

Бояринъ Петръ

Феодорычъ!

Басмановъ опускается на колѣни, Борисъ его поднимаетъ.

БОРИСЪ.

За доблесть за твою,

За славную за службу и за кровь —

Прими отъ насъ великій нашъ поклонъ

И отъ земли русіейской челобитье!

Беретъ у столыкина золотое блюдо, наполненное червонцами, и подаетъ Басманову.

БАСМАНОВЪ—принимая блюдо.

Великій царь! За малую ты службу

Черезъ мѣру мнѣ сегодня воздаешь!

Дозволь мнѣ, царь, вернуться къ войску. Тамъ,
Быть можетъ, мнѣ твою удастся милость
И вправду заслужить!

Передастъ блюдо столыанку.

БОРИСЪ.

Пожди еще.

Тяжелое принудило насъ время
Быть строгими. Москва всѣ эти дни
Опалъ довольно видѣла и казней.
Она должна увидѣть на тебѣ,
Какъ вѣрныхъ слугъ, за правду ихъ, умѣетъ
Царь награждать. Сядись со мною рядомъ.

Садится за столъ. По правую его руку царица, Федоръ и Ксенія; по лѣвую Басмановъ. Бояре размѣщаются за другими столами. Слуги равносятъ блюда.

ОДИНЪ ВОЯРИНЪ—за крайнимъ столомъ нагѣво.

Мнѣ на царенну Ксенью жаль смотрѣть:
Вошла въ палату, на ногахъ едва
Держалася.

ДРУГОЙ.

По женихъ тоскуютъ.
Чай, не легко сидѣть въ алмазахъ ей
Да въ жемчугѣ, когда на сердцѣ смерти!

ПЕРВЫЙ.

Царевичъ также невеселъ.

ДРУГОЙ.

А царь-то!

ВОРИСЪ—къ Васманову.

Не въ радостный ты часъ къ намъ прибылъ, Петръ,
Семейное меня постигло горе;
Затѣмъ порой задумчивъ я кажусь;
Но славная твоя побѣда насъ
Оправила.

ВАСМАНОВЪ.

Великій государь,
Дай Богъ тебѣ веселья и здоровья
И всѣхъ враговъ подѣ ноги покорить!

САЛТЫКОВЪ—за другимъ столомъ налѣво.

Мы похоронный точно пиръ справляемъ.
Смотри, какъ онъ веселымъ хочетъ быть,
А самъ не свой!

ГОЛИЦЫНЪ.

Ему недугъ, быть можетъ,
Не въ моготу.

САЛТЫКОВЪ.

Кабы да тотъ недугъ
Намъ впрокъ пошелъ! Царевны Ксеньи жаль.

ГОЛИЦЫНЪ.

Да, жаль ее.

САЛТЫКОВЪ.

Что съ братомъ и съ сестрой
Мы сдѣлаемъ, когда на царство тотъ
Пожалуетъ?

БОРИСЪ.

Царевна Ксеня. встань
И дорогому гостю поднеси
Завдравную стопу!

КСЕНІЯ — обходитъ столъ и подноситъ
стопу Басманову, съ поклономъ.

Уважь, бояринъ!

БАСМАНОВЪ — принимаетъ стопу.

Во здравіе царя и государя!

ВСѢ.

Во здравіе царя и государя!

БОРИСЪ — вставая.

Во здравіе боярина Петра
Басманова! Пусть долго онъ живетъ,
На образецъ другимъ, землѣ на славу,
Врагамъ на страхъ!

ВСѢ.

Во здравіе его

И много лѣтъ!

БОРИСЪ.

Да славится во вѣки
Святая Русь и да погибнуть всѣ
Ея враги!

ВСѢ.

Анаеема врагамъ!

БОРИСЪ — садясь.

Семь лѣтъ прошло, что я земли русіейской
Пріялъ вѣнецъ. Господня благодать

Была надъ ней—доколь, подобно явѣ
 Египетской, тотъ не явился врагъ,
 Надъ нимъ же мы побѣду торжествуемъ.
 Чась не далека, когда, проклятый Богомъ,
 Онъ на землѣ достойную себѣ
 Приметь мѣду. Господь дѣла караетъ
 Неправыхъ; въ сердцахъ читаетъ Онъ,
 И судъ Его, какъ громовая туча,
 Всегда виситъ надъ головою тѣхъ,
 Что влое въ сердцахъ держать умышленье.
 Бояре всѣ! Что заслужили-бъ тѣ,
 Что сидя здѣсь на царскою трапезой,
 Въ душѣ своей усердствовали-бъ тайно
 Разбитому Басмановымъ врагу?

ГОЛОСА.

Помилуй, царь!

ВОРИСЪ.

Моей-бы ждали смерти,
 Чтобъ перейти къ тому лихому вору,
 Наслѣдника-жъ хотѣли-бъ моего
 Ему предать?

ГОЛОСА—съ разныхъ сторонъ.

Царь-государь, помилуй!
 Возможно-ли!—И въ мысль тѣ не вмѣстится!—
 Нѣтъ между насъ предателей!

ВОРИСЪ.

Пусть встанетъ,
 Кто вѣренъ мнѣ!

ВСѢ—вставая.

Мы всѣ тебя вѣрны!

ГОЛИЦЫНЪ—къ Салтыкову.

Что, всталъ, небось?

САЛТЫКОВЪ.

А ты-то?

ГОЛИЦЫНЪ.

Поневоля

Подымешься. Не выдать-же себя!

БОРИСЪ.

Клянись мнѣ, что будете служить
Феодору по вѣрѣ и по правдѣ!

ВСЪ.

Клянемся, царь!

БОРИСЪ.

Что будете его
Оберегать до смерти и до крови,
Когда меня не станетъ!

ВСЪ.

Всѣ клянемся!

БОРИСЪ.

Клянись мнѣ, что если между васъ
Кто-либо держать злобу на меня,
Онъ злобы той на сына не захочетъ
Перевести!

ВСЪ.

Во всемъ тебѣ клянемся!

шуйскій.

Ужъ похожися на своихъ рабовъ,
Царь-батюшка!

БОРИСЪ.

Въ соборѣ вашу клятву
Вы дѣлованьемъ крестнымъ утвердите.
Мы въ животѣ и смерти не вольны —
Я Феодора хочу еще при жизни
Моей вѣнчать. Отъ младости онъ мной
Наставленъ былъ въ наукѣ государской.
Господь ему превыше лѣтъ его
Далъ свѣтлый умъ, и съ духомъ твердымъ кротость
Въ немъ сочеталъ—и правоты любовь,
Петронутую мудрствованьемъ ложнымъ,
Въ него вложилъ.—Его царенье будетъ
На радость вамъ, на славу всей землѣ!
Чего я сдѣлать не успѣлъ для царства —
То онъ свершитъ —

Выступаетъ впередъ.

И за него теперь
Заадранный сей я кубокъ подымаю!

ВСѢ.

Да здравствуетъ царевичъ! Много лѣтъ
Царевичу Феодору!

ОДИНЪ ВОЯРИНЪ—улыбаяся на Бориса.
Что съ нимъ?

ДРУГОЙ.

Шатается!

БОРИСЪ.

Басмановъ —

ВАСИЛАНОВЪ — подхватывая его.

Государь!

Смѣненіе между боярами.

ВСЕНІЯ.

Отецъ! Отецъ!

БОРИСЪ.

Мнѣ дурно —

ЕЕДОРЪ.

За врачомъ

Бѣжать скорѣй!

БОРИСЪ.

Не надо... смертный часъ

Мой настаетъ...

Его сажаютъ въ кресла.

ЦАРИЦА.

Ахъ, Господи! Не просто

Случился грѣхъ! Знать, тутъ была отрава!

Нѣсколько голосовъ.

Отравленъ царь!

БОРИСЪ.

Нѣтъ—не было отравы!

Иль, мните вы, безсильна скорбь одна
Разрушить плоть?

ЕЕДОРЪ.

О, велика твоя

Предъ Богомъ скорбы!

ВОРИСЪ.

Сынъ Ѳеодоръ—Ксенья—дѣти!

Храни васъ Богъ! Князь Шуйскій—подойди!
 Другъ друга мы довольно знаемъ. Помни:
 Въ мой смертный часъ я Господа молю:
 Какъ ты мнѣ вѣтву соблюдешь, пусть такъ
 И Онъ тебя помилуетъ!—Басмановъ—
 Спѣши къ войскамъ! Тебѣ я завѣщаю
 Престоль спасти! О, Господи, тяжель,
 Тяжель Твой гнѣвъ! Грѣхи мой Ты не даждь
 Мнѣ заслужить!

ѲЕОДОРЪ.

Клянусь тебѣ, отецъ,
 Не забывать, что искупить я долженъ
 Ихъ жизнью всей!

ВОРИСЪ—къ боярамъ.

Блюдите вашу вѣтву!
 Вамъ ясенъ долгъ—Господь караетъ ложь—
 Отъ ала лишь зло родится—все едино:
 Себѣ-ль мы имъ служить хотимъ, иль царству—
 Оно ни намъ, ни царству впрокъ неидеть!

ЦАРИЦА—взвѣсивъ въ ноги.

Свѣтъ-государы! Прости меня въ чемъ я
 Грѣшна передъ тобой!

ВОРИСЪ.

Мой меркнетъ взоръ—

ЕСЕНІЯ.

О, Господи! Будь милостивъ къ нему!

ВОРИСЪ.

Простите всѣ! Я отхожу—сынъ Ѳеодоръ—

Встаетъ.

Дай руку мнѣ! Бояре!—вотъ вашъ царь!

Падаетъ въ кресла. Занавѣсъ опускается.

КОНЕЦЪ.

ПРОЕКТЪ ПОСТАНОВКИ НА СЦЕНУ ТРАГЕДИИ

ЦАРЬ

Редоръ Йоанновичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Хотя въ настоящую минуту мнѣ еще неизвѣстно, будетъ ли дана эта драма, но я нахожу нелишнимъ изложить мои объясненія теперь же, въ надеждѣ, что нѣкоторые изъ нихъ окажутся небезполезными для драматическихъ артистовъ вообще, и что во всякомъ случаѣ они могутъ пригодиться на частномъ театрѣ.

«Царь Федоръ» есть особая, замкнутая въ себѣ драма, но вмѣстѣ съ тѣмъ она служитъ продолженіемъ трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго» и составляетъ слѣдующее за ней звено. Многое въ немъ связано съ предшествующимъ и потому, разбирая «Царя Федора», мнѣ придется иногда оглядываться на «Смерть Іоанна».

Въ проектѣ о постановкѣ послѣдней пьесы я, въ самомъ концѣ, очень осторожно упомянулъ о необходимости всѣмъ исполнителямъ знать свои роли наизусть. Опытъ показалъ, что не только напоминаніе не было лишнимъ, но что я невольно на немъ настаивалъ.

Въ виду этого факта я считаю весьма важнымъ поставить теперь въ самой главѣ настоящей статьи энергическое заявленіе, о томъ, что первое, условіе порядочнаго исполненія есть знаніе ролей *совершенно буквально*.

У каждого автора какъ выборъ выраженій, такъ и порядокъ размѣщенія словъ составляютъ его особенность и физиономію. Измѣнять этотъ порядокъ — значитъ отнимать у него его физиономію, давать его рѣчи чуждый ей колоритъ. Если такое обращеніе не допускается въ провѣ, то въ стихахъ оно двояко непозволительно, ибо посягаетъ не только на колоритъ автора, но и на слухъ публики. Не все равно сказать:

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

или:

(Охъ, шапка Мономаха, ты тяжела!

Въ первомъ случаѣ это пятистопный ямбъ, во второмъ вовсе не стихъ.

Какое же впечатлѣніе сдѣлаетъ на публику актеръ, который, не довольствуясь перестановкой словъ, вмѣсто:

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

скажетъ:

Охъ, какъ меня давить Рюрикова фуражка!

А искаженія, довольно близко подходящія къ этому примѣру, можно, въ сожалѣнію, слышать иногда на нашей сценѣ.

Итакъ, если трагедія «Царь Ѳеодоръ» будетъ дана, то прежде всего надобно ее выучить наизусть.

Приступаю къ ея разбору.

ОСНОВНАЯ ИДЕЯ.

Двѣ партіи въ государствѣ борются за власть: представитель старины — князь Шуйскій и представитель реформы — Борисъ Годуновъ. Обѣ партіи стараются завладѣть слабонравнымъ царемъ Ѳеодоромъ, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Ѳеодоръ, вмѣсто того, чтобы дать перевѣсъ той или другой сторонѣ, или же подчинить себѣ ту и другую, колеблется между обѣими, и черезъ свою нерѣшительность дѣлается причиной: 1) возстанія Шуйскаго и его насильственной смерти; 2) убійства своего наслѣдника, царевича Димитрія, и пресѣченія своего

рода. Изъ такого чистаго источника, какова любящая душа Федора, истекаетъ страшное событіе, разразившееся надъ Россіей долгимъ рядомъ бѣдствій и золь.

Трагическая вина Іоанна была поправленіе имъ всѣхъ человѣческихъ правъ въ пользу государственной власти; трагическая вина Федора — это исполненіе власти при совершенномъ нравственномъ безсудіи.

АРХИТЕКТУРА ТРАГЕДІИ.

Построеніе «Царя Федора» — не знаю, къ выгодѣ или ко вреду его — есть совершенно исключительное и не встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, ни въ какой другой драмѣ. Борьба происходитъ не между главнымъ героемъ и его оппонентами (*Spiel und Gegenspiel*), какъ во всѣхъ драмахъ, но между двумя вторыми героями; главный же герой, на которомъ эта борьба вертится, какъ на своей оси, вовсе въ ней не участвуетъ; онъ, напротивъ, всѣми силами старается прекратить ее, но самымъ своимъ внимательствомъ рѣшаетъ ея трагическій исходъ.

Въ отношеніи Шуйскаго и Годунова Федоръ играетъ роль древней греческой судьбы, толкающей своихъ героевъ все впередъ къ неизбежной катастрофѣ, съ тою разницей, что Федоръ — не отвлеченная идея, но живое лицо, имѣющее само свою судьбу, которая истекаетъ изъ его характера и дѣйствій. Такимъ образомъ, трагедія является какъ бы сплетенною изъ двухъ отдѣльныхъ драмъ, изъ коихъ одна имѣетъ предметомъ фактическую борьбу Шуйскаго съ Годуновымъ, другая — моральную борьбу Федора съ окружающимъ его міромъ и съ самимъ собою.

Если представить себѣ всю трагедію въ формѣ треугольника, то основаніемъ его будетъ составленіе двухъ партій, а вершиною — весь душевный микрокосмъ Федора, съ которымъ

событія борьбы связаны какъ линіи, идущія отъ основанія треугольника къ его вершинѣ, или наоборотъ. Изъ этого естественно выходить, что одна сторона трагедіи выдержана болѣе въ духѣ романской школы, а другая — болѣе въ духѣ германской ¹⁾.

КОЛОРИТЪ ТРАГЕДІИ.

Царь Иванъ умеръ. Гроза, свирѣпствовавшая надъ русской землей, утихла; небо прояснилось, вся природа оживаетъ. Оживаютъ и тѣ могучія силы, которыя сдерживала желѣзная рука царя Ивана, какъ шлюзы сдерживаютъ напирющую воду. Въ государствѣ являются политическія партіи, дѣйствующія смѣло и открыто. Всѣ сословія принимаютъ участіе въ ихъ борьбѣ; жизнь со всѣми ея сторонами, свѣтлыми и темными, снова заявляетъ свои права.

Въ «Смерти Іоанна» господствующимъ колоритомъ было давленіе власти на всю землю; въ настоящей трагедіи господствующій колоритъ есть пробужденіе земли къ жизни и сопряженное съ нимъ движеніе. Оно должно сразу почувствоваться въ первой сценѣ перваго акта, которая служитъ драмѣ наложеніемъ. Свѣтлый колоритъ проходитъ черезъ всю трагедию, до четвертаго акта; всѣ лица держатъ себя свободнѣе, чѣмъ въ «Смерти Іоанна», темпъ общей игры идетъ живѣе.

¹⁾ Особенность романской школы состоитъ въ преимущественной отдѣлкѣ интриги, тогда какъ германская преимущественно занимается анализомъ и развитіемъ характеровъ. Названіе свое получили онѣ отъ предпочтенія двухъ западныхъ народностей, каждой одному изъ двухъ направленій, которыя лежатъ въ самомъ существѣ драмы и исключаютъ обыкновенно одно другое. Прому прощенья у поборниковъ русскихъ началъ искусства, но кромѣ этихъ двухъ направленій я не знаю другого, равно какъ въ противоположность часто упоминаемой европейской драмѣ не знаю драмы ни азіатской, ни африканской.

Отвергать же въ русскомъ драматическомъ искусствѣ европейскую технику — все равно, что отвергать въ русской живописи европейскую перспективу.

Х А Р А К Т Е Р Ы .

Царь Федоръ.

Не отступая отъ указаній исторіи, но пополняя ея пробѣлы, я позволилъ себѣ изобразить Федора не просто слабодушнымъ, кроткимъ постникомъ, но человѣкомъ, надѣленнымъ отъ природы самыми высокими душевными качествами, при недостаточной остротѣ ума и совершенномъ отсутствіи воли. Природная неспособность его къ дѣламъ еще умножена гнетомъ его отца и постояннымъ страхомъ, въ которомъ онъ находился до 27 лѣтъ, эпохи смерти царя Ивана.

Доброта Федора выходитъ изъ обыкновенныхъ границъ. Она такъ велика, что можетъ иногда достигъ высоты, гдѣ чувство и умъ, составляющіе на низшихъ степеняхъ отдѣльные свойства, сходятся вмѣстѣ и смѣшиваются въ нераздѣльномъ сознаніи правды. Поэтому Федоръ, несмотря на свою умственную ограниченность, способенъ иногда имѣть взгляды, не уступающіе мудростью государственнымъ взглядамъ Годунова. Такъ, въ сценѣ доклада о боярахъ, бѣжавшихъ въ Литву, оба приходятъ къ одному и тому же заключенію: Годуновъ умомъ, а Федоръ — сердцемъ.

Но эта способность замѣнять умъ чувствомъ не всегда присуща Федору. Она въ обыкновенныхъ случаяхъ затемняется нѣкоторыми недостатками, неразлучными съ слабостью характера. Онъ, напримѣръ, не любитъ сознаваться, что онъ слабъ, ни передъ другими, ни передъ самимъ собой, и это часто приводитъ его къ неумѣстному, хотя скоро проходящему упрямству. Ему хочется иногда показать, что онъ самостоятеленъ, и ничѣмъ нельзя такъ польстить ему, какъ упрекнувъ его въ непреклонности или суровости.

Онъ большой хлопотунъ во всемъ, что не касается государственныхъ дѣлъ; никто, по его мнѣнію, не знаетъ такъ, какъ онъ, человѣческое сердце; для него примирить враждующихъ — есть не только долгъ, но и наслажденіе. Набожность его про-

исходить отъ природнаго расположенія; но она перешла въ постничество вслѣдствіе ранняго протеста противъ разврата и жестокости его отца; впоследствии постничество стало ему привычкой, но онъ нисколько не сдѣлался педантомъ; онъ не смотритъ на мірское веселіе какъ на грѣхъ; онъ любитъ медвѣжью травлю и не видитъ въ представленіяхъ скомороховъ служенія сатанѣ. Какъ всѣ люди робкіе, онъ чувствуетъ большое уваженіе къ смѣлости: геройскій характеръ князя Шуйскаго и удалство купца Красильникова затрогиваютъ въ немъ тѣ же сочувственныя струны.

Великодушіе Федора не имѣетъ предѣловъ. Личныхъ обидъ для него не существуетъ, но всякая обида, нанесенная другому, способна вывести его изъ обычной кротости, а если обида касается кого-нибудь особенно имъ любимаго, то негодованіе лишаетъ его всякаго равновѣсія: онъ кричитъ и шумитъ, ничего не видя, кромѣ совершенной несправедливости. Попадъ въ такую колею, онъ спѣшитъ воспользоваться своимъ настроеніемъ; и зная, что оно недолго продолжится, онъ наскоро предписываетъ строгія мѣры, справедливыя по его убѣжденію, но несогласныя съ его характеромъ.

Когда Федоръ взошелъ на престолъ, онъ не обманывался насчетъ своей неспособности и передалъ Годунову полное управленіе царствомъ, съ намѣреніемъ самъ ни во что не вмѣшиваться. Въ расчетъ Годунова не входило взять на первыхъ порахъ всю отвѣтственность на себя. Онъ нашелъ полезнымъ прикрыться авторитетомъ Федора, сохранилъ ему весь наружный видъ неограниченнаго владыки, докладывалъ ему обо всемъ, испрашивалъ на все его рѣшеній, и Федоръ мало-по-малу, при содѣйствіи необходимыхъ придворныхъ льстецовъ, увѣрился, что онъ не такъ неспособенъ, какъ полагалъ. На этомъ періодѣ застаетъ его трагедія. Лѣнь и природное отвращеніе продолжаютъ удалять его отъ дѣлъ; но онъ уже привыкъ думать, что Годуновъ дѣйствуетъ по его инструкціямъ. Только въ важныхъ кризисахъ жизни, когда воля Годунова прямо противорѣчитъ благости Федора, какъ, напримѣръ, когда

Годуновъ грозитъ его оставить, если онъ не выдастъ ему Шуйскаго, самообольщеніе Федора исчезаетъ; онъ убѣждается въ независимой силѣ Годунова, и, не умѣя бороться съ нимъ въ качествѣ царя, даетъ ему отпоръ какъ человѣкъ и христіанинъ. На этой почвѣ онъ стоитъ всегда неизмѣримо выше и Годунова, и самого Шуйскаго, и всѣхъ его окружающихъ. Ошибка Федора состоитъ въ томъ, что онъ не постоянно держится своего призванія быть человѣкомъ, а пытается иногда играть роль царя, которая не указана ему природой. Этой роли онъ не выдерживаетъ, но отъ нея не отказывается: не можетъ обойтись безъ руководителя, но ему не подчиняется. Такое ложное положеніе рождаетъ безпрестанное противорѣчіе между его природой и обязанностями его сана. Въ этомъ его и трагическая, и комическая стороны.

Роль Федора очень многосложна и проходитъ черезъ самыя разнообразныя состоянія души — отъ добродушной пестелости, когда онъ шутитъ съ Ириной, до наступленія, когда онъ узнаетъ о смерти Шуйскаго. Изъ всѣхъ лицъ, какъ первой трагедіи, такъ и этой, лицо Федора, по моему мнѣнію, самое трудное. Оно требуетъ большого изученія и большой тонкости, уже потому, что въ немъ трагическій элементъ и отгѣнокъ комизма переливаются одинъ въ другой, какъ радужные цвѣта на раковинѣ. Съ этимъ комизмомъ сценическій художникъ долженъ обращаться чрезвычайно осторожно и никакъ не доводить его до яркости. Это не что иное, какъ фольга, слегка окрашивающая чистую душу Федора, прозрачную какъ горный кристаллъ. Прибавлять послѣ этого, что въ его роль не слѣдуетъ вмѣшивать карикатурности — я считаю излишнимъ. Одно предположеніе такой возможности было бы для исполнителя оскорбленіемъ, ибо заключало бы въ себѣ самое низкое мнѣніе о его пониманіи искусства.

Первое появленіе Федора, въ короткой сценѣ съ стремяннымъ, съ Ириной и съ Годуновымъ, есть вступительный аккордъ въ его характеръ и должно быть именно такъ понято исполнителемъ. Ребаческій глѣвъ на вѣдыбиншагося ноня, за

блужденіе насчетъ своей физической силы, добродушное поддразниваніе Ирины, скорбь о раздѣленіи царства на партіи, жадно схваченный намекъ Годунова, что онъ не прочь отъ мира съ Шуйскимъ, увѣренность въ знаніи человѣческаго сердца и равнодушіе къ дѣламъ—все это, проникнутое добротой и хлопотливостью, заключаетъ въ себѣ зародыши полного характера, которые должны быть сразу и гармонически переданы.

Когда въ слѣдующемъ актѣ Федоръ является примирителемъ Годунова съ Шуйскимъ, зритель долженъ быть уже настолько знакомъ съ Федоромъ, чтобы его интересовало узнать, какъ такая личность возьмется за такое дѣло? Въ приготовленіяхъ Федора, въ наставленіяхъ его Годунову, Ирину, духовнымъ лицамъ и боярамъ видна виртуозность человѣка, который чувствуетъ себя въ своемъ элементѣ, которому пріятно взяться за трудное дѣло, гдѣ онъ, по своему мнѣнію, мастеръ. Но по мѣрѣ приближенія рѣшительной минуты Федоромъ овладѣваетъ робость, и когда онъ начинаетъ увѣщавать Шуйскаго, застѣнчивость его такъ велика, что онъ не находитъ словъ и передаетъ рѣчь Годунову. Во все продолженіе спора обоихъ противниковъ Федоръ слѣдитъ за ними съ бьющимся сердцемъ. На лицѣ его написаны напряженіе и беспокойство до той минуты, когда противники берутся за руки. Тутъ радость его проявляется варывомъ, какъ то бываетъ у добрыхъ дѣтей, получившихъ наконецъ того они давно желали, но на что не смѣли надѣяться. Дѣтская сторона Федора должна особенно быть видна въ его разговорѣ съ выборными. Я не опасаясь того рода смѣха, который возбуждаютъ въ публикѣ перебивки старика Курюкова, рассказъ Федора о медвѣдѣ или его совѣты Шаховскому, какъ биться на кулачкахъ. Это будетъ смѣхъ добрый, не умаляющій нисколько уваженія къ высокимъ достоинствамъ Федора; и когда онъ уйдетъ отъ выборныхъ, затыкая уши, то, при хорошей игрѣ, публика успеетъ достаточно полюбить его, чтобы надъ нимъ не смѣяться, а развѣ только улыбнуться неловкому положенію, въ которое онъ себя поставилъ. Есть большая разница между тѣмъ, что смѣшно (*drôle*), и тѣмъ, что достойно осмѣянія (*ridicule*).

Первое совмѣстно съ любовью и уваженіемъ, второе исключаетъ эти чувства. На русскомъ языкѣ оба понятія выражаются тѣмъ же словомъ, но они отъ этого не менѣе различны. Ребенку часто подобаетъ эпитетъ: *drôle*, но ему не можетъ подобать эпитетъ: *ridicule*. Федоръ же въ этой сценѣ долженъ быть изображенъ ребенкомъ въ самомъ хорошемъ значеніи слова. Впослѣдствіи онъ покажетъ, что можетъ быть и чѣмъ-нибудь инымъ; но если бы, несмотря на свою благость, онъ кому-нибудь представился не довольно достойнымъ, то мы попросили бы подождать до третьяго акта. Вообще въ искусствѣ бояться выставлять недостатки любимыхъ нами лицъ—не значить оказывать имъ услугу. Оно, съ одной стороны, предполагаетъ мало довѣрія къ ихъ качествамъ, съ другой—приводитъ къ созданію безукоризненныхъ и безличныхъ существъ, въ которыя никто не вѣритъ. Здѣсь кстати замѣтить, въ отвѣтъ на нѣкоторыя опасенія объ униженіи царскаго достоинства въ лицѣ Федора, что значеніе каждой пьесы опредѣляется общимъ ея впечатлѣніемъ, а не отдѣльными частями, тѣмъ менѣе отдѣльными фразами или словами. Общее впечатлѣніе Федора не должно быть иное, какъ сочувственное; а сочувствія нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ правдоподобія, которое исчезнетъ, когда отнять у Федора его слабыя стороны. Если роль будетъ сыграна хорошо, то отвлеченная идея царскаго достоинства не пострадаетъ отъ того, что публика увидитъ на сценѣ подтвержденіе факта, извѣстнаго ей изъ исторіи, то-есть, что послѣдній государь изъ династіи Рюриковичей былъ слабъ и ограниченъ. Царское достоинство можетъ развѣ пострадать отъ плохой игры, и то не въ одной роли Федора, но и въ роли всякаго вѣнценосца, хотя бы онъ былъ Августъ.

Итакъ, отъ драматическаго артиста зависитъ передать Федора—какъ онъ понятъ авторомъ, то-есть исполненнымъ высшихъ душевныхъ достоинствъ, далеко превышающихъ его недостатки.

Послѣ сцены доклада, характеръ Федора является съ новой

стороны. Желая выписать царевича Дмитрія изъ Углича, онъ бунтуетъ противъ Годунова, не соглашающагося на эту мѣру, и старается сбросить его нго. Эта попытка ему не удается потому, что онъ противопоставить Годунову свою самую слабую сторону — свое качество неограниченнаго царя. Зато въ слѣдующей сценѣ, гдѣ Годуновъ требуетъ выдачи Шуйскаго, Ѳеодоръ остается побѣдителемъ, потому что, вмѣсто царской власти, опирается на свою самую сильную сторону — на качество человѣка и христіанина. Онъ уже не спрашиваетъ съ сердцемъ:

Я царь, или не царь?

но откровенно и вѣжливо говорить:

Какой я царь! Меня во всѣхъ дѣлахъ

И съ толпою сбить, и обмануть не трудно!

Эти двѣ сцены нарочно сопоставлены вмѣстѣ, чтобы первая усиливала вторую своимъ съ ней контрастомъ, и чтобы Ѳеодоръ, внезапно сознающійся въ неспособности быть царемъ, выросъ во мнѣніи зрителя какъ человѣкъ.

Переходъ Ѳеодора отъ несостоятельнаго царя къ человѣку сильному однимъ человѣческимъ чувствомъ, его исканіе и обрѣтеніе утѣхи отъ собственной слабости въ христіанскомъ смиреніи должны быть ярко и выпукло выставлены. Когда, по удаленіи Годунова, Ѳеодоръ бросается на шею Иринѣ, зритель долженъ видѣть, какого усиія стоило ему разрывъ съ правителемъ и какъ дорого онъ ему обошелся. Лицо Ѳеодора измѣнилось какъ послѣ болѣзни, но оно преобразовано сознаніемъ, что онъ поступилъ по совѣсти; оно выражаетъ теперь его полное согласіе съ самимъ собой, и когда онъ, сломанный физически своей моральной побѣдой, опирается на руку Ирины, — его прежніе недостатки, его ограниченность, его коимъ должны представиться зрителю въ иномъ значеніи, и онъ долженъ понять, что они были нужны дабы Ѳеодоръ явился великъ не какими-нибудь блестящими качествами, но именно христіанскимъ смиреніемъ, лишеннымъ всякаго блеска.

Если бы Федоръ могъ удержаться на этой высотѣ, онъ заслуживалъ быть причисленнымъ къ лику святыхъ, но человеческая слабость беретъ свое. Въ четвертомъ актѣ онъ, сидя за кинпоу бумагъ, которыхъ не можетъ понять, сожалѣетъ о своей ссорѣ съ Годуновымъ и готовъ сдѣлать ему уступки. Клешнинъ приноситъ ему ультиматумъ правителя, но Годуновъ требуетъ слишкомъ много, Федоръ не соглашается и попрежнему не вѣритъ измѣнѣ Шуйскихъ. Слѣдуетъ очная ставка Клешнина съ Шуйскимъ. Непроницательность Федора, смѣшанная съ великодушіемъ и упрямствомъ, высказывается здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ-либо. Когда онъ, добиваясь отъ Шуйскаго оправдательнаго отвѣта, тѣмъ самымъ вынуждаетъ у него признаніе въ измѣнѣ, этотъ неожиданный оборотъ приводитъ его въ такой испугъ, что не Шуйскій, а онъ кажется появившимъ въ западню. Чтобы выручить Шуйскаго, Федоръ не находитъ лучшаго средства, какъ увѣрять, что Шуйскій по его приказанію объявилъ царемъ Дмитрія. Комизмъ этой уловки не долженъ мѣшать зрителю быть тронутымъ великодушіемъ Федора и согласиться съ Шуйскимъ, когда онъ говоритъ:

Нѣтъ, онъ святой!

Богъ не велитъ подняться на него.

Задача исполнителя въ этомъ трудномъ мѣстѣ—заставить публику улыбаться сквозь слезы.

Если она удастся, то публика пойметъ, въ какомъ раздраженіи находятся нервы Федора, когда онъ узнаетъ изъ бумаги, поданной ему Шаховскимъ, что тотъ самый Шуйскій, котораго онъ только-что спасъ, за котораго поссорился съ Годуновымъ—хотѣлъ развести его съ женой, такъ нѣжно и горячо имъ любимой.

Возстаніе Шуйскаго, какъ обида личная, не возбудило въ Федорѣ ни малѣйшаго гнѣва. Онъ не принялъ это возстаніе ни какъ государственное преступленіе, ни какъ обиду; оно представилось ему только съ точки зрѣнія опасности, которой подвергался глубоко чтимый имъ воевода, тотъ, кому

земля обязана спасеньемъ. Но когда Шуйскій затронулъ его Ирину, Федоръ сперва плачетъ, потомъ выходитъ изъ себя. Онъ не соображаетъ хронологическаго отношенія имѣнны, имъ только-что прощенной, съ челобитней о разводѣ, не поданной Шуйскимъ; не соображаетъ, что челобитня предшествовала имѣннѣ, а имѣнна исключаетъ челобитню; поступокъ Шуйскаго представляется ему какъ черная неблагодарность, и, ничего не разбирая, ничего не видя, кромѣ оскорбленія своей Ирины, онъ яростно кричитъ:

Въ тюрьму! Въ тюрьму!

и прихлопываетъ печатью заготовленный Клепкинныиъ приказъ.

Не смѣю утверждать, что поспѣшность Федора происходитъ отъ одного негодованія, и что къ ней не примѣшивается облегчительнаго чувства, что онъ можетъ теперь, не грѣша противъ совѣсти, исполнить требованіе правителя и съ нимъ помириться. Во всякомъ случаѣ, Федоръ уже смотритъ на возстаніе иначе, чѣмъ за нѣсколько минутъ, ибо чувство его къ Шуйскому имѣнилось, а въ природѣ человѣческой — окрашивать чужіе поступки нашимъ личнымъ расположеніемъ къ ихъ совершителямъ.

Въ пятомъ актѣ нѣтъ вовсе комизма; заключительный аккордъ долженъ быть чисто трагическій. Обращеніе Федора къ усопшему родителю, послѣ панихиды, есть послѣднее его усиліе выдержать неподобающую ему роль. Его изступленіе при вѣсти о смерти Шуйскаго, его возгласъ:

Палачей!

не должны возбуждать улыбки. Это слово хотя не имѣетъ въ устахъ Федора того значенія, какое имѣло бы въ устахъ его отца—должно быть произнесено съ неожиданной, потрясающей энергіей. Это высшій пароксизмъ страданія, до котораго доходитъ Федоръ, такъ что силы его уже истощены, когда онъ узнаетъ о смерти Дмитрія, и эта вторая вѣсть дѣйствуетъ на него уже подавляющимъ образомъ. Подозрѣніе на Годунова, мелькнувшее въ немъ по поводу Шуйскаго, еще разъ промелькиваетъ, какъ молнія, относительно Дмитрія:

Ты, кажется, спавалъ:
Онъ удавился? Митя-жъ закололся?
Арина—а? Что если—

Послѣднюю строку Федоръ произноситъ съ испугомъ, чтобы зритель понялъ, какая ужасная мысль его поразила. Годуновъ устраняетъ ее предложеніемъ послать въ Угличъ Василю Шуйскаго, племянника удушеннаго князя; Федоръ бросается ему на шею, прося прощенія, что мысленно оскорбилъ его — и совершенно теряется. Онъ хочетъ дать наставленія Василю Шуйскому, но рыданія заглушаютъ его слова. Теперь онъ сознаетъ, что по его винѣ погибли Шуйскій и Дмитрій, а царство осталось безъ преемника, и въ первый разъ постигаетъ, до какой степени было несостоятельно его притязаніе государить. Почва царственности проваливается подъ нимъ окончательно, онъ окончательно отказывается отъ всякой попытки на ней удержаться. Отнынѣ онъ уже ни во что не выѣшивается, онъ умеръ для міра, онъ весь принадлежитъ Богу.

Это отреченіе отъ жизни, этотъ разрывъ съ прошедшимъ должны быть символически ознаменованы обстановкой Федора въ послѣдней сценѣ трагедіи. Всѣ окружавшія его лица удалились. Осталась одна Ирина, да толпа нищихъ, да, пожалуй, два-три столѣника съ царской стряпней, чтобы не слишкомъ отступать отъ этикета. Въ этомъ скромномъ окруженіи Федоръ произноситъ свой заключительный монологъ, а нищая братія въ то же время затягиваетъ вполголоса псаломъ, и на его «покаянномъ» напѣвѣ слова Федора вырѣзываются какъ старинная живопись на золотомъ полѣ.

Мы видѣли изъ предшествующаго обзора, что въ характерѣ Федора есть какъ бы два человѣка, изъ коихъ одинъ слабъ, ограниченъ, иногда даже смѣшонъ; другой же, напротивъ, великъ своимъ смиреніемъ, почтененъ своей нравственной высотой. Но эти два человѣка рѣдко являются отдѣльно; они большею частію слиты въ одну цѣльную личность, и во-

площеніе этой *цѣлѣности* составляетъ главную задачу драматическаго исполнителя.

Наружность Федора уже описана въ постановкѣ «Смерти Іоанна». Онъ былъ малъ, дряблъ, склоненъ къ водяной болѣзни и почти безбородъ. Цвѣтъ лица его блѣдно-желтоватый (*sallow complexion*, по выраженію Флетчера), ноги слабы, поступь неровна, носъ соколиный, губы улыбающіяся. Это, очевидно, не *мой* Федоръ. *Моему* Федору можно отъ его исторической наружности сохранять только малый ростъ, отсутствіе бороды, неровность поступи и улыбающіяся черты лица. Портретъ Федора надъ его гробницей, въ Архангельскомъ соборѣ, воспроизведенный Солнцевымъ въ «Русскихъ древностяхъ», не имѣетъ никакого значенія, ибо это не портретъ, а просто человѣческое лицо безо всякой фивіоміи, въ родѣ тѣхъ, какія рисуютъ дѣти. Возвращеніе на эти черты профессора Снегирева для меня непонятно.

Въ трагедіи я придалъ Федору болѣе живости, чѣмъ у него было на дѣлѣ, но она проявляется только въ его хлопотливости, когда онъ хочетъ что-нибудь *устроить*; обыкновенно же онъ скорѣе лѣнивъ и вялъ; но какъ у меня онъ почти всегда занятъ желаніемъ кого-нибудь помирить или оправдать, или спасти, то онъ почти непрерывно хлопочетъ. Приемы его робки, видъ застѣнчивъ, голосъ и взглядъ чрезвычайно кротки, при большомъ желаніи казаться твердымъ и рѣшительнымъ.

Черезъ всю роль Федора проходитъ одна черта, дающая ему особенный колоритъ: это его любовь къ Иринѣ. Она ему и другъ, и опора, и утѣшительница въ скорбяхъ. Мысль о ней не покидаетъ его ни на мигъ и примѣшивается ко всѣмъ его душевнымъ движеніямъ. Все, что съ нимъ случается, онъ относитъ къ ней; горе ли съ нимъ приключится или обрадуется онъ чему, онъ тотчасъ бѣжитъ къ Иринѣ и дѣлится съ ней своимъ впечатлѣніемъ. Также, если онъ что-нибудь затѣетъ, Ирина непременно должна ему помогать.

Особенно же онъ рассчитываетъ на поддержку Ирины.

когда Годуновъ требуетъ отъ него чего-нибудь противнаго его благодушію. Но бываетъ, что онъ и не соглашается съ Ириной, особенно въ мелочахъ, потому что ему хочется показать, что онъ все-таки царь и господинъ въ своемъ домѣ. Иногда онъ любитъ и подразнить Ирину, но это дѣлается очень добродушно и только съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же выказать къ ней еще большую нѣжность.

Для передачи Федора требуется не только тонкій умъ, но и сердечное пониманіе. Если же исполнитель, сверхъ того, еще и полюбитъ его, сживется съ нимъ и войдетъ къ нему въ душу, то въ его роли можетъ оказаться много оттѣнковъ, не тронутыхъ въ этомъ обзорѣ, и много эффектовъ, мною не предвидѣнныхъ. Изъ всѣхъ нашихъ артистовъ я никого такъ не желалъ бы видѣть въ роли Федора, какъ Сергія Васильевича Шумскаго.

Годуновъ.

Въ проектѣ о постановкѣ моей первой трагедіи я описалъ подробно его характеръ, и потому ограничусь здѣсь только тѣми особенностями, которыя принадлежатъ ему какъ правителю царства.

Получивъ верховную власть, Годуновъ, вѣрный своимъ правиламъ, остается наружно на второмъ планѣ. Онъ всегда держитъ себя съ Федоромъ чрезвычайно почтительно; съ Ириной же, при свидѣтеляхъ, даже преувеличиваетъ свое благоговѣніе, ибо хочетъ подавать примѣръ другимъ, и, возвышая свою сестру въ общемъ мнѣніи, самъ дѣлается сильнѣе. Мы видимъ изъ исторіи, что онъ ничѣмъ не пренебрегалъ, чтобы окружить Ирину царскою пышностью и упрочить ей любовь народа. Онъ умножилъ число ея боярынь, далъ ей цѣлый полкъ личныхъ телохранителей, и въ торжественные дни, особенно въ день ея рожденія, издавалъ грамоты о прощаніи виновныхъ однимъ ея именемъ, не упоминая о себѣ.

дворѣ. Въ сношеніяхъ съ иностранными державами онъ представлялъ Ирину какъ участницу въ управленіи царствомъ, такъ что Елисавета англійская почла нужнымъ писать лично къ Иринѣ, чтобы этою любезностью расположить ее къ себѣ въ дѣлѣ объ уменьшеніи пошлинъ съ англійскихъ купцовъ. Дѣйствуя на тщеславіе бояръ, Годуновъ завелъ званые царскіе обѣды, на которые иногда самъ не былъ приглашаемъ; но кто въ такой день обѣдалъ у царя, тотъ завидовалъ гостямъ Годунова. Въ думѣ онъ сидѣлъ не на первомъ, а на четвертомъ мѣстѣ.

Эта сдержанность, умѣренность и наружное смиреніе видны во всѣхъ его приемахъ, но теперь сознаніе власти просвѣчиваетъ въ нихъ болѣе, чѣмъ въ «Смерти Іоанна». Годуновъ при случаѣ умѣетъ быть гордымъ—даже съ Феодоромъ.

Когда Шуйскій приноситъ на него жалобу, а Феодоръ его спрашиваетъ:

То правда-ль, шуринъ?

онъ отвѣчаетъ: «Правда!» съ такимъ видомъ, изъ котораго ясна его увѣренность, что не Феодоръ, а онъ—настоящій господинъ царства.

То же чувство сквозитъ въ его обращеніи къ Иринѣ:

Не дѣльно ты, сестра,
Выѣзжалася во что не разумѣешь!

равно какъ и въ его замѣчаніи на удостовѣреніе Федора Шуйскому, что Дмитрій будетъ перевезенъ въ Москву:

А я на то отвѣтилъ государю,
Что въ Угличѣ остаться долженъ онъ.

Но Годуновъ обнаруживаетъ сознаніе своей власти только въ исключительныхъ случаяхъ. Обыкновенно же онъ скрываетъ его подъ видомъ полной зависимости отъ Федора:

Твоему желанью
Поваживаться долтъ мой, государь.

говорить онъ въ сценѣ примиренія, такъ скромно, какъ будто оно не имъ самымъ возбуждено, а принято изъ покорности къ Феодору. Въ продолженіе своего спора съ Шуйскимъ онъ дер-

жить себя чрезвычайно достойно, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень скромно, и умѣренность его составляетъ контрастъ съ кипучею гордостью Шуйскаго.

Когда онъ объявляетъ Федору о необходимости взять Шуйскаго подъ стражу, въ его невозмутимомъ спокойствіи слышится непреклонность. Онъ знаетъ, чего хочетъ, и не останавливается передъ послѣдствіями. Неожиданный отказъ Федора поражаетъ его удивленіемъ, ибо онъ не привыкъ ошибаться въ людяхъ, и думалъ доселѣ, что знаетъ Федора насквозь. Но здѣсь случилось, что случается иногда съ людьми, привыкшими играть другими какъ рѣшками: они въ своихъ смѣтахъ слишкомъ дешево ставятъ нравственное чувство человѣка—и расчетъ ихъ бываетъ невѣренъ.

Монологъ Годунова въ четвертомъ актѣ, гдѣ онъ говоритъ о своемъ отрѣшеніи, долженъ быть произнесенъ съ непривычнымъ ему волненіемъ. Зритель долженъ видѣть, что въ немъ, какъ и въ Шуйскомъ, произошелъ переворотъ, рѣшающій направление всей его жизни.

Сцена съ Клепшвинымъ, гдѣ рѣчь идетъ о Волоховой, очень трудна. Годуновъ не велитъ убить Дмитрія. Онъ, напротивъ, три раза сряду говоритъ Клепшнину: *«Скажи ей, чтобъ она царевича блюла!»* и несмотря на то, Клепшницъ долженъ понять, что Дмитрій осужденъ на-смерть. Это одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ исполнителю предоставляется обширное поле для его художественныхъ соображеній. Троекратное: *«чтобы она блюла царевича»*—должно каждый разъ быть сказано иначе. Мысль Годунова, противорѣчащая его словамъ, сначала едва сквозить; потомъ она какъ будто самого его пугаетъ, и онъ готовъ отъ нея отказаться; въ третій же разъ, послѣ словъ:

Убить, но живи!—

эта мысль является установившеюся, и наставленіе блюсти царевича должно звучать какъ смертный ему приговоръ.

Отказъ Годунова увидѣть Волохову также долженъ быть сказанъ знаменательно: Годуновъ, съ одной стороны, отпи-

неть ответственность на случай нескромности Волоховой; съ другой—чувствуетъ невольное содроганіе вступить въ личные переговоры съ своимъ гнуснымъ орудіемъ. Всѣ эти подробности должны быть въ дѣйствіи такъ отчеканены, чтобы онѣ подготовили зрителя къ тому чувству чего-то недобраго, которое, при хорошей игрѣ, исполнить его въ слѣдующей сценѣ Клешинина съ Волоховой.

Послѣ разговора съ Клешининымъ, Годуновъ является въ началѣ пятаго акта, сперва въ сценѣ съ Василиемъ Шуйскимъ, потомъ въ сценѣ съ Ириной. Первая сцена не важна въ отношеніи характеристики Годунова: цѣль ея только подготовить отправку Василя Шуйскаго на углищное слѣдствіе; но вторая имѣетъ особенную важность. Она, по положенію своему въ экономіи драмы, принадлежитъ къ разряду замедляющихъ, ибо драматическое движеніе быстро спѣшитъ къ концу, а ему бросаютъ на встрѣчу препятствіе, чтобы, опрокинувъ его, оно тѣмъ неудержимѣе ринулось въ катастрофу. По содержанію своему эта сцена синтетическая, ибо она въ своемъ фокусѣ собираетъ весь характеръ Годунова, опредѣляетъ значеніе Федора и заставляеть зрителя оглянуться на пройденную имъ дорогу. Сверхъ того, въ ней полнѣе опредѣляется характеръ Ирины. По формѣ эта сцена лирическая, и въ этомъ качествѣ должна быть играна съ нѣкоторымъ паэосомъ. Ирина проситъ Годунова пощадить Шуйскаго; онъ ей отказывается—вотъ и все внѣшнее содержаніе. Но въ немъ, съ обѣихъ сторонъ, много психическихъ движеній, а непреклонность Годунова является теперь въ строгой формѣ государственной необходимости. Какъ ни жестоки его мѣры, зритель долженъ видѣть, что онѣ внушены ему не однимъ честолюбіемъ, но и болѣе благородною цѣлью—благомъ всей земли, и если не простить ему приговора Дмитрія, то понять, что Дмитрій есть дѣйствительно препятствіе къ достиженію этой цѣли. Свой монологъ:

Высокая гора

Былъ царь Иванъ...

Годуновъ прожигаетъ внятно, не спѣша, какъ бы погруженный въ самого себя. Когда онъ доходить до мѣста:

Семи лѣтъ съ тѣхъ поръ, владыка на камнехъ камень...

голосъ его одушевляется, и въ немъ слышатся гнѣвъ и скорбь, а послѣднія слова:

Имъ мѣста нѣтъ, быть мѣста не должно!

онъ выговариваетъ съ рѣшительностью, не допускающей возраженія. Но Ирина не считаетъ себя побѣжденной. Она истощаетъ всѣ доводы въ пользу Шуйскаго. Годуновъ ихъ всѣ опровергаетъ, и, переходя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, требуетъ отъ Ирины, чтобы она сама помогла ему погубить Шуйскихъ. Ирина отвергаетъ это требованіе, и братъ и сестра расходятся какъ достойные противники, знающіе другъ друга и не теряющіе лишніе словъ, а зритель остается въ недоумѣніи, кому изъ двухъ будетъ принадлежать побѣда.

Эта сцена должна усилить ожиданіе развязки, и на нее нельзя не обратить главнаго вниманія.

Въ концѣ пятаго акта Годуновъ, въ числѣ прочихъ бояръ, выходитъ съ Ѳеодоромъ изъ собора.

Когда, Ѳеодоръ, узнавъ объ умерщвленіи Шуйскаго, обращается къ Годунову со словами:

Ты вѣдалъ это?

а Годуновъ отвѣчаетъ:

Видѣть Богъ—не вѣдалъ!

въ его отвѣтъ есть и правда, и ложь; онъ дѣйствительно не зналъ, что Шуйскій удушенъ, но, приставивъ къ нему его смертельнаго врага, Туренина, онъ имѣлъ поводъ ожидать, что дѣло именно такъ кончится.

При извѣстіи о смерти Дмитрія Годуновъ не можетъ казаться равнодушнымъ. Его возненіе видно сквозь наружное спокойствіе; но онъ скоро оправляется и съ невозмущеннымъ видомъ предлагаетъ послать на слѣдствіе Василя Шуйскаго.

Слова свои, обращенныя въполгоса къ Ирину:

Пути самлися наши!

онъ произноситъ съ сдержаннымъ торжествомъ, и ставъ подъ начало Мстиславскаго (фактъ историческій), покидаетъ сцену съ эффектомъ, но безъ напыщенности, оставляя зрителю испугающее впечатлѣніе чловѣка, которому участь земли дороже всего, и который умѣетъ не только повелѣвать, но и подчиняться другому, когда благо государства того требуетъ.

Тѣмъ его роли въ концѣ пятаго акта идетъ очень быстро, какъ и всѣхъ прочихъ ролей, ибо дѣйствіе напираетъ на катострофу, нѣтъ болѣе мѣста для анализа, и событія изображены *подъ титлами, или en gascogné*.

Подобно какъ въ «Смерти Іоанна», такъ и въ этой драмѣ судьба Годунова ею не оканчивается, но, пронизывая насквозь обѣ трагедіи, терянся въ будущемъ.

Насчетъ его наружности и приѣмовъ отсылаю исполнителя къ «Постановкѣ Смерти Іоанна».

Нязь Иванъ Петровичъ Шуйскій.

Этотъ врагъ, соперникъ и жертва Годунова, представляетъ разительную съ нимъ противоположность. Отличительныя качества его—прямота, благородство и великодушіе; отличительныя недостатки—гордость, стремительность и односторонность. Къ этому присоединяется нѣкоторая мягкость сердца, не чуждая сильному характеру, но всегда вредная для достиженія политическихъ цѣлей.

Знаю онъ мягкосердъ.

говорить про него благовѣщенскій протопопъ.

Младенецъ сущій!

говорить его племянникъ, Василій Шуйскій.

Скорѣ больно днаѣ Иванѣ!

говорить Дмитрій Шуйскій.

Трудно кривить душой!

говорить онъ самъ про себя.

Понятно, что такой человѣкъ не могъ выдержать борьбу съ Годуновыми, который не былъ ни одностороненъ, ни мягкосердъ, ни стремителемъ въ своихъ дѣйствіяхъ, ни разборчивъ въ средствахъ, и которому ничего не стоило кривить душой для достиженія своихъ цѣлей. Но на сторонѣ Шуйскаго, какъ главы партіи, были такія преимущества, которыхъ не доставало Годунову. Войнская слава князя Ивана Петровича гремѣла не только по всей Россіи, но въ цѣломъ образованномъ мірѣ, читавшемъ еще недавно, на всѣхъ европейскихъ языкахъ, описанія знаменитой осады Пскова и восторженные хвалы его защитнику. Его великодушный, доблестный нравъ, съ отбѣнкомъ западнаго рыцарства, былъ вѣдомъ друзьямъ и недругамъ. Вызовъ его Замойскому на единоборство, на который намекаетъ Шаховской въ первой сценѣ трагедіи, есть фактъ историческій. Гейденштейнъ и русская хроника рассказываютъ, что во время псковскаго обложенія Шуйскій получилъ изъ литовскаго стана письмо отъ одного нѣмца, Моллера, изъявлявшаго желаніе перейти на нашу сторону. При этомъ Моллеръ послалъ Шуйскому тяжелый ящикъ съ просьбой вынуть изъ него казну и блюсти до его прибытія. Изъ предосторожности Шуйскій поручилъ искусному мастеру открыть ящикъ, и въ немъ оказалось 24 варяженные ствола со взведенными курками, которые произвели бы варывъ, еслибъ ящикъ былъ открытъ неумѣючи.

Приписывая это варварство, быть можетъ ошибочно, Замойскому, Шуйскій послалъ ему письменный укоръ, что онъ поступилъ нечестно, и предложилъ ему, вмѣсто того, помѣриться съ нимъ на сабляхъ лицомъ къ лицу. Одна эта черта освѣщаетъ всего Шуйскаго со стороны его благородства и будущей несостоятельности, какъ руководителя заговора. Вос-

вода, имѣвшій подѣ своею отвѣтственностью многія тысячи людей и согласившійся играть живнью въ личномъ дѣлѣ, изъ одного чувства прямоты—есть тотъ самый человѣкъ, который впослѣдствіи, на очной ставкѣ съ Клепниннымъ, предпочтетъ погубить свою голову, чѣмъ отвѣтить неправду на вопросъ царя, сдѣланный ему именемъ его чести. И Ѳеодоръ, съ вѣрнымъ чутьемъ высокой души, уважающей другую высокую душу, не ошибается въ Шуйскомъ, когда не требуетъ отъ него ни клятвы, ни цѣлованія иконы, а говоритъ:

Скажи по чести мнѣ, по чести только,
И слова твоего съ мена довольно!

Вообще причина любви Ѳеодора къ Шуйскому—это испытанная прямота и благородство послѣдняго: они—два родственные характера. Имѣй Ѳеодоръ силу и умъ, онъ былъ бы похожъ на Шуйскаго.

Какъ въ роли Ѳеодора, такъ и въ роли Шуйскаго главные основанія положены во вступительной сценѣ. Изъ первыхъ словъ Шуйскаго мы узнаемъ его ненависть къ Годунову и упорную привязанность къ старинѣ; изъ возраженія Василю Шуйскому—его честность съ самимъ собой; изъ отвѣта Годовину—его доселѣ непоколебимую вѣрность Ѳеодору; а изъ заключительнаго монолога—его отвращеніе отъ кривыхъ путей. Сверхъ того, въ этой сценѣ разъяснено, въ разговорахъ разныхъ лицъ, много рефлексовъ, объясняющихъ другія стороны Шуйскаго, такъ что при помощи этихъ данныхъ исполнителю будетъ нетрудно воплотить его личность и сдѣлать ее для зрителя несомнительною.

Въ сценѣ примиренія прежде всего бросается въ глаза гордость Шуйскаго. Слова:

Государь,
Мнѣ въ думѣ дѣлать ничего, и т. д.

должны быть сказаны даже съ нѣкоторою суровостью. Она продолжаетъ являться и во всѣхъ возраженіяхъ его Годунову.

и въ первомъ отвѣтѣ царя. Только послѣ монолога Ирины, когда она, кланяясь ему, говоритъ:

Монѣ большаго поклона,
Прощу тебя забудь свою драгу!—

—ледяной панцырь, которымъ Шуйскій обложитъ свое сердце, растаиваетъ, и въ голосъ его слышится дрожаніе, когда онъ отвѣчаетъ:

Царяца-матушка, ты на меня
Потѣла какъ будто тѣмъ лѣтомъ!

Этотъ переходъ отъ суровости къ умиленію, это преклоненіе мужественнаго характера передъ женскою благостью—лучше всего обрисовываютъ Шуйскаго, и драматическій артистъ сдѣлаетъ хорошо, если обратитъ большое вниманіе на это мѣсто.

Со словами Шуйскаго:

Вотъ моя рука!

которыя онъ выговариваетъ съ откровенною рѣшимостью, все враждебное исчезаетъ изъ его сердца и съ его лица. Онъ искренно помирился съ Годуновымъ, искренно вѣритъ его обѣщаніямъ, и съ полнымъ чистосердечіемъ произноситъ свою клятву. Къ выборнымъ, дервающимъ сомнѣваться, что правитель сдержитъ свое слово, Иванъ Петровичъ обращается съ гнѣвнымъ упрекомъ, въ то самое время, какъ Годуновъ шепчетъ Клепшину:

Замѣть ихъ имена
И зацѣпи!

Здѣсь особенно виденъ контрастъ между характерами Годунова и Шуйскаго. Оба исполнителя должны на репетиціяхъ усвоить себѣ: первый—благозвучную убѣдительность голоса и невозмутимое спокойствіе пріемовъ; другой—сначала гордую суровость, потомъ стремительную довѣрчивость въ своихъ новыхъ отношеніяхъ къ примиренному врагу.

Въ третьемъ актѣ, при вѣсти о вѣроломствѣ Годунова, Шуйскій сперва не можетъ ей повѣрить, потомъ вскипаетъ негодованіемъ. Когда же братья его хлопотливо предлагаютъ каждый свою мѣру, онъ молчитъ, сдвинувъ брови, погружен-

онъ самъ въ себя, и вдругъ, какъ будто опомнившись и удивляясь, что они такъ долго ищутъ исхода, восклицаетъ:

Вы словно всё въ бреду!

и рѣшается идти къ царю, увѣренный, что прямой путь—самый лучший. Его слова:

И можете вынѣ мы,
Хвала Творцу, не погрѣшая сами,
Его внавергають частими руками!

должны звучать увѣренностью въ успѣхѣ, а слѣдующія вѣтъ:

Наружу ложь! И сгинетъ Годуновъ!
Лишь солнце тамъ, въ востокѣ засияетъ —

торжествомъ побѣды, какъ звуки бранной трубы.

Младенецъ!—замѣчаетъ, пожимая плечами, Василий Шуйскій, когда дядя его удалился. И въ самомъ дѣлѣ, князь Иванъ Петровичъ въ этомъ случаѣ такой же младенецъ, какъ и самъ Ѳеодоръ, такой же, какъ и всякій, чистый человѣкъ, не вѣрящій, что наглая неправда можетъ взять верхъ надъ очевидной правдой.

Опытъ доказываетъ, что онъ слишкомъ много рассчитывалъ на Ѳеодора. Эта слабая опора подъ нимъ подламывается и когда онъ уходитъ съ негодующими словами:

Прости, великій царь!

зритель долженъ видѣть и слышать, что въ немъ произошелъ одинъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые измѣняютъ всю жизнь человѣка.

Свой распоряженія насчетъ восстанія онъ дѣлаетъ откровенно и отдаетъ свои приказанія отрывисто, съ лихорадочною рѣшимостью. Ему не легко отказаться отъ долголѣтней вѣрности царю, отъ тѣхъ началъ законности, во имя которыхъ онъ жилъ доселѣ; но онъ думаетъ, что того требуетъ благо земли, а оскорбленная гордость ему поддается. Но если бы Ѳеодоръ еще одумался и смѣнилъ Годунова, Шуйскій отказался бы отъ восстанія. Поэтому, когда Ѳеодора за нимъ посылаетъ, онъ

повинуется, предполагая, что Федоръ хочетъ дать ему удовлетвореніе.

Вмѣсто того присходитъ сцена очной ставки, и Шуйскій, изъ чувства чести, выдаетъ себя головой. Здѣсь, быть можетъ, не бесполезно сдѣлать возраженіе на ошибочное мнѣніе, что чувство чести въ XVI вѣкѣ было исключительно принадлежностью Запада. Къ прискорбію, мы не можемъ скрыть отъ себя, что въ московскій періодъ нашей исторіи, особенно въ цареніе Ивана Грознаго, чувство это, въ смыслѣ охраненія собственнаго достоинства, значительно пострадало или уродливо исказилось, и что если мы обязаны московскому періоду нашимъ выѣшнимъ величіемъ, то, купивъ его внутреннимъ своимъ униженіемъ, мы дорого за него заплатили. Но въ смыслѣ долга, признаваемого человѣкомъ надъ самимъ собой и обрекающаго его, въ случаѣ нарушенія, собственному превращенію, чувство чести, слава Богу, у насъ уцѣлѣло.

Древняя юридическая формула: *да будетъ мнѣ стыдно!* была отмѣнена и забыта, но духъ ея не вовсе исчезъ изъ народнаго сознанія. Чему приписать иначе столько случаевъ именно въ цареніе Грознаго, гдѣ его жертвы предпочитали смерть *стыдному долгу*? Чему приписать поступокъ князя Репнина, умершаго, чтобы не плясать передъ царемъ? Или поступокъ нашихъ пушкарей подъ Венденомъ, лишившихъ себя жизни, чтобы не быть взятыми въ плѣнъ? Или (если не ограничиваться одними мужскими примѣрами) поступокъ боярынь княгини Старицкой, жены князя Владиміра Андреевича, избравшихъ казнь и мученія, чтобы не принять царскихъ милостей? Солгать же изъ желанія спасти свою жизнь — безъ сомнѣнія, считалось не менѣе постыднымъ, чѣмъ отдаться живымъ неприятелю.

Связь съ Византіей и татарское владычество не дали намъ возвести идею чести въ систему, какъ то совершилось на Западѣ, но святость слова осталась для насъ столько же обязательною, какъ она была для древнихъ грековъ, и римлянъ. Довольно потеряли мы нашего достоинства въ тяжелый москов-

скій періодъ, довольно приняли униженій всякаго рода, чтобы не было нужно отымать у нашихъ лучшихъ людей того времени еще и возможности *великимъ честнаго слова*, потому только, что это чувство есть также западное ¹⁾).

Какъ ни известна Шуйскому благость Федора, но послѣ своего принятія онъ не ожидалъ того оборота, который Федоръ дастъ его дѣлу. Последнее усиліе Шуйскаго выдержать свой характеръ выражается въ словахъ:

Не вѣдуй, государь,
Меня прости! Я на тебя-бы снова
Тогда попалъ.

Слова эти онъ выговариваетъ гордо и сурово, какъ бы для того, чтобы отнять у Федора всякую возможность его помиловать. Но съ Федоромъ сладить не легко, когда онъ ваялъ себя въ голову спасти утопающаго. Онъ, какъ неустрашимый пловецъ, бросается за нимъ въ воду, хватается его за руки, хватается за волосы, хватается за что попало и противъ воли тащить на берегъ. Суровость Шуйскаго разбивается въдребезги объ это безпредѣльное великодушіе. Онъ побужденъ имъ теперь, какъ прежде былъ побужденъ благостью Ирины, слезы брызнули изъ его глазъ, и со словами:

Нѣтъ, онъ святой!
Богъ не велитъ подняться на него!

онъ упалъ бы на колѣни передъ Федоромъ, если бы тотъ не вытолкнулъ его изъ покоя, говоря:

Ступай, ступай! Раздѣлай что ты сдѣлалъ!

¹⁾ Это разнится отъ отверженіи въ русской драмѣ общаго закона искусства, потому что эти законы признаны всею Европой. Странная болѣзнь быть европейцами! Странное иснаніе русской народности въ сходствѣ съ туранцами и русской оригинальности въ вѣймахъ татарскаго ита! Славянское племя принадлежить къ семьѣ индо-европейской. Татарщина у насъ есть элементъ восточный, случайный, привившійся въ намъ насильственно. Нечего имъ гордиться и изъ щеголять! И нечего становиться спиной къ Европѣ, какъ предлагаютъ некоторые псевдо-русы. Такая позиція доказывала бы только необразованность и отсталость историческаго ситисла.

Послѣ этой сцены мы видимъ Шуйскаго въ послѣдній разъ, въ кандалахъ, подъ стражею, ведомаго въ тюрьму его заклятымъ врагомъ, Туренинымъ, назначеннымъ ему въ пристава. Онъ принялъ свой приговоръ какъ заслуженное наказаніе, и въ его осанкѣ, въ его голосѣ должны чувствоваться раскаяніе, участіе къ народу, достоинство и преданность судьбѣ. Совѣсть уже не позволяетъ ему идти противъ Федора, но онъ не можетъ пристать къ Годунову; ему остаются только—тюрьма или смерть. Его слова къ народу суть его послѣднія въ трагедіи; исполнитель произнесетъ ихъ какъ можно проще, но съ большимъ чувствомъ, такъ, чтобы они сдѣлали впечатлѣніе на зрителя.

Разобравъ роль Шуйскаго, мы приходимъ къ заключенію, что это человѣкъ гордый и сильный, способный даже къ мѣрамъ суровымъ, сознательно совершающій несправедливости, когда онѣ, по его убѣжденію, предписаны общей пользою, но слабый противъ движеній своего сердца. Такіе люди могутъ приобрести восторженную любовь своихъ согражданъ, но они не созданы осуществлять перевороты въ исторіи. На это нужны не Шуйскіе, а Годуновы.

Лѣтописи не сохранили намъ наружности Ивана Петровича, но въ трагедіи она должна быть представительна. Мы можемъ вообразить его человѣкомъ высокаго роста, лѣтъ шестидесяти, съ просѣдью. Осанка его благородна, голосъ рѣзокъ, поступъ тверда, приемы съ равными повелительны, съ низшими—благосклонны.

Съ худомъ, со смердомъ ласковъ,
А съ вами горды!

говорить про него Клешининъ, и этотъ оттѣнокъ не долженъ пропасть въ исполненіи.

Ирина.

Какъ ангелъ-хранитель Ѳедора, какъ понуждающее, сдерживающее и уравнивающее начало во всѣхъ его душевныхъ проявленіяхъ, стоитъ возлѣ него царица Ирина.

Это одна изъ свѣтлыхъ личностей нашей исторіи. Русскіе и иностранцы удивлялись ея уму и восхищались ея красотой. Ее сравнивали съ Анастасіей, первой женой Ивана Грознаго, той, кому Россія обязана краткими годами его славы. Послѣ смерти Ѳедора она была единодушно признана его преемницей, и хотя тогда же постриглась подѣ именемъ Александры, но таково было къ ней уваженіе земли, что боярская дума нашла нужнымъ издавать грамоты не иначе, какъ отъ имени *царицы Александры*, до самаго избранія Годунова.

Рѣдкое сочетаніе ума, твердости и кроткой женственности составляютъ въ трагедіи ея основныя черты. Никакое мелкое чувство ей недоступно. У нея всѣ великія качества Годунова безъ его темныхъ сторонъ. Все ея честолюбіе обращено на Ѳедора. Ей больно, что онъ такъ слабъ: ей хотѣлось бы пробудить въ немъ волю: она не только не выставляетъ наружу свое вліяніе на него, но тщательно его скрываетъ, стараясь всегда оставаться въ тѣни, а его выказывать въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Она бережно обращается съ его слабостями; знаетъ его желаніе казаться самостоятельнымъ и никогда ему не перечить. Любовь ея къ Ѳедору есть любовь материнская; она исполняетъ его капризы, поддается его подразниванію, занимаетъ его, нянчится съ нимъ, но не пропускаетъ случая напоминать ему, что онъ царь, что онъ имѣетъ право и обязанности повелѣвать, гдѣ того требуетъ его совѣсть. Нѣтъ сомнѣнія, что Годуновъ преимущественно ей обязанъ своею силой; но она поддерживаетъ брата не изъ родственнаго чувства, а по убѣжденію, что онъ единственный человѣкъ, способный править царствомъ. Тѣмъ не менѣе, ее оскорбляетъ слишкомъ полное подчиненіе ему Ѳедора. Ея

хотѣлось бы, чтобы онъ не только казался, но дѣйствительно былъ господиномъ въ своемъ домѣ. Она наперекоръ брату напоминаетъ Ѳеодору, что выписать Димитрія изъ Углича— есть дѣло не государственное, но семейное, въ которомъ онъ долженъ быть судьей. Съ ея высокимъ умомъ, съ ея благородствомъ сердца, она не могла не оцѣнить Ивана Петровича Шуйскаго, и хотя не раздѣляетъ его политическихъ мнѣній, но понимаетъ его оппозицію и находитъ, что братъ ея долженъ бы склонить Шуйскаго на свою сторону, а не стараться его погубить. Она, какъ и Ѳеодоръ, хотѣла бы согласить все разнородное, примирить все враждующее, но когда это невозможно, она, не колеблясь, становится на ту сторону, гдѣ, по ея убѣжденію, правда.

Хотя роль Ирины не ярко проходитъ черезъ трагедію, но она освѣщаетъ ее всю своимъ индивидуальнымъ свѣтомъ, ибо всѣ нити событій сходятся въ Ѳеодорѣ, а Ѳеодоръ неразрывно связанъ съ Ириной.

Въ Иринѣ характеръ не выказывается сразу, какъ въ Ѳеодорѣ и въ Шуйскомъ. Она въ своей первой сценѣ видна только со стороны своей вротости, заботливости о Ѳеодорѣ и готовности попасть въ тонъ его шутивлаго настроенія. Это сцена интимная, гдѣ Ирина не царица, а добрая, любящая жена.

Въ слѣдующемъ актѣ качество это отступаетъ на второй планъ и даетъ мѣсто, въ сценѣ примиренія, другому качеству: официальной представительности. Здѣсь Ирина не иначе относится къ Ѳеодору, какъ къ государю. Къ Шуйскому она обращается какъ царица, и даже даетъ ему, хотя косвенно и осторожно, почувствовать разстояніе, ихъ раздѣляющее. Тѣмъ сильнѣе она дѣйствуетъ на Шуйскаго, когда, напомнивъ ему, что онъ слуга и подданный, она кланяется ему въ поясъ и проситъ его забыть свою вражду къ Годунову. Этотъ поклонъ и предшествующій ему монологъ Ирины должны, быть пронянуты такимъ чувствомъ и достоинствомъ, чтобы всѣмъ стало понятно, что Шуйскому невозможно противостоять имъ.

Въ концѣ третьяго акта Ирина предстоить довольно трудная нѣмая игра, съ того мѣста, гдѣ Годуновъ отражается отъ правленія, до того, гдѣ Федоръ, давъ ему уйти, бросается къ ней на шею. Всѣ страданія Федора—его немощеніе, борьба съ самимъ собой и наконецъ побѣда надъ собственною слабостью—отражаются на лицѣ Ирины участіемъ, боязнью, состраданіемъ и радостью. Нѣжность ея къ Федору, когда она обнимаетъ его, со словами:

Нѣтъ, Федоръ, нѣтъ, ты сдѣлалъ такъ, какъ должно,

имѣетъ характеръ сердечнаго порыва и провозводитъ тѣмъ полнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ сдержаннѣе будетъ передъ этимъ исполнительница.

Въ четвертомъ актѣ, въ сценѣ очной ставки, Ирина съ перваго появленія Шуйскаго догадалась, что въ немъ таится враждебный замыселъ. Она слѣдитъ съ безпокойствомъ за его выраженіемъ, и когда Федоръ требуетъ отъ него отвѣта, она съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа, чтобы спасти Шуйскаго и вмѣстѣ обязать его въ вѣрности, проситъ Федора не спрашивать его о прошедшемъ, но только взять съ него слово за будущее. Во всей этой сценѣ, а равно и въ слѣдующей, гдѣ Федоръ, узнавъ о челобитнѣ Шуйскихъ, посылаетъ ихъ въ тюрьму, Ирина своимъ благоразуміемъ, спокойствіемъ и присутствіемъ духа представляетъ контрастъ съ хлопотливостью и растерянностью Федора.

Въ пятомъ актѣ Ирина является вмѣстѣ съ княжной Мстиславской. Чувство ревности, которое такъ легко западаетъ въ сердце даже великодушной женщины, не коснулось Ирины. Въ ласковомъ обращеніи съ своей невольной соперницей она не выказываетъ преувеличенія, какъ сдѣлала бы на ея мѣстѣ другая, побѣдившая свою ревность. Съ заботливой добротой и съ женскою солидарностью она переправляетъ разстроенныя поднимая Мстиславской и не думаетъ показывать этимъ великодушіе: ея участіе и солидарность разумѣются для нея сами собою. Колѣнопреклоненіе Ирины передъ Федоромъ, ея просьба

за Шуйскаго—все должно быть просто и естественно, безъ малѣйшей торжественности. Вѣсть о смерти Шуйскаго, а потомъ о смерти Дмитрія поражаютъ ее сильно, но не лишаютъ присутствія духа, а, утѣшая Федора, она не упускаетъ изъ виду участи государства. Ея соболѣзнованіе проникнуто неопредѣленною горестью, а ея отвѣтъ Годунову, торжествующему, что ихъ пути сошлись,—тяжелымъ сознаніемъ, что дѣйствительно оба страшныя событія ихъ сблизили. Ея восклицаніе:

О, еслибъ имъ сойтись не довелось!

которымъ оканчивается ея роль, есть болѣзненный крикъ, вырвавшійся изъ самой глубины ея сердца.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ портретовъ Ирины. Одежда ея всегда богата, а въ торжественныхъ случаяхъ—великолепна. Архіепископъ ялосинскій, Арсеній, бывшій въ 1588 году въ Москвѣ, вмѣстѣ съ константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, видѣлъ ее въ длинной мантии, поверхъ бархатной одежды, осыпанной жемчугомъ. На груди у нея была цѣпь изъ драгоценныхъ камней, на головѣ корона съ двѣнадцатью жемчужными зубцами. Одежда ея боярынь была бѣлая какъ снѣгъ. Англичанинъ Герсей также говоритъ, что Ирина, въ день вѣнчанія Федора, сидѣла на престолѣ у открытаго окна, въ коронѣ, вся въ жемчугѣ и драгоценныхъ камняхъ. Въ трагедіи она перемѣняетъ одежду нѣсколько разъ, смотря по обстановкѣ, въ которой находится.

Самое задушевное желаніе Ирины—было имѣть дѣтей, и въ своемъ свиданіи съ константинопольскимъ патріархомъ она такъ трогательно просила его молить о томъ Бога, что патріархъ заплакалъ. Но Богъ не услышалъ ихъ молитвъ, и единственный ребенокъ Ирины, дѣвочка, названная Θεодосіею, умерла вскорѣ послѣ рожденія.

Во всей наружности Ирины разлито смирное достоинство. Взглядъ ея уменъ, улыбка добра и привѣтлива; каждое ея движеніе плавно, голосъ ея тихъ, и благозвученъ, скорѣе контральто, чѣмъ сопрано. Атмосфера спокойствія ее окру-

жестъ; при ней каждый свободно становится на свое мѣсто, и ему отъ этого дѣлается легко: ей присутствіе вызываетъ въ каждомъ его лучшія стороны; при ней дѣлаешься добрее; при ней дышется свободнѣе; отъ нея, по выраженію Шуйскаго, вѣетъ тихимъ лѣтомъ.

Князь Василій Шуйскій.

Объ этомъ хитромъ, но неглубокомъ человѣкѣ я говорилъ подробно въ моемъ первомъ «Проектѣ», такъ что немного придется здѣсь прибавить. Онъ представленъ у меня изобрѣтателемъ и начинщикомъ сложной козни противъ Годунова. Мастеръ въ такого рода дѣлахъ, онъ чрезвычайно остороженъ и не суется въ опасность, не упуская себѣ возможности отступленія. Онъ не прочь и свергнуть Федора, чтобы посадить на царство Димитрія; но находить, что это дѣло недостаточно подготовлено, и говорить Головину:

Такъ, зря нельзя!

По этой причинѣ, а не изъ вѣрности Федору, онъ и дядю отговариваетъ отъ возстанія. Держать же въ своихъ рукахъ нити замысловатой интриги, имѣющей за собою вѣроятіе успѣха, ему очень пріятно. Ему улыбается мысль, что духовенство и граждане, подписавъ челобитію о разводѣ, попались въ западню и должны, хотя или нехотя, идти вмѣстѣ съ Шуйскими. Онъ высказываетъ большую виртуозность въ уговариваньи Мстиславскаго отказать Шаховскому и сдѣлать изъ сестры своей царичу.

Когда его приводятъ, арестованнаго, къ Годунову, онъ не показываетъ смущенія, но говоритъ очень спокойно, что являясь челобитію ему же въ услугу. При этомъ онъ нисколько не ожидаетъ, что Годуновъ ему поверитъ, но употребляетъ этотъ неверотъ только для благовидности, чтобы перейти на

сторону Годунова не въ качествѣ переметчика, но давнишняго его приверженца. И Годуновъ, знаящій его назвось, не трогать съ нимъ лишнихъ словъ, но принимаетъ его увѣреніе въ преданности и вѣрить ей теперь, потому что она въ интересахъ Шуйскаго. Нѣкоторые критики замѣтили мнѣ, что Василій Шуйскій, сдѣлавшись такъ легко орудіемъ Годунова, играетъ невыгодную для себя роль—и я не могу съ ними не согласиться.

Нельзя дать драматическому артисту лучшаго совѣта, какъ играть Шуйскаго такъ, какъ играетъ его г. Зубровъ въ *«Дмитріи Самозванцѣ»*. Чувствую въ моей *«Смерти Иоанна»*.

Головинъ.

Этотъ также интриганъ, и въ томъ же самомъ дѣлѣ, но съ особеннымъ, индивидуальнымъ отбѣнкомъ. Онъ заносчивѣе Шуйскаго. Ставя свою цѣль выше, онъ болѣе рискуетъ и, надѣясь на свою находчивость, не подготавливаетъ себѣ задней двери на случай неудачи. Въ немъ болѣе дерзости, чѣмъ хитрости.

Лупъ-Клещинъ.

Этотъ заслуживаетъ болѣе подробнаго рассмотрѣнія. Это типъ мошенника преимущественно русскій; по крайней мѣрѣ его рѣдко встрѣчаешь между иностранцами. Можно бы назвать его мошенникомъ сугубымъ, или мошенникомъ съ перехватомъ. Каждую свою плутню онъ совершаетъ не просто, а посредствомъ другой, предварительной плутни. Такъ, напримѣръ, когда лѣстить, онъ не просто лѣстить, но посредствомъ грубости, включающей въ себѣ похвалу, и на людей не особенно тонкихъ такая лѣсть дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, тѣмъ грубѣе ея оболочка. Образчикомъ тому служить его упрекъ Федору, что онъ «пошелъ весь въ батюшку». Насъ рѣдко

оскорбляетъ обвиненіе въ порокахъ, которыхъ мы рѣшительно чужды, тѣмъ менѣе — обвиненіе въ напishней силѣ. А Ѳедору такой упрекъ — настоящая лафа. Какъ ему не согласиться, что онъ дѣйствительно суровъ и крутъ, когда его обвиняютъ въ томъ его дядька, старый, испытанный слуга, извѣстный своей простотой и откровенностью? Мало-по-малу этотъ приѣмъ перешелъ Клепшину въ привычку, и онъ грубить даже безкорыстно. Для Годунова такой человѣкъ — находка. Когда ему нужно, чтобы что-нибудь было высказано, чего онъ самъ не хочетъ высказать, по принятому правилу сдержанности и скромности, то высказываетъ Клепшинъ безъ обиняковъ, а Годунову остается только извинять его простоту. Клепшинъ же преданъ Годунову столько же изъ личныхъ выгодъ, сколько отъ скрытаго презрѣнія къ Ѳедору. Онъ не въ состояніи понять Ѳедоровой благодати, и откровенно предпочитаетъ ему батюшку Ивана Васильича, который ни съ кѣмъ долго толковать не изволялъ. Клепшинъ — человѣкъ очень рѣшительный, ничѣмъ не стѣсняющійся, безъ совѣсти и предвзвѣдковъ, не бѣлоручка и большой циникъ. Онъ изъ числа тѣхъ людей, которые говорятъ: «Мы люди простые, люди русскіе! Рука не моему, ковшей не положемъ! То все про большихъ господъ, про бояръ, да про нѣмцевъ, а нашъ братъ по простотѣ: морду зоветъ рыломъ, а пощечину — оплеухой!» И за этой простотой, за этою грубостью, таится цѣлый механизмъ коварства. Впрочемъ Клепшинъ мало кого обманываетъ: онъ для этого недовольно изворотливъ; да оно ему и ненужно; съ него довольно, чтобы его боялись, какъ Годуновскаго человѣка, и сторонились отъ него, какъ отъ быка.

Въ его роли два важныя мѣста: вербованіе Василисы Волоховой и очная ставка съ княземъ Иванъ-Петровичемъ. Оба мѣста сами по себѣ понятны и не требуютъ поясненій.

Предложеніе его ѣхать въ Угличъ, на слѣдствіе, исполнитель долженъ сказать обдумавши его хорошенько; оно

знаменательно для всей трагедии и намекает на исторический фактъ.

Наружность Клепнина грубая, циническая, а взглядъ его воющий. Онъ въ послѣдствіи убоился огня ада, пошелъ въ монастырь и посхимился подъ именемъ отца Левкія.

Князь Туренинъ.

Это роль не трудная, заключающаяся только въ непримиримой враждѣ къ князю Ивану Шуйскому, которая должна быть выставлена какъ можно ярче. Такъ какъ между его первымъ и вторымъ появленіемъ есть большой промежутокъ, то наружность его должна быть очень замѣтна, дабы, когда онъ ведетъ Ивана Шуйскаго въ тюрьму, зритель тотчасъ его припомнилъ и узналъ, что именно Туренинъ, а не кто другой, кому теперь поручается участь Шуйскаго. Выраженіе Туренина — мрачное и мстительное.

Василиса Волохова.

Роль очень эффектная и не совсѣмъ легкая, если не брать ее съ одной внѣшней стороны. Изъ разныхъ ея проявленій зритель долженъ еще до сцены съ Клепнинымъ, составить себѣ полное понятіе о характерѣ Волоховой, такъ чтобы ея готовность совершить преступленіе его не удивила. Клепнинъ опредѣляетъ ее вѣрно, говоря про нее:

На всѣ пригодна рука:
Гадальница, лекаря, сваха, сводня,
Усердла къ Богу, съ чортомъ не къ раздѣ.

Единственный двигатель всѣхъ дѣйствій Волоховой — это деньги. Изъ-за нихъ она пускается на всевозможныя ремесла и, какъ Протей, принимаетъ всевозможные виды. У нея, какъ

у Клеппина, нѣтъ ничего святаго, но она съ большою готовностью подлаживается подъ всѣ вкусы. Цинизмъ ея не менѣе базетыденъ, чѣмъ цинизмъ Клеппина, но онъ гораздо наивнѣе, ибо она судить обо всѣхъ по себѣ, и высказываетъ часто самыя рискованныя убѣжденія, полагая, что кто не дуракъ, у того и быть иныхъ не можетъ. Въ молодости она была баба веселая, нестрогая къ добрымъ молодцамъ, когда къ ней обращались не съ пустыми руками; теперь же она принимаетъ большое участіе въ сердечныхъ дѣлахъ другихъ: кого посватаетъ, кому и такъ доставить свиданіе. Ея мнѣніе о людяхъ самое низкое: она полагаетъ, что нѣтъ человѣка, который за деньги не сдѣлажъ бы всего на свѣтѣ, не отравилъ бы отца и матери; но это, по ея словамъ, отъ немощи человѣческой и быть иначе не можетъ; стало, тутъ нѣтъ ничего и дурного, а глупъ тотъ, кто ближняго не бережется, а паче всего—собственныхъ дѣтей: на то и разумъ человѣку данъ.

Она большая богомолка, охотница прикладываться къ иконамъ, знаетъ всѣхъ московскихъ игуменій и игуменовъ и вхожа въ лучшіе дома. Боярыни отъ нея души не чаютъ; она имъ и солить, и варить, и лѣтники кроить, и ферязи шить, а боярышнямъ про суженыхъ гадаетъ; а боярамъ отъ разныхъ скорбей напештываетъ; а всѣмъ вмѣстѣ переносить сплетни изъ дома въ домъ; однихъ поссорить, другихъ помирить, и съ обѣихъ сторонъ выпросить себѣ подарковъ. Самые сложные обряды она знаетъ наизусть, и нѣтъ свадьбы, и нѣтъ помолвки, и нѣтъ крестинъ, и нѣтъ именинъ, и нѣтъ похоронъ, гдѣ бы она не играла роли. За каждый свой совѣтъ, за каждую услугу она получаетъ — отъ кого ширинку, отъ кого пару соболей, отъ кого деньги, и все это причется подъ замокъ, отъ котораго ключъ она носить на шеѣ, вмѣстѣ съ образками и ладанками. Она любитъ говорить про свою нищету и вдовье сиротство, но она не робкаго свойства; за словомъ въ карманъ не подѣзаетъ, и, при случаѣ, великая мастерица ругаться. Бываетъ, что иной

бояринъ, который правомъ покруче, велить за какую-нибудь продѣлку согнать ее со двора; но она, вышмыгивая изъ воротъ, успѣетъ при всей дворнѣ насулить ему такую кучу равныхъ бѣдъ, что, узнавъ о томъ, бояринъ привадумается. А если вскорѣ захвораетъ въ домѣ ребенокъ или начнется пожаръ, то на представленіи жены бояринъ скажетъ: «Ну, ну, добро, попли этотъ кошель чортовой бабѣ, чтобъ она порчи у насъ не чинила!»

Типъ ея, съ необходимыми измѣненіями, сохранился до нашего времени, и потому наружность ея и приемы не требуютъ описанія. Не думаю, чтобы кто-либо могъ передать Волохову лучше нашей заслуженной, необыкновенно умной и тонкой артистки—г-жи Ливской.

Нянь Шаховской и нянька Мстиславская.

Эти два лица играютъ хотя краткую, но необходимую роль въ трагедіи, по ихъ органической связи съ ея механизмомъ: безъ Мстиславской не было бы отказа Шаховскому; безъ Шаховского Федоръ не послалъ бы Шуйскихъ въ тюрьму. Но оба лица, какъ эпизодическія, особенно Мстиславская, едва очерчены и не даютъ времени исполнителямъ углубиться въ ихъ характеры. Мстиславская—красивая дѣвушка, привязанная къ своему дядѣ и воспитателю, Ивану Шуйскому, котораго она очень боится; жениха же своего, Шаховского, она любитъ и сильно съ нимъ кокетничаетъ.

Шаховской—красивый, удалой молодецъ, благородный, отважный, ловкій во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, но не легко связывающій двѣ идеи вмѣстѣ. Отличительная его черта—необдуманность, и критика, порицаая его за этотъ недостатокъ, доказала свою проницательность, равно какъ и открытіемъ, что Иванъ Петровичъ Шуйскій неспособенъ быть главою политической партіи.

митрополитъ Діонисій, архіепископъ Іовъ, архіепископъ Варлаамъ и прочія духовныя лица.

Хотя ни одному изъ нихъ не суждено явиться на сцену иначе, какъ *инкогнито*, но для полноты обзора не мѣшаетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Діонисій былъ человѣкъ достойный, всѣми уважаемый, заслужившій отъ современниковъ, своею ученостію и краснорѣчіемъ, прозваніе *мудраго грамматика*. Главной его заботой было расширеніе церковныхъ правъ. Онъ не поддавался Годунову, которому не разъ приходилось его задабривать, и грамота, врученная ему во второмъ актѣ, есть фактъ историческій. Когда начался процессъ Шуйскихъ, онъ и крутицей архіепископъ Варлаамъ — оба энергически протестовали противъ ихъ осужденія, и оба были сведены съ престоловъ. Іовъ же, напротивъ, архіепископъ ростовскій, всегда держалъ сторону Годунова и былъ возведенъ въ санъ патріарха всея Руси. Роль его въ дѣлѣ объ убійствѣ царевича Димитрія — очень незавидная. Экономія трагедіи не допускала развитія святительскихъ характеровъ, но въ ней сохранены самостоятельность Діонисія и подвострастіе Іова. На сценѣ они могутъ показаться только въ условномъ видѣ *старцевъ*, равно какъ и благовѣщенскій протопопъ, и чудовскій архимандритъ. Духовника же Федора можно и вовсе исключить.

Богданъ Курюковъ и прочіе нулцы.

Роль первого требуетъ нѣкотораго поясненія; другіе только способствуютъ колориту трагедіи. Курюковъ — человѣкъ минувшаго вѣка, когда еще значеніе удѣльныхъ князей было только побѣждено, а не вовсе уничтожено. Въ его время народъ принималъ еще участіе въ дѣлахъ земли, и сочувствіе его давало перевѣсъ той или другой сторонѣ. На него опирались полити-

ческія партіи съ успѣхомъ, не такъ, какъ попытался опереться Шуйскій, когда уже царь Иванъ истолокъ, какъ наступѣ, всѣ историческія отношенія, связывавшія народъ съ удѣльнымъ княжествомъ. Курюковъ еще помнитъ эти отношенія и держится ихъ свято. Другіе вѣшцы привержены къ Шуйскимъ болѣе по тождественности ихъ интересовъ и по личному сочувствію; но для Курюкова Шуйскіе представляютъ знамя, которому онъ служитъ по преданію и за которое умираетъ. Это одна изъ тѣхъ богатырскихъ фигуръ до-Петровскаго времени, про которыя полянкъ Пасекъ говоритъ, что когда онѣ стояли въ сомкнутомъ строю, съ бердышами въ рукахъ, то казалось, что идешь «на отцовъ родныхъ». Но въ трагедіи Курюковъ является уже какъ развалина былого, навсегда пропедшаго времени. Онъ сталъ слабъ и болтливъ, и часто заговаривается; только когда дѣло идетъ о Шуйскихъ, онъ находитъ свою прежнюю ясность и прежнюю энергію. Лицо его умно и добродушно; ростъ высокъ, вся фигура живописна.

Иванъ Красильниковъ и Голубъ-сынъ—оба дюжіе молодцы, особенно второй. Ихъ ролей не слѣдуетъ давать тщедушнымъ статистамъ—иначе выйдетъ смѣшное противорѣчіе между ихъ наружностью и приписываемой имъ силой. Одно изъ назначеній обоихъ—это показать неизгладившіяся еще или возобновившіяся послѣ Іоанна отношенія взаимнаго довѣрія между народомъ и боярствомъ.

Няязъ Андрей, Дмитрій и Иванъ Шуйскіе; князь Мстиславскій и князь Хворостининъ.

Всѣ три Шуйскіе были обвинены въ измѣнѣ и сосланы въ заточеніе, гдѣ одновременно съ Иваномъ Петровичемъ удушены, также Иванъ Ивановичъ и Андрей Ивановичъ. Послѣдній, настаивающій въ третьемъ актѣ на убіеніи Годунова, былъ признанъ главнымъ преступникомъ.

Желательно, чтобы у всѣхъ троихъ въ осанкѣ и приемахъ была видна родственная черта гордой независимости, которою они, вмѣстѣ съ Иваномъ Петровичемъ, отличаются въ большей мѣрѣ, чѣмъ другіе бояре, ихъ сторонники.

О Хворостининѣ и Мстиславскомъ не могу сказать ничего, кромѣ того, что первый былъ извѣстенъ умомъ и воинскою доблестью, а второй, подобно своему отцу, постриженному Годуновымъ, — одною доблестью. У Мстиславскаго есть сцена, требующая большой живости въ исполненіи, именно сцена, гдѣ онъ даетъ отказъ Шаховскому.

Федюнь Стариковъ.

Этотъ шпионъ, слуга князя Ивана Петровича и его предатель, почти вовсе не говорить, но является въ трехъ важныхъ мѣстахъ трагедіи. Чтобы придать ему нѣкоторую оригинальность, я предлагаю представлять его сѣдымъ человѣкомъ, самаго почтеннаго вида, котораго одна наружность вселяетъ довѣріе. Онъ какъ будто ничего не видитъ и не знаетъ, кромѣ своей должности дворецкаго, но когда на него не смотреть, глаза его бѣгаютъ какъ мыши, а уши такъ и навастриваются. Если за эту роль возьмется умѣющій, она дастъ ему случай къ интересной нѣмой игрѣ.

Гусляръ.

Онъ долженъ быть молодъ, а не старъ, чтобы его наружность составляла контрастъ съ Курюковымъ. Пѣсня его о Шуйскомъ передѣлана изъ настоящей народной пѣсни, и большая часть стиховъ сохранена. Очень важно подобрать подъ нихъ приличный напѣвъ, чтобы несвѣдающій въ археологіи исполнитель не вадумалъ угостить публику какими-

нибудь романсомъ. Худшей услуги онъ бы не могъ оказать народной сценѣ на Яузскомъ мосту.

Въ собраніи Стаховича онъ найдетъ характерные и подходящіе мотивы. Одежда гусляра бѣдна, но опрятна.

Нищіе.

Эти должны быть въ лохмотьяхъ, и чѣмъ они будутъ оборваннѣе, тѣмъ живописнѣе выйдетъ послѣдняя картина. Когда Годуновъ со Мстиславскимъ уходятъ со сцены, а бояре и народъ спѣшать за ними, нищіе затыгиваютъ псаломъ, но такъ тихо, что онъ только слышится сквозь послѣдній монологъ Федора, но его не заглушаетъ. Нѣкоторыя особенности одежды, а главное оригинальный народный напѣвъ—можно найти въ *«каликахъ переходящихъ»* г. Безсонова.

Декорации.

Большая часть декораций *«Смерти Иоанна Грознаго»* годится и для *«Царя Федора»*; но если онъ будетъ данъ, то надобно сдѣлать три новыя:

Первую, въ началѣ третьяго акта:

Садъ князя Ивана Петровича Шуйскаго.

На первомъ планѣ кусты смородины и большіе (подсолнечники; въ сторонѣ заборъ съ калиткой; въ глубинѣ прудъ, съ отраженіемъ въ немъ звѣзднаго неба, и крыльцо княжескаго дома, по которому сходятъ дѣйствующія лица. Сначала ночь, потомъ занимающаяся заря.

Вторую, въ концѣ четвертаго акта:

Мостъ черезъ Язу.

Онъ долженъ идти отъ зрителей въ глубину сцены, немного наискось, чтобы все на немъ происходящее было видно. За рѣкой уголъ укрѣпленія съ воротами, черезъ которые выводять Шуйскихъ на мостъ. Вдали—рощи и монастыри.

Третью, въ концѣ пятаго акта:

Площадь передъ Архангельскимъ соборомъ.

Церковныя врата должны находиться на первомъ планѣ, справа или слѣва, ибо вся сцена происходитъ у самаго собора.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

При неустановившейся еще у насъ театральной критикѣ, при отсутствіи общепринятой теоріи драматической игры, артисты наши бываютъ постоянно сбиваемы самыми разнородными взглядами не только на ихъ исполненіе, но и на основныя правила искусства.

Да будетъ же мнѣ позволено, не вдаваясь въ подробную теорію, которой здѣсь не мѣсто, заявить только о коренномъ законѣ, долженствующемъ руководить исполнителей всякой серьезной драмы. Законъ этотъ для нихъ тотъ же самый, какъ и для драматическаго поэта: онъ предписываетъ взаимное проникновеніе идеализма и реализма, или, простыми словами, соединеніе правды съ красотою.

Подлая и голая правда есть предметъ науки, а не искусства. Искусство не должно *противорѣчить* правдѣ, но оно не принимаетъ ее въ себя *всю*, какъ она есть. Оно беретъ отъ каждаго явленія только его типическія черты и отбрасываетъ все несущественное. Этимъ живопись отличается отъ фото-

графія, поэзія отъ исторіи и, въ частности, драма отъ драматической хроники. Иллюзія, проводимаая искусствомъ, не должна быть иллюзіей полнаго обмана. Удовольствіе, ощущаемое нами при видѣ художественнаго портрета, есть иное чувство, чѣмъ созерцаніе оригинала въ зеркалѣ. Напротивъ, оригиналъ часто бываетъ намъ непріятенъ, а воспроизведеніе насъ привлекаетъ. Причина тому, что живопись (когда она достойна этого имени) отбрасываетъ все, что въ оригиналѣ случайно, незначительно, *индифферентно*, и сохраняетъ только его сущность. Она возводитъ единичное явленіе природы въ типъ или идею, другими словами, она его *идеализируетъ* и тѣмъ придаетъ ему красоту и значеніе. То же дѣлаетъ драматургъ съ историческимъ событіемъ; то же должны дѣлать съ нимъ и драматическіе исполнители, которыхъ обязанность—облечь въ плоть и кровь идею драматурга. Какъ его фигуры въ драмѣ не суть повторенія живыхъ личностей, но идеи этихъ личностей, очищенные отъ всего, что не принадлежитъ къ ихъ сущности, такъ и драматическій артистъ долженъ въ исполненіи владѣть собою отъ всего, что не составляетъ сущности его роли, но тщательно отыскивать и воспроизводить всѣ эти типическія черты. Его игра должна быть согласна съ природой, но не быть ея повтореніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Юлію Кесарю случалось иногда кашлять и чихать, какъ и всѣмъ другимъ смертнымъ, и художникъ, который въ его роли задумалъ бы кашлять и чихать, не отступилъ бы отъ природы, но онъ своимъ реализмомъ умилилъ бы идею Юлію Кесаря, ибо его сущность состояла не въ чиханьи, которое онъ раздѣлялъ и съ другими римлянами, но въ чертахъ, ему одному принадлежащихъ. Исполнитель серьезной роли не долженъ забывать, что при ограниченности драматической рамы, каждое его движеніе, каждая его интонація имѣютъ значеніе; онъ не долженъ позволять себѣ ничего лишняго и не долженъ упускать ничего существеннаго: однимъ словомъ, онъ долженъ проникнуться *идеей*, имъ представляемой, и постоянно держаться на ея высотѣ,

имѣя въ виду *идеальную*, а не реальную правду. Я настаиваю на этомъ законѣ такъ положительно потому, что онъ найденъ не мной, а Аристотелемъ. Къ нему же пристали всѣ великіе критики нашего времени, въ томъ числѣ Лессингъ и Гёте, и въ этомъ смыслѣ онъ можетъ по справедливости назваться закономъ европейскимъ. Хотя многіе у насъ находятъ, что мы не обязаны подчиняться этимъ законамъ, «потому, что мы не европейцы»,—подождемъ, чтобы Азія, или Новая Голландія нислали намъ болѣе вѣрную эстетику, или же чтобы явились особенные русскіе законы искусства, которые еще не открыты, но скоро должны открыться; а до того, за неимѣніемъ лучшаго, будемъ держаться, какъ въ техникѣ драмы, такъ и въ ея исполненіи, законовъ европейскихъ, подъ опасеніемъ попасть въ беззаконность.

Если бы кто нашелъ, что все сказанное мною разумѣется само собой, и что я, по французскому выраженію, заламываю незамкнутую дверь,—я тому отвѣчу, что совершенно съ нимъ согласенъ, но въ оправданіе себѣ укажу на распространившуюся доктрину о какихъ-то *русскихъ началахъ*, на которыхъ должны у насъ развиваться наука и искусство.

Есть русскіе нравы, русская фивіогномія, русская исторія, русская археологія, есть даже русское искусство—но нѣтъ *русскихъ началъ искусства*, какъ нѣтъ русской таблицы умноженія. Нѣтъ, въ строгомъ смыслѣ, и *европейскихъ началъ*, а есть начала абсолютныя, общія, вѣчныя. Можно сомнѣваться въ вѣрности ихъ опредѣленія, но не ихъ существованія; можно спорить о ихъ сущности, но не о ихъ примѣнимости. И если бы даже которое-нибудь изъ этихъ началъ не было достаточно уяснено, то съ минуты своего уясненія оно станетъ обязательно для всѣхъ націй безъ исключенія. Которое же изъ нихъ признано годнымъ для одного народа, то годно для всѣхъ народовъ, ибо передъ законодательствомъ искусства нѣтъ привилегированныхъ классовъ.

Съ этими абсолютными началами не слѣдуетъ смѣшивать ни ту національную фивіогномію, которую *невозможно* высказы-

васть каждый драматургъ и каждый исполнитель и которая, въ иныхъ случаяхъ, бываетъ недостаткомъ; ни тѣ національныя особенности, которыя принадлежать *по праву* всѣмъ драматическимъ лицамъ, смотря по ихъ народности, и съ которыми соображаться есть долгъ и обязанность. Мы требуемъ какъ отъ драматурга, такъ и отъ исполнителя, чтобы каждое лицо дѣйствовало въ правахъ своей націи (русская ли она, или другая — все равно), и несоблюденіе этого правила заслуживаетъ порицанія; но иное — грѣшить противъ національности, иное — противъ законовъ искусства, и каждый изъ этихъ проступковъ подлежитъ особой подсудности. Спутывать *національные права* съ *небывальными національными началами искусства* — значитъ вносить неясность въ понятія не только артистовъ и публики, но и самихъ писателей. Такъ называемая живая струя, «которая бьетъ изъ самобытнаго родника русскаго творчества», если она рождаетъ дѣйствительно художественныя произведенія, бьетъ, безъ сомнѣнія, изъ родника общаго всему художеству, какъ бы ни были національны ея краски. Если же она бьетъ изъ другого источника, то, при всей національности красокъ, никогда ничего не произведетъ истинно-художественнаго. Туманныя выраженія въ родѣ: «своеобычная форма историческаго развитія русскаго народа», или «родовыя черты бытового начала», или «условія родовыхъ отличій русской жизни» и такъ далѣе, которыя выдаются намъ за предтечи новыхъ, оригинальныхъ законовъ творчества, переводятся очень просто словами: *русскіе права, русская физиогномія*. Само собою разумѣется, что держаться этихъ условій на русской сценѣ есть долгъ какъ драматурга, такъ и исполнителя, но нѣтъ причины давать этому простому правилу какой-то глубокой таинственный смыслъ. Писатель, который заставилъ бы Дмитрія Донскаго пѣть серенаду подѣ балкономъ своей возлюбленной, или актеръ, который въ роли Пожарскаго сталъ бы расшаркиваться, держа шапку подѣ мышкой, оба провинились бы не передъ русскими началами искусства, а передъ русскими правами и русской физиогноміей. И странно было бы говорить про нихъ,

что они нарушили «своеобычныя условія родовыхъ отличій», или приписывать ихъ неспособность тому, что еще не открыта какая-то «струя» или «своеобычная форма русской исторической драмы». Такого рода фразы затемяютъ самыя простыя понятія и уподобляются ученому, глубокомысленному отыскиванію руна-вицъ, торчащихъ за поясомъ.

И такъ, пусть не смущаются ими наши исполнители, но, оставаясь русскими съ головы до ногъ, тѣмъ не менѣе свято соблюдаютъ общіе законы искусства, обязательныя для всѣхъ націй, и не упускаютъ изъ вида главнаго изъ нихъ: *закона идеальной правды*, который есть краеугольный камень всякаго художества.

Въ заключеніе скажу, что какому бы искусству мы себя ни посвятили—оно никогда не дается намъ даромъ, и что если нѣтъ художника безъ вдохновенія, то одно вдохновеніе не составляетъ художника. Какія бы ни были природныя дарованія живописца, водчая, ~~двигателя~~ музыканта или поэта, если они не подвергнутъ себя *самой строгой дисциплинѣ*, они не возвысятся надъ посредственностью. Успѣхъ же, приобретаемый ими иногда на счетъ честнаго исполненія дѣла, есть стыдъ, а не торжество.

Первая степень дисциплины драматическаго артиста — это буквальное изученіе своей роли; вторая — присвоеніе себѣ передаваемаго характера въ малѣйшихъ подробностяхъ, съ отбрасываніемъ всего, что не составляетъ его сущность; третья — согласованіе своей роли съ прочими ролями пьесы, и держанія себя на подобающемъ градусѣ яркости, ни выше, ни ниже.

Это согласованіе ролей, которое называется у насъ неприятнымъ именемъ ансамбль и которое можно бы замѣнить словомъ *дружественность*, есть преимущественно дѣло режиссера. Оно такъ важно, что безъ него никакое художественное исполненіе немыслимо. Живописецъ, ваятель, водчій или поэтъ завязать каждый отъ себя самого; но драматическій артистъ, равно какъ и музыкантъ, участвующій въ симфоніи,

зависать каждый от своих товарищей, какъ и эти отъ него зависать. Матѣннее между ними несогласіе производить диссонансъ, разладину, фальшь, и отвѣтственность за это лежать на режиссерѣ, который есть капелмейстеръ труппы.

Мы удивляемся иногда, что между драматическими художниками, которыхъ общее согласіе единственно упрочиваетъ успѣхъ ихъ общаго дѣла, такъ трудно найти это согласіе, но причина тому въ самомъ существѣ ихъ искусства. Исполнитель живетъ только въ настоящемъ времени; въ немъ одномъ лежатъ его успѣхъ и торжество. Другіе художники, если они не признаны современниками, могутъ надѣяться на одобреніе потомства; исполнитель ожидаетъ его только отъ современниковъ. Отсюда его жажда рукоплесканій; отсюда его уступки вкусу публики, хотя бы этотъ вкусъ противорѣчилъ его артистическимъ убѣжденіямъ; отсюда его желаніе быть замѣченнымъ во что бы то ни стало, хотя бы въ ущербъ пьесѣ. Но дѣйствующій такъ, описывается. Правда окончательно беретъ верхъ надъ неправдой, и хоть у исполнителя короче срокъ, чѣмъ у другого художника, чтобы представить публику его оцѣнить, но жизни его на это достаточно. Вспомнимъ покойнаго Щепкина, который, никогда не спускаясь до уровня толпы, тѣмъ самымъ заставлялъ толпу подыматься до его высоты. Художникъ, жертвующій своею совѣстью минутному торжеству, перестаетъ быть художникомъ, ибо онъ забываетъ, что уже одно служеніе искусству включаетъ въ себя свою награду. Пусть лучше, онъ останется непризнаннымъ, пусть лучше вся пьеса упадетъ и провалится, чѣмъ допустить посвятительство на достоинство искусства! Въ этой области, болѣе чѣмъ во всякой другой, должно царить правило: «Вернися правда, хоть снѣтъ пропадай!» Fiat justitia, pereat mundus!

Красный-Рогъ, Чернигов. губ.

Сентябрь, 1868.

Гипотеза М. М. Станисевича, СПб., Евр. Ост. 5 л. 28.